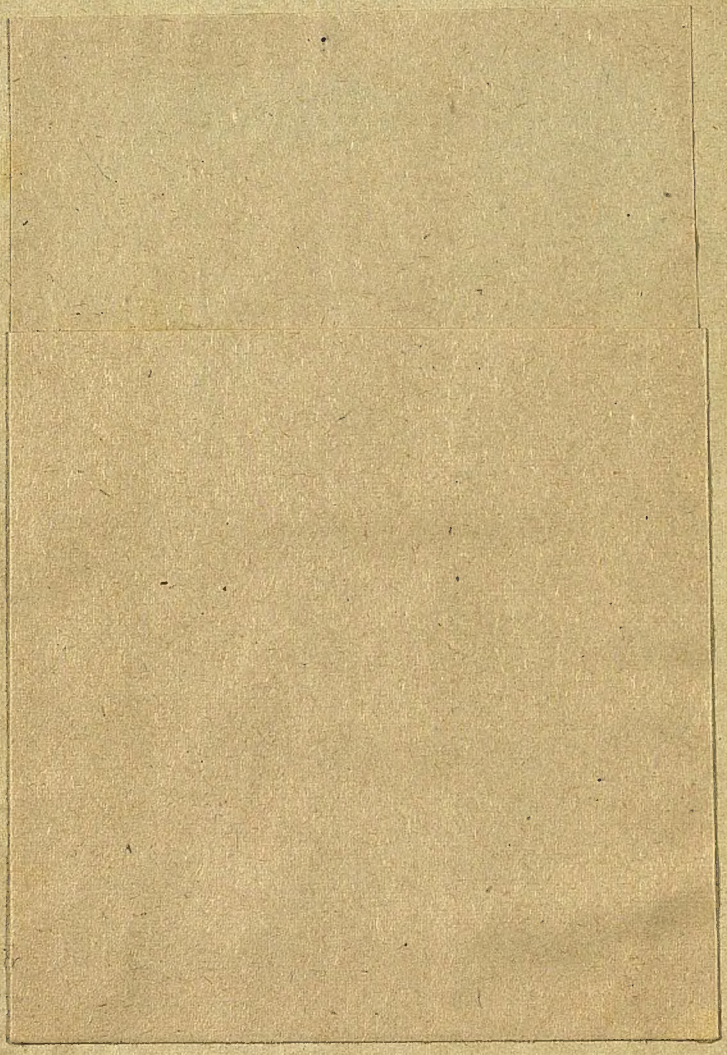
Русская Старина

№ 5

1906 г.



Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московского Совета
Профессиональных Союзов.

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московскаго Совета
Рабочих Депутатов

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVII-й. МАЙ. 1906 годъ.

Книга на дом не выдается

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Записки княгини Дашковой . . . . . 233—279
II. Замѣтки и воспоминанія В. М. Флоринскаго . . . 280—323
III. Въ Болгаріи. (Воспоминанія офицера генеральнаго штаба) П. Паренсова 324—340
IV. Записки В. А. Инсарскаго. 341—377
V. Русская жизнь XVIII в. по романамъ и повѣстямъ . . . . . 378—400
VI. Историческія замѣтки: Екатерина Медичи и реформація во Франціи . 401—441
Моро, соперникъ Бонапарта. . . . . 441—459
VII. Библіографич. листокъ (на оберткѣ).

1939 А

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1906 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

49 г.

МДК

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1906.

V-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го мая 1906 года.

Библіографическій листокъ.

Исторія чумныхъ эпидемій въ Россіи съ основанія государства до настоящаго времени. Д-ра мед. Ф. А. Дёрбекъ.

Исторія медицины и повальныхъ болѣзней въ Россіи вообще мало изслѣдована. Можно сказать, что единственнымъ цѣннымъ историческимъ сочиненіемъ до сихъ поръ былъ колоссальный трудъ Рихтера. Но это сочиненіе было написано въ 1815 г. и обхватываетъ исторію медицины только до второй половины XVIII в. Исторія эпидемическихъ болѣзней, входя въ составъ исторіи медицины, составляетъ въ то же время часть исторіи цивилизаціи.

Разсматриваемый нами трудъ д-ра Дёрбекъ даетъ полную картину чумныхъ эпидемій въ Россіи, и его нельзя не признать капитальнымъ вкладомъ въ нашу литературу по этому вопросу.

Изъ отношенія народа къ повальнымъ болѣзнямъ можно судить о степени культурности его: чѣмъ ниже народъ стоитъ въ культурномъ отношеніи, тѣмъ онъ безпомощнѣе по отношенію къ разнаго рода вреднымъ внѣшнимъ вліяніямъ, въ томъ числѣ и къ эпидемическимъ болѣзнямъ,—тѣмъ свободнѣе эти послѣднія распространяются среди него. Просматривая исторію повальныхъ болѣзней съ древнѣйшихъ временъ, можно замѣтить, что эти болѣзни, производившія страшныя опустошенія въ болѣе отдаленныя эпохи, становятся слабѣе въ качественномъ и количественномъ отношеніяхъ по мѣрѣ приближенія къ настоящему времени. То же самое наблюдается при сравненіи дѣйствія эпидемическихъ болѣзней среди разныхъ современныхъ народовъ, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ цивилизаціи: эпидемія, находя отпоръ у цивилизованнаго народа, встрѣчающаго ее въ лицѣ своихъ представителей-врачей во всеоружіи науки, уноситъ изъ его среды лишь небольшое число жертвъ,—въ то же время безпрепятственно свирѣпствуя среди ниже стоящаго въ культурномъ отношеніи народа, не обладающаго тѣми знаніями, которыя необходимы для успѣшной борьбы съ нею.

Въ концѣ XIX и въ началѣ текущаго столѣтія чума обратила на себя усиленное вниманіе врачей и правительствъ вслѣдствіе того, что послѣ долголѣтней локализаціи исключительно на Востокѣ, она стала распространяться и проникать въ такія страны, въ которыхъ ея не видали уже издавна, и даже въ такія, въ которыхъ ея раньше никогда не было. Это распространеніе объясняется усиленнымъ сообщеніемъ между собою такихъ странъ, которыя въ прежнія времена были болѣе или менѣе отдѣлены другъ отъ друга, а причина усиленнаго сообщенія заключается въ развившихся за послѣднее время болѣе оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ Востока съ Западомъ. Чума передвигается съ Востока на Западъ, гдѣ поражаются прежде всего страны, поддерживающія тѣсныя торговыя сношенія съ Востокомъ. Въ Западной Европѣ чума появляется прежде всего въ портовыхъ городахъ, куда она завозится судами.

Историческое изслѣдованіе чумныхъ эпидемій въ Россіи представляетъ громадный интересъ. Д-ръ Дёрбекъ, въ своемъ обстоятельномъ трудѣ, прежде всего знакомитъ насъ съ исторіею повальныхъ болѣзней въ Россіи до появленія черной смерти. Источниками для него въ этомъ отношеніи служила главнымъ образомъ лѣтопись въ различныхъ ея спискахъ. Во всѣхъ лѣтописяхъ очень обстоятельно описывается эпидемія 1352 года. Чума появилась въ Псковѣ лѣтомъ 1352 г. и, повидимому, сразу приняла обширные размѣры. Заболѣвали и умирали люди всѣхъ сословій, всѣхъ возрастовъ. Смертность была громадная. Священники, не успѣвая хоронить мертвыхъ, велѣли привозить всѣ трупы въ церковные дворы, гдѣ они хоронили ихъ на слѣдующее утро всѣ вмѣстѣ. За ночь накоплялось до 30-ти и болѣе труповъ у каждой церкви. Въ одинъ гробъ клали по 3—5 труповъ. Всѣхъ обуяли страхъ и ужасъ. Повсюду царила паника. Видя вездѣ и постоянно передъ собою смерть и считая роковой исходъ неизбѣжнымъ, многіе стали помышлять только о спасеніи души, уходили въ монастыри, раздавали имущество свое, иногда и дѣтей, постороннимъ. Вскорѣ, однако, оказалось, что при такой раздачѣ имущества или при поступленіи дѣтей изъ вымороченыхъ домовъ въ здоровые передавалась зараза, и въ новыхъ домахъ всѣ заболѣвали и умирали. Тогда всѣ стали бояться принимать что-либо отъ другихъ, страхъ еще усилился, здоровые бѣжали отъ больныхъ, предоставляя ихъ своей судьбѣ, родные отказывались хоронить родныхъ. Зато бывали, наоборотъ, примѣры великодушія и самоотверженія: нѣкоторые граждане, забывъ страхъ и не заботясь о собственномъ спасеніи, отдавались служенію ближнимъ, ухаживали за больными, заботились объ оставшихся сиротахъ, хоронили чужихъ мертвыхъ. Изъ Пскова чума перешла въ Новгородъ, Ладогу, Суздаль, Смоленскъ, Черниговъ, Кіевъ и распространилась по всей Россіи. Въ городахъ Глуховѣ и Бѣлозерскѣ вымерли всѣ жители. Относительно Москвы въ лѣтописяхъ не имѣется свѣдѣній, но, въ виду того, что лѣтописцы говорятъ, что моръ распространился по всей землѣ Русской, нужно думать, что онъ не пощадилъ и Москвы, гдѣ умерли въ короткое время митрополитъ Ѳеогностъ, великій князь Симеонъ Іоанновичъ Гордый, два сына и братъ его, вѣроятно, отъ чумы (1353 г.). Ни о лѣченіи, ни о мѣрахъ предупрежденія заразы въ лѣтописяхъ ничего не упоминается. Врачи въ то время въ Россіи состояли только при князьяхъ и не имѣли никакого значенія для народа, а о предупрежденіи болѣзни, несмотря на очевидную заразительность ея, въ Россіи заботились такъ же мало, какъ въ остальной Европѣ. Отсутствіе предупреждающихъ мѣръ, непониманіе и несоблюденіе самыхъ элементарныхъ требованій гигіены, нечистоплотность, общая некультурность,—

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московскаго совѣта
Профессіональныхъ Союзовъ.

Записки княгини Дашковой.

XIV [1]).

Я составила себѣ планъ помѣстить сына въ Эдинбургскій университетъ и устроиться въ этомъ городѣ на все время его академическаго курса. Съ этой цѣлью я написала ректору Робертсону, знаменитому историку, предупредивъ его о своемъ желаніи отдать тринадцатилѣтняго мальчика въ университетъ, подъ его покровительство; съ тѣмъ вмѣстѣ я просила совѣта и наставленія его во всемъ, что было необходимо для достиженія моей цѣли.

Робертсонъ, отвѣчая мнѣ, совѣтовалъ подождать два или три года, затѣмъ, чтобы дать молодому Дашкову болѣе зрѣлыя приготовительныя знанія; но, несмотря на его юность, я такъ вѣрила въ его прилежаніе и успѣхи, что безъ всякой похвальбы извѣстила Робертсона о познаніяхъ моего сына; онъ уже отлично зналъ латинскій языкъ, значительно познакомился съ математикой, исторіей и географіей; кромѣ французскаго и нѣмецкаго языковъ, онъ настолько понималъ англійскій, что могъ на немъ читать, хотя говорилъ еще съ затрудненіемъ.

По окончаніи сезона на водахъ въ Спа, мы отправились въ Англію и, остановившись на самое короткое время въ Лондонѣ, двинулись въ Шотландію. Въ дорогѣ мы провели нѣсколько дней въ домѣ лорда Суссексъ, гдѣ я познакомилась съ мистеромъ Уильмотъ, отцомъ моего юнаго друга, по просьбѣ котораго я рѣшилась написать эти мемуары.

[1]) См. „Русскую Старину“, апрѣль 1906 г.

Мистеръ Уильмотъ провелъ съ нами все время нашего пребыванія у Суссексъ.

Въ Эдинбургѣ я наняла себѣ квартиру въ Голирудѣ, въ древнемъ дворцѣ шотландскихъ королей; здѣсь я часто вспоминала исторію легкомысленной и несчастной Маріи Стюартъ; печальная судьба ея запечатлѣвалась на каждомъ окружающемъ предметѣ; ея кабинетъ, лѣстница, примыкавшая къ моей спальнѣ, съ которой былъ брошенъ ея любовникъ-итальянецъ—все это постоянно рисовало въ моемъ воображеніи участь погибшей королевы.

Я не стану описывать того удовольствія, съ которымъ услышала отзывъ Робертсона, выражавшаго, послѣ испытанія моего сына, что онъ совершенно готовъ вступить въ университетъ и начать обыкновенное классическое образованіе. Я необыкновенно была утѣшена этимъ обстоятельствомъ и въ то время, какъ мой сынъ продолжалъ свое ученіе, я не упустила столь благопріятнаго случая познакомиться съ тѣми знаменитыми писателями, которыхъ произведенія были славой Англіи.

Я имѣла удовольствіе сблизиться съ Робертсономъ, Адамомъ Смитомъ, Фергюсономъ и Блэромъ. Когда я жила въ Эдинбургѣ, они каждую недѣлю были у меня два или три раза, и я столько же удивлялась ихъ познаніямъ и талантамъ, сколько скромности и простотѣ манеръ. При всемъ различіи своихъ ученыхъ направленій, при всей самостоятельности и соревнованіи другъ съ другомъ, эти почтенные люди жили друзьями; ихъ обхожденіе, не имѣвшее ни тѣни притворства, ихъ разговоръ, чуждый всякаго педантизма, былъ поучительный и вмѣстѣ съ тѣмъ привлекательный.

Къ числу моихъ женскихъ знакомствъ принадлежала герцогиня Бюрлей, лэди Фрэнсисъ Скоттъ, лэди Лотіанъ и Марія Ирвинъ; и это время было самымъ спокойнымъ и счастливымъ періодомъ моей жизни.

Во время лѣтнихъ каникулъ мы отправились въ Гайлэндсъ. Пріѣздъ Гамильтонъ еще болѣе увеличилъ мою радость. Путешествіе въ горную Шотландію сопровождалось для меня сильной простудой, и я начала страдать ревматизмомъ. Впрочемъ, окруженная друзьями и больше всего довольная осуществленіемъ одной изъ задушевныхъ своихъ надеждъ — успѣшнымъ ученіемъ сына, я почти забыла свои физическія боли.

За всѣмъ тѣмъ, когда въ слѣдующемъ году моя болѣзнь усилилась, докторъ Кёленъ совѣтовалъ мнѣ пить воды Букстина и Матлока и потомъ купаться въ Скарбору. Вслѣдствіе этого въ началѣ каникулъ я оставила Шотландію, чтобы попробовать предписанное лѣченіе. Меня проводила Гамильтонъ; ея любви и нѣжнымъ забо-

тамъ, можно сказать, я обязана жизнью, бывъ близка къ смерти въ Скарбору.

Не могу также безъ глубокой признательности вспомнить о лэди Мельграфъ, о томъ благородномъ участіи, которое она принимала въ моемъ безнадежномъ положеніи.

Она жила по сосѣдству, оплакивая недавнюю потерю своего любимаго мужа; услышавъ о моей опасной болѣзни и судя по собственному опыту, что я должна была чувствовать при мысли покинуть дѣтей на чужбинѣ, вдали отъ родныхъ и друзей, она безъ церемоніи явилась у моей постели со всею готовностью и рѣдкимъ великодушіемъ предложила имъ пріютъ въ своемъ домѣ, и личное покровительство въ случаѣ ихъ сиротства. Мало того, она торжественно увѣрила меня, что, если суждено совершиться несчастью, она никакъ не разстанется съ ними до тѣхъ поръ, пока опекуны не возьмутъ ихъ назадъ въ Россію.

Эта черта характера можетъ служить самой лучшей похвалой леди Мельграфъ. Трудно выразить чувство моей благодарности за это утѣшеніе. Я пользовалась вниманіемъ этой достойной лэди, пока мое выздоровленіе было внѣ всякаго сомнѣнія, и когда я могла продолжать путешествіе, она упросила меня свернуть съ прямаго пути и отдохнуть нѣсколько дней въ ея домѣ, до пріѣзда въ Шотландію.

Это посѣщеніе, столь обязательное по долгу признательности и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятное, я охотно приняла и возвратилась въ Эдинбургъ къ самому началу университетскаго курса.

Хотя и послѣ того я часто испытывала припадки ревматизма и вообще недомогала, за всѣмъ тѣмъ, какъ мать, я не позволяла себѣ ослабѣвать въ моихъ заботахъ о сынѣ; и въ этомъ отношеніи, я такъ блистательно успѣла, такъ полно вознаграждались мои жертвы, что нравственное самодовольствіе облегчило мои недуги, и я весело проводила время въ кругу своихъ друзей.

Я старалась пріохотить сына не только къ серьезнымъ занятіямъ, но также къ свѣтской развязности и гимнастическимъ упражненіямъ, что̀ укрѣпило его здоровье и удивительно развило силы. Черезъ каждые два дня онъ бралъ уроки верховой ѣзды и фехтованія, и одинъ разъ въ недѣлю въ моемъ домѣ назначался танцовальный вечеръ: это освѣжало его школьные труды.

Живя исключительно для дѣтей и поставивъ постоянной задачей своей жизни уединеніе, теперь возможное, я почти не жалѣла о своей собственной бѣдности и скудномъ состояніи своихъ дѣтей. И такъ какъ въ Шотландіи всѣ необходимые предметы жизни были дешевы, то я не имѣла необходимости прибѣгать къ чрезвычайнымъ займамъ у моихъ банкировъ Гюнтера и Форбса, исключая одного случая, когда я хотѣла посѣтить Ирландію, по окончаніи курса моего

сына. На это путешествіе я заняла у нихъ двѣ тысячи фунтовъ, которые скоро уплачены были имъ изъ Голландіи; хотя я и раздѣлалась съ долгомъ безъ всякихъ затрудненій, при всемъ томъ я обязана ихъ дружбѣ многими одолженіями, за которыя ничѣмъ другимъ, кромѣ благодарности, заплатить не могу.

Въ маѣ 1778 года мой сынъ выдержалъ публичное испытаніе. Аудиторія была безпримѣрно многочисленная; отвѣты его на всѣ вопросы были такъ основательны, что вызвали невольное рукоплесканіе со стороны посѣтителей; такое одобреніе почти вовсе не было въ обычаѣ на университетскихъ экзаменахъ. Онъ получилъ степень магистра искусствъ; само собою разумѣется, что мой материнскій восторгъ не зналъ мѣры при этомъ успѣхѣ; я не стану останавливаться на этой счастливой минутѣ моей жизни, но буду продолжать свой разсказъ о путешествіи въ Ирландію, которое я предприняла въ слѣдующемъ мѣсяцѣ.

Въ Дублинѣ мнѣ приготовили очень удобный и прекрасный домъ, въ которомъ я остановилась. Мое пребываніе въ этомъ городѣ походило на сонъ, въ продолженіе цѣлаго года. Не было желанія, которое не находило бы удовлетворенія, благодаря вниманію Гамильтонъ, Морганъ и ихъ семействъ.

Сынъ мой продолжалъ свои классическія чтенія каждое утро съ Гринфильдомъ, взятымъ мною изъ Эдинбурга; при томъ мы нашли хорошихъ учителей въ Дублинѣ; они преподавали ему итальянскій языкъ и танцованіе. Вечера наши проходили въ умномъ и благовоспитанномъ обществѣ, одушевленномъ свободой манеръ, свойственной ирландскому характеру. Я по-прежнему устраивала танцовальные вечера въ своемъ домѣ для развлеченія дѣтей и нерѣдко посѣщала театръ.

Съ гордостью я говорю о томъ уваженіи, которымъ удостоила меня лэди Арабелла Денни, знаменитая своими благотворительными заведеніями; ея общественныя заслуги были оцѣнены и съ благодарностью признаны самимъ парламентомъ. Мы часто ходили къ ней пить чай; ея умъ и симпатичный характеръ съ каждымъ посѣщеніемъ больше и больше привязывали насъ къ этой прекрасной женщинѣ.

Въ числѣ многихъ благодѣтельныхъ учрежденій лэди Денни, Магдалинскій госпиталь былъ главнымъ предметомъ ея попеченій и, несмотря на престарѣлый возрастъ, она съ неослабнымъ вниманіемъ надзирала надъ нимъ. Я нѣсколько разъ съ ней посѣтила это заведеніе; довѣряя моимъ бѣднымъ способностямъ, она однажды поручила мнѣ переложить гимнъ на музыку, съ тѣмъ, чтобы пѣть его въ Магдалинской капеллѣ, въ пользу благотворительныхъ цѣлей. Ея желаніе было закономъ для меня; я составила арію въ четыре голоса; послѣ двухнедѣльнаго приготовленія, она была пропѣта въ при-

сутствіи многочисленнаго собранія, которое съ любопытствомъ пришло послушать, на что́ способна русская медвѣдица въ музыкальномъ искусствѣ. Я посѣтила Арабеллу въ тотъ же вечеръ и была принята съ особеннымъ радушіемъ, до того не бывалымъ. Она съ удовольствіемъ разсказала о музыкальной мессѣ, замѣтивъ, что успѣхъ ея зависѣлъ отъ моей аріи.

Съ наслажденіемъ я присутствовала въ Дублинскомъ парламентѣ, слушая его славныхъ ораторовъ, среди которыхъ Гратанъ былъ самымъ замѣчательнымъ.

Въ лѣтнее время я ѣздила съ своими друзьями осматривать озера Киларна, Килькенни, Лимерикъ, великолѣпный Коркскій портъ и другіе интересные предметы. По сосѣдству съ Коркомъ завернула въ Лоту, прекрасное романтическое мѣстоположеніе, принадлежавшее Роджерсу, дядѣ моего друга Гамильтонъ. Здѣсь я встрѣтила самое обязательное гостепріимство со стороны этого почтеннаго семейства.

Въ началѣ 1780 года я оставила Ирландію и по дорогѣ Голигедъ пріѣхала въ Лондонъ. Вскорѣ послѣ моего прибытія, я была представлена ко двору; королевская фамилія обласкала меня самымъ благосклоннымъ пріемомъ. При этомъ удобномъ случаѣ я не преминула поблагодарить ее за удовольствіе, которымъ я пользовалась въ Англіи, и за величайшія выгоды воспитанія моего сына въ одномъ изъ британскихъ университетовъ. Королева, въ свою очередь, похвалила меня, какъ любящую мать, прибавивъ, что теперь она больше чѣмъ когда-нибудь убѣдилась въ истинѣ лестныхъ отзывовъ обо мнѣ. Я нехотя согласилась, выразивъ взаимное благопріятное мнѣніе о ея собственномъ семействѣ. Она сказала мнѣ, что семья ея очень большая и что если я желаю видѣть ее вмѣстѣ, она прикажетъ привезти дѣтей изъ Кью.

Я поблагодарила за такое снисходительное вниманіе. Лэди Гольдернессъ была послана за ними съ тѣмъ, чтобъ привезти ихъ въ Лондонъ и извѣстить меня о прибытіи ихъ. Я явилась и съ наслажденіемъ любовалась группой прекраснѣйшихъ малютокъ.

Въ Лондонѣ я не долго прожила; но объѣхала нѣкоторыя части Англіи, бросивъ взглядъ на Бристоль, Басъ и другіе многолюдные города. Возвращаясь черезъ Лондонъ на континентъ, я простилась съ королевской семьей и въ Маргатѣ сѣла на корабль, чтобы плыть въ Остенде.

Отсюда мы отправились въ Брюссель; оставивъ здѣсь нѣкоторыхъ изъ нашихъ слугъ и облегчивъ себя отъ лишнихъ вещей, мы проѣхали черезъ Антверпенъ въ Голландію, посѣтивъ Роттердамъ, Дельфтъ, Гагу, Лейденъ, Гарлемъ, Утрехтъ и учрежденія братьевъ гернгутеровъ.

Послѣ этой прогулки, возвратившись въ Гагу, я опять увидѣлась съ принцессой Оранской, которую я давно любила и уважала. Я сначала извинилась въ томъ, что не могла предупредить ея посѣщенія, выраженнаго мнѣ черезъ посла; потому что со мной не было ничего, кромѣ дорожнаго платья; но придворная дама Дункельманъ была прислана просить меня явиться такъ, какъ я одѣта, безъ всякой церемоніи. Вслѣдствіе этого позволенія, я охотно поѣхала ужинать къ принцессѣ, взявъ съ собой дѣтей; за ужиномъ служила только одна лэди. Въ похвалу ея, между прочимъ, достаточно сказать, что она пользовалась полной довѣренностью прусской королевы, поручившей ей воспитаніе своей дочери, и уваженіемъ Фридриха II, который постоянно переписывался съ ней.

Принцъ Оранскій участвовалъ въ нашемъ обществѣ и, несмотря на обыкновенную свою сонливость, провелъ съ нами цѣлый вечеръ. Онъ сидѣлъ около меня, замѣтивъ очень любезно, что я произвела въ немъ необыкновенную перемѣну; мнѣ оставалось только пожалѣть, что я вызвала его на такое самопожертвованіе.

Пока я была въ Гагѣ, каждый вечеръ ужинала съ королевой и отсюда возратилась въ Брюссель. Здѣсь я встрѣтила князя Орлова, съ женой, готовыхъ отправиться въ Швейцарію, гдѣ они искали совѣта доктора Трессо относительно болѣзни княгини Орловой. Я сдѣлаю маленькое отступленіе по случаю этой встрѣчи.

Проѣзжая Голландіей, я провела два дня въ Лейденѣ, чтобъ видѣться съ нѣкоторыми изъ старыхъ знакомыхъ. Первый мой визитъ былъ семейству Гобіюса, знаменитаго медика, уважаемаго мной. Позвонивъ, я вызвала слугу, который сказалъ, что господина нѣтъ дома. „Это невозможно, — замѣтила я, — я знаю, что онъ сегодня не выходилъ изъ дому; увѣренная, что мое посѣщеніе не обезпокоитъ его, прошу доложить, что княгиня Дашкова пріѣхала напомнить ему о себѣ“.

Докторъ, услышавъ изъ сосѣдней комнаты мой голосъ, вышелъ, растворивъ передъ собой дверь, черезъ которую я увидѣла въ его кабинетѣ Орловыхъ, вѣроятно, пріѣхавшихъ посовѣтоваться съ нимъ. Удивленіе мое было необычайное, потому что я не слыхала о ихъ путешествіи; другими словами говоря, я не знала, что князь получилъ свою любовную отставку. И это понятно, переписка моя съ Россіей была очень небольшая, и я рѣдко входила въ подробности настоящаго порядка вещей. Относительно счастливаго правленія Екатерины я нисколько не сомнѣвалась; поэтому, разлучаясь съ своими родными и друзьями, я просила ихъ писать мнѣ только о ихъ личномъ благополучіи.

Гобіюсъ радъ былъ видѣть меня; но, не желая нарушать его за-

нятій, я поспѣшила уйти отъ него и прежде, чѣмъ возвратилась къ себѣ, прогулялась по городу.

Едва мы усѣлись за обѣдъ, какъ явился князь Орловъ. Физіономія ли моя, къ несчастью, очень вѣрно передававшая всякое движеніе души, облегчила неудовольствіе при этомъ импровизированномъ и вовсе неутѣшительномъ визитѣ, или онъ, по обыкновенію, былъ подъ вліяніемъ своей необузданной заносчивости; но разговоръ и манеры его удивили всѣхъ насъ.

„Я пришелъ,—были первыя его слова,—не какъ врагъ, но какъ другъ и союзникъ".

Всѣ молчали; Орловъ, посмотрѣвъ внимательно на моего сына, потомъ обратившись ко мнѣ, можетъ быть съ нѣкоторымъ чувствомъ раскаянія за его прошлое поведеніе, сказалъ: „Я вижу по мундиру, что вашъ сынъ записанъ въ кирасирскій полкъ; я же командиръ конной гвардіи (и замѣчу, что путешествую единственно ради здоровья своей жены); если вамъ угодно, я напишу императрицѣ, чтобъ она перевела молодаго Дашкова въ мой полкъ: онъ дастъ ему, какъ вы знаете, двѣ лишнихъ ступени по службѣ".

Я поблагодарила его и, вставъ изъ-за стола и извинившись передъ обществомъ, попросила его войти со мной въ особенную комнату, гдѣ очень рада была поговорить съ нимъ объ этомъ; но напередъ рѣшилась отвергнуть его предложеніе со всей возможной деликатностью, чего, вѣроятно, онъ вовсе не понялъ.

Поблагодаривъ его за доброе желаніе моему сыну, я сказала, что о производствѣ его уже написано военному министру, князю Потемкину; до полученія отъ него отвѣта, я не смѣю измѣнить своихъ первоначальныхъ распоряженій, потому что эта поспѣшность можетъ вызвать неудовольствіе со стороны государыни и оскорбить князя Потемкина.

— Что же въ этомъ за оскорбленіе ему?—возразилъ Орловъ, очевидно немного уязвленный.

Я очень хорошо понимала, въ какихъ отношеніяхъ должны находиться эти люди; и потому повторивъ, что мнѣ необходимо получить отвѣтъ отъ военнаго министра, прекратила безполезный разговоръ, спросивъ его, куда я должна адресовать ему письмо, когда увѣдомятъ меня изъ Петербурга; съ тѣмъ вмѣстѣ, я обѣщала воспользоваться его любезнымъ предложеніемъ, при первомъ возможномъ случаѣ, который, вѣроятно, не замедлитъ представиться.

— Вы можете разсчитывать на меня,—сказалъ Орловъ; такого прекраснаго молодаго человѣка, какъ Дашковъ, трудно найти.

Это замѣчаніе о красотѣ моего сына привело меня въ негодованіе и послѣ заставило не даромъ безпокоиться.

Дѣло въ томъ, что въ Брюсселѣ я опять встрѣтила Орловыхъ, съ которыми находились Мелиссино, дѣвица Протасова, одна изъ фрейлинъ и Каменская. Они всей семьей немедленно явились ко мнѣ; признаюсь, кромѣ старика Мелиссино, очень образованнаго и любезнаго, котораго я нѣкогда каждодневно видѣла у себя, мнѣ непріятно было принимать остальныхъ.

Впрочемъ, вѣжливость требовала нѣкотораго вниманія къ гостямъ; Орловъ, бросивъ взглядъ на моего сына, поразилъ меня самымъ нелѣпымъ восклицаніемъ: „какъ жалко, Дашковъ, что меня не будетъ въ Петербургѣ, когда вы явитесь туда; я увѣренъ, что при первомъ вашемъ появленіи ко двору, вы заступите мѣсто настоящаго любовника, и я съ удовольствіемъ помогъ бы вамъ; тогда, нѣтъ сомнѣнія, вы утѣшили бы насъ, отставныхъ“.

Не давъ времени собраться съ духомъ моему сыну, и крайне раздраженная этой неприличной выходкой, я отослала его въ другую комнату, подъ тѣмъ предлогомъ, что ему необходито написать доктору Бюртэню и попросить назначить слѣдующее утро для посѣщенія окружныхъ холмовъ, замѣчательныхъ по своимъ геологическимъ остаткамъ. Когда онъ ушелъ, я рѣзко замѣтила князю Орлову, что онъ не долженъ говорить о подобныхъ вещахъ семнадцатилѣтнему юношѣ и оскорблять достоинство императрицы. Что же касается до любовниковъ ея, о которыхъ я всего меньше думала, попросила его не упоминать о нихъ ни въ моемъ, ни тѣмъ болѣе въ присутствіи моего сына, воспитаннаго мной въ правилахъ совершеннаго уваженія къ государынѣ, какъ къ его крестной матери и императрицѣ; больше этого онъ ничего не долженъ знать. Отвѣтъ Орлова, разумѣется, былъ грубый, и потому не стоитъ здѣсь повторять его.

Къ счастью отставленный фаворитъ скоро покинулъ Брюссель, гдѣ я пробыла еще двѣ недѣли, для нѣкоторыхъ сдѣлокъ съ моимъ банкиромъ. Мы провели это время, большею частью, въ ботаническихъ занятіяхъ на сосѣднихъ горахъ, съ моимъ пріятелемъ Бюртэнемъ, гдѣ встрѣтились намъ многія растенія, неизвѣстныя въ Россіи.

Изъ Брюсселя, черезъ Лиль, я поѣхала въ Парижъ, расположившись въ отелѣ „de la Chine“. Я рада была слышать, что Орловы уже отправились въ Швейцарію, со всей своей свитой, за исключеніемъ Мелиссино и его жены; они остались позади.

Съ удовольствіемъ я увидѣлась съ Дидро, который принялъ меня съ прежнимъ радушіемъ. Я также возобновила знакомство съ Малезербъ и его сестрой мадамъ Неккеръ и со многими другими изъ моихъ старыхъ друзей.

Между иностранцами было много въ Парижѣ русскихъ семействъ, знакомыхъ мнѣ; между прочимъ графъ Салтыковъ съ женой, впослѣд-

ствіи фельдмаршалъ и московскій генералъ-губернаторъ; Самойловъ, племянникъ князя Потемкина, и графъ Андрей Шуваловъ. Послѣдній жилъ два года въ Парижѣ, и еслибъ онъ оставался здѣсь не долго, вѣроятно его уважали бы больше, потому что менѣе узнали бы настоящій его характеръ.

Такъ какъ мнѣ привелось познакомиться съ этимъ человѣкомъ, вовсе не на дружеской ногѣ, то я не считаю лишнимъ представить очеркъ его. Онъ былъ неоспоримо умный человѣкъ, живой и удивительно плодовитый стихотворецъ. Онъ былъ довольно порядочно образованъ, особенно хорошо зналъ французскую литературу, отлично французскій языкъ и могъ по пальцамъ пересчитать всѣхъ французскихъ поэтовъ, но ему недоставало здраваго смысла и быстроты соображенія. Полный самолюбія и гордости, онъ былъ надменъ и грубъ съ низшими и, по закону обратнаго дѣйствія, раболѣпенъ передъ высшими, готовый боготворить всякаго временнаго идола. Наконецъ, тщеславіе до того вскружило ему голову, что онъ умеръ безъ теплой слезы даже въ кругу своего семейства.

XV.

Мое время въ Парижѣ было потрачено хуже, чѣмъ я думала, въ взаимныхъ визитахъ, большею частью церемонныхъ, слѣдовательно, невыносимо-скучныхъ, тѣмъ болѣе, что я дорожила каждымъ днемъ, не думая долго оставаться на берегахъ Сены.

Меня много разъ приглашали явиться въ Версаль; но я отказывалась, говоря, что придворная сфера вовсе не моя, гдѣ я всегда считала себя простой Нинетой. Между тѣмъ мнѣ сказали, что королева желаетъ видѣть меня. Я, впрочемъ, извинилась, не желая дожидаться въ гардеробной, на основаніи этикета, по которому французскія пересы становились впереди иностранныхъ посѣтительницъ; какъ статсъ-дама русской императрицы, я не хотѣла унижать чести своего двора и моего очень виднаго положенія при немъ, явившись въ Версаль на заднемъ планѣ.

Однажды утромъ, во время завтрака съ Рейналемъ, котораго я часто посѣщала, мадамъ Сабранъ извѣстила меня, что королева желаетъ видѣться со мной въ Версалѣ, у мадамъ Полиньякъ; сюда мнѣ предложили придти, въ извѣстное время и, безъ всякой церемоніи, на свободѣ побесѣдовать съ королевой.

Въ назначенный день, я отправилась съ сыномъ и дочерью, и нашла королеву уже здѣсь. Она съ милой предупредительностью вы-

шла къ намъ навстрѣчу и, посадивъ меня около себя на софѣ, а дѣтей неподалеку за круглымъ столикомъ, такъ ласково обошлась съ нами, что мы совершенно были очарованы и вели себя, какъ дома. Между прочимъ она похвалила моего сына и дочь за ихъ ловкость въ танцахъ: я слышала, сказала она, что они превосходно танцуютъ. Что же до меня, прибавила королева, я очень жалѣю, что скоро принуждена проститься съ этимъ любимымъ развлеченіемъ.

— Но почему же, мадамъ, вы считаете это необходимымъ? возразила я.

— Да потому, что у насъ не принято танцовать женщинѣ послѣ двадцати пяти лѣтъ.

Забывъ совершенно, что королева чрезвычайно любила игру, я съ истинной небрежностью придворной Нинеты сказала: „я не понимаю смысла такого принужденія; пока есть охота и пока служатъ ноги, къ чему отказывать себѣ въ удовольствіи, которое гораздо естественнѣе, чѣмъ любовь къ игрѣ“.

Королева вполнѣ согласилась съ моимъ мнѣніемъ, и мы продолжали разговаривать о разныхъ разностяхъ; мое неловкое замѣчаніе, кажется, прошло безъ всякаго впечатлѣнія на государыню.

Не то было въ высшемъ парижскомъ обществѣ; на другой день не было ни одного кружка, гдѣ бы не толковали о моемъ промахѣ; тѣмъ больше я досадовала на свою ошибку, которая, впрочемъ, пріобрѣла мнѣ популярность во всѣхъ столичныхъ котеріяхъ, что въ ней искали упрека противъ самой королевы.

Мы возвратились домой въ одной изъ придворныхъ каретъ; послѣ, гдѣ бы я ни встрѣтилась съ мадамъ Полиньякъ или Сабранъ, всегда встрѣчала отъ нихъ вѣжливое привѣтствіе со стороны королевы, которая доставила моему сыну случай видѣть Сэнъ-Сирское заведеніе, закрытое для большинства посѣтителей.

Дидро, несмотря на упадокъ своего здоровья, каждый день бывалъ у меня. Утреннее время мы проводили въ обзорѣ произведеній лучшихъ артистовъ, исключая только тѣхъ дней, когда сынъ занимался математикой съ ученикомъ д'Аламбера, или танцовалъ съ Гарделемъ; вечера, въ которые я оставалась дома, проводила въ кругу нашихъ знакомыхъ.

Гудонъ, скульпторъ, отнялъ у меня не малую долю времени, дѣлая съ меня, по желанію моей дочери, бронзовый бюстъ во весь ростъ. Когда онъ былъ оконченъ, я замѣтила артисту, что онъ слишкомъ польстилъ оригиналу: вмѣсто простой Нинеты, онъ обратилъ меня въ пышную французскую герцогиню, съ голой шеей и прилизанной прической.

Въ домѣ мадамъ Неккеръ я познакомилась съ отёнскимъ еписко

помъ, также съ Гильберомъ, прославленнымъ авторомъ одного трактата о тактикѣ; здѣсь же я встрѣтилась съ Рюльеромъ, котораго знала еще въ Россіи въ эпоху переворота. Замѣтивъ его замѣшательство, вѣроятно, вслѣдствіе того, что я прежде его не хотѣла принять у себя, я обратилась къ нему, какъ старому знакомому, котораго была рада видѣть: „хотя, сказала я, мадамъ Михалкова была никому недоступна, но Дашкова самаго выгоднаго мнѣнія о васъ и съ гордостью позволяетъ себѣ думать, что ея друзья 1762 года навсегда останутся друзьями; и потому она будетъ рада видѣть васъ, съ однимъ условіемъ, однакожъ, что она должна отказать себѣ въ удовольствіи читать вашу книгу, какъ бы она ни была интересна“.

Рюльеръ, повидимому, былъ доволенъ моимъ приглашеніемъ и часто навѣщалъ меня. Меня увѣрили Малезербъ, Неккеръ и многіе другіе, кто читалъ эту книгу, и даже самъ Дидро, котораго искренности я больше всего довѣряла, что въ этомъ сочиненіи мое имя было представлено въ самомъ свѣтломъ видѣ. Напротивъ, императрица являлась, какъ мнѣ разсказывали изъ нѣкоторыхъ страницъ, далеко не привлекательнымъ образомъ.

Легко понять мое удивленіе, когда черезъ двадцать лѣтъ послѣ, въ періодъ французской революціи, въ эту эпоху озлобленія, борьбы партій и цинизма, когда люди говорили, писали и дѣлали подъ вліяніемъ бурныхъ страстей, легко понять мое удивленіе, говорю я, когда эта книга вышла въ свѣтъ подъ именемъ „Мемуары о революціи 1762 года“ Рюльера, и я увидѣла себя въ ней наложницей графа Панина и предметомъ другихъ безсмысленныхъ и противорѣчивыхъ клеветъ. Нѣкоторые общеизвѣстные факты такъ были извращены, что трудно было вѣрить, чтобъ эта книга была собственнымъ произведеніемъ Рюльера. Кто же, напримѣръ, при всемъ невѣжествѣ въ нашемъ правленіи, могъ утверждать, что во время бракосочетанія императрицы было договорено, въ случаѣ смерти государя, верховную власть передать въ руки его жены. Положительно невозможно, чтобы Рюльеръ, человѣкъ умный, долго служившій на дипломатическомъ поприщѣ, имѣвшій подъ рукой самые достовѣрные источники, хорошо знавшій мой нравственный характеръ и любовь къ мужу, былъ способенъ такъ плоско нападать на мою репутацію и вообще написать подобное произведеніе.

Какъ ради своей чести, такъ ради чести Рюльера, я утѣшала себя мыслью, что это была поддѣлка; по крайней мѣрѣ, нѣкоторые эпизоды были вставлены недобросовѣстнымъ издателемъ; и въ этомъ я такъ глубоко была убѣждена, что никогда не думала обвинять Рюльера въ этой грязной клеветѣ, которую ни онъ и никто изъ моихъ знакомыхъ не могъ принять за истину.

Однажды я услышала отъ Дидро, что Фальконетъ и его воспитанница Кольо были въ Парижѣ; знакомая съ этими замѣчальными артистами по Петербургу, гдѣ они работали надъ памятникомъ Петра I, я попросила ихъ къ себѣ въ слѣдующій вечеръ. Они оба пришли, и во время разговора я узнала отъ Кольо, что она недавно выдержала изъ-за меня жаркій диспутъ съ гувернанткой дѣтей графа Шувалова.

Любопытно было знать, какимъ образомъ я сдѣлалась предметомъ спора между ними—и потому просила объяснить мнѣ дѣло.

— Мой соперникъ, сказала Кольо, который былъ, безъ сомнѣнья отголоскомъ самого графа,—увѣрялъ меня, что вы питаете честолюбивую надежду приготовить изъ своего сына любовника императрицы, и что все воспитаніе его вы направляли къ этой цѣли.

Чтобы нанести мнѣ послѣдній ударъ, оставалось только пустить эту молву въ люди.

Кольо, коротко знавшій меня и то уваженіе, которымъ я пользовалась въ Россіи въ нравственномъ отношеніи, съ негодованіемъ опровергала эту ложь. Что касается любовниковъ, я думаю, что ей, какъ и всему Петербургу, было извѣстно мое явное презрѣніе къ этимъ паразитамъ; сама Екатерина, когда я находилась съ ней наединѣ въ присутствіи ея друга, съ такимъ уваженіемъ смотрѣла на меня, что принуждена была сдерживать себя, обращаясь съ своимъ любовникомъ не иначе, какъ обыкновенно съ придворнымъ лицомъ.

За всѣмъ тѣмъ, эта клевета обезпокоила меня въ томъ отношеніи, что она основана была на разсчетѣ возбудить ревность настоящаго фаворита и тѣмъ остановить служебную карьеру моего сына; тѣмъ тягостнѣе было, что онъ могъ пострадать изъ-за меня, хотя я на самомъ дѣлѣ нисколько не была въ томъ виновата; все это крайне удивило Кольо, пока я не объяснила ей моего безпокойства и не указала источника его въ злобѣ графа Шувалова. Мои сомнѣнія еще больше подтвердились тѣмъ, что князь Потемкинъ не отвѣчалъ на мое письмо, чего онъ, по моему мнѣнію, не осмѣлился бы сдѣлать, развѣ только подъ вліяніемъ отношенія императрицы ко мнѣ и моимъ близкимъ.

Какъ только Кольо ушла, я послала за Мелиссино, чтобъ немедленно его видѣть. Онъ тотчасъ явился и, когда выслушалъ о моемъ горѣ, старался утѣшить меня. „Вы ошибаетесь, сказалъ онъ, придавая такъ много значенія этой нелѣпой сплетнѣ; я понимаю ея начало и отъ всей души отвергаю, будучи свидѣтелемъ самаго лучшаго опроверженія въ вашемъ жесткомъ отвѣтѣ князю Орлову въ Брюсселѣ. Но еслибъ вы хотѣли сдѣлать какое-нибудь замѣчаніе, вы можете передать его общему нашему другу Самойлову; онъ возвращается въ Петербургъ. Я слышалъ, что Орловъ держалъ съ нимъ пари за обѣ-

домъ у Шувалова, что Дашковъ непремѣнно будетъ любовникомъ Екатерины. Самойловъ видѣлся со мной сегодня и намѣревался навѣстить васъ завтра; если позволите, я самъ приду къ вамъ вмѣстѣ съ нимъ, и какъ свидѣтель многихъ скандальныхъ исторій Орлова и вашего выговора, даннаго ему въ Брюсселѣ, могу вполнѣ подтвердить ложь, совершенно недостойную вашихъ тревогъ".

На другой день пришелъ Самойловъ; я завела рѣчь объ этомъ предметѣ, замѣтивъ, что подобный слухъ можетъ во многомъ повредить будущему положенію моего сына. Самойловъ увѣрилъ меня, что князь Орловъ и графъ Шуваловъ (послѣдняго, какъ поэта можно въ этомъ случаѣ простить) всегда находятъ особенное наслажденіе изобрѣтать самыя нелѣпыя вещи. „И если они, прибавилъ онъ, употребляютъ подобныя развлеченія для себя, то совершенно не думаютъ о послѣдствіяхъ ихъ для другихъ".

— Но какимъ же образомъ, замѣтила я, убѣдить публику, что эта выдумка Орлова такъ скоро овладѣла довѣріемъ Шувалова и возбудила его опасное краснорѣчіе? Или, какимъ образомъ прекратить эти слухи, безъ объясненія о предметѣ, совершенно недостойномъ вниманія императрицы, и я могла бы прибавить, не менѣе достойномъ, за исключеніемъ одного случая, и моего собственнаго замѣчанія.

— Повѣрьте мнѣ, сказалъ Самойловъ, государыня знаетъ васъ слишкомъ хорошо, чтобы не согласиться съ этой клеветой. Во всякомъ случаѣ я буду въ Петербургѣ прежде васъ и, если вамъ это угодно, могу передать своему родственнику, князю Потемкину, все, что я теперь слышалъ отъ васъ, въ видѣ предварительныхъ мѣръ противъ замысла Орлова. Это будетъ, заключилъ онъ, съ моей стороны, простымъ долгомъ уваженія къ вашему характеру.

Я искренно поблагодарила его за доброе расположеніе ко мнѣ и душевно приняла предложеніе его. Въ то время я не могла не замѣтить непонятной небрежности со стороны его дяди, оставившаго меня безъ отвѣта на мое письмо; князь Потемкинъ, конечно, знаетъ, что я не привыкла къ подобному невѣжеству даже со стороны коронованныхъ головъ.

Самойловъ во всѣхъ отношеніяхъ защищалъ своего дядю, увѣряя, что онъ неспособенъ на такую невѣжливость и что, вѣроятно, эта остановка зависѣла отъ неисправности почты.

Рвеніе, съ которымъ этотъ молодой человѣкъ взялся оправдать меня, заставило меня показать ему мое маленькое вліяніе, и я была очень рада воспользоваться первымъ благопріятнымъ случаемъ. Мой сынъ получилъ отъ двора особенное позволеніе осмотрѣть нѣкоторыя модели плановъ и укрѣпленій, что́ хотѣлось, какъ я знала, видѣть и Самойлову. Поэтому я пригласила его быть съ нами въ

оперѣ. На все это онъ согласился и, казалось, былъ совершенно доволенъ.

Я коротко познакомилась съ маршаломъ Бирономъ, который далъ мнѣ позволеніе брать его ложу въ оперѣ и во французскомъ театрѣ. Этотъ благородный старикъ, бывшій левъ французскаго двора и самый пріятный собесѣдникъ, такъ влюбился въ мою дочь, что она могла говорить ему и заставлять его дѣлать все, что ей было угодно. Однажды я увидѣла, что онъ, по ея капризу, прыгалъ по комнатѣ, весело попѣвая извѣстную пѣсню:

„Quand Byron voulut danser,
Quand Byron voulut danser, etc.“.

Въ началѣ марта мы покинули Парижъ и черезъ города Верденъ, Мецъ, Нанси и Безансонъ отправились въ Швейцарію; по дорогѣ мы заѣзжали въ укрѣпленныя мѣста, съ той цѣлью, чтобъ мой сынъ могъ нѣсколько познакомиться съ военной фортификаціей, имѣя позволеніе отъ двора осматривать и изслѣдовать всѣ общественные предметы.

Въ Люневилѣ мы видѣли смотръ жандармовъ, который былъ назначенъ для нашего удовольствія.

Изъ Нефшателя провожалъ насъ Остервальдъ, знаменитый споромъ съ Фридрихомъ Великимъ за народныя права. Этотъ почтенный старикъ, любимый въ обществѣ за его умъ и добродѣтели, прославленный мужествомъ своего характера, показалъ намъ любопытные предметы въ окрестностяхъ. Онъ водилъ насъ въ деревню Локль, къ „Горячему Ключу“, и на вершины горъ, господствующихъ надъ окружающей сценой; его умный и пріятный разговоръ еще больше содѣйствовалъ нашему удовольствію. Я купила въ его типографіи нѣсколько книгъ, его собственныхъ сочиненій, въ которыхъ участвовала его дочь; эти книги были отправлены въ Амстердамъ къ моему банкиру.

Я встрѣтила многихъ изъ моихъ прежнихъ знакомыхъ въ Бернѣ и Женевѣ. Въ послѣднемъ городѣ я видѣлась съ Крамерами и старымъ другомъ Губероми, о которомъ я уже говорила. Онъ подарилъ мнѣ портретъ Вольтера, имъ самимъ нарисованный, и затѣмъ мы не безъ взаимнаго сожалѣнія разстались.

Между прочимъ, Женева и Лозанна напомнили мнѣ о моемъ другѣ Гамильтонъ и ея очаровательномъ обществѣ, которымъ я имѣла счастье пользоваться въ первое мое путешествіе.

Черезъ Савойю, между отраслями Монъ-Блана, мы проѣхали въ Туринъ и были хорошо приняты при дворѣ сардинскаго короля и королевы. За отсутствіемъ русскаго посланника въ это время, насъ

представилъ англійскій министръ, сынъ лорда Бьюта и племянникъ М'Кензи, я познакомилась съ нимъ еще въ Лондонѣ; по приказанію короля намъ показали въ Туринѣ все, что обыкновенно интересуетъ путешественниковъ.

Во время нашего пребыванія здѣсь одинъ молодой ливонскій дворянинъ, студентъ королевской военной академіи, былъ обвиненъ за какія-то шалости и дурное поведеніе; его хотѣли выгнать изъ заведенія и отослать домой. Я вступилась за него и выхлопотала ему прощеніе. Потомъ, призвавъ его къ себѣ, очень строго пожурила и отдала подъ покровительство британскаго уполномоченнаго Стюарта, впредь до распоряженій очень уважаемаго отца его въ Россіи, которому я погрозила написать.

Сардинскій монархъ особенно гордился своимъ Александрійскимъ укрѣпленіемъ и всего больше цитаделью, которую никто изъ иностранцевъ не могъ посѣтить безъ особеннаго позволенія короля. Онъ далъ это позволеніе моему сыну, который, проѣздомъ черезъ Александрію, могъ осмотрѣть все укрѣпленіе, безъ всякаго ограниченія.

Изъ Турина нашъ путь лежалъ черезъ Нови въ Геную, гдѣ мы провели нѣсколько дней и взглянули на все достойное въ окрестностяхъ Милана. Графъ Фирміянъ, императорскій министръ, управлялъ этимъ герцогствомъ; я нашла въ немъ человѣка честнаго, образованнаго и горячо любимаго народомъ. Наше знакомство съ нимъ было неоцѣненно, потому что безъ его совѣта и помощи мы не могли бы, по крайней мѣрѣ, безъ затрудненія осмотрѣть плѣнительныя озера Маджоре и Лугано и Барромейскіе острова. Онъ провезъ насъ самымъ удобнымъ путемъ; на дорогѣ нельзя было найти почтовыхъ лошадей, онъ доставилъ намъ вольнонаемныхъ. Такимъ образомъ, безъ особеннаго лишенія и неудобства, мы совершили самую интересную поѣздку, очарованные великолѣпіемъ природы и воспоминаніемъ объ этомъ истинномъ земномъ раѣ.

Громадное недостроенное зданіе, воздвигнутое на этой счастливой землѣ однимъ изъ членовъ Барромейской фамиліи, было слишкомъ обширнымъ для загородной резиденціи даже короля. Планъ его только могъ явиться въ фантастической головѣ папскаго племянника; потому что въ это время папа былъ всемогущъ, и его доходы равнялись необыкновенной его роскоши.

Въ два дня мы проѣхали Парму, Піаченцу, Модену и на болѣе долгое время расположились во Флоренціи, гдѣ картинная галлерея, церкви, библіотеки и кабинетъ естественной исторіи великаго герцога удержали насъ болѣе недѣли.

Его высочество приказалъ подарить мнѣ нѣсколько экземпляровъ не только мѣстныхъ окаменѣлостей, имѣя у себя дублеты ихъ, но и

другихъ частей свѣта, собранныхъ Козьмой Медичисомъ, коего геній озарилъ Италію на зарѣ возрожденія наукъ.

Изъ Флоренціи мы отправились въ Пизу. Коммиссаръ этого мѣстечка далъ мнѣ обѣдъ и проводилъ насъ на площадь дома Розальмина, гдѣ мы увидѣли старинную игру „Il Juoco del Ponte“, которая была приготовлена нарочно для насъ. Двѣ партіи, названныя по именамъ приходовъ ихъ „Santa Maria“ и „Santo Antonio“, вступили въ бой на огромномъ мосту, одѣтыя въ каски и латы, съ длиннымъ развѣвающимся платьемъ сверхъ вооруженія. Единственнымъ ихъ оружіемъ, какъ оборонительнымъ, такъ и наступательнымъ, были плоскія дубинки, каждая съ двумя рукоятями.

Пизанцы до страсти любятъ эту игру, и высшее сословіе часто принимаетъ въ ней участіе. Прежде она давалась каждое пятилѣтіе, но теперь выходитъ изъ употребленія, потому что великій герцогъ прямо не запретилъ ее, но остановилъ, назначивъ съ каждой стороны по сорока восьми депутатовъ, отвѣтственныхъ за послѣдствія ея, какія только могутъ случиться; эти депутаты обязаны вознаградить за всѣ поврежденія, обезпечивъ семейства пострадавшихъ, кто бы ни участвовалъ въ битвѣ: пизанцы, флорентинцы или лигурійцы.

Эта игра, конечно, часто приводила къ спорамъ и даже оканчивалась дуэлями. Не только туземные сеньоры, но и жены ихъ вмѣшивались въ состязаніе и въ этотъ вечеръ носили цвѣта враждующихъ партій. Поэтому матери и дочери ссорились между собой, если игра ставила ихъ подъ различныя знамена.

Изъ Пизы мы отправились въ ея курорты, гдѣ провели самую жаркую пору и время свирѣпствующаго повѣтрія (maleria), столь гибельнаго для путешественниковъ. Я наняла лучшій домъ и, получивъ позволеніе брать книги изъ герцогской библіотеки и изъ монастырскихъ архивовъ, назначила постоянныя чтенія, систематически распредѣленныя. Въ восемь часовъ утра, послѣ легкаго завтрака, мой сынъ, дочь и я сама садились въ сѣверной комнатѣ и поперемѣнно читали. Около одиннадцати, когда наступалъ невыносимый жаръ, мы закрывали окна и продолжали заниматься при свѣчахъ. Когда же солнце переходило за полдень, мы открывали окна и по вечерамъ гуляли на берегахъ канала. Здѣсь мы дышали свѣжимъ воздухомъ, но прогулка наша была отравляема вонью; я приказала на собственный счетъ вычистить каналъ, посыпать дорожки пескомъ и разставить скамейки вдоль берега, на извѣстныхъ разстояніяхъ.

Погода стояла чрезвычайно жаркая; хотя ночь и защищала насъ отъ палящаго солнца, за всѣмъ тѣмъ, какъ будто злой духъ леталъ надъ Пизой и вытягивалъ съ помощью пневматической машины весь воздухъ, которымъ должны были дышать пизанцы.

Но, несмотря на эти неудобства, я провела девять недѣль въ пизанскихъ купальняхъ съ величайшимъ наслажденіемъ; потому что, говоря безъ похвальбы, мой сынъ съ помощью нашихъ чтеній и его ревностнаго прилежанія, пріобрѣлъ въ это время больше познаній, чѣмъ люди его состоянія пріобрѣтаютъ въ цѣлый годъ.

Іюня 28-го, стараго стиля, въ день восшествія на престолъ императрицы, я дала балъ въ общественномъ залѣ; на немъ присутствовали жители Пизы, Лукки и Лигурна. Посѣтителей этого праздника было не менѣе четырехсотъ шестидесяти человѣкъ; пиръ былъ прекрасный и стоилъ очень недорого. За исключеніемъ этого вечера и поѣздки, предпринятой съ тѣмъ, чтобы посмотрѣть на гондольеровъ въ Арно, наше время прошло здѣсь вообще очень скромно.

Изъ Пизы, черезъ Лукку, мы посѣтили Лигурнъ, гдѣ остались на нѣкоторое время.

Одинъ предметъ особенно занялъ мое вниманіе—это карантинный госпиталь, устроенный великимъ герцогомъ Леопольдомъ. Меня восхитила идея такого благодѣтельнаго учрежденія и, въ особенности, порядокъ и гармонія во всѣхъ частяхъ его. Начальникъ этого заведенія, по приказанію герцога, показалъ намъ все и, повидимому, былъ удивленъ нашей смѣлостью, при посѣщеніи заведенія, которое въ настоящее время считалось заразительнымъ. Меня, впрочемъ, не удержало это опасеніе, потому что постояннымъ моимъ правиломъ было не поддаваться чувству страха, на пути полезныхъ изысканій, тѣмъ больше въ этомъ случаѣ, которымъ я воспользовалась, чтобы укрѣпить подобное мужество въ моихъ дѣтяхъ. Такія ничтожныя препятствія постоянно встрѣчаются путешественнику; глупость и лѣность могутъ преувеличивать ихъ и, такимъ образомъ, губить и время и благопріятныя обстоятельства.

25258

При этомъ посѣщеніи, однакожъ, я взяла нѣкоторыя необходимыя предосторожности; проходя по комнатѣ, мы спрыскивали свои платья и носовые платки уксусомъ и вдыхали камфорные духи. Достойный начальникъ, провожавшій насъ, можетъ быть, не совсѣмъ охотно, показалъ всѣ части зданія и такъ какъ ему велѣно было отвѣчать на всѣ наши вопросы, то казалось, отъ него потребовали отчетъ въ нашихъ наблюденіяхъ.

Я съ энтузіазмомъ удивлялась этому заведенію; зная о безграничныхъ завоеваніяхъ Екатерины, поставившихъ насъ въ соприкосновеніе съ южными народами, и, слѣдовательно, съ эпидемическими болѣзнями, я съ удовольствіемъ представила императрицѣ подробный отчетъ объ администраціи лигурнскаго карантина. Я сдѣлала не столько это изъ убѣжденія осуществить свою мысль, сколько изъ желанія польстить нашему проводнику.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

Въ нѣсколько дней планъ и всѣ его подробности были принесены ко мнѣ начальникомъ, который представилъ ихъ отъ имени великаго герцога. Я поручила ему покорно благодарить государя за такое полезное свѣдѣніе и обѣщала, при первомъ удобномъ случаѣ, сообщить его императрицѣ.

Дѣйствительно, я отослала этотъ планъ съ Львовымъ, который возвращался изъ своего путешествія въ Петербургъ. Въ то же время я написала Екатеринѣ, попросивъ ее убѣдительно о результатѣ моего письма, оставленнаго безъ отвѣта военнымъ министромъ ея, княземъ Потемкинымъ, котораго я просила о томъ же предметѣ, за восемь мѣсяцевъ раньше. Это странное молчаніе ея министра, прибавила я, нисколько не оскорбляетъ моего самолюбія, оно выше униженія, но возбуждаетъ во мнѣ грустныя сомнѣнія относительно благоволенія самой государыни. Въ этомъ случаѣ я умоляла ее успокоить меня; и если она не лишаетъ меня своего участія въ моихъ дѣлахъ, то я прошу ее предоставить моему сыну выгоды старшинства, на что онъ имѣетъ право послѣ окончанія своего воспитанія, которое можетъ дать ему не менѣе отличія въ отечествѣ, какъ и во всѣхъ частяхъ Европы. Въ заключеніи письма я смѣло и живо просила увѣдомить о результатѣ моихъ ожиданій.

XVI.

Черезъ Сіену мы отправились въ Римъ. Здѣсь первымъ моимъ знакомствомъ былъ кардиналъ Берни, человѣкъ умный, добрый и благовоспитанный. Я любила его общество, пользуясь имъ попеременно то въ моемъ, то въ его домѣ. Однажды я прочитала ему одно изъ поэтическихъ писемъ его, найденныхъ мной въ полномъ собраніи его сочиненій, но онъ, казалось, былъ недоволенъ тѣмъ.

Здѣсь же я познакомилась съ Байерсомъ, отлично образованнымъ англичаниномъ, страстнымъ поклонникомъ искусствъ, ради ихъ прожившимъ въ Римѣ послѣднія двадцать пять лѣтъ. Благодаря его руководительству, я избавилась отъ назойливыхъ чичероне, столь необходимыхъ каждому иностранцу.

Въ соборѣ св. Петра я видѣла папу, Пія VI. Онъ говорилъ со мной очень ласково и съ удовольствіемъ слушалъ, когда я похвалила его за благородное предпріятіе, только-что исполненное—возобновить старую дорогу черезъ Понтинскія болота. Я сказала намѣстнику святаго Петра, что мнѣ не только желательно видѣть этотъ трудъ, но я надѣюсь первая проѣхать этимъ путемъ въ Неаполь.

— Будьте такъ добры, извѣстите меня о своемъ отъѣздѣ за нѣсколько дней впередъ, сказалъ онъ, я могу приготовить вамъ лошадей; потому что тамъ еще нѣтъ ни почты, ни другихъ необходимыхъ удобствъ.

Затѣмъ онъ началъ говорить о драгоцѣнныхъ памятникахъ искусства въ Римѣ, и говорилъ съ большимъ знаніемъ этого дѣла.

Идея основать въ Ватиканѣ музеумъ, кажется, вполнѣ принадлежитъ ему, и онъ уже собралъ много прекрасныхъ картинъ, статуй и вазъ.

Я немного потеряла времени въ Римѣ на свѣтскія церемоніи, но съ любовью занималась развитіемъ своего эстетическаго чувства. Въ восемь часовъ утра, а иногда и раньше, мы отправлялись осматривать замѣчательные предметы искусства и древности, какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ его; я рѣдко возвращалась домой до трехъ или четырехъ часовъ; около этого времени мы обѣдали и потомъ принимали къ себѣ гостей артистовъ. Въ числѣ ихъ, между прочимъ, было двое Гэккертовъ, которые часто приносили съ собой—одинъ гравировальные снаряды, другой—карандаши. Гамильтонъ постоянно являлся съ красками и, такимъ образомъ, мой домъ, въ эту минуту, обращался въ художественную студію, и разговоръ принималъ характеръ чисто артистическій. Я прислушивалась къ ихъ мнѣніямъ объ искусствѣ, которымъ мы занимались по утрамъ; при томъ мой сынъ бралъ уроки акварельной живописи.

Кромѣ того, мнѣ посчастливилось сблизиться съ мистрисъ Дэмеръ, знаменитой скульпторкой, умной и глубокообразованной лэди, которая подъ видомъ скромности скорѣе старалась скрыть, чѣмъ выставить на показъ свои познанія. Она путешествовала съ теткой, лэди Уильямъ Кэмпбель. Не одинъ разъ я посѣтила Тиволи и виллу Адріана; но что особенно привлекало мое вниманіе и удивленіе—это классическая архитектура св. Петра. Изъ всѣхъ классическихъ предметовъ она больше всего нравилась мнѣ; каждую досужную минуту я посвящала этому великому зданію, изучая различныя части прекрасныхъ пропорцій его.

Однажды я встрѣтила здѣсь молодаго русскаго живописца, получившаго первоначальное воспитаніе въ Петербургской академіи художествъ; я почла за удовольствіе отрекомендовать его нѣкоторымъ сеньорамъ, подъ покровительствомъ которыхъ онъ получилъ доступъ снимать копіи съ болѣе рѣдкихъ картинъ.

Однажды утромъ, возвращаясь съ обыкновенной своей прогулки, за часъ передъ обѣдомъ, мы встрѣтили Байерса; онъ предложилъ ѣхать въ виллу Фарнезе—посмотрѣть любопытные остатки древней скульптуры, сложенные въ погребахъ; несмотря на это обезобра-

женное состояніе, по увѣренію нашего проводника, они были въ высшей степени замѣчательны и болѣе интересны, чѣмъ самые оконченные образцы, видѣнные нами. Мы отправились. Расхаживая въ подвалахъ, я оступилась, какъ показалось мнѣ, о серпентинный обломокъ; обратившись къ Байерсу, я смѣясь замѣтила: „посмотрите, я ушибла себѣ ногу о камень, который этого не стоилъ".

— Я очень жалѣю, сказалъ онъ, но вы ошибаетесь, принимая этотъ обломокъ за серпентину. Это тотъ славный минералъ, который былъ привезенъ Козьмѣ Медичи изъ Африки однимъ изъ ученыхъ людей, посланныхъ имъ для изслѣдованія подобныхъ предметовъ. Все, что вы видите здѣсь, вмѣстѣ съ другими рѣдкостями дворца, по наслѣдству Фарнезе, перейдетъ въ руки неаполитанскаго короля; и такъ какъ здѣсь не знаютъ ему цѣны, то онъ, вѣроятно, будетъ купленъ за серпентинный антикъ, или за какую-нибудь другую маловажную вещь. Если вы хотите пріобрѣсть его въ свою собственность, то, между нами, я приготовилъ бы вамъ пару такихъ столовъ, какихъ нѣтъ ни въ одномъ королевскомъ дворцѣ всей Европы.

Мнѣ тотчасъ представилась мысль подарить ихъ императрицѣ, и я попросила Байерса купить драгоцѣнный минералъ. Два столика были немедленно сдѣланы, и я черезъ годъ отослала ихъ изъ Лигурна въ Петербургъ; но, несмотря на мою искреннюю и убѣдительную просьбу, Екатерина не хотѣла принять ихъ. Тогда я предложила ихъ великому князю Александру, и теперь они хранятся между сокровищами московскаго Кремля.

Съ удовольствіемъ я помогала Байерсу въ расположеніи богатаго его кабинета „рѣзныхъ камней", который онъ не хотѣлъ дѣлить и продавать по частямъ. Екатерина вслѣдствіе моей рекомендаціи купила его весь.

Послѣ всесторонняго и тщательнаго осмотра Рима и его окрестностей, не забывъ даже взглянуть на породу лошадей, необыкновенно смѣшныхъ, и на театры, которые были отвратительно скучны, потому что женскія роли исполнялись мужчинами, мы по вновь открытой дорогѣ двинулись въ Неаполь.

Въ Террачинѣ мы остановились ради новаго порта, надъ болотами; къ нему примыкала прекрасно выведенная каменная стѣна, съ большими мѣдными кольцами, правильно укрѣпленными на ней, для причалки кораблей. Намѣреваясь послать императрицѣ планъ и размѣры этого порта, какъ предмета очень интереснаго, я поручила Байерсу составить чертежи, но по секрету, потому что самъ папа еще не имѣлъ этого плана у себя.

По прибытіи въ Неаполь, я совершенно была довольна домомъ, нанятымъ для меня; онъ прекрасно былъ расположенъ на набереж-

ной, съ грандіознымъ видомъ на Капри и Везувій. Здѣсь я встрѣтилась съ нѣкоторыми изъ старыхъ друзей—съ нашимъ чрезвычайнымъ посломъ, графомъ Андреемъ Разумовскимъ, съ мистрисъ Дэмеръ, ея теткой и почтеннымъ маститымъ кавалеромъ Сакрамотца.

Наши утреннія занятія, обыкновенно, оканчивались въ мастерской Дэмеръ. Здѣсь она постоянно работала рѣзцомъ и допускала въ свое святилище только самыхъ близкихъ своихъ друзей; она такъ искренно любила искусство и науку, что старалась избѣгать всякаго шума и грома о своихъ талантахъ. Однимъ утромъ, помнится мнѣ, она чрезвычайно смѣшалась, когда я замѣтила въ ея комнатѣ греческую книгу, исписанную на поляхъ собственными ея замѣтками.

„Такъ вы хорошо знаете, сказала я, греческій языкъ; и если вы скрывали отъ меня, чтобъ пощадить мое невѣжество, то я должна вамъ признаться, что я дѣйствительно ничего въ этомъ не смыслю".

Она покраснѣла, какъ будто пойманная на мѣстѣ преступленія.

Я познакомилась съ англійскимъ посланникомъ сэромъ Уильямомъ Гамильтономъ и его супругой; въ ихъ домѣ сошлась съ аббатомъ Галіани и нѣкоторыми учеными и артистами.

Гамильтонъ обладалъ богатымъ и обширнымъ собраніемъ различныхъ отстатковъ древностей; но я позавидовала въ немъ только одному предмету—кольцу съ аеролитомъ. Этотъ родъ минерала, такъ подробно описанный Плиніемъ, признавался учеными за чистѣйшую выдумку славнаго натуралиста; таково упорство философовъ и таково правило невѣжества—отвергать дѣйствительность того, чего мы не можемъ доказать. Камень, безъ сомнѣнія, очень рѣдкій и едва-ли не самый лучшій въ мірѣ.

Дворъ въ это время находился въ Казертѣ, гдѣ мы представлены были королю неаполитанской дамой, герцогиней Феролетой, и приняты очень ласково. Мой сынъ иногда участвовалъ въ королевской охотѣ, но чаще занимался со мной искусствами и древностями, при чемъ я купила нѣсколько картинъ, эстамповъ и скульптурныхъ произведеній.

Вечера наши всегда проводились въ домѣ англійскаго министра и, такимъ образомъ, среди утреннихъ занятій и отдыха въ кругу образованнаго общества, у насъ не было скучнаго времени, лишеннаго развлеченія или труда.

Съ безконечнымъ любопытствомъ я осматривала неоцѣненныя сокровища Геркуланума и Помпеи, въ Портичи. Относительно Помпеи я осмѣлилась однажды замѣтить королю, что было бы очень интересно открыть весь городъ со всѣми его улицами, домашней обстановкой, колесницами, со всѣмъ, что погребено пепломъ, потомъ все это очистить и разставить въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ каждая вещь найдена; тогда передъ нами явилась бы полная картина

древности, способная пробудить удивленіе всей Европы: и если допускать посѣтителей за извѣстную плату, то она не только окупитъ всѣ расходы, но еще будетъ обильнымъ источникомъ доходовъ.

Король, вѣроятно, забывъ, что я говорю по-итальянски, обратился къ одному изъ своихъ придворныхъ и сказалъ, что я прекрасно понимаю вещи и что мое предложеніе очень умное и болѣе достойное вниманія, чѣмъ общепринятая рутина антикваріевъ, присяжныхъ поклонниковъ древности. Очевидно было, что король отнюдь не обидѣлся моимъ смѣлымъ замѣчаніемъ; не возражая мнѣ, онъ сказалъ: „есть одно многотомное сочиненіе съ гравюрами всѣхъ замѣчательныхъ предметовъ, открытыхъ въ Помпеѣ; если вы найдете что-нибудь достойное вашего вниманія, я прикажу представить вамъ".

Я искренно поблагодарила за такой подарокъ, который былъ гораздо интереснѣе его похвалъ.

Восходъ мой на вершину Везувія едва не стоилъ мнѣ жизни. Я была не совсѣмъ здорова, когда предприняла его, и до того изнемогла, что опасно заболѣла. Никогда не имѣя ни малѣйшаго довѣрія къ медицинскому искусству, и тѣмъ меньше неаполитанскимъ лѣкарямъ, я рѣшительно сопротивлялась всякому лѣкарству. Наконецъ, уступая просьбѣ своихъ дѣтей и лэди Лэмеръ, я стала лѣчиться у одного англичанина Друммонда; онъ не былъ практикъ по профессіи, но пользовалъ своихъ больныхъ соотечественниковъ съ большимъ успѣхомъ и усердіемъ.

Наперекоръ моему предразсудку, въ настоящемъ случаѣ, я должна была признать, что обязана жизнью медику. Климатъ и діэта скоро поправили мое здоровье, и я по-прежнему продолжала свои утреннія путешествія. Окончательно воскресило меня самое дѣйствительное средство — вниманіе императрицы.

Прискакалъ курьеръ съ отвѣтомъ на мое письмо, отправленное изъ Ливурно; Екатерина увѣряла меня въ своемъ непремѣнномъ и душевномъ сочувствіи къ моему семейству и обѣщала, по пріѣздѣ нашемъ въ Петербургъ, устроить моего сына на блестящей карьерѣ, назначить его камеръ-юнкеромъ, что давало чинъ бригадира. Она благодарила за планъ госпиталя, отзывалась о немъ съ похвалою и вообще подарила меня письмомъ самымъ любезнымъ.

Я не медлила ни минуты отвѣчать ей. Выразивъ полную мою признательность за ея доброту, я убѣдительно просила измѣнить намѣреніе ея относительно принятія моего сына ко двору.

Его воспитаніе, прибавила я, располагаетъ его къ дѣятельной жизни, и, сообразно его наклонностямъ къ военной службѣ и зачисленіемъ въ гвардейскій полкъ, онъ страстно желаетъ продолжать свое поприще и надѣется достигнуть высшихъ степеней; это составляетъ

и мое собственное желаніе. Въ заключеніе письма я обѣщала возвратиться въ Россію менѣе чѣмъ черезъ годъ и имѣть счастье увидѣться съ императрицей.

Съ этого времени я стала готовиться къ возвращенію. Поэтому, поспѣшивъ видѣть остальное и простившись съ королевской семьей, мы покинули Неаполь и снова отправились въ Римъ. Здѣсь я опять увидѣлась съ кардиналомъ Берни и Байерсомъ и пробыла въ ихъ любезномъ обществѣ долѣе, чѣмъ надѣялась, потому что въ скоромъ времени ожидали прибытія въ Римъ великаго князя Павла съ его женой.

Я сочла неприличнымъ уѣхать отсюда, не дождавшись ихъ, и потому рѣшила отсрочить отъѣздъ, чтобъ встрѣтить почетныхъ гостей и представить имъ моего сына и дочь.

Когда только великій князь отправился въ Неаполь, мы выѣхали изъ Рима въ Лоретто. Здѣсь мы остановились на тридцать шесть часовъ, осмотрѣли драгоцѣнныя ризы Мадонны—приношенія столь многихъ монарховъ; меня изумилъ подборъ изумрудовъ единственной красоты, подаренный испанскимъ королемъ.

Въ Болоньѣ мы пробыли два дня съ половиной и посѣтили ея знаменитый университетъ. Заѣхавъ въ Феррару на двое сутокъ, мы продолжали нашъ путь въ Венецію.

Уполномоченный нашъ въ этой республикѣ, графъ Марути, принялъ насъ въ свой собственный домъ, убранный съ необыкновенной роскошью, по случаю нашего пріѣзда. Такимъ гостепріимствомъ я, конечно, была обязана графу за нѣкоторыя услуги, оказанныя ему моимъ дядей, канцлеромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его личному тщеславію. Онъ недавно получилъ отъ нашего двора орденъ св. Анны; между многочисленными украшеніями его палаццо, повсюду виднѣлась звѣзда и анненская лента—въ живописи и скульптурѣ. Впрочемъ, не мнѣ критиковать слабости этого человѣка, благодаря которому, я пріобрѣла здѣсь двѣ превосходныхъ картины Каналетти.

Въ Венеціи я запаслась гравюрами первостепенныхъ художниковъ, къ дополненію уже начатой мной коллекціи, которая заключала образцы постепеннаго развитія искусства, во всѣ періоды исторіи его.

Мы объѣзжали въ гондолѣ церкви и монастыри, богатыя живописью; но все это давно извѣстно; описанія и подробности этой монументальной страны занимаютъ цѣлые фоліанты; потому я не стану повторять сказаннаго и вдругъ перенесу моего читателя черезъ Падую, Виченцу и Верону изъ Венеціи въ Вѣну.

XVII.

Въ Вѣнѣ мы были встрѣчены нашимъ посланникомъ графомъ Дмитріемъ Голицынымъ; его вниманіе и радушіе заставили насъ скоро забыть утомленіе и неудобства, соединенныя съ путешествіемъ черезъ Альпійскія горы. Онъ предусмотрѣлъ и приготовилъ намъ всевозможный комфортъ съ тѣмъ рѣдкимъ радушіемъ, за который его любили въ этомъ городѣ, гдѣ онъ былъ почти свой. Манеры его были стараго французскаго куртизана; и хотя онъ не отличался природными способностями, но критическое знаніе людей, соединенное съ утонченнымъ свѣтскимъ лоскомъ, упрочило за нимъ на долго этотъ важный постъ. Съ помощью его мы скоро познакомились со всѣмъ аристократическимъ обществомъ Вѣны.

Императоръ Іосифъ въ это время страдалъ глазной болѣзнью и принужденъ былъ, избѣгая солнечнаго свѣта, заключиться въ кабинетѣ. Я не надѣялась найти доступъ къ нему, хотя графъ Кегловичъ, одинъ изъ старыхъ моихъ знакомыхъ, близкій къ государю, передалъ мнѣ нѣсколько любезныхъ словъ отъ имени императора, повидимому желавшаго видѣть меня.

Князь Кауницъ, первый министръ заѣхалъ ко мнѣ и оставилъ карточку; такой чести, какъ я узнала позже, онъ удостаивалъ немногихъ. Эта надутая личность долго занимала высшія государственныя должности, и въ продолженіе большей части своей жизни безъ контроля распоряжалась какъ своими, такъ и государственными дѣлами. При Маріи Терезіи онъ не зналъ границы своимъ прихотямъ, и императрица не противорѣчила, зная, что подъ ея державой не было ни одного человѣка, равнаго ему въ знаніи политики и въ умѣніи руководить ею. Въ настоящее правленіе онъ пользовался тѣмъ же безграничнымъ довѣріемъ, уполномоченный на все и управляя всѣмъ по собственной волѣ; однимъ словомъ, Кауницъ былъ, что называется, лицомъ привилегированнымъ.

Разсказываютъ анекдотъ о неприличной безцеремонности Кауница относительно одного знаменитаго лица, бывшаго у него однажды гостемъ. Папа Пій VI, находясь въ Вѣнѣ, былъ приглашенъ обѣдать въ его домъ; между тѣмъ, Кауницъ, нисколько не стѣсняясь этимъ посѣщеніемъ, отправился утромъ въ деревню и занимался верховой ѣздой дольше обыкновеннаго, такъ что не успѣлъ явиться въ назначенный часъ и принять папу. Наконецъ, прихрамывая и съ хлыстомъ въ рукѣ, онъ представился Пію VI, подождавшему его. Прежде чѣмъ былъ поданъ обѣданъ, Кауницъ продолжалъ щеголять передъ своимъ почтеннымъ гостемъ въ утреннемъ платьѣ и показывать ему хлыстомъ нѣкоторыя замѣчательныя картины.

Я отдала визитъ Кауницу и скоро получила приглашеніе обѣдать у него; я согласилась, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ обѣдъ былъ назначенъ раньше, и при томъ безъ всякаго замедленія, оговорившись, что здоровье не позволяетъ мнѣ отступать отъ этой регулярности.

Надо замѣтить, что онъ очень любилъ поступать наперекоръ тому лицу, которое начинало съ нимъ знакомство на какихъ бы то ни было условіяхъ; за всѣмъ тѣмъ, когда я вошла въ его домъ, въ три часа съ половиной онъ ожидалъ меня.

За столомъ онъ говорилъ о предметахъ, близкихъ моему отечеству и, между прочимъ, обратилъ разговоръ на Петра I. „Ему, замѣтилъ онъ, Россія обязана, какъ своему политическому творцу, величайшими благодѣяніями“. Я опровергала это мнѣніе, приписывая его заблужденіямъ и предразсудкамъ иностранныхъ писателей, которые распространили его съ той цѣлью, чтобъ превознести похвалами себя или свои націи: Петръ I окружалъ себя иностранцами; очевидно, слава его творчества и трудовъ въ нѣкоторой степени должна отразиться на его помощникахъ.

— За долго до этого монарха, сказала я, Россія славилась великими завоеваніями: „Казань, Астрахань, Сибирь и богатая воинственная „Золотая Орда“ покорились нашему оружію; что же касается до искусствъ, они давно были введены и покровительствуемы въ Россіи. Мы можемъ похвастаться историками, которые оставили намъ гораздо больше манускриптовъ, чѣмъ вся Европа вмѣстѣ.

— Но вы, кажется, забываете,— сказалъ Кауницъ,—что Петръ I ввелъ въ Россіи политическій союзъ съ другими европейскими государствами, и только со времени его мы начали признавать ея существованіе.

— Послушайте, отвѣчала я,—такая обширная страна, какъ Россія, надѣленная всѣми источниками силы и богатства, не нуждается на пути своего величія въ иностранной помощи; если управлять ею хорошо, она не только неприступна въ своей собственной мощи, но въ состояніи располагать судьбой другихъ народовъ, какъ ей угодно. При томъ, извините меня, если я замѣчу, что это непризнаніе Россіи до Петра было скорѣе невѣжествомъ и глупостью европейскихъ народовъ,—упустить изъ виду такую страшную силу. Впрочемъ, я готова признать заслуги этого необыкновеннаго человѣка. Онъ былъ геній. Дѣятельный и неутомимый на поприщѣ улучшенія своей страны; но эти достоинства были омрачены недостаткомъ воспитанія и буйствомъ его самовольныхъ страстей. Жестокій и грубый, онъ все, что было подчинено его власти, топталъ безъ различія, какъ рабовъ, рожденныхъ для страданій. Еслибъ онъ обладалъ умомъ великаго законодателя,

онъ, по примѣру другихъ народовъ, предоставилъ бы промышленнымъ силамъ, правильной реформѣ времени постепенно привести насъ къ тѣмъ улучшеніямъ, которыя онъ вызвалъ насиліемъ; или, еслибъ онъ умѣлъ оцѣнить добрыя качества нашихъ предковъ, онъ не сталъ бы уничтожать оригинальность ихъ характера иностранными обычаями, показавшимися ему несравненно выше нашихъ. Относительно законовъ, этотъ монархъ, отбросивъ рутину своихъ предшественниковъ, такъ часто измѣнялъ свои собственные, иногда единственно потому, что такъ ему хотѣлось, уронилъ ихъ уваженіе, и они потеряли половину своей силы. Какъ рабы, такъ и владѣльцы ихъ были въ равной мѣрѣ жертвой его необузданной тиранніи. Первыхъ онъ лишилъ общиннаго суда, ихъ единственной защиты отъ самопроизвольнаго угнетенія; у вторыхъ онъ отнялъ всѣ привилегіи. И за что? чтобы прочистить дорогу военному деспотизму — самому гибельному и ненавистному изъ всѣхъ формъ правленія. Его тщеславное намѣреніе поднять Петербургъ волшебнымъ жезломъ своей воли до того было безжалостнымъ распоряженіемъ, что тысячи работниковъ погибли въ болотахъ. Мало того, дворяне были обязаны не только доставлять людей для поспѣшнаго исполненія этого труда, но и строить дома по плану императора, нуждались ли они въ нихъ или нѣтъ — все равно. Одно изъ его произведеній, стоившее, правда, необыкновенныхъ усилій и расходовъ, достойно было бы славы своего творца, еслибъ только оно отвѣчало своему назначенію—я говорю объ адмиралтействѣ и морской верфи на берегахъ Невы; но никакіе труды не могли сдѣлать эту рѣку судоходной для военныхъ и даже купеческихъ кораблей, съ самымъ умѣреннымъ грузомъ. При Екатеринѣ II,— замѣтила я, — Петербургъ процвѣлъ вчетверо больше, какъ по красотѣ, такъ и по обширности общественныхъ зданій, царскихъ дворцовъ, и постройка ихъ не стоила намъ ни усиленныхъ налоговъ, ни чрезвычайныхъ мѣръ, никакого стѣсненія.

Слова мои, казалось, произвели нѣкоторое впечатлѣніе на князя Кауница; желая, можетъ быть, заставить меня говорить дальше, онъ замѣтилъ: „за всѣмъ тѣмъ отрадно видѣть великаго монарха, работающаго съ топоромъ въ рукѣ на верфи“.

— Вашему превосходительству,—сказала я,—угодно шутить; вы, конечно, лучше другихъ знаете, что монарху нѣтъ времени заниматься дѣломъ простаго ремесленника. Петръ I имѣлъ средства нанять не только карабельщиковъ и плотниковъ, но адмираловъ, откуда угодно; по моему мнѣнію, онъ забылъ свои обязанности, когда губилъ время въ Саардамѣ, работая самъ и изучая голландскіе термины, которыми онъ, какъ это видно изъ его указовъ и морской фразеологіи, засорилъ русскій языкъ. Въ томъ же духѣ изъ тѣхъ же странныхъ

побужденій, онъ посылалъ своихъ дворянъ за границу—лично изучать искусства и ремесла, какъ, напримѣръ, садоводство, ветеринарное и рудокопное дѣло, чего у насъ самихъ не было; я думаю, съ большей пользой дворяне могли посылать своихъ собственныхъ людей за этими познаніями и потомъ учить ихъ дома.

На этомъ я остановилась: Кауницъ молчалъ; я, безъ сожалѣнія, перешла къ другому предмету, опасаясь слишкомъ откровенно высказаться относительно ложно понятыхъ заслугъ Петра I.

На слѣдующій день графъ Кегловичъ сообщилъ мнѣ, что Кауницъ передалъ въ нѣсколькихъ словахъ весь мой разговоръ императору.

Съ моей стороны, конечно, было справедливымъ дѣломъ опровергнуть предразсудокъ министра съ тѣмъ жаромъ, какой внушала любовь къ истинѣ и отечеству; но мое самолюбіе никогда не простиралось такъ далеко, чтобы считать свой разговоръ достойнымъ особеннаго вниманія Кауница и его государя.

При всемъ томъ, именно съ этого времени Кегловичъ съ особеннымъ интересомъ разспрашивалъ меня о времени нашего отъѣзда. За день его, графъ убѣдительно упрашивалъ меня пробыть въ Вѣнѣ еще нѣсколько дней, потому что императоръ не совсѣмъ поправился. Я отвѣчала ему, что мнѣ невозможно удовлетворять всѣмъ личнымъ своимъ желаніямъ, что я путешествую не для собственнаго моего удовольствія, но для пользы моего сына; еще бывши въ Италіи, я просила прусскаго короля взять моего сына съ собой на предстоящій военный смотръ и, получивъ его милостивое согласіе, должна немедленно отправиться въ Берлинъ. Сегодня вечеромъ, прибавила я, мнѣ хотѣлось еще разъ взглянуть на прекрасное собраніе по естественной исторіи въ императорской галлереѣ и потомъ ужинать у князя Голицына; здѣсь я надѣялась увидѣть Іосифа, пользуясь послѣднимъ благопріятнымъ случаемъ, такъ какъ завтра я непремѣнно должна оставить Вѣну.

Послѣ обѣда мы пришли въ императорскую галлерею, и прежде чѣмъ я успѣла осмотрѣться, предо мной былъ государь, съ шелковымъ зеленымъ зонтикомъ на глазахъ. Онъ подошелъ къ намъ съ необыкновенно кроткимъ видомъ и выразилъ сожалѣніе, что, несмотря на все его желаніе, онъ не могъ познакомиться со мной раньше: я оторопѣла при такомъ радушномъ обращеніи. Онъ заговорилъ о Екатеринѣ съ тѣмъ уваженіемъ, которое я вполнѣ раздѣляла съ нимъ. Это коротенькое свиданіе произвело на меня самое отрадное впечатлѣніе.

Прощаясь, государь извинился, что такъ долго удержалъ меня отъ моихъ любимыхъ занятій въ галлереѣ, и просилъ принять что-нибудь

изъ дублетовъ. Я не желала злоупотреблять такимъ великодушнымъ позволеніемъ, но выбрала нѣсколько вещей изъ венгерскихъ рудниковъ и другихъ провинцій.

Вечеромъ мы ужинали у нашего посланника и на другое утро были по дорогѣ въ Прагу. Здѣсь мы пробыли не долго: молодой Дашковъ межъ тѣмъ старался составить нѣкоторое общее понятіе объ австрійской тактикѣ, осмотрѣть Прагскую крѣпость и другое укрѣпленіе, воздвигнутое на Богемской границѣ. А я въ это время собирала образчики окаменѣлаго дерева и куски мрамора, купленнаго очень не дорого.

Изъ Праги мы подвинулись въ Дрезденъ, гдѣ прожили нѣсколько дней, посѣщая блистательные вечера князя Сакена. Картинная галлерея, по-прежнему, была предметомъ нашего наслажденія. Здѣсь я узнала, что коллекція графа Брюля была куплена императрицей; она прибавила нѣсколько новыхъ предметовъ къ богатому кабинету живописи и скульптуры, основанному въ Россіи Екатериной, любительницей и покровительницей искусствъ.

Время военныхъ смотровъ, назначенное прусскимъ королемъ, приближалось; поэтому мы торопились явиться въ Берлинъ. Королевская фамилія приняла насъ, по обыкновенію, очень гостепріимно; мой сынъ былъ представленъ ей княземъ Долгорукимъ, принимавшимъ всегда самое живое участіе въ моемъ семействѣ. Онъ ввелъ молодаго Дашкова ко всѣмъ иностраннымъ министрамъ, взялъ его съ собой въ Потсдамъ, гдѣ графъ Герцъ, генералъ-адъютантъ, представилъ его королю.

Фридрихъ Великій обласкалъ моего сына и съ удовольствіемъ пригласилъ его въ своей свитѣ на парадъ.

Вскорѣ король переѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ на площади большаго парка собралось до сорока двухъ тысячъ войска.

Во время самаго осмотра, какъ я узнала, женщинамъ было запрещено присутствовать и подходить къ королю. Впрочемъ, Фридрихъ сдѣлалъ исключеніе изъ общаго правила для меня. Онъ желалъ видѣть и говорить со мной и если мнѣ угодно взглянуть на парадъ, принцессѣ было поручено привести меня въ паркъ и указать мѣсто, гдѣ я могла встрѣтиться съ королемъ. Графу Финкенштейну было приказано предупредить принцессу о днѣ, часѣ и мѣстѣ, назначенномъ Фридрихомъ.

Въ одно изъ утръ ея высочество, впослѣдствіи прусская королева, заѣхала ко мнѣ и повезла меня въ паркъ; достигнувъ условленнаго мѣста, она къ величайшему моему удивленію, высадила меня одну изъ кареты:

„Здѣсь, моя милая княгиня, король желаетъ съ вами говорить; что же до меня, я не имѣю ни малѣйшей охоты видѣть этого стараго брюзгу и поѣду дальше“.

Я очень рада была встрѣтиться съ княземъ Долгорукимъ, который принялъ меня здѣсь. Черезъ полчаса, прежде чѣмъ были распущены войска, подъѣхалъ ко мнѣ король, слѣзъ съ лошади и, снявъ шляпу, продолжалъ нѣсколько минутъ разговаривать; войска, разумѣется, крайне удивились, потому что въ первый разъ видѣли Фридриха разговаривающимъ съ женщиной во время военныхъ упражненій. Наконецъ, король ушелъ, и принцесса снова взяла меня съ собой.

На другой день за ужиномъ съ королевой, обращавшейся со мной на истинно дружеской ногѣ, что, впрочемъ, я испытала отъ всѣхъ членовъ королевской семьи, принцесса Генріетта очень важно замѣтила, что исторія не умолчитъ обо мнѣ, какъ объ единственной личности, въ пользу которой Фридрихъ нарушилъ свою дисциплину.

Мой сынъ провожалъ короля въ его военныхъ разъѣздахъ; вслѣдствіе этого мы разстались, условившись встрѣтиться на извѣстномъ пунктѣ по Сѣверной дорогѣ. Такъ я была принуждена, съ крайнимъ сожалѣніемъ, оставить Берлинъ. Я пріѣхала къ назначенному пункту, въ моей каретѣ, въ то самое время, когда покидалъ его король. Онъ очень любезно поклонился мнѣ мимоходомъ, замѣтивъ, какъ я потомъ слышала, князю Долгорукову, что только одна мать можетъ такъ точно разсчитывать время разлуки съ своимъ любимымъ сыномъ.

Князь Долгорукій былъ пламенный поклонникъ Фридриха Великаго и все, что онъ видѣлъ въ военной системѣ, старался изучить.

Черезъ день послѣ, мы были на пути къ Кенигсбергу, гдѣ долженъ былъ проѣзжать король. Здѣсь я была очень рада услышать отъ генерала Моллендорфа, что Фридрихъ назвалъ моего сына молодымъ человѣкомъ, обѣщающимъ со временемъ отличнаго знатока своего дѣла.

Въ Кенигсбергѣ мы остановились на нѣсколько дней и потомъ, черезъ Мемель, отправились въ Ригу, гдѣ также пробыли недолго, по просьбѣ генерала Брауна. Здѣсь, въ столицѣ Ливоніи, имя моего отца было въ большомъ уваженіи. Онъ нѣкогда поддерживалъ ливонскихъ дворянъ въ Сенатѣ, какъ безпристрастный защитникъ ихъ преимуществъ, когда русскіе помѣщики потеряли ихъ собственныя. Впрочемъ, благоразуміе Екатерины не допустило этого различія между ея подданными равнаго состоянія: она впослѣдствіи поставила и русскихъ и ливонскихъ дворянъ на одну степень.

Оставивъ Ригу, мы только одну ночь провели въ дорогѣ и благополучно возвратились въ Петербургъ.

Здѣсь оканчивается мое путешествіе, совершенное съ самыми скромными средствами и требовавшее всей силы материнской любви. Воспитаніе моего сына было предметомъ всѣхъ моихъ желаній, выше всѣхъ препятствій и жертвъ. Я желала сохранить его нравственныя

начала неприкосновенными, спасти его отъ тысячи обольщеній, столь неизбѣжныхъ для молодаго человѣка дома. Вслѣдствіе этого я рѣшила увезти его за границу. Рѣшившись одинъ разъ оставить Россію. я убѣждена была, что англійское воспитаніе всего лучше отвѣчало его развитію. Разумѣется, я предвидѣла, что исполненіе моего плана не могло миновать долговъ; но я надѣялась легко раздѣлаться съ ними съ помощью небольшихъ лишеній и строгой экономіи, при моей скромной жизни, вдали отъ свѣта.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ убѣжденій, я оставила отечество и теперь вступаю въ него съ восторгомъ, видя счастливое осуществленіе своихъ задушевныхъ надеждъ.

XVIII.

Въ іюлѣ 1782 года я возвратилась въ Петербургъ; не имѣя здѣсь дома, я поселилась на своей дачѣ Кирiановкѣ, въ четырехъ верстахъ отъ города. Сестра моя, Полянская, и ея дочь немедленно пріѣхали ко мнѣ. Онѣ были единственными родственниками, оставшимися въ живыхъ въ Петербургѣ: отецъ мой жилъ во Владимірѣ, будучи губернаторомъ.

Черезъ два дня по пріѣздѣ, я узнала, что князь Потемкинъ почти каждый день бываетъ у своей племянницы, графини Скавронской, жившей по сосѣдству со мной; я послала къ нему слугу съ просьбой, чтобы племянникъ его навѣстилъ меня; черезъ него я желала передать его свѣтлости порученіе къ императрицѣ. На другой день князь Потемкинъ явился самъ, но, къ сожалѣнію, не засталъ дома; мы были у графа Панина.

Впрочемъ, на другое утро онъ прислалъ своего племянника, генерала Павла Потемкина; я просила его сообщить своему дядѣ, чтобъ онъ выхлопоталъ мнѣ особенное позволеніе представиться съ дѣтьми императрицѣ въ Царскомъ Селѣ; съ тѣмъ вмѣстѣ я поручила ему узнать о результатѣ просьбы, поданной графомъ Румянцевымъ въ военную коллегію относительно опредѣленія моего сына его адъютантомъ и, наконецъ, хотѣла знать, какой постъ онъ можетъ занять въ арміи.

Черезъ два дня посѣтилъ меня генералъ Потемкинъ и увѣдомилъ, что его дядя доложилъ Екатеринѣ о моемъ пріѣздѣ и, вслѣдствіе приказанія ея, приглашаетъ меня съ дѣтьми обѣдать въ Царскомъ Селѣ, въ слѣдующее воскресеніе; здѣсь же, прибавилъ онъ, вы узнаете подробности касательно производства князя Дашкова.

Но я не могла воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ императрицы, потому что мой сынъ наканунѣ тяжко заболѣлъ лихорадкой и всю ночь провелъ въ бреду. Опасаясь за его жизнь, я забыла о своей собственной болѣзни и всю ночь провела у постели его, не взявъ предосторожности надѣть чулки, хотя чувствовала ревматизмъ въ колѣнкахъ.

На другой день я поспѣшила видѣть генерала Потемкина на нѣсколько минутъ. Это сдѣлала я изъ уваженія къ императрицѣ, при томъ мнѣ хотѣлось узнать что-нибудь о назначеніи моего сына.

По прошествіи четырехъ дней — въ это время я принимала къ себѣ только сестру свою, Полянскую, и друга нашего, Роджерсона,— мой сынъ былъ внѣ всякой опасности. Тогда я сама начала чувствовать ревматическіе припадки; они скоро прошли, но полное мое выздоровленіе продолжалось долго.

Это зависѣло, какъ я думаю, отъ моего страстнаго желанія увидѣться съ Екатериной, потому что, откладывая день за день, я считала это время совершенно потеряннымъ для своего сына. Черезъ доктора Роджерсона, который видѣлъ государыню каждое воскресеніе, я извѣстила ее о своей болѣзни, не позволявшей мнѣ сойти съ постели.

Едва поправившись немного, я не медлила посѣтить Царское Село; на что материнская любовь не способна? Съ трудомъ я вошла въ карету, и хотя мы ѣхали тихо и съ частыми роздыхами, за всѣмъ тѣмъ это путешествіе утомило меня.

Наконецъ, я вступила во дворецъ, въ пріемную залу, черезъ которую императрица, обыкновенно, проходила въ церковь. Я рѣшилась подождать, но Екатерина вышла ко мнѣ навстрѣчу. Пріемъ былъ самый искренній и благосклонный.

Какъ статсъ-дама, я не задумалась представить свою дочь, а гофмейстеръ провелъ моего сына. Государыня, замѣтивъ мое тревожное состояніе и слабость и, проводя рядомъ комнатъ, иногда сокращала шагъ и останавливалась.

Возвращаясь изъ церкви, я слишкомъ была утомлена, чтобы провожать Екатерину; оставшись позади и пропустивъ ея свиту, я пошла себѣ спокойно. Проходя тронной залой, я была встрѣчена княземъ Потемкинымъ, который спросилъ меня, чего я желаю относительно князя Дашкова и какой его чинъ въ арміи. „Государыня, отвѣчала я, уже знаетъ о моихъ желаніяхъ; что же касается до его чина, то я думаю вашему превосходительству, какъ военному министру, это лучше знать. Вотъ уже двѣнадцать лѣтъ, какъ онъ зачисленъ былъ императрицей юнкеромъ въ кирасирскій полкъ; въ то же время дано приказаніе производить его по порядку; о результатѣ этого распоряженія

я не знаю; мнѣ тоже неизвѣстно, принята или нѣтъ просьба графа Румянцева объ опредѣленіи моего сына адъютантомъ его".

Князь рѣзко оставилъ меня, и мнѣ непріятно было, что онъ тотчасъ же уѣхалъ въ городъ. Вслѣдъ затѣмъ маршалъ двора извѣстилъ, что императрица проситъ меня съ дѣтьми остаться обѣдать у нея.

Со временъ Петра I нашъ придворный этикетъ былъ устроенъ на нѣмецкій ладъ, предоставивъ военному сословію извѣстныя преимущества и совершенно отдѣливъ его отъ другихъ состояній. Зная, что юнкеръ не имѣетъ чести сидѣть за однимъ столомъ съ царицей, я изумилась такому приглашенію.

Желая отдохнуть, я сѣла, въ ожиданіи обѣда, въ комнатѣ, смежной той, гдѣ императрица, обыкновенно, играла въ шахматы.

Когда былъ поданъ обѣдъ, Екатерина, проходя черезъ комнату, обратилась ко мнѣ и громко сказала, такъ, чтобы слышала вся ея свита: „Я нарочно хотѣла оставить вашего сына юнкеромъ еще на одинъ день, и въ этомъ качествѣ пригласила его обѣдать съ собой, за тѣмъ, чтобы показать мое отличное вниманіе, съ которымъ я ставлю вашихъ дѣтей выше всѣхъ другихъ".

Этотъ комплиментъ имѣлъ свое дѣйствіе; онъ былъ выраженъ неподражаемо-деликатно и такъ ловко поправилъ забытое обѣщаніе.

За обѣдомъ Екатерина посадила меня около себя и говорила исключительно со мной. Хотя я была хорошо настроена и чувствовала себя не дурно, но не могла ничего ѣсть, что не миновало замѣчанія государыни. Она сказала, что мнѣ необходимо немного отдохнуть и что комнаты уже приготовлены для меня. Я очень была рада встрѣтить такое милое вниманіе и собралась съ силами сопутствовать императрицѣ во время вечерней прогулки ея; она опять примѣнялась къ моей слабой походкѣ, останавливала меня и при каждомъ поворотѣ давала отдохнуть. По окончаніи прогулки я сѣла въ карету и отправилась въ Петербургъ, боясь быть вдали отъ дома въ своемъ настоящемъ положеніи.

На другой день я получила отъ Екатерины копію съ указа, по которой мой сынъ произведенъ въ капитаны Семеновскаго гвардейскаго полка, что̀ давало ему чинъ подполковника. Я была необычайно рада, Дашковъ еще больше. Спокойствіе духа и прекрасная лѣтняя погода поправили мое здоровье скорѣе, чѣмъ я надѣялась.

Когда дворъ переѣхалъ въ Петербургъ, на этотъ разъ раньше обыкновеннаго, я явилась поблагодарить Екатерину за производство сына. Императрица приняла меня такъ же благосклонно, какъ въ Царскомъ Селѣ; на слѣдующій вечеръ, она пригласила въ Эрмитажный театръ — честь доступная немногимъ, потому что онъ былъ очень тѣсенъ и отдѣлка его еще не окончена.

На слѣдующій день я повезла своихъ дѣтей на обѣдъ къ первому министру, графу Панину, котораго дача была недалеко отъ насъ. Во время самаго обѣда явился офицеръ и подалъ мнѣ письмо отъ князя Потемкина, написанное по приказанію императрицы; въ этомъ письмѣ Екатерина предложила мнѣ назначить, по собственному моему выбору, имѣніе, за исключеніемъ поземельной казенной собственности, которая по силѣ новаго распоряженія, признавалась неотчуждаемой.

Я искренно благодарила императрицу за ея доброе желаніе, но въ то же время отвергнула всякій выборъ съ своей стороны, предоставивъ ей самой назначить, что вполнѣ удовлетворитъ меня.

Черезъ два дня я получила другое письмо отъ князя; онъ увѣдомилъ меня, что ограниченія относительно пріобрѣтенія коронныхъ земель не простираются на Бѣлоруссію; напротивъ, государыня желала бы отдать ихъ подъ управленіе русскихъ дворянъ; если такое пріобрѣтеніе соглашается съ моими желаніями, то я могу выбрать себѣ свободные участки, болѣе плодородные, чѣмъ въ самой Россіи.

Отвѣчая на письмо, я возразила такъ: „Если наслѣдственные владѣтели принимаютъ отвѣтственность передъ правительствомъ въ употребленіи такихъ правъ, перешедшихъ къ нимъ отъ предковъ, то собственники крестьянъ и земель, творимые по одной милости государя, еще строже должны отвѣчать за свои обязанности. Мои распоряженія въ управленіи имѣніемъ дѣтей именно основывались на этомъ убѣжденіи; къ счастью, польза ихъ доказывается возрастающей промышленностью, благосостояніемъ и счастіемъ крестьянъ, подвластныхъ мнѣ; но могу ли льстить себя надеждой на тотъ же успѣхъ въ управленіи полупольскаго и полуеврейскаго населенія, не знакомая ни съ ихъ образомъ жизни, ни съ языкомъ; и заботясь объ улучшеніи ихъ, я не найду и половины удовольствія въ такомъ владѣніи".

Мы обмѣнялись нѣсколькими письмами по этому предмету; въ заключеніе я объявила, что все, что императрица ни признаетъ своей собственностью, я принимаю ее, какъ неожиданный и незаслуженный даръ.

Черезъ два дня я получила письмо отъ перваго секретаря, графа Безбородко, съ приложеніемъ копіи съ указа, по которому мнѣ жаловалось помѣстье Круглово, съ двумя тысячами пятью стами крестьянъ. Это имѣніе прежде принадлежало гетману Огинскому, и въ его рукахъ было очень обширнымъ, занимавшимъ много земли, на обоихъ берегахъ рѣки, но при первомъ раздѣлѣ Польши, когда эта рѣка была положена границей Бѣлоруссіи, многіе лѣса и деревни, самая лучшая часть имѣнія, осталась на польской территоріи.

Кажется, императрица не знала о раздробленіи этой земли и была увѣрена, что все Круглово принадлежитъ мнѣ и что подарокъ

ея равняется тѣмъ имѣніямъ, которыя она раздавала своимъ первымъ министрамъ. Это, между прочимъ, было замѣтно изъ ея словъ, когда я пріѣхала поблагодарить ее. „Я очень счастлива, сказала она, что такое обширное имѣніе перешло въ ваши руки; Огинскій, какъ неблагодарный владѣтель, не заслуживалъ его“.

Этотъ Огинскій долго былъ врагомъ Россіи, иногда открытымъ и, наконецъ, многимъ обязанный Екатеринѣ, отказался дать присягу на владѣніе своихъ земель въ Бѣлоруссіи, покоренной императрицей. Я часто вспоминала о замѣчаніи ея; на слѣдующій годъ, посѣтивъ свое помѣстье, я увѣрилась окончательно, что Екатерина не имѣла никакого понятія о состояніи его; къ крайнему своему удивленію, я нашла крестьянъ лѣнивыми, грязными и преданными отчаянному пьянству, такъ что они едва походили на людей.

Въ имѣніи не было достаточно лѣсу даже для собственнаго отопленія; чтобъ выкурить немного водки, необходимо было обращаться въ сосѣднія владѣнія; здѣсь не было ни одного парома для перевозки необходимыхъ вещей, и на десять человѣкъ приходилась одна корова, на пять крестьянъ—одна лошадь. Кромѣ того, народонаселеніе, со включеніемъ всѣхъ грудныхъ дѣтей, было сто шестьюдесятью семью душами меньше двухъ тысячъ пятисотъ: ясное доказательство воровства и небрежности чиновниковъ, которые ради личныхъ выгодъ готовы скрыть или покровительствовать всякому злоупотребленію, не безполезному для ихъ кармана. Поэтому-то государственные крестьяне находятся въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ всѣ прочія сословія въ Россіи.

Относительно недостатка въ числѣ крѣпостныхъ, утвержденныхъ за мной указомъ, я могла бы жаловаться Сенату, и онъ вознаградилъ бы меня, нисколько не безпокоя императрицу, но я разсудила умолчать. Въ продолженіе первыхъ двухъ лѣтъ, я употребила весь капиталъ, какимъ только могла располагать, на улучшеніе своего новаго помѣстья.

Но возвращаюсь къ своему прерванному разсказу. Маршалъ двора сообщилъ мнѣ, что я могу посѣщать домашніе концерты Екатерины, на которыхъ никто, даже статсъ-дамы, не могли присутствовать безъ особеннаго разрѣшенія государыни. Я упоминаю объ этомъ, какъ особенномъ расположеніи ко мнѣ Екатерины въ ту пору, на самомъ дѣлѣ ничтожномъ, но стоившемъ мнѣ нѣсколькихъ враговъ и возбудившемъ противъ меня придворную зависть, хотя состояніе мое далеко было незавидно.

Въ первый же вечеръ я отправилась на эти концерты; едва вошла въ комнату, какъ императрица обратилась ко мнѣ съ такимъ вопросомъ: „почему же княгиня вы однѣ?“ Я не совсѣмъ поняла ее;

но она тотчасъ же прибавила: „почему вы безъ дѣтей; мнѣ очень жалко, что вы за отсутствіемъ ихъ будете здѣсь не въ своей тарелкѣ“.

Понявъ смыслъ этого замѣчанія, я сердечно поблагодарила ее за вниманіе.

У меня не было въ Цетербургѣ дома; чтобъ избѣжать лишнихъ расходовъ на наемъ квартиры и сберечь что-нибудь для своего сына, я продолжала жить на дачѣ до глубокой осени. Однажды императрица спросила, неужели я живу до сихъ поръ за городомъ? Я отвѣчала утвердительно; она замѣтила, что жить въ такую позднюю осень и при томъ въ холодномъ домѣ, недавно затопленномъ водой, очень опасно для моего здоровья, „потому что“, прибавила она, „ваша дача чистое болото, очень способное для развитія ревматизма; поэтому я очень желала бы купить домъ герцогини Курляндской, какъ весьма удобное для васъ помѣщеніе, еслибъ только я не была убѣждена, что вашъ собственный выборъ будетъ лучше моего. Потрудитесь, пожалуйста, заглянуть; если онъ понравится вамъ, я дарю его въ вашу собственность“.

Увѣривъ императрицу въ своей глубокой признательности за ея доброту, я обѣщала на слѣдующей недѣлѣ посмотрѣть нѣкоторые дома, не говоря объ имени покупателя. Во-первыхъ, я осмотрѣла домъ, указанный Екатериной; онъ стоялъ на одной изъ лучшихъ улицъ, обширный и превосходно отдѣланный; цѣна его была пятьдесятъ восемь тысячъ рублей. Потомъ я видѣла домъ на Мойкѣ, принадлежавшій Нелединской и очень прилично обставленный; за него просили восемнадцать тысячъ. Дальше я не справлялась, остановившись на послѣднемъ; я сказала Нелединской, что въ продолженіе недѣли будетъ рѣшено, куплю ли я этотъ домъ или нѣтъ, попросивъ ее составить опись мебели, которая должна остаться при этомъ домѣ. На всѣ мои требованія она согласилась; но въ концѣ недѣли, когда я явилась заключить купчую, къ крайнему моему удивленію, Нелединская уже выѣхала изъ дома и вывезла большую часть мебели. Оставленный здѣсь слуга сообщилъ мнѣ, что никакой описи не было сдѣлано.

Хотя я была разсержена такимъ обманомъ, но вовсе не считала эту женщину способной на такой поступокъ; но услышавъ отъ князя Голицына, что онъ самъ видѣлъ изъ окна, какъ переносилась мебель въ другой, нанятый ею домъ, я рѣшилась поступить такъ, чтобъ не давать повода сплетничать въ городѣ на счетъ своей простоты или плутовства Нелединской. Я послала сказать ей, что такъ какъ она не сдержала своего обѣщанія, то и я освобождаю себя отъ всякаго обязательства; въ вознагражденіе же за ея переѣздъ и наемъ квар-

тиры, я беру ея домъ на годъ—за четыре тысячи рублей,—съ платой самой выгодной для нея.

Это предложеніе имѣло и другой разсчетъ, который я задумала осуществить при дворѣ черезъ князя Потемкина; именно, вмѣсто дома, мнѣ хотѣлось выхлопотать у императрицы опредѣленія дочери Полянской фрейлиной, что́ было близко къ моему сердцу и составляло одно изъ пламенныхъ желаній моей сестры.

Въ слѣдующее свиданіе съ Екатериной, она спросила меня, нашла ли я домъ по своему вкусу. „Я пока наняла себѣ квартиру“, отвѣчала я. „Но почему же вы не купили?“ возразила государыня. „Да, потому“, сказала я, улыбаясь, „что покупка дома такое же серьезное дѣло, какъ выборъ мужа; надо долго разсуждать прежде, чѣмъ рѣшиться“.

Такимъ образомъ покупка дома была на время отложена, чему я была рада, хотя другіе удивлялись, зная, что императрица уполномочила меня въ этомъ отношеніи самымъ свободнымъ выборомъ. Каждый преслѣдовалъ меня разспросами и совѣтами. Одинъ изъ друзей серьезно увѣрялъ, что я прослыву дурой при дворѣ, подобно тому, какъ уже одурачила меня Нелединская. „Кто же знаетъ“, сказалъ онъ, „ваши побужденія и кто пойметъ ихъ“.

Мой отвѣтъ на всѣ эти замѣчанія, въ которыхъ иногда проглядывало болѣе ироніи, чѣмъ дружбы, походилъ на отвѣтъ одного глупаго нѣмецкаго барона, нѣкогда мнѣ знакомаго; онъ мучилъ каждаго, подходившаго къ нему, говорилъ на французскомъ языкѣ, въ которомъ онъ чуть-чуть смыслилъ, и когда ему замѣтили, что онъ говоритъ непонятно, онъ отвѣчалъ: „Что жъ мнѣ до этого за дѣло, если я понимаю самъ себя“.

XIX.

Поселившись въ нанятомъ домѣ, я скоро убѣдилась, что покупать его не было никакой выгоды. Дѣла мои шли очень тихо; я была совершенно довольна своимъ домашнимъ обиходомъ и два раза въ недѣлю являлась ко двору.

Однажды вечеромъ мы собрались въ кружокъ, въ ожиданіи прихода императрицы; разговаривая межъ собой, мы мимоходомъ коснулись вопроса о предназначеніи человѣческой жизни; кто-то замѣтилъ, что счастіе служитъ удѣломъ однихъ; другіе, напротивъ, повидимому рождены для постоянной борьбы съ препятствіями и неудачами. Я подтвердила истину этого замѣчанія, въ которомъ убѣждали меня

многіе случаи. „Я по собственному опыту, сказала я, знакома съ геніемъ зла, преслѣдующаго свои жертвы, повсюду, на сушѣ и на водѣ; чтобъ дополнить мѣру моихъ несчастій, остается только сгорѣть моему дому“.

Странное предчувствіе: въ тотъ же самый вечеръ, когда я возвратилась домой, получила письмо изъ Москвы отъ своего управляющаго въ селѣ Троицкомъ; онъ извѣщалъ меня, что работники, окончивъ постройку моего дома, по неосторожности забыли въ одной комнатѣ горящія дрова; отъ нихъ перешло пламя къ строевому лѣсу, и произошелъ пожаръ, обратившій все зданіе въ кучу пепла.

Относительно племянницы моей, Полянской, князь Потемкинъ обѣщалъ исполнить просьбу. Въ то же время, онъ совѣтовалъ мнѣ не откладывать дальше покупку дома, иначе императрица, замѣтилъ онъ, можетъ подумать, что я отказываюсь отъ ея предложенія подъ тѣмъ предлогомъ, чтобъ не оставаться въ Петербургѣ. Поэтому я отправилась посмотрѣть домъ недавно умершаго, придворнаго банкира Фредрихса, и заключила купчую съ его вдовой, за тридцать тысячъ рублей.

Когда я доложила о томъ императрицѣ, она замѣтила, что давно уже приказано ея кабинету заплатить за домъ, чего бы онъ ни стоилъ. И надобно отдать ей въ этомъ случаѣ справедливость: узнавъ, что я далеко не сполна воспользовалась ея щедростью, она немедленно спросила, отчего же я предпочла такой дешевый домъ дворцу герцогини Курляндской, который Екатерина сама назначила и рекомендовала мнѣ.

Опасаясь, чтобъ деликатность моя не была принята за жеманность, я отвѣчала, что купленный мной домъ я выбрала на Англійской набережной, гдѣ я родилась; и такъ какъ одна государыня можетъ дать цѣну моему существованію, то я хотѣла соединить идею о милости ея съ самымъ мѣстомъ моего рожденія: это было главнымъ побужденіемъ моего выбора.

Въ настоящемъ случаѣ я очень глупо распорядилась съ своимъ безкорыстіемъ; купленный мной домъ былъ вовсе не меблированъ и хотя я сократила расходы государыни почти на половину, за всѣмъ тѣмъ, не сказавъ ни слова, я принуждена была на собственный счетъ купить мебель; какъ она ни была проста и экономична, но мнѣ пришлось занять три тысячи рублей. Впрочемъ, я дала себѣ слово (къ сожалѣнію, не сдержала этого слова) въ послѣдній разъ дѣйствовать такимъ простакомъ и слушаться больше разсудка, чѣмъ языка.

Любовникъ Ланской былъ холодно вѣжливъ въ отношеніи ко мнѣ; можетъ быть потому, что я съ своей стороны не вызывала его на

особенное расположеніе; впрочемъ, онъ оказывалъ мнѣ обыкновенное вниманіе, очевидно подъ вліяніемъ внушеній самой императрицы. Когда графъ Андрей Шуваловъ возвратился въ Петербургъ, онъ немедленно сдѣлался нахлѣбникомъ молодаго любимца и не упускалъ ни одного случая излить на меня желчь своей злости.

Со стороны князя Потемкина я всегда пользовалась добротой и уваженіемъ. Вскорѣ послѣ устройства моего дома, онъ извѣстилъ меня, что императрица, услышавшая о моихъ долгахъ, желаетъ не только освободить меня отъ нихъ, но предупредить мои нужды и на будущее время; она хотѣла бы вновь выстроить и убрать мой Московскій домъ.

Я убѣдительно просила Потемкина отклонить намѣреніе Екатерины и лучше вспомнить о моемъ желаніи относительно моей племянницы Полянской; „мнѣ совѣстно смотрѣть на нее, прибавила я, послѣ 1762 года, измѣнившаго ея судьбу подъ моимъ вліяніемъ: и этого тягостнаго чувства не искупятъ всѣ сокровища императрицы“.

До 24 ноября это дѣло оставалось не рѣшеннымъ; въ этотъ день Екатерина была именинница. Послѣ придворнаго бала, даннаго по этому случаю, я, противъ обыкновенія, провела остатокъ вечера внѣ комнатъ самой государыни. Увидѣвъ адъютанта князя Потемкина, я попросила его сходить и сказать своему генералу, что я не выйду изъ дворца до тѣхъ поръ, пока онъ не исполнитъ своего обѣщанія, не пришлетъ мнѣ копію съ указа, который включитъ племянницу мою въ число фрейлинъ.

Остававшіеся со мной въ одной комнатѣ были очень удивлены, что я послѣ общаго разъѣзда не трогалась съ мѣста; они догадались о причинѣ и результатѣ моихъ ожиданій, и я выиграла дѣло, столь близкое моему сердцу, хотя потеряла обѣщанную уплату долговъ и постройку дома въ Москвѣ; при этомъ я еще разъ могу назвать себя дурой.

Спустя добрый часъ, тотъ же адъютантъ возвратился съ копіей въ рукѣ и прочиталъ мнѣ приказаніе возвести молодую Полянскую въ достоинство фрейлины. Я побѣжала съ этой новостью къ сестрѣ, которая ужинала въ этотъ вечеръ у графа Воронцова; она была въ полномъ восторгѣ отъ новаго назначенія, дававшаго ея дочери положеніе и вѣсъ въ свѣтѣ.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ былъ данъ новый придворный пиръ, не помню, по какому обстоятельству; императрица, обходя общество, перемолвила нѣсколько словъ съ нѣкоторыми статсъ-дамами и иностранными министрами, потомъ, обратившись ко мнѣ, сказала: „у меня есть до васъ, княгиня, особенное дѣло; но теперь, я вижу, нельзя говорить о немъ“. Затѣмъ она оставила меня и снова заго-

ворила съ посланниками на другой сторонѣ залы; потомъ, вдругъ остановившись въ небольшомъ кругу, соединившемся среди комнаты, она подала мнѣ знакъ подойти къ ней. Я приблизилась, и еслибъ упала прямо съ облаковъ, я менѣе удивилась бы, чѣмъ въ ту минуту, когда императрица предложила мнѣ мѣсто директора Академіи искусствъ и наукъ.

Мое безмолвіе (я не могла на первый разъ ничего сказать) заставило Екатерину повторить свое предложеніе, сопровождаемое тысячью самыхъ лестныхъ выраженій.

„Нѣтъ, государыня, сказала я, наконецъ, не по моимъ силамъ эта обязанность; если вы шутите, то я могла бы еще принять ради пасмѣшки надъ собой это мѣсто, но никогда не соглашусь унижать ваше личное достоинство и умѣніе избирать людей, вступая въ такую должность, для которой я вовсе не способна“.

Императрица, желая убѣдить меня, приняла мой отказъ за выраженіе не совсѣмъ искренней привязанности къ ней. Я думаю, каждый, кто подходилъ къ Екатеринѣ, чувствовалъ вліяніе неотразимаго ея краснорѣчія и ловкости, когда она хотѣла овладѣть волей и умомъ извѣстнаго лица.

Со мной ей не было надобности употреблять этихъ средствъ; вслѣдствіе моей непоколебимой преданности, я всегда готова была повиноваться Екатеринѣ, лишь бы она не требовала отъ меня обязанностей выше моего собственнаго долга. Въ настоящемъ случаѣ, она напрасно расточала свое искусство.

— Назначьте меня, отвѣчала я, директоромъ вашихъ прачекъ, и вы увидите, какъ ревностно я отслужу вамъ свою службу.

— Ну, вотъ вы начали сами шутить, возразила императрица, обрекая себя на такое смѣшное дѣло.

— Вы, государыня, сказала я, хорошо знаете мой характеръ, и за всѣмъ тѣмъ вы недостаточно взвѣсили цѣну такого предложенія. По моему мнѣнію, человѣкъ даетъ достоинство своему мѣсту, и еслибъ я была поставлена во главѣ вашихъ прачекъ, я смотрѣла бы на свое назначеніе, какъ на самое завидное и почетное изъ придворныхъ мѣстъ. Положимъ, что я не занималась мытьемъ бѣлья; но ошибки, какъ слѣдствіе моего невѣжества въ этомъ дѣлѣ, нисколько не повредили бы вамъ; напротивъ, директоръ Академіи наукъ не можетъ сдѣлать ни одного ложнаго шага, который бы не былъ вреденъ самъ по себѣ и не подрывалъ довѣрія къ государынѣ, опредѣлившей его.

Императрица, несмотря на мои возраженія, настаивала, напомнивъ мнѣ о моихъ предшественникахъ, занимавшихъ это мѣсто съ меньшими способностями, чѣмъ мои.

— Тѣмъ хуже, сказала я, для тѣхъ, которые такъ мало уважали себя, принимая обязанность выше своихъ силъ.

Взоръ всего собранія обратился къ намъ.

— Хорошо, хорошо, сказала Екатерина,—оставимъ вопросъ какъ онъ есть; что же касается до вашего отказа, онъ тѣмъ больше убѣждаетъ меня въ томъ, что лучшаго выбора я не могу сдѣлать.

Этотъ разговоръ бросилъ меня почти въ лихорадку; и на лицѣ, вѣроятно, отразилось сильное душевное волненіе, потому что окружавшая насъ толпа, съ безконечнымъ самодовольствіемъ, какъ я замѣтила, подумала, что между нами произошло что-нибудь очень непріятное.

Старая графиня Матюшкина, рѣдко умѣвшая сдержать свое любопытство, очень желала допытаться, о чемъ шелъ такой одушевленный разговоръ съ Екатериной.

— Вы видите, сказала я, мое необыкновенное волненіе, и, впрочемъ, виной его единственно доброта и расположеніе ко мнѣ государыни.

Я пламенно желала поскорѣе уѣхать съ бала и, прежде чѣмъ лечь въ постель, написать императрицѣ и еще сильнѣе выразить причины моего отказа. Возвратившись домой, я тотчасъ же принялась за письмо, которое и болѣе хладнокровнаго монарха, чѣмъ Екатерина, могло бы оскорбить. Я сказала ей прямо, что частная жизнь государыни можетъ пройти незамѣченной передъ судомъ исторіи, но вредная и безразсудная раздача общественныхъ должностей никогда не пройдетъ, что, по самой природѣ, какъ женщина, *я* не могу руководить Академіей наукъ; по недостатку своего образованія, я никогда не искала ученыхъ отличій, хотя въ Римѣ представлялся мнѣ случай купить его за нѣсколько дукатовъ. Было около полуночи, когда я окончила свое письмо; послать его императрицѣ было поздно; но волнуемая нетерпѣніемъ какъ можно скорѣй отвязаться отъ этого нелѣпаго предложенія, я отправилась въ домъ князя Потемкина, у котораго никогда въ жизни не была, и приказала доложить ему о себѣ; если онъ въ постели, разбудить его.

Дѣйствительно, онъ уже спалъ. Я разсказала ему, что было въ этотъ вечеръ между мной и императрицей.

— Я ужъ слышалъ объ этомъ отъ государыни, сказалъ онъ,—и хорошо знаю ея послѣднія намѣренія. Она непремѣнно желаетъ поручить Академію наукъ вашей дирекціи.

— Но вѣдь это невозможно, возразила я,—какимъ образомъ я могу принять эту обязанность, не унизивъ себя въ своихъ собственныхъ глазахъ? Вотъ мое письмо къ императрицѣ, въ которомъ я отказываюсь; прочитайте его, князь, и потомъ я запечатаю и вручу его

вамъ; вы передадите его Екатеринѣ утромъ, какъ только она проснется.

Князь Потемкинъ, пробѣжавъ, разорвалъ его въ клочки. Изумленная и разсерженная, я спросила, какъ онъ смѣлъ разорвать мое письмо, написанное императрицѣ.

— Успокойтесь, княгиня, сказалъ онъ,—и послушайте меня. Вы искренно преданы государынѣ, въ этомъ никто не сомнѣвается; зачѣмъ же вы хотите безпокоить и огорчать ее предметомъ, который въ эти послѣдніе два дня исключительно занималъ ея мысль, и на которомъ она твердо рѣшилась? Если вы, дѣйствительно, неумолимы, вотъ перо, чернило и бумага—напишите новое письмо, но повѣрьте мнѣ, что я совѣтую вамъ, какъ человѣкъ преданный вашимъ интересамъ. Кромѣ того, я долженъ прибавить, что императрица, опредѣляя васъ на это мѣсто, имѣетъ въ виду удержать васъ въ Петербургѣ и затѣмъ имѣть случай чаще видѣться съ вами; говоря правду, вѣдь она утомлена этимъ сборищемъ дураковъ, которые ее вѣчно окружали.

Мой гнѣвъ, очень рѣдко продолжительный, почти прошелъ. Я согласилась написать болѣе умѣренное письмо, которое я хотѣла послать съ своимъ слугой, чтобы передать его государынѣ черезъ одного изъ ея придворныхъ лакеевъ, какъ только она встанетъ по утру; въ заключеніе я умоляла князя употребить все свое вліяніе, чтобъ разубѣдить императрицу въ такомъ безпримѣрномъ и странномъ назначеніи.

Пріѣхавъ домой, я сѣла за другое письмо и, несмотря на раздраженное состояніе, кончила его въ томъ же платьѣ, которое надѣла съ утра для придворнаго бала. Въ семь часовъ письмо было отправлено, и я получила на него отвѣтъ [1]); замѣтивъ о моемъ раннемъ пробужденіи, императрица насказала мнѣ очень много лестныхъ и обязательныхъ фразъ, но ни одного слова объ отказѣ, который она, очевидно, сочла не стоющимъ никакого замѣчанія.

Къ вечеру того же дня, я получила письмо отъ графа Безбородко и съ тѣмъ вмѣстѣ копію съ указа, уже переданнаго Сенату и опредѣлившаго меня директоромъ Академіи наукъ; въ силу того же указа была уничтожена прежняя коммиссія, съ общаго согласія профессоровъ, недовольныхъ дурнымъ управленіемъ послѣдняго директора Домашнева.

Окончательно сбитая съ толку, я приказала запереть дверь и никого не принимать; сама начала расхаживать по комнатамъ, обсуждая

---

[1]) См. „Переписку Екатерины“. Это письмо начинается слѣдующими словами: „Вы раньше меня встаете, прекрасная княгиня“...

всѣ трудности вновь возложенной на меня обязанности; между другими послѣдствіями, по всей вѣроятности, она должна породить многія недоразумѣнія между мной и императрицей. Въ письмѣ Безбородко заключались слѣдующія строчки: „Ея величество приказала мнѣ извѣстить васъ, что вы можете свободно являться, утромъ или вечеромъ, для совѣщанія съ государыней о дѣлахъ вашего управленія, она всегда готова отстранить всякое затрудненіе, могущее случиться на пути вашей дѣятельности".

Такимъ образомъ, я очутилась въ положеніи вьючнаго животнаго, запряженнаго въ непривычное ярмо, безъ всякаго опредѣленнаго руководительства моихъ трудовъ, даже безъ коммиссіи, которая на первый разъ могла быть полезна, сообщивъ мнѣ первоначальный толчекъ.

Первымъ моимъ дѣломъ, послѣ этого назначенія, была отсылка копіи съ указа въ Академію; я хотѣла, чтобъ коммиссія еще два дня засѣдала, чтобъ немедленно довела до моего свѣдѣнія отчетъ о различныхъ отрасляхъ академической дѣятельности, о состояніи типографіи, вмѣстѣ съ именами библіотекарей и смотрителей разныхъ кабинетовъ, чтобъ начальники каждаго отдѣленія представили мнѣ на другой день рапортъ о своихъ должностяхъ и о всемъ, что подлежитъ ихъ управленію. Въ то же время, я просила коммиссію сообщить мнѣ все, что она признаетъ болѣе важнымъ относительно обязанностей директора; прежде чѣмъ я намѣрена была приступить къ своей должности, мнѣ необходимо было составить хоть общее понятіе о ней; въ заключеніе я увѣрила почтенныхъ членовъ Академіи въ полномъ моемъ уваженіи къ ихъ ученому обществу, столь отличному по своимъ заслугамъ.

Дѣйствуя такимъ образомъ, я думала съ самаго начала избѣжать всякаго повода къ взаимному неудовольствію и зависти ученыхъ академиковъ.

На другое утро я присутствовала за туалетомъ императрицы когда обыкновенно собирались секретари ея и начальники различныхъ управленій для выслушиванія приказаній. Съ удивленіемъ я увидѣла между ними Домашнева; онъ предложилъ мнѣ свои услуги, желая познакомить меня съ дѣлами моей новой обязанности. Меня изумила дерзость этого человѣка; за всѣмъ тѣмъ, я вѣжливо отвѣчала ему, что главнымъ моимъ правиломъ будетъ сбереженіе интересовъ и довѣріе Академіи и, чтобъ дѣйствовать безпристрастно, я должна въ наградахъ и отличіяхъ ея руководиться единственно однѣми истинными заслугами; что же касается всего другаго, замѣтила я, моя неопытность заставляетъ меня обратиться за совѣтами къ самой государынѣ, которая такъ великодушно обѣщала помочь мнѣ.

Въ ту самую минуту, когда я говорила съ Домашневымъ, императрица полурастворила дверь; но, замѣтивъ насъ, тотчасъ же захлопнула ее и позвонила въ колокольчикъ своему дежурному слугѣ; онъ пригласилъ меня въ кабинетъ императрицы.

— Очень рада васъ видѣть, сказала Екатерина,—но скажите, пожалуйста, о чемъ говорило вамъ это животное—Домашневъ?

— Онъ давалъ мнѣ, отвѣчала я,—нѣкоторыя наставленія по Академіи; хотя безкорыстіе мое, въ кругу новой дѣятельности, кажется, не имѣетъ надобности въ его урокахъ; но относительно ученыхъ достоинствъ, едва-ли я не проиграю въ сравненіи съ его опытностью. Не знаю, государыня, благодарить ли васъ за такое лестное мнѣніе обо мнѣ, или, напротивъ, жалѣть за такое неслыханное и странное назначеніе женщины директоромъ ученаго общества.

Императрица увѣряла, что она не только вполнѣ довольна своимъ выборомъ, но гордится имъ.

— Да, все это очень лестно, мадамъ, сказала я,—но трудъ—руководить слѣпую волю—скоро наскучитъ вамъ.

— Перестаньте, пожалуйста, возразила она,—смотрѣть на это дѣло съ такой смѣшной точки зрѣнія и не говорите мнѣ больше объ этомъ.

Оставивъ царскій кабинетъ, я встрѣтилась съ придворнымъ маршаломъ, которому императрица приказала позвать меня за домашній ея обѣдъ. Съ этого дня меня просили всегда являться безъ церемоніи; разумѣется, при всей неограниченной свободѣ, я больше сообразовалась съ своими наклонностями и приличіемъ, чѣмъ съ добрымъ желаніемъ государыни.

Послѣ того начались поздравленія съ царской милостью и вниманіемъ; нѣкоторые, впрочемъ, изъ моихъ знакомыхъ, знавшіе, что я вовсе не радовалась такому непредвидѣнному отличію, удержались отъ комплиментовъ, которые еще больше ставили меня въ замѣшательство. Общее же впечатлѣніе этого назначенія возбудило зависть, потому что такой почетный постъ считался вовсе несвойственнымъ лицу, отнюдь не приготовленному для дворцовой политики.

На третій день, послѣ опредѣленія моего, въ воскресенье, посѣтили меня профессоры, инспекторы и другіе чиновники Академіи. Я обѣщала явиться на слѣдующій день въ Академію и предупредила ихъ, что во всѣхъ случаяхъ, когда бы они ни захотѣли переговорить со мною о дѣлахъ, дверь моего дома всегда радушно отворена имъ.

Весь этотъ вечеръ я провела въ занятіяхъ, перечитавъ нѣкоторые изъ представленныхъ рапортовъ, съ величайшимъ желаніемъ выбраться на свѣтъ среди сплетеній этого непроходимаго лабиринта; я

напередъ знала, что всякій мой шагъ будетъ предметомъ критики, которая не проститъ мнѣ ни одной, самой ничтожной ошибки.

Я также озаботилась познакомиться съ именами лучшихъ членовъ Академіи и, на другое утро, прежде чѣмъ явилась въ нее, заѣхала къ знаменитому Эйлеру; онъ зналъ меня уже давно и всегда былъ добръ и почтителенъ ко мнѣ. Недовольный поведеніемъ Домашнева, онъ удалился изъ Академіи и посѣщалъ ее только для того, чтобъ единодушно съ другими академиками противорѣчить гибельнымъ распоряженіямъ директора, о чемъ не одинъ разъ доходили письменныя жалобы до Екатерины.

Этотъ ученый, нѣтъ сомнѣнія, былъ одинъ изъ первыхъ математиковъ своего вѣка. Кромѣ того, онъ былъ хорошо образованъ по каждой отрасли наукъ; его умственныя силы и неутомимая дѣятельность были такъ велики, что онъ, даже послѣ потери зрѣнія, не оставилъ своихъ обычныхъ трудовъ; съ помощью Фусса, мужа своей внучки, читавшаго ему и писавшаго подъ его диктовку, онъ подготовилъ множество матеріаловъ, которые долго обогащали академическія изданія послѣ его смерти.

Я попросила Эйлера проводить меня въ Академію, чтобъ подъ его руководствомъ представиться въ первый разъ во главѣ ученаго собранія, обѣщавъ никогда не безпокоить его подобной просьбой въ обыкновенныхъ случаяхъ. Знаменитый математикъ, кажется, охотно принялъ мое предложеніе и, въ сопровожденіи своего сына, непремѣннаго секретаря и внука, руководившаго славнаго слѣпца, въ моей каретѣ отправился въ Академію.

Какъ только я вошла въ сборную залу, обратившись къ обществу профессоровъ и членовъ, то извинилась въ своемъ ученомъ невѣжествѣ, но засвидѣтельствовала высокое уваженіе къ наукѣ; присутствіе Эйлера, замѣтила я, показавшаго мнѣ путь въ Академію, надѣюсь, можетъ служить торжественнымъ ручательствомъ моихъ словъ.

Послѣ этой коротенькой рѣчи, я сѣла въ кресло, замѣтивъ, что Штелинъ, такъ называемый профессоръ аллегоріи, помѣстился около меня. Этотъ господинъ, котораго ученыя притязанія, можетъ быть, не превышали его назначенія, получилъ это необыкновенное званіе въ царствованіе Петра III и съ тѣмъ вмѣстѣ чинъ статскаго совѣтника, который равнялся генералъ-маіору и, по мнѣнію его, давалъ ему неоспоримое первенство между прочими членами Академіи. Обернувшись къ Эйлеру, я сказала: „садитесь, милостивый государь, гдѣ хотите; на какомъ бы стулѣ вы ни сѣли, онъ всегда будетъ первымъ“.

Эта импровизованная дань уваженія его талантамъ произвела

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московскаго Совѣта

всеобщій восторгъ и одобреніе. Не было ни одного профессора (за исключеніемъ аллегорическаго), который бы не сочувствовалъ моему отзыву и со слезами на глазахъ не признавалъ заслугъ и первенства этого почтеннаго характера.

Изъ академической залы я прошла въ канцелярію, гдѣ былъ поданъ мнѣ списокъ всѣхъ экономическихъ предметовъ заведенія. Чиновники были на своихъ мѣстахъ. Я замѣтила имъ, что за стѣнами Академіи носится слухъ о великихъ безпорядкахъ послѣдняго директора, который будто бы не только разорилъ академическую казну, но и ввелъ ее въ долги.

— Поэтому, сказала я,—давайте общими силами уничтожать злоупотребленія; и такъ какъ нѣтъ надобности приводить въ упадокъ какую бы то ни было отрасль Академіи, чтобъ поправить ея общее состояніе, то употребимъ всѣ данныя намъ средства помочь ей изъ собственныхъ же ея источниковъ. Съ этой цѣлью я не хочу обогащать себя на ея счетъ и отнюдь не позволю своимъ подчиненнымъ разорять ее взятками; и если я увижу, что ваше поведеніе совершенно отвѣчаетъ моему желанію, я не замедлю наградить ревностнаго и достойнаго повышеніемъ въ чинъ и прибавкой жалованья.

Академія сначала каждогодно издавала комментаріи въ двухъ томахъ in quarto; потомъ они сократились въ одинъ томъ, и, наконецъ, вовсе были прекращены за недостаткомъ печатнаго шрифта. Типографію я нашла въ ужасномъ безпорядкѣ и среди совершенной бездѣятельности. Первой моей заботой было—возстановить ее и обзавестись необходимыми шрифтами; вскорѣ послѣ того, снова явились два тома академическихъ записокъ, составленныхъ большею частью изъ статей Эйлера.

Князь Вяземскій, генералъ-прокуроръ Сената, спросилъ императрицу, нужно ли приводить меня къ присягѣ, что́ требуется отъ всѣхъ коронныхъ чиновниковъ.

— Безъ сомнѣнія, отвѣчала Екатерина;—я не тайкомъ назначила княгиню Дашкову директоромъ Академіи; хотя я не нуждаюсь въ новомъ доказательствѣ ея вѣрности мнѣ и отечеству, но этотъ торжественный актъ мнѣ очень угоденъ; онъ даетъ гласность и санкцію моему опредѣленію.

Вслѣдствіе этого князь Вяземскій прислалъ ко мнѣ своего секретаря сказать, чтобъ я на другой день явилась въ Сенатъ для произнесенія присяги. Мысль о такомъ публичномъ обрядѣ не совсѣмъ была мнѣ по сердцу, хотя я знала, что все, что́ служитъ въ Россіи, сверху и до низу, клянется въ своей вѣрности. Въ назначенный часъ, я вошла въ Сенатъ; проходя въ церковь той залой, въ которой совѣщались сенаторы, я нашла ихъ въ полномъ собраніи, на своихъ мѣстахъ. Они

встали, когда я явилась, и нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ вышли ко мнѣ навстрѣчу.

— Господа, сказала я,—вы конечно не меньше меня изумляетесь настоящему моему появленію среди васъ—я иду присягать императрицѣ, которая такъ давно правитъ всѣми моими чувствами. Но долгъ обязательный для всѣхъ, не можетъ обойти и меня; вотъ объясненіе этого единственнаго явленія, что женщина находится въ кругу вашего августѣйшаго собранія.

Когда кончился обрядъ, при чемъ я, по обыкновенію, стѣснялась застѣнчивостью и неловкостью своего положенія, я воспользовалась этимъ случаемъ и просила генералъ-прокурора снабдить меня тѣми документами, въ которыхъ объяснялись причины академическихъ неурядицъ; посредствомъ ихъ я хотѣла ближе познакомиться съ жалобами противъ отставнаго директора, съ его защитой и протестомъ и такимъ образомъ объяснить свою собственную дѣятельность.

Съ величайшимъ трудомъ я устроила два источника академическихъ доходовъ — экономическую сумму и деньги, получаемыя изъ государственнаго казначейства. Оба источника были истощены, и отчеты ихъ, вмѣсто того, чтобы вести ихъ отдѣльно, были смѣшаны и запутаны.

Академія была въ долгу у различныхъ книгопродавцевъ, русскихъ, французскихъ и голландскихъ; не докладывая императрицѣ о вспомоществованіи, я предложила Академіи пустить въ продажу книги собственнаго ея изданія, тридцатью процентами ниже обыкновенныхъ цѣнъ. Изъ этого источника я уплатила долги, по мѣрѣ возраставшаго прибытка дополняла недоимки казеннаго фонда, которымъ завѣдывалъ государственный казначей, князь Вяземскій. Когда недостатки уравновѣсились, я старалась увеличить экономическую сумму, находившуюся подъ безусловнымъ контролемъ директора, равно какъ и средства увеличенія ея; и такъ какъ трудно было предвидѣть всѣ случаи расходовъ, то употребленіе ея не опредѣлялось никакимъ положительнымъ актомъ; такъ, напримѣръ, изъ этой суммы выдавались случайныя награды, производилась покупка новыхъ изобрѣтеній и дополнялись недоимки другихъ фондовъ.

Въ академическихъ аудиторіяхъ я застала семнадцать студентовъ и двадцать одного ремесленника, получавшихъ воспитаніе на казенный счетъ. Я увеличила число тѣхъ и другихъ—первыхъ довела до пятидесяти, а вторыхъ до сорока; я успѣла удержать Фусса (молодаго человѣка, внука Эйлера, желавшаго оставить Академію), увеличить жалованье его, такъ какъ и другаго достойнаго академика Жоржа.

Менѣе чѣмъ въ годъ, я нашла возможность возвысить оклады всѣхъ профессоровъ и открыть три новыхъ каѳедры—математическую,

геометрическую и естественной исторіи—для всѣхъ желающихъ посѣщать лекціи, читанныя на русскомъ языкѣ. Я часто сама слушала ихъ и съ радостью убѣдилась въ томъ, что это учрежденіе принесло большую пользу сыновьямъ бѣдныхъ дворянъ и низшихъ гвардейскихъ офицеровъ. Вознагражденіе, получаемое каждымъ профессоромъ въ концѣ курса, равнялось двумъ стамъ рублямъ, отпускаемымъ изъ экономическихъ суммъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замѣтки и воспоминанія В. М. Флоринскаго.

1865 — 1880.

III [1]).

Начало строительныхъ работъ.—Дальнѣйшее ознакомленіе съ городомъ, людьми и порядками. — Характеристика сибирскаго купечества. — Разбойничье нападеніе.—Разбойникъ Лихановъ.—Взглядъ властей и жителей на разбои.—Пожары.—Чаепитіе въ театрѣ.—Тюремный смотритель, глава шайки воровъ.—Легенда о Кузьмичѣ.—Затрудненія для начала постройки.

3 іюня. Вторникъ. Сегодня состоялось первое засѣданіе строительнаго комитета въ квартирѣ предсѣдателя его, и. д. томскаго губернатора, статскаго совѣтника Василія Ивановича Мерцалова. Членами комитета состоятъ, кромѣ меня, предсѣдатель томскаго губернскаго правленія, коллежскій ассесоръ Александръ Ипполитовичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, томскій городской голова, коммерціи совѣтникъ Захаръ Михайловичъ Цыбульскій и назначенный строителемъ университескихъ зданій, инженеръ-архитекторъ, коллежскій ассесоръ Максиміанъ Юрьевичъ Арнольдъ. Дѣлопроизводителемъ комитета состоитъ командированный отъ министерства народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Андрей Семеновичъ Бѣлявскій. Въ мое отсутствіе, во время зимнихъ мѣсяцевъ, Бѣлявскій исполняетъ функціи члена комитета, съ правомъ голоса, сохраняя вмѣстѣ съ тѣмъ должность дѣлопроизводителя. Это установлено съ тою цѣлію, чтобы министерство просвѣщенія всегда имѣло въ комитетѣ свое уполномоченное лицо. Мнѣ были даны министромъ народнаго просвѣщенія особыя порученія — слѣдить за приспособленіемъ строющихся помѣщеній къ учебнымъ цѣлямъ и заботиться о постепенномъ заготовленіи (путемъ пожертвованій) и храненіи учебнаго университетскаго имущества. Какъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“, апрѣль 1906 г.

представитель министерства, спеціально знакомый съ университетскими потребностями, я долженъ былъ наблюдать за цѣлесообразностью построекъ въ частностяхъ и ежегодно представлять министру особые отчеты о ходѣ и направленіи строительныхъ работъ. Бѣлявскій, въ мое отсутствіе, во время зимнихъ мѣсяцевъ, долженъ дѣйствовать по моимъ указаніямъ и письменно сноситься со мной.

Въ первомъ засѣданіи комитета прежде всего былъ поднятъ вопросъ объ отведенной томскою городскою думою землѣ подъ постройку. По плану на отведенномъ участкѣ значилось 23 десятины, изъ коихъ половина, расположенная подъ горой и занятая озеромъ и болотомъ, совсѣмъ не пригодна для построекъ, а участокъ на высокомъ берегу, покрытый березовою рощею, представляетъ мѣстность неровную, изрытую оврагами. Вырубивъ рощу и засыпавъ часть овраговъ и котловинъ, здѣсь можно было размѣстить главный университетскій корпусъ и клиники, но для ботаническаго сада съ оранжереями и питомниками мѣста не оказывалось. Поэтому я просилъ комитетъ войти въ думу съ представленіемъ о необходимости присоединить къ университетской землѣ слѣдующій южный участокъ (пустырь), за дальнимъ оврагомъ, вплоть до военнаго лазарета. Въ томъ же засѣданіи комитетъ ознакомился съ вопросомъ о строительныхъ матеріалахъ и убѣдился при этомъ, что при заготовкѣ ихъ предстоятъ весьма большія затрудненія. Смѣты на постройки составлялись по справочнымъ цѣнамъ 1877 года, когда кирпичъ продавался въ Томскѣ по 8 р. тысяча, бутъ по 8 р. куб. саж., нынѣ же кирпичъ покупаютъ, при томъ малыми партіями, по 14—16 р., а бутъ по 17 руб. При всемъ томъ, даже за такую высокую цѣну невозможно было получить строительные матеріалы въ должномъ количествѣ. А. И. Мамоновъ обѣщался нѣсколько облегчить это затрудненіе болѣе дешевымъ арестантскимъ трудомъ томской исправительной роты.

Архитекторомъ Арнольдомъ возбужденъ былъ вопросъ о назначеніи ему помощника, двухъ десятниковъ и двухъ чертежниковъ. Я пробовалъ возразить, что, при неимѣніи строительныхъ матеріаловъ, въ текущемъ году работы будутъ крайне ограничены, и потому въ помощникахъ едва-ли предвидится необходимость; но Арнольдъ настоялъ на своемъ. Потому ли, что члены комитета не вошли еще въ курсъ дѣла, или просто потому, что въ первомъ засѣданіи они не хотѣли возбуждать споровъ и разнорѣчій, всѣ согласились удовлетворить предложеніе Арнольда. Рекомендованному имъ гражданскому инженеру Бетхеру (состоящему при губернской строительной коммиссіи) назначили содержаніе по 150 руб. въ мѣсяцъ, изъ строительныхъ суммъ, чертежнику по 50 руб., десятнику по 75 р. въ мѣсяцъ. Такое проявленіе архитекторскихъ наклонностей Арнольда не предвѣщаетъ

добра. До будущей весны, когда собственно должны начаться настоящія строительныя работы, его преждевременные помощники будутъ стоить комитету до 3.000 руб., затраченныхъ совершенно безъ пользы. Если мы такъ будемъ дѣйствовать, — далеко не уйдемъ. Въ томъ же засѣданіи предсѣдатель предложилъ на должность бухгалтера строительнаго комитета нѣкоего О—скаго, ссыльнаго поляка, служившаго у Мерцалова по вольному найму въ омской контрольной палатѣ, когда В. И. былъ тамъ управляющимъ, до назначенія въ Томскъ. Бухгалтеру назначили содержаніе по 800 р. въ годъ. Это назначеніе можно было бы признать своевременнымъ и правильнымъ, но по собраннымъ мною частнымъ свѣдѣніямъ прошлое О—скаго представляется далеко не безукоризненнымъ. Говорятъ, онъ былъ приговоренъ за польское возстаніе въ каторжныя работы, но во время слѣдованія въ Сибирь помѣнялся именемъ съ другимъ ссыльнымъ полякомъ, приговореннымъ къ поселенію въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ. Этотъ послѣдній страдалъ чахоткой и долженъ былъ вскорѣ умереть и, дѣйствительно, умеръ, спустя нѣсколько недѣль въ тобольской пересыльной тюрьмѣ, и О—скій, принявшій фамилію умершаго ссыльно-поселенца, остался въ Западной Сибири, поступилъ впослѣдствіи на службу въ омскій контроль и пользуется нынѣ благорасположеніемъ В. И. Мерцалова.

4—6-го іюня. Продолжаю знакомиться съ томскимъ обществомъ. Первенствующую роль здѣсь играютъ купцы. Они задаютъ тонъ жизни, правда, очень низменный, и являются самыми почетными гостями въ салонахъ мѣстной администраціи. За эти дни я былъ у мѣстныхъ тузовъ-коммерсантовъ: Королева, Михайлова и Тецкова, предполагая, что они могутъ быть намъ полезными въ строительномъ дѣлѣ, какъ здѣшніе старожилы и капиталисты. Всѣ они имѣютъ въ Томскѣ собственные каменные дома, построенные по одинаковому типу, какъ снаружи, такъ и внутри. Вотъ типъ сибирскаго городскаго дома: крѣпкія ворота, постоянно на запорѣ, большой дворъ, обнесенный высокими каменными стѣнами, какъ крѣпость; въ глубинѣ двора обширные навѣсы на каменныхъ столбахъ, крытые желѣзомъ; подъ ними входъ въ сараи, кладовыя и погреба для склада товаровъ. Парадный подъѣздъ всегда со двора. Богатые купеческіе дома почти всегда двухъэтажные: внизу помѣщается контора и приказчики, вверху квартира домохозяина, большею частію изъ пяти, или шести комнатъ, весьма не уютныхъ. Стѣны выбѣлены известкой, иногда украшены литографированными портретами митрополитовъ и государей. Въ переднемъ углу каждой комнаты много иконъ въ рѣзныхъ золоченыхъ кіотахъ съ теплящимися лампадками. Въ первой комнатѣ старомодные стулья разставлены только по стѣнамъ; во второй комнатѣ (гостиная)

у задней стѣны непремѣнно помѣщается диванъ и круглый столъ, отъ котораго въ глубину комнаты идутъ два ряда тяжеловѣсныхъ креселъ. Надъ диваномъ зеркало. Третья комната по фасаду,—чайная или столовая, убрана попроще. Здѣсь непремѣнно стоитъ комодъ или горка съ серебромъ или чайною посудой. По заднему фасаду размѣщаются, такъ называемыя, жилыя комнаты, въ отличіе отъ необитаемыхъ парадныхъ. Шторъ и драпировокъ обыкновенно не полагается, но любятъ разводить комнатныя растенія. По этому типу устроены почти всѣ богатые купеческіе дома, въ которыхъ мнѣ приходилось быть, кромѣ дома Цибульскаго, гдѣ имѣются обои, драпировки и даже паркетные полы въ двухъ комнатахъ.

Что касается до самихъ купцовъ, то для характеристики ихъ я пока не имѣю достаточныхъ данныхъ. Тецковъ отрекомендовался мнѣ чуть не потомкомъ самого Ермака. Передъ Цибульскимъ онъ состоялъ городскимъ головой, имѣетъ, повидимому, хорошее состояніе, но въ грамотѣ не далекъ. Михайловъ П. В., человѣкъ новый, изъ владимірскихъ офеней. Недавно онъ состоялъ приказчикомъ у московскаго купца Петрова по торговлѣ мануфактурными товарами, теперь принятъ въ долю, какъ компаньонъ. Большой краснобай и церковникъ, любитъ говорить о своихъ заслугахъ по части украшенія церквей, но довѣрія къ себѣ не внушаетъ. Королевъ считается въ Томскѣ первымъ богачемъ. Онъ также былъ приказчикомъ у томскаго купца Ненашева, послѣ смерти котораго женился на его вдовѣ и этимъ положилъ основаніе своему богатству. Человѣкъ крайне несимпатичный, завистливый и скупой.

Тецковъ, Михайловъ и Королевъ считаются выдающимися гражданами города Томска. Они носятъ шитые мундиры, по званію попечителей какихъ-либо благотворительныхъ или учебныхъ заведеній, имѣютъ ордена на шеѣ, но, по существу, они остаются тѣми же офенями, или бывшими крѣпостными, изъ среды коихъ они недавно вышли благодаря своей юркости, или случайности. Другіе сограждане, говорятъ, не лучше описанныхъ. Съ ними я еще не имѣлъ случая познакомиться. При такомъ складѣ томскаго общества трудно разсчитывать на мѣстную поддержку университета: онъ выше ихъ пониманія.

7-го іюня. Суббота. Сегодня прибылъ въ Томскъ новый генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Анучинъ и былъ у меня съ визитомъ. Повидимому, человѣкъ очень образованный и много обѣщающій, особенно по сравненію его съ барономъ Фридериксомъ, нынѣ живущимъ на покоѣ у насъ въ Казани. Послѣ графа Н. П. Муравьева Восточная Сибирь давно ждетъ умнаго и дѣятельнаго начальника. Нынѣшняя размолвка съ Китаемъ по поводу Кульджи требуетъ большой

предусмотрительности и осторожности на нашихъ восточно-сибирскихъ границахъ. Въ этомъ отношеніи умный начальникъ края нынѣ болѣе необходимъ, чѣмъ когда-либо. Анучинъ говоритъ, что въ случаѣ войны съ Китаемъ ему предстоитъ трудная задача охранять Амурскій и Уссурійскій край, въ которомъ нѣтъ ни дорогъ, ни войска, ни укрѣпленій, ни продовольствія.

8-го іюня. Воскресенье. Троица, мой любимый праздникъ. Городъ убранъ березками, но жаль, что погода не соотвѣтствуетъ праздничному настроенію. Небо пасмурно, по улицамъ невообразимо грязно. Послѣ обѣдни былъ съ визитомъ у преосвященнаго Петра. Живетъ онъ въ архіерейскомъ домѣ, недавно купленномъ у золотопромышленника Асташева. Домъ самъ по себѣ хорошій и удобный, но въ немъ нѣтъ ничего архіерейскаго. Что особенно странно, въ залѣ оставлены отъ прежняго владѣльца нѣкоторыя картины и бронза совсѣмъ не духовныхъ сюжетовъ. Домовой церкви тоже нѣтъ. Самъ преосвященный не напоминаетъ святителя, а выглядитъ простымъ добродушнымъ монахомъ. Впрочемъ, я вижу его въ первый разъ, можетъ быть, и ошибаюсь.

Вечеромъ погода нѣсколько прояснилась. Ѣздили прогуляться въ лагери. Тамъ играетъ военная музыка, поютъ пѣсельники, много народу, но интереснаго ровно ничего нѣтъ. Публика весьма невзрачная; у въѣзда много экипажей, но это большею частію плетеные коробки на дрожинахъ, либо долгушки. Странно, что, несмотря на большое изобиліе въ Томскѣ дождей, здѣсь совсѣмъ не видно крытыхъ экипажей. Казалось бы, по здѣшнему климату всего пригоднѣе были бы крытыя дрожки, а никакъ не плетеная изъ прутьевъ телѣжка (по мѣстному названію „коробо́къ“). Не объясняется ли это тѣмъ, что дрожекъ здѣсь некому сдѣлать, а надо ихъ выписать по меньшей мѣрѣ изъ Екатеринбурга? Какой же, въ такомъ случаѣ, это жалкій и неразвитый городъ!

10-го іюня. Вторникъ. Второе засѣданіе строительнаго комитета, въ квартирѣ В. И. Мерцалова. Главною темою разсужденій служило заготовленіе строительныхъ матеріаловъ. Оказывается, что на томскомъ рынкѣ нѣтъ ни камня, ни лѣса, ни кирпича, ни извести. Существуетъ пять или шесть кирпичныхъ заводовъ, но всѣ они въ совокупности вырабатываютъ въ годъ не болѣе одного милліона кирпичей для всѣхъ городскихъ надобностей, преимущественно на печи, на фундаменты и на мелкія постройки. Разсчитывать на это производство строительный комитетъ не можетъ не только въ нынѣшнемъ, но и въ будущемъ году. Бутоваго камня достаточно, но онъ не на рынкѣ, а въ окрестныхъ горахъ, откуда его надо добыть (наломать) и привезти своими рабочими или заказать томскимъ мѣщанамъ заблаговременно. Въ та-

комъ же положеніи известь и лѣсной матеріалъ. Комитетъ получилъ разрѣшеніе вырубить до 30 тыс. бревенъ въ томской тайгѣ, безъ попенной пошлины, но эту операцію можно начать только будущею зимою.

Между тѣмъ, намъ нужно во что бы то ни стало произвести закладку Сибирскаго университета 26-го августа текущаго года, хотя бы только для почина дѣла. Для этого необходимо запасти не менѣе 50—100 куб. саженъ бута и 100 или 200 тысячъ кирпича. А. И. Мамоновъ, какъ предсѣдатель губернскаго правленія, въ вѣдѣніи коего находится мѣстная арестантская исправительная рота, предложилъ намъ услуги этой послѣдней. На этой же недѣлѣ поставятъ партію арестантовъ ломать бутъ на городской землѣ по берегу рѣки Ушайки. Часть извести, надѣемся, пригонятъ на плотахъ съ верховьевъ Томи, а сотню тысячъ кирпичей раздобудемъ къ концу лѣта. Для соблюденія законной формы объявимъ торги на всѣ строительные матеріалы. Впередъ можно видѣть, что никакой пользы отъ этихъ торговъ не будетъ, но они, по крайней мѣрѣ, выяснятъ положеніе здѣшней строительной промышленности. Арнольдъ настаиваетъ на томъ, чтобы комитетъ построилъ собственный кирпичный заводъ для лѣтней и зимней машинной выдѣлки по пяти милліоновъ кирпичей въ годъ. Эта затѣя крайне осложнила бы наши обязанности и запутала бы всѣ строительные разсчеты. В. И. Мерцаловъ рекомендуетъ поручить постройку завода купцу Михайлову на тѣхъ же основаніяхъ, съ субсидіями отъ комитета. Такая мѣра едва ли будетъ выгоднѣе и практичнѣе Арнольдовскаго проекта. Надо осмотрѣться и не торопясь поискать другаго, болѣе надежнаго выхода.

Въ томъ же засѣданіи, я снова внесъ формальное заявленіе о недостаточности отведеннаго университету мѣста и просилъ городскаго голову Цибульскаго предложить на обсужденіе думы вопросъ о прирѣзкѣ смежнаго (съ южной стороны, за дальнимъ оврагомъ) пустыря вплоть до военнаго лазарета. Дмитріевъ-Мамоновъ, по порученію старшинъ томскаго общественнаго собранія, предложилъ строительному комитету пріобрѣсти деревянный домъ лѣтняго собранія, стоящій на университетской землѣ и подлежащій сломкѣ на свозъ. Комитетъ охотно принялъ это предложеніе и согласился оставить за собой это старое, но довольно обширное зданіе, при оцѣнкѣ его въ 700 руб. Здѣсь предполагается помѣстить контору, чертежную, квартиру смотрителя, десятника и сторожей, и также складъ инструментовъ и болѣе цѣнныхъ матеріаловъ.

11-го іюня. Среда. Началъ занятія по разборкѣ книгъ будущей библіотеки Сибирскаго университета. Нынѣшней весной онѣ препровождены въ Томскъ (изъ Петербурга и Москвы) и хранятся въ скла

дахъ гостинаго двора (въ каменномъ, такъ называемомъ биржевомъ корпусѣ), въ количествѣ 250 ящиковъ. Изъ числа этихъ обширныхъ коллекцій, переданныхъ мнѣ на храненіе, по библіотекамъ гр. Строганова и Голицына я не имѣлъ никакихъ катологовъ. Это обстоятельство, а равно необходимость осмотра ящиковъ послѣ ихъ доставки (изъ опасенія порчи или подмочки книгъ въ пути) заставили меня приступить къ вскрытію ящиковъ и перепискѣ находящихся въ нихъ книгъ. Это дѣло мы организовали такимъ образомъ: три переписчика (учитель реальнаго училища Турнефоръ, г. Диккофъ, окончившій курсъ въ Дерптскомъ университетѣ и бухгалтеръ строительнаго комитета) должны ежедневно приходить въ складъ въ 9 часовъ утра. Къ этому времени я и дѣлопроизводитель комитета, Бѣлявскій, должны быть тамъ же, снять съ дверей печати (восковыя) и отворить помѣщеніе. Занятіе продолжается до двухъ часовъ, послѣ чего магазинъ запирается тѣмъ же порядкомъ. Заглавія книгъ переписываются на карточки, по 2 коп. за штуку. Такимъ образомъ мы надѣемся въ теченіе лѣта переписать всѣ ящики, за исключеніемъ тѣхъ, которые были приняты по каталогамъ.

12-го іюня. Четвергъ. Былъ у купца Петрова-Родіонова по случаю покупки лѣса. Домъ этого купца находится на краю города, недалеко отъ Ермаковской церкви. Изъ переговоровъ о лѣсѣ ничего путнаго не вышло: заломилъ такую цѣну, что никакъ нельзя было на нее согласиться (по 2 рубля за 7—8 верщковое, 9 аршинное бревно). Этотъ визитъ далъ мнѣ возможность познакомиться съ рѣдкостнымъ экземпляромъ настоящаго сибиряка. Родіоновъ по виду лѣтъ 65—70, вышины и толщины непомѣрной, голова совершенно голая, лицо напоминаетъ скорѣе тучнаго звѣря, нежели человѣка. Разсказываетъ, что въ молодости онъ былъ ямщикомъ. Нажилъ состояніе, сталъ заниматься подрядами по перевозкѣ товаровъ между Томскомъ и Иркутскомъ.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Теперь Родіоновъ въ періодѣ покаянія: строитъ церкви, жертвуетъ на пріюты и больницы. Домъ у него прекрасный, полукаменный. Вверху парадныя необитаемыя комнаты, а внизу, въ духотѣ и жарѣ, онъ живетъ самъ, кажется, совершенно одинъ. Были у него двѣ дочери: одну изъ нихъ онъ выдалъ за чиновника Кайдалова, а другую—за купца Еренева, и доживаетъ свой вѣкъ въ пустыхъ хоромахъ бобылемъ. Не знаю, на сколько подобные разсказы правдивы, но, ознакомившись съ томскимъ купечествомъ, я составилъ о немъ очень невыгодное понятіе. Всѣ они вчерашніе приказчики или ямщики, едва умѣющіе читать и писать. Это было бы еще въ порядкѣ вещей, но

ненормально то, что эти самые купцы задаютъ здѣсь тонъ жизни, подчиняютъ своему карману весь чиновный мірокъ. Всюду они на первомъ мѣстѣ: и у губернатора, и у архіерея, не говоря уже о второстепенныхъ чиновникахъ. Всѣ за ними ухаживаютъ въ видахъ той или другой благостыни, и это даетъ городу убѣжденіе, что вся сила въ купеческихъ карманахъ. За ними интеллигенція и администрація являются какъ случайный квартирантъ-нахлѣбникъ въ чужомъ дому, оттѣсненный на второй планъ. Такое приниженное положеніе чиновничества объясняется, по моему мнѣнію, его малочисленностью и ограниченностью средствъ. Большинство изъ нихъ получаютъ содержаніе не свыше 1.000 руб. въ годъ, не рѣдко при большой семьѣ. Вице-губернаторъ получаетъ всего 2.000 руб., а губернаторъ, кажется, 4.000 руб., совѣтники по 800 руб. При такихъ ограниченныхъ средствахъ честный человѣкъ забивается въ конуру, ѣздитъ по городу въ телѣгѣ, одѣвается чуть не въ овчинный тулупъ, а человѣкъ съ податливой совѣстью невольно дружитъ съ купечествомъ, лебезитъ и заискиваетъ передъ нимъ.

14-го іюня. Суббота. Засѣданіе комитета по поводу покупки у Королева круглаго лѣса въ количествѣ 5.000 бревенъ. Цѣна оказалась подходящая, по $12^1/_2$ коп. за погонный аршинъ, на кругъ, за всякую толщину (отъ 5 до 7 вершковъ въ отрубѣ). На это предложеніе согласились всѣ члены. Королевъ заготовилъ этотъ лѣсъ года два или три тому назадъ, предполагая окончить на свой счетъ достройку обрушившагося собора. При этомъ онъ ставилъ два условія: 1) чтобы верхнюю часть собора и купола выстроить деревянными, а не каменными, и 2) чтобы мѣстные архитекторы и администрація не вмѣшивались въ это дѣло. На такія условія губернаторъ не согласился, почему Королевъ распродаетъ теперь заготовленный строительный матеріалъ.

15-го. Воскресенье. Концертный вечеръ у Мамоновыхъ по случаю пріѣзда какихъ-то двухъ датчанъ. Они путешествуютъ по Сибири, частью съ научными, частью съ экономическими цѣлями, предполагая отыскать здѣсь какое-либо промышленное предпріятіе. Думаютъ, между прочимъ, устроить въ Тобольскѣ заводъ для приготовленія консервовъ изъ нельмы, осетрины и стерляди для сбыта въ Европейскую Россію, Швецію и Данію. Хотятъ тамъ же фабриковать изъ бараньей кожи шведскія куртки. Не знаю, какъ у нихъ пойдетъ это дѣло, но завидно видѣть энергію этихъ молодыхъ иностранцевъ, открывающихъ у насъ подъ носомъ можетъ быть выгодныя предпріятія, до которыхъ мы не могли додуматься сами. Да и кому у насъ думать, когда безграмотная Сибирь три столѣтія спитъ непробуднымъ сномъ. Бесѣда съ датчанами была очень интересна, но кон-

цертъ вышелъ уморительный. Сама Е. А. Мамонова очень хорошая піанистка, но остальные исполнители были изъ рукъ вонъ плохи.

16-го. Сегодня тѣ же датчане обѣдали у Цибульскаго. Насъ и Мамоновыхъ пригласили на этотъ обѣдъ, между прочимъ, въ качествѣ переводчиковъ, такъ какъ ни сами Цибульскіе, ни остальные гости совсѣмъ не понимаютъ иностранныхъ языковъ. Обѣдъ былъ приготовленъ вкусно и столъ сервированъ весьма прилично; но странно было видѣть иностранцевъ, попавшихъ въ такую среду, гдѣ они не могутъ ни поддержать разговора, ни сами понимать, что о нихъ говорятъ.

17-го. Вторникъ. Томскіе врачи приглашали меня навѣстить ихъ раненаго товарища, доктора Скавинскаго. У него оказались три пулевыхъ раны: одна на вылетъ въ правомъ плечѣ, другая такая же въ лѣвомъ бедрѣ, а третья пуля засѣла въ сосцевидномъ отросткѣ за лѣвымъ ухомъ. Произошло это при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Докторъ Скавинскій, имѣвшій значительную практику въ городѣ, возвращался около трехъ часовъ дня къ себѣ на дачу (на Хромовскую заимку, версты четыре или пять отъ города). Ѣхалъ онъ одинъ въ телѣжкѣ на собственной лошади. Въ трехъ верстахъ за пересыльной тюрьмой, по Иркутскому тракту, его догоняетъ всадникъ и требуетъ, чтобы докторъ остановился и отдалъ ему добровольно деньги и лошадь. Послѣ такого нахальнаго требованія, Скавинскій погналъ лошадь во всю прыть, а догоняющій его разбойникъ началъ въ него стрѣлять изъ револьвера. Изъ четырехъ выстрѣловъ три попали въ цѣль и произвели вышеописанныя раны, къ счастію, не смертельныя. Быстрота лошади и близость заимки спасли жертву отъ дальнѣйшаго преслѣдованія. Раны въ плечѣ и бедрѣ оказались неопасными, безъ поврежденія крупныхъ сосудовъ и кости, а сплющенную пулю, засѣвшую въ сосцевидномъ отросткѣ удалось извлечь. Раненый, все время оставаясь въ сознаніи и очень хорошо примѣтивъ черты нападавшаго, даже зналъ его въ лицо,—это былъ томскій мѣщанинъ Кирпичниковъ.

Любопытнѣе всего дѣйствія полиціи по разслѣдованію этого преступленія. Послѣ опроса Скавинскаго, Кирпичникова арестовали при полицейскомъ участкѣ, откуда онъ бѣжалъ въ ту же ночь. При снятіи показанія, гдѣ и какъ провелъ онъ этотъ день, Кирпичниковъ объяснилъ, что онъ выѣхалъ со двора верхомъ на рыжей лошади въ 9 час. утра (это подтвердили и сосѣди), былъ потомъ на базарѣ и возвратился домой часовъ въ 12 дня (этого сосѣди не подтвердили). При обыскѣ въ его квартирѣ нашли револьверъ съ слѣдами недавнихъ выстрѣловъ. Рыжую осѣдланную его лошадь нашли въ кустахъ за пересыльной тюрьмой. Казалось бы, всѣ улики были на лицо, тѣмъ болѣе, что и

самъ пострадавшій прямо указывалъ на личность грабителя, но блюстители сибирскаго правосудія нашли, что потерпѣвшій не можетъ быть свидѣтелемъ въ своемъ личномъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что онъ въ данное время находился подъ вліяніемъ сильнаго возбужденія. отъ страха и огнестрѣльныхъ ранъ. Имъ почему-то хотѣлось свалить всю эту исторію на другаго, явнаго разбойника Лиханова, открыто грабившаго въ это лѣто и въ городѣ, и по его окрестностямъ. Кирпичникова оставили въ подозрѣніи, послѣ чего онъ тотчасъ же изъ бѣговъ вернулся домой.

Кстати скажу здѣсь и про Лиханова. Легенды о его похожденіяхъ мнѣ пришлось слышать въ первые же дни послѣ пріѣзда въ Томскъ. Не проходило дня, чтобы онъ не давалъ себя знать какою-нибудь отчаянною выходкой. Его боялись не только въ окрестностяхъ города, по большимъ и проселочнымъ дорогамъ, но и въ самомъ Томскѣ. Грабилъ онъ только купцовъ и чиновниковъ, крестьянамъ же и мѣщанамъ покровительствовалъ. Съ послѣдними у него, очевидно, были постоянныя сношенія. Невозможно перечислить всѣхъ его дѣяній за это время, напоминающихъ сказочныя времена. Можетъ быть, въ разсказахъ было кое-что и преувеличенное, но на городъ онъ, во всякомъ случаѣ, наводилъ страхъ. И я, грѣшный, первое время по ночамъ сильно побаивался, не столько за себя, сколько за семью, тѣмъ болѣе, что проникнуть къ намъ въ квартиру съ улицы было очень легко. Полиція и губернская администрація не оказывали жителямъ никакой помощи. Они наряжали крестьянъ почти цѣлыми деревнями искать и ловить Лиханова, но, конечно, безъ всякаго успѣха. Крестьяне боялись выдать разбойника изъ опасенія поджога деревни, а можетъ быть и сочувствовали его дѣяніямъ, такъ какъ они лично ихъ не касались. Томская городская дума напечатала и расклеила на всѣхъ перекресткахъ объявленія, что тому, кто доставитъ Лиханова въ Томскъ, живаго или мертваго, будетъ выдано городскимъ управленіемъ вознагражденіе въ размѣрѣ 300 рублей. По этому поводу я говорилъ Цибульскому, что за такой призъ разбойника непремѣнно убьютъ тѣ же крестьяне или мѣщане. На это онъ мнѣ отвѣтилъ, что цѣль объявленія въ томъ и заключается. Живаго поймать очень трудно, а подстрѣлить за 300 рублей охотниковъ найдется много. Губернаторъ былъ того же мнѣнія и не претендовалъ противъ назначенія приза. Чисто сказочныя времена.

19-го. Четвергъ. Первый блинъ вышелъ комомъ. При ломкѣ бута для университетскихъ построекъ въ числѣ, поставленныхъ для того, арестантовъ оказался самоучка-пиротехникъ. Онъ убѣдилъ Мамонова, что дѣло пойдетъ гораздо успѣшнѣе, если онъ примѣнитъ порохострѣльныя работы, техника коихъ ему, будто бы, хорошо извѣстна.

Это предложеніе было принято. Навертѣли въ скалѣ дырокъ и положили заряды; но при первомъ выстрѣлѣ, отъ неумѣнья, или отъ неосторожности, самоучкѣ-технику раздробило голову разлетѣвшимися отъ скалы осколками. Вотъ и первая жертва передъ началомъ закладки Сибирскаго университета. Дай Богъ, чтобы она была и послѣднею! Порохострѣльныя работы послѣ того, конечно, остановили и скалу начали грызть, по первобытному способу, кирками и желѣзными клиньями.

20-го. Пятница. Въ городѣ почти ежедневные пожары, несмотря на сырую, дождевую погоду. Странно, что загорается обыкновенно на сѣновалахъ и въ холодныхъ пристройкахъ, при томъ въ одинъ и тотъ же часъ дня, точно по заказу. Лишь только успѣемъ пообѣдать, послѣ пяти часовъ, раздается учащенный звонъ набатнаго колокола. Къ счастію ни одинъ пожаръ до сего времени не принималъ большихъ размѣровъ. Городская пожарная команда работаетъ довольно энергично, особенно по части разламыванья заборовъ и деревянныхъ пристроекъ, но средства тушенія слабы. Больше всего затрудненій съ доставкой воды, если пожаръ начинается въ нагорныхъ частяхъ города. Порядка на пожарахъ нѣтъ никакого; уличная толпа распоряжается по своему усмотрѣнію, полиція въ грошъ не ставится, да ея и незамѣтно.

21-го. Суббота. Опять пожаръ по Милліонной улицѣ, рядомъ съ сисирскимъ банкомъ (въ домѣ Некрасова) недалеко отъ гостинаго двора. Становится страшно за наши книжные склады. Кругомъ биржеваго корпуса, на задахъ гостинаго двора, масса деревянныхъ лавченокъ, а ближайшій конецъ Духовской улицы весь застроенъ деревянными домами. Долго ли до грѣха! Ежедневные пожары, очевидно, не случайность, а упорное поджигательство. Появились подметныя письма. Томскъ угрожаютъ выжечь такъ же, какъ сожженъ Иркутскъ, въ прошломъ году. Любопытно, кто этимъ орудуетъ: ссыльные бродяги или анархисты, свившіе въ Томскѣ прочное гнѣздо. Все это очень дурныя предзнаменованія для будущаго университетскаго города.

22-го. Воскресенье. Сегодня выдался ясный солнечный день. Ѣздили съ Мерцаловыми и Цибульскими за городъ, на Степановку, верстахъ въ четырехъ отъ Томска. Мѣсто очень красивое, отличные луга и рощи, недалеко живописные берега рѣчки Ушайки. Здѣсь живетъ нѣсколько дачниковъ, но самыя дачи весьма незавидныя. Онѣ построены лѣтъ сорокъ тому назадъ, когда въ Томскѣ жили богатые золотопромышленники, но теперь эти лѣтнія резиденціи скорѣе напоминаютъ живописныя руины, чѣмъ жилыя мѣста. Значительный участокъ казенной земли, прилегающій къ Степановкѣ, арендуется купцомъ Михайловымъ. Здѣсь подъ горой находятся весьма доброкачественные желѣзные источники, правда, не разработанные, но очень

обильные. Томскіе жители иногда употребляютъ эту воду внутрь съ большою пользою. Хорошо бы было, если бы впослѣдствіи удалось Сибирскому университету выпросить этотъ участокъ земли у министерства государственныхъ имуществъ, въ свою собственность, или взять его на долгосрочную аренду. Здѣсь можно было бы развести, какъ отдѣленіе ботаническаго сада, питомники для акклиматизаціи плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ, а потомъ, когда осуществится открытіе при физико-математическомъ факультетѣ техническихъ спеціальныхъ отдѣленій, здѣсь же, на Степановкѣ, можно было бы основать учебно-образцовые заводы для практическаго изученія необходимѣйшихъ для Сибири техническихъ производствъ. Минеральные источники взялъ бы въ свои руки медицинскій факультетъ. Такимъ образомъ сотня десятинъ земли, которую арендуетъ теперь за ничтожную плату Михайловъ, принесла бы несравненно бо́льшую пользу и государству, и университету, и мѣстному краю.

Въ сумеркахъ, возвращаясь со Степановки, мы встрѣтили по дорогѣ группу бродягъ. Безъ всякаго опасенія они подошли къ нашимъ экипажамъ, прося подать что-нибудь. Мы велѣли имъ отдать остатки нашей провизіи. Къ бродягамъ здѣсь такъ привыкли, что совсѣмъ ихъ не боятся, даже въ глухихъ загородныхъ мѣстахъ, равнымъ образомъ и они нисколько не опасаются даже при встрѣчѣ съ чиновниками въ форменныхъ сюртукахъ, какъ, напримѣръ, въ данномъ случаѣ съ губернаторомъ Мерцаловымъ. Говорятъ, не было случая, чтобы бродяги ограбили бы или обокрали кого-нибудь. Съ своей стороны и мѣстное населеніе относится къ нимъ не только снисходительно, но даже сочувственно, давая имъ пріютъ и заработокъ. Такія отношенія къ ссыльному элементу въ Сибири настолько своеобразны и любопытны, что когда-нибудь на досугѣ я напишу объ этомъ подробнѣе.

23-го. Понедѣльникъ. Утромъ было засѣданіе комитета для разсмотрѣнія разныхъ текущихъ дѣлъ.

Познакомился съ П. И. Макушинымъ. Въ Томскѣ онъ считается дѣятелемъ по народнымъ школамъ. Окончивъ курсъ въ Петербургской духовной академіи, онъ первоначально служилъ при алтайской миссіи, а потомъ, кажется, при здѣшней духовной семинаріи. Теперь находится въ отставкѣ (хотя сравнительно еще молодой человѣкъ), содержитъ въ Томскѣ библіотеку для чтенія, книжный магазинъ, типографію и литографію, основанные на средства брата вышеупомянутаго купца Михайлова, Василія Васильевича, человѣка холостаго, достаточно грамотнаго, съ нѣкоторыми прогрессивными замашками. Дѣла этой компаніи, подъ фирмой Михайловъ и Макушинъ, идутъ не дурно: первый даетъ средства, второй—трудъ и умѣнье. Все это очень хорошо и полезно. Жаль только, что конторщицы и продавщицы книж-

наго магазина по манерамъ и облику напоминаютъ, блаженной памяти, нигилистокъ конца шестидесятыхъ годовъ. Тѣ же стриженые волосы, очки, небрежность костюма и угловатость манеръ. Въ Петербургѣ и въ Казани такіе экземпляры отошли уже въ преданіе, а здѣсь эта запоздалая мода все еще держится и, повидимому, не безъ успѣха.

24-го. Вторникъ. Были въ театрѣ. Играли раздирающую душу драму изъ русскаго быта. Актеры, примѣняясь ко вкусу публики, старались изъ всѣхъ силъ воздѣйствовать на нее отчаянными жестами и криками. Въ одной сценѣ, гдѣ по ходу пьесы требовалось убійство, артистъ выбѣжалъ съ сверкающимъ топоромъ въ рукѣ, бросился на свою жертву какъ разъяренный звѣрь и такъ неистово вонзилъ топоръ въ деревянную скамейку, что намъ сдѣлалось просто страшно. Отъ такого внушительнаго движенія восторгъ публики былъ неописуемый.

О внѣшности томскаго театра я уже говорилъ раньше. Внутренность его напоминаетъ собою старый мрачный сарай съ стойлами по бокамъ (ложи). Мы были въ ложѣ съ Цибульскими. Прежде чѣмъ войти въ ложу, человѣкъ Цибульскаго разослалъ тамъ тюменскій коверъ, поставилъ столикъ, покрывъ его салфеткой. Все это было привезено изъ дому. Во время перваго антракта подали намъ въ ложу самоваръ съ чайнымъ приборомъ, приготовили чай и печенья. Сначала это насъ нѣсколько удивило, но, осмотрѣвшись кругомъ, мы замѣтили то же самое и въ нѣкоторыхъ другихъ ложахъ. Стало быть, такое чаепитіе здѣсь въ порядкѣ вещей. Сказать по правдѣ, это довольно удобно и остроумно: пьеса идетъ своимъ порядкомъ, а публика въ то же время, не торопясь, наслаждается чайкомъ.

25-го. Среда. Разборка и переписка книгъ продолжается успѣшно. Съ каждымъ новымъ ящикомъ открываемъ новыя и новыя сокровища. Дай Богъ все это сохранить (главнымъ образомъ отъ огня) до окончанія постройки и открытія университета. Много пищи для любознательнаго ума и просвѣщеннаго вкуса найдутъ здѣсь господа профессора, если пожелаютъ воспользоваться такимъ дорогимъ и рѣдкимъ книгохранилищемъ. Но пожелаютъ ли? Этотъ вопросъ я нерѣдко задаю себѣ, считая его далеко не празднымъ. Нынѣшнее поколѣніе ученыхъ, повидимому, не особенно дорожитъ стариной. Воспитанное на ежедневной газетѣ, оно не привыкло оглядываться назадъ, живетъ исключительно текущими новостями и убѣждено въ томъ, что чѣмъ свѣжѣе листокъ, тѣмъ онъ содержательнѣе. Всѣ наперерывъ собираются дѣлать новыя открытія и точно стыдятся повторять зады. А между тѣмъ, если бы они почаще заглядывали въ старыя книжки и знакомились бы съ ними въ подлинникѣ, не увлекаясь новымъ

вліяніемъ,—какими мизерными показались бы имъ ихъ новыя quasi-опытныя и самостоятельныя „работы".

26-го. Четвергъ. Осматривалъ томскіе кирпичные заводы. Наибольшая ихъ часть расположена за чертой города по иркутскому тракту (за пересыльной тюрьмой). Всѣ они принадлежатъ мѣстнымъ мѣщанамъ и устроены очень примитивно. Глину мнутъ рабочіе собственными ногами, снимая исподнее платье; формировкою и правкою кирпичей (ручнымъ способомъ) занимаются почти исключительно бабы. Кирпичи выходятъ, большею частью, неровные, неуклюжіе. При ненастной погодѣ они очень медленно сохнутъ. Къ обжигу не могутъ приступить раньше августа. Запасъ сырыхъ кирпичей на всѣхъ заводахъ (правильнѣе сказать, кирпичныхъ сараяхъ) не больше одного милліона. Изъ нихъ большая половина уже запродана съ зимы съ полученіемъ задатковъ. Безъ задатковъ кирпичные промышленники не могутъ вести дѣла, такъ какъ всѣ они люди недостаточные. Производство кирпичей имъ обходится (съ обжигомъ) не дороже 6—7 руб. съ 1000 (по ихъ словамъ), а можетъ быть и дешевле. Доставка въ университетскую рощу обойдется не менѣе 2 руб. По этому разсчету кирпичъ могъ бы быть пріобрѣтаемъ не дороже 9—10 руб. за 1000, но бѣда въ томъ, что заводчики не могутъ поставить этого дѣла въ болѣе широкихъ размѣрахъ, по недостатку оборотнаго капитала.

На обратномъ пути заѣзжалъ посмотрѣть пересыльную тюрьму. Всѣ корпуса деревянные, расположены весьма близко одинъ возлѣ другаго. Въ нихъ скопляется до 2.000—3.000 арестантовъ. При такой скученности развивается много заразныхъ болѣзней. Арестанты и переселенцы суть главные разсадники и распространители эпидемій. Они занесли въ Сибирь холеру, дифтеритъ, возвратную горячку, которыхъ здѣсь прежде совсѣмъ не было. При осмотрѣ пересыльной тюрьмы, обнесенной деревяннымъ высокимъ частоколомъ (палями), невольно приходитъ въ голову мысль: какое бѣдствіе могъ бы причинить здѣсь, при скученности деревянныхъ построекъ, пожаръ! Тысячи заключенныхъ могли бы задохнуться въ дыму и пламени. Воды здѣсь, кромѣ одного собственнаго весьма глубокаго колодца, по близости совсѣмъ нѣтъ. Изъ пожарныхъ инструментовъ имѣется одинъ ручной пожарный насосъ, да и тотъ едва-ли исправный. Крыши на зданіяхъ всѣ деревянныя. Когда я высказалъ свои опасенія смотрителю тюрьмы, онъ удивился, что мнѣ пришла въ голову такая мысль: о возможности пожара здѣсь никто не думаетъ.

Изъ пересыльной тюрьмы арестанты отправляются далѣе въ Восточную Сибирь партіями по этапу. При малочисленности томской конвойной команды, эта отправка совершается очень медленно, не соотвѣтствуя числу вновь прибывающихъ на пароходахъ арестантовъ.

Оттого тюрьма всегда бываетъ переполнена въ 3 — 4 раза больше комплекта.

27-го. Пятница. Базарный день. На гостинодворской площади, среди сплошнаго моря глубокой грязи расположились сотни деревенскихъ телѣгъ съ продуктами немудраго сельскаго хозяйства. Хозяйки, кухарки и прасолы снуютъ между возами, закупая недѣльную провизію, преимущественно лукъ, сметану, рѣдьку, яйца, деревенскихъ куръ и поросятъ. Эту пеструю и оживленную картину я наблюдалъ сегодня съ галлереи биржеваго корпуса, гдѣ мы съ ранняго утра разбираемъ книги. Между прочимъ, здѣсь же я былъ свидѣтелемъ отвратительной сцены самосуда надъ несчастнымъ воришкой, стянувшимъ что-то изъ лавки гостинаго двора. Десятокъ гостинодворцевъ догнали его на площади и начали немилосердно бить. Жертва не сопротивлялась, лишь неистово вопила о пощадѣ. Окровавленнаго, его бросили въ грязь. Замѣчательно, что несмотря на крикъ и гвалтъ, на мѣстѣ происшествія не оказалось ни одного полицейскаго служителя. Это ли не деревенскіе порядки!

29-го. Воскресенье. Праздникъ Петра и Павла. Послѣ обѣдни большой съѣздъ у нашего сосѣда (по квартирѣ) П. В. Михайлова: онъ празднуетъ свои именины. Архіерей съ большой свитой духовенства, исполняющій должность губернатора и много другихъ представителей власти явились почтить и поздравить богатаго купца. Чрезъ отворенныя окна намъ было слышно, какъ архіерейскій протодьяконъ выкликалъ многолѣтіе имениннику, подхваченное хоромъ пѣвчихъ. Во время парадnаго завтрака играла музыка, должно быть, изъ театральнаго оркестра. На улицѣ, у оконъ и воротъ, собралась толпа нищихъ и зѣвакъ. Точь-въ-точь какъ въ захолустныхъ уѣздныхъ городахъ матушки Россіи, гдѣ тезоименитство знаменитаго гражданина поднимаетъ на ноги всю уѣздную знать, начиная отъ соборнаго протопопа до исправника и городничаго. Въ уѣздѣ—это обычное событіе; а въ губернскомъ городѣ Томскѣ, неужели, также все преклоняется передъ денежнымъ мѣшкомъ?

30-го. Понедѣльникъ. Пасмурная погода, непролазная грязь и ежеминутныя картины полнаго неблагоустройства города вызываютъ удручающее чувство. Невольно вдумываешься въ предстоящіе вопросы по устройству университета: поможетъ ли Богъ привести это дѣло къ концу? а сколько предстоитъ впереди трудовъ, препятствій и разочарованій.

Іюль. 4-го и 5-го. Засѣданіе строительнаго комитета. Всѣ тѣ же неотвязные вопросы о недостаткѣ матеріаловъ и рабочихъ. О серьезныхъ работахъ въ текущемъ году нечего и думать: дай Богъ кое-какъ оформить закладку въ концѣ лѣта и подготовиться къ работамъ будущаго года.

8-го. Вторникъ. Опять засѣданіе комитета, но дѣло впередъ не подвигается. Нашъ строитель Арнольдъ внушаетъ недовѣріе къ его распорядительности и умѣлости. Говоритъ онъ красно и много, но всѣ предложенія его не отличаются практичностью. Еще мнѣ не нравится въ немъ та самоувѣренность, съ которою онъ старается импонировать комитету своимъ техническимъ образованіемъ. Спеціально строительнаго дѣла мы до сихъ поръ еще не видѣли, а тѣ вопросы, о которыхъ приходится разсуждать, понятны для всякаго здравомыслящаго человѣка.

10-го. Сегодня я слышалъ оригинальный разсказъ. Ночью въ квартиру доктора Прибылева забрались воры черезъ выставленное окно. Докторъ, проснувшись отъ шума, зажегъ свѣчу и почти передъ самой кроватью увидѣлъ двухъ, знакомыхъ ему въ лицо, арестантовъ изъ томской исправительной роты (онъ завѣдывалъ также лазаретомъ арестантскаго отдѣленія). Сконфуженные воры тотчасъ же извинились передъ его благородіемъ, говоря, что они попали въ его квартиру по ошибкѣ. Оказывается, что смотритель выпускаетъ арестантовъ по почамъ на грабежъ. Возвратившись, они передаютъ ему награбленное имущество для сбыта мѣстнымъ евреямъ, а сами за это пользуются благоволеніемъ смотрителя и нѣкоторыми подачками съ его стороны. Невѣроятная распущенность, если это правда. А похоже на правду, потому что то же самое мнѣ приходилось слышать про солдатъ томскаго баталіона и про мѣстную полицію. Возмутительнѣе всего то, что подобные разсказы о воровскихъ похожденіяхъ никого не поражаютъ. Ихъ выслушиваютъ, какъ забавный анекдотъ, не углубляясь въ отвратительный смыслъ существующихъ безпорядковъ. Объ этомъ говорятъ въ присутствіи представителей власти, т. е. тѣхъ самыхъ начальниковъ, которые должны бы были сгорѣть со стыда отъ подобныхъ разсказовъ про ихъ команду, а они обращаютъ это въ невинную шутку: начальникъ военнаго баталіона киваетъ на полицеймейстера, полицеймейстеръ на смотрителя тюрьмы, или арестантской роты—это, дескать, штуки вашихъ, а не нашихъ молодцовъ! А какъ же, спросятъ, губернаторъ относится къ подобнымъ фактамъ?—Да никакъ. Посмѣется вмѣстѣ съ другими, если разбойная выходка была очень остроумна, и тѣмъ кончается дѣло. Къ явленіямъ подобнаго рода здѣсь всѣ привыкли, принюхались и ихъ не поражаетъ нестерпимое зловоніе нравственной атмосферы, какъ не поражаютъ бросающіеся въ глаза физическіе недостатки городскаго благоустройства.

11-го. Пятница. День именинъ нашей Олечки. Были у обѣдни въ Духовской церкви. Богомольцевъ, кромѣ насъ и 5—6 нищихъ старухъ на паперти, никого не было. Служба по-деревенски съ однимъ дьячкомъ,

Сегодня принесли намъ первый огурецъ, длиною чуть не въ аршинъ, толстый, тяжелый, изъ китайской породы. Все-то въ Сибири запоздалое, массивное, неуклюжее и, по правдѣ сказать, очень не вкусное: таковы люди и порядки, такова природа и ея произведенія.

12-го. Суббота. Были у всенощной въ женскомъ монастырѣ. Монастырь расположенъ за городомъ версты полторы или двѣ отъ университетской рощи, къ сторонѣ Томи. Онъ основанъ не больше 20 лѣтъ тому назадъ, но представляетъ теперь вполнѣ благоустроенную обитель. Мѣсто обнесено высокою каменною оградою; внутри обширнаго двора стоятъ двѣ красивыя каменныя церкви и небольшой корпусъ для монахинь. Соборная церковь освѣщена въ 1871 году. Служатъ благоговѣйно, но пѣніе женскаго хора мнѣ не особенно понравилось: напѣвы какіе-то не обычные и голоса визгливые. Богомольцевъ очень мало, и доходы, очевидно, скудные. Монастырь поддерживается главнымъ образомъ личнымъ трудомъ монахинь. Женскіе монастыри, по моему мнѣнію, болѣе соотвѣтствуютъ потребностямъ и духу времени, чѣмъ мужскіе. Здѣсь находятъ мирный пріютъ удрученныя и разочарованныя жизнію старушки и сирыя вдовицы, каковыхъ гораздо больше въ женской половинѣ населенія, чѣмъ въ мужской.

13-го. Воскресенье. Въ Томскѣ есть и мужской (Алексѣевскій) монастырь, въ центрѣ города на берегу рѣчки Ушайки. Изъ уцѣлѣвшихъ построекъ стараго города, онъ едва-ли не принадлежитъ къ числу самыхъ древнихъ (1663 г. Томскъ основанъ въ 1604 году), но положеніе монастыря нынѣ весьма печальное. Кромѣ престарѣлаго о. архимандрита, монашествующей братіи, кажется, не болѣе 2—3 человѣкъ, да сюда же временно прикомандировываютъ нѣсколько штрафныхъ священниковъ и дьяконовъ („подъ началъ“). Такимъ образомъ мужской монастырь имѣетъ значеніе скорѣе духовно-исправительной арестантской роты, чѣмъ богоспасаемой обители. Этому соотвѣтствуетъ и его внѣшность, запущенная, обветшалая. На монастырскомъ дворѣ стоитъ деревянный домъ довольно приличной наружности; при немъ имѣется домовая церковь, такъ какъ здѣсь прежде была квартира преосвященнаго. Нынѣ этотъ домъ отдается внаймы и въ немъ живетъ томскій полицеймейстеръ Гомбинскій. Квартира для полицейской власти, рядомъ съ архіерейскою церковью, совсѣмъ не подходящая.

14-го. Понедѣльникъ. На кладбищѣ при Алексѣевскомъ монастырѣ есть одна любопытная могила. Надъ нею стоитъ простой деревянный крестъ, обвѣшанный вѣнками изъ живыхъ цвѣтовъ. Свѣжими цвѣтами покрытъ и могильный холмикъ. На крестѣ, выкрашенномъ масляною краскою, находится слѣдующая надпись: „здѣсь погребено тѣло великаго благословеннаго старца Ѳедора Кузьмича. Скончался

1864 г. 20 января. На нижней перекладинѣ восьмиконечнаго креста написаны тою же краскою литеры: Е. И. В. А. I, т. е. Его Императорское Величество Александръ I.

Крестъ и надпись поставлены томскимъ купцомъ Хромовымъ, благоговѣющимъ передъ этою могилою. Имъ же и многими другими поклонниками приносятся на могилу свѣжіе цвѣты. Причина такого вниманія заключается въ томъ, что о нареченномъ старцѣ Ѳеодорѣ въ Томскѣ, существуетъ цѣлая легенда, будто бы это былъ не кто иной, какъ самъ императоръ Александръ Благословенный, отрекшійся отъ міра и странствовавшій по Сибири подъ чужимъ именемъ. Многіе годы онъ жилъ въ келейкѣ, построенной въ саду при домѣ Хромова въ Томскѣ и на Хромовской заимкѣ и своей подвижническою жизнью внушилъ къ себѣ такое благоговѣніе, что его признали за добровольнаго царственнаго изгнанника. Легенду про старца Ѳеодора мнѣ разсказывали многіе здѣшніе старожилы, въ томъ числѣ служащій въ томскомъ отдѣленіи государственнаго банка Чистяковъ, зять Хромова. Онъ приглашалъ меня побывать на ихъ заимкѣ и осмотрѣть келью, гдѣ житъ загадочный старецъ. Тамъ свято сохраняются всѣ его вещи, въ той обстановкѣ, какъ онѣ были при его жизни; тамъ же собрана и развѣшана по стѣнамъ кельи коллекція гравированныхъ портретовъ Александра Благословеннаго и рядомъ съ ними, для сравненія, фотографическій портретъ старца Ѳеодора. Я, конечно, обѣщалъ съ удовольствіемъ воспользоваться такимъ приглашеніемъ при первомъ удобномъ случаѣ.

На вопросъ о томъ, какія основанія имѣютъ Хромовы считать старца за покойнаго императора, Чистяковъ сообщилъ мнѣ слѣдующее: Въ двадцатыхъ годахъ одинъ изъ родственниковъ ихъ семьи служилъ въ гвардейскомъ флотскомъ экипажѣ, въ Петербургѣ. Лѣтомъ 1826 г. онъ состоялъ въ числѣ команды на императорской яхтѣ, на которой императоръ Николай Павловичъ отправился осматривалъ Свеаборгскую крѣпость. Это посѣщеніе крѣпости, будто бы, показалось морякамъ загадочнымъ потому, что, вмѣсто осмотра укрѣпленій, Николай Павловичъ съ яхты прямо прослѣдовалъ въ казематъ, содержавшагося въ крѣпости неизвѣстнаго узника, долго съ нимъ бесѣдовалъ наединѣ и вслѣдъ затѣмъ снова вернулся на корабль. Изъ этого моряки заключили, что цѣлью посѣщенія Свеаборга было только свиданіе съ узникомъ и что этотъ узникъ, имени коего никто не зналъ, долженъ быть лицомъ, близко стоявшимъ къ новому императору. При распространившихся въ то время разнообразныхъ слухахъ по поводу неожиданной кончины Александра I-го, описанный эпизодъ (если онъ самъ по себѣ не составлялъ ничего бы) далъ поводъ предполагать, что въ Свеаборгской крѣпости былъ заключенъ не кто иной, какъ

Александръ Павловичъ. Впослѣдствіи загадочный узникъ какимъ-то способомъ, будто бы, исчезъ изъ крѣпости и нѣкоторое время проживалъ въ Новгородской губерніи, чуть ли не въ Грузинѣ, у Аракчеева, а потомъ странствовалъ по Уфимской и Пермской губерніямъ. Будучи открытъ полиціей, онъ назвался непомнящимъ родства бродягой и, какъ таковой, понесъ, положенное тогда по закону, тѣлесное наказаніе и былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе. Съ этой легендой связали исторію томскаго старца, такъ какъ онъ тоже былъ изъ числа непомнящихъ бродягъ. Когда я возразилъ, что изъ фактовъ приведеннаго разсказа далеко еще до заключенія о тождествѣ старца съ Александромъ Павловичемъ, Чистяковъ сообщилъ дальнѣйшія основанія Хромовскихъ предположеній. Они состоятъ въ слѣдующемъ: старецъ былъ образованный человѣкъ, говорилъ на европейскихъ языкахъ, его посѣщали въ кельѣ (при городскомъ домѣ Хромова, гдѣ онъ жилъ послѣдніе годы) нѣкоторые высокопоставленныя лица, проѣзжавшія черезъ Томскъ въ Восточную Сибирь, или обратно, а также томскіе губернаторы и епископъ Парѳеній, въ бесѣдѣ съ коими старецъ, будто бы, обнаруживалъ признаки своего происхожденія изъ высшаго образованнаго круга, хотя имени своего никогда не называлъ. Наконецъ, составившееся предположеніе основывалось на ясномъ, будто бы, сходствѣ лица и наружности старца съ портретомъ Александра I.

Само собой разумѣется, что вышеприведенная легенда принадлежитъ къ числу фантастическихъ увлеченій старика Хромова, но тѣмъ не менѣе она не лишена интереса. Одно въ ней несомнѣнно, что Ѳеодоръ Кузьмичъ не былъ изъ простыхъ „Ивановъ Непомнящихъ“, коихъ въ Сибири цѣлые легіоны, а очевидно онъ происходилъ изъ образованнаго круга. Возможно даже, что это былъ какой-нибудь опальный дворянинъ, скрывшій свое имя еще въ Европейской Россіи и, во избѣжаніе болѣе горькой участи, назвавшійся бродягой. По всѣмъ признакамъ это былъ человѣкъ сильнаго характера и высокихъ нравственныхъ принциповъ, на что́ указываетъ его подвижническая жизнь въ Томскѣ и та благоговѣйная народная память, которая сохранилась объ немъ до сихъ поръ. Простой народъ считаетъ его святымъ, и едва-ли по одному тому, что съ нимъ связано представленіе объ императорѣ, въ немъ чтутъ, рѣдко нынѣ встрѣчающійся, идеалъ высокаго подвижника. Въ Сибирь на поселеніе Ѳеодоръ Кузьмичъ былъ сосланъ въ 1836 и 1837 г., по суду за бродяжничество, изъ города Красноуфимска, гдѣ напередъ былъ наказанъ 20 ударами плетей. Прослѣдовавъ пѣшкомъ по этапу въ Томскую губернію, онъ былъ здѣсь первоначально водворенъ экспедиціею о ссыльныхъ въ деревнѣ Зерцалахъ. Съ перваго же года послѣ водворенія Ѳеодоръ Кузьмичъ

внушилъ къ себѣ глубокое уваженіе не столько необычайною въ бродягахъ величавостью и благообразіемъ своей наружности, сколько высокими нравственными качествами. Крестьяне выстроили ему особую келью и считали его за подвижника. Къ Хромову онъ переселился въ 1858 году.

17-го. Четвергъ. Былъ я въ знаменитой кельѣ на Хромовской заимкѣ (прямой дорогой отъ города не больше трехъ верстъ, если ѣхать по сибирскому тракту, мимо пересыльной тюрьмы, а вбродъ черезъ Ушайку ниже т. н. Толстаго мыса). Келейка стоитъ особнякомъ, въ разстояніи 40—50 саженъ отъ дачнаго дома, въ глубинѣ рощи, ближе къ рѣкѣ Ушайкѣ. Снаружи она представляетъ собой маленькій, чистенькій бревенчатый домикъ въ одну комнату, съ холодными сѣнцами и крылечкомъ. Единственная жилая комната имѣетъ не болѣе двухъ саженъ длины и аршинъ 5 ширины, съ двумя окошечками. У лѣвой (отъ входа) стѣны устроено деревянное ложе (аршина $1^1/_2$ ширины) изъ сосновыхъ досокъ съ такимъ же изголовьемъ, вродѣ того, какъ это дѣлается въ русскихъ баняхъ. Доски представляются какъ-бы вылощенными и нѣсколько потемнѣвшими отъ того, что онѣ не покрывались ни тюфякомъ, ни войлокомъ. Не было также и подушекъ: старецъ Ѳеодоръ все время спалъ на голыхъ доскахъ, на которыхъ видны ясные слѣды положенія головы и отдыхающаго тѣла. Полъ кельи деревянный, некрашенный; такія же стѣны и потолокъ, нѣсколько потемнѣвшіе отъ времени, но совершенно чистые. Въ переднемъ углу виситъ Распятіе и нѣсколько образовъ, прямо на стѣнѣ, безъ божницы. Передъ ними лампадка, которая, по словамъ старика Хромова, теплилась при жизни старца безпрерывно день и ночь, что̀ поддерживается до сихъ поръ заботами старика Хромова. Тутъ же въ переднемъ углу, подъ образами, висятъ монашескія четки и придѣлана деревянная полочка съ церковными и молитвенными книгами, представляющими ясные слѣды продолжительнаго ихъ употребленія. На полу, противъ этого мѣста, лежитъ старый, порядочно потертый коврикъ. Окошечки прикрыты темными занавѣсками; въ простѣнкѣ между ними стоитъ некрашеный столикъ и два такихъ же стула. На стѣнѣ, налѣво отъ образовъ, виситъ большой фотографическій портретъ самого старца Ѳеодора во весь ростъ, величиною не менѣе полуаршина (судя на глазомѣръ), въ рамѣ, подъ стекломъ. Фотографія снята не съ оригинала, а послѣ смерти старца съ какого-то портрета, написаннаго отъ руки мѣстнымъ живописцемъ. На немъ старецъ Ѳеодоръ изображенъ въ стоячемъ положеніи, на видъ лѣтъ 80 или даже больше. Онъ высокаго роста, довольно стройный, хотя и нѣсколько согбенный отъ старости. Одѣтъ онъ въ холщевый халатъ (въ родѣ монашеской рубахи), подпоясанный пояскомъ. Окладистая сѣдая борода опускается до половины груди. Лицо круглое, носъ тонкій, небольшой, нѣсколько

вздернутый. На головѣ большая лысина; жидкіе сѣдые волосы, прямо расчесанные, падаютъ ниже ушей только со стороны висковъ и затылка. Рядомъ съ этимъ портретомъ помѣщаются, тоже въ рамахъ, подъ стекломъ, нѣсколько литографій и гравюръ, изображающихъ Александра I-го въ разныя эпохи его жизни. Между ними есть снимки также въ стоячемъ положеніи, во весь ростъ. Хромовъ помѣстилъ ихъ сюда для сравненія съ фигурою старца, предполагая, что въ его чертахъ есть сходство съ императоромъ. Нѣкоторое сходство въ очертаніяхъ лица и носа, какъ будто, дѣйствительно существуетъ, но это не можетъ имѣть никакого значенія по той причинѣ, что фотографія старца Ѳеодора была снята не съ него самого, а послѣ его смерти съ писаннаго портрета. Могло, поэтому, случиться, что живописецъ работалъ подъ извѣстнымъ настроеніемъ и, можетъ быть, отчасти подражалъ при этомъ портретамъ Александра Павловича. Очевидно, воображеніе и предвзятая идея здѣсь играли не малую роль.

Въ келью сопровождалъ меня самъ старикъ Хромовъ. Онъ охотно разсказывалъ подробности образа жизни Ѳеодора Кузьмича. При этомъ я полюбопытствовалъ узнать, не сохранилось ли послѣ него какихъ-либо собственныхъ записокъ. По почерку и стилю изложенія было бы гораздо легче опредѣлить происхожденіе загадочнаго старца. Оказалось, что Ѳеодоръ Кузьмичъ во все время пребыванія въ Сибири какъ бы умышленно уклонялся отъ всякаго писанія. Тѣмъ не менѣе Хромовъ говоритъ, что у него есть двѣ-три незначительныя записки, писанныя рукой старца Ѳеодора, но онъ не можетъ показать ихъ мнѣ, имѣя въ виду предъявить ихъ гдѣ-то въ Петербургѣ, какъ доказательство правдивости своихъ предположеній.

Отрекшись отъ міра и порвавъ съ прошлымъ всякія связи, Ѳеодоръ Кузьмичъ, по словамъ Хромова, велъ жизнь отшельника въ буквальномъ смыслѣ этого слова. У него было только три занятія: молитва, изрѣдка религіозная бесѣда съ приходящимъ народомъ и физическій трудъ. Все, что было нужно для его скромной кельи, онъ исполнялъ самъ, низводя потребности до самыхъ малыхъ размѣровъ. Пища его была хлѣбъ и вода, собственности онъ не имѣлъ никакой, одежду ему приносили его почитатели, и онъ принималъ ее только тогда, когда надѣтая на немъ уже отказывалась служить. Приходящимъ онъ давалъ нравоучительныя наставленія, иногда, будто бы, угадывая ихъ сокровенныя мысли. Такимъ строгимъ, подвижническимъ образомъ жизни Ѳ. К. внушилъ къ себѣ глубокое уваженіе тотчасъ же, послѣ водворенія въ Сибири, съ 1837 года. Къ нему стали обращаться за совѣтомъ и поученіемъ не только жители окрестныхъ, но и отдаленныхъ деревень. По такому слуху узналъ его и Хромовъ еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ.

Вотъ все, что я могъ узнать о старцѣ Ѳеодорѣ отъ самого Хромова. Если отбросить отъ этого разсказа баснословную и ни на чемъ не основанную политическую подкладку, то мы можемъ представить себѣ, въ данномъ случаѣ, довольно яркій образчикъ тѣхъ подвижниковъ, какими нѣкогда изобиловала древняя Русь. Опальный ли боярин, или раскаявшійся грѣшникъ, или простой мірянинъ, подъ вліяніемъ охватившаго ихъ глубокаго религіознаго чувства, бывало, уходили въ лѣсъ, или „пустыню", порывая всѣ связи съ мірскою суетой. Силою воли, или религіознаго экстаза, сами того не вѣдая, они привлекали къ себѣ массу поклонниковъ. На мѣстѣ одиночныхъ келій или скитовъ возникали потомъ монастыри, служа въ свое время центрами и проводниками чистыхъ христіанскихъ идей. Такіе примѣры изрѣдка встрѣчаются и въ наши дни. Къ числу таковыхъ, очевидно, принадлежалъ и старецъ Ѳеодоръ. Предполагать въ немъ скрывающагося императора нѣтъ ни малѣйшаго повода. Трудно даже предположить, чтобы подъ именемъ старца могъ быть кто-нибудь изъ придворныхъ или именитыхъ людей александровскаго времени. Прямыхъ доказательствъ на это также нѣтъ. Разсказываемый Хромовымъ фактъ о знаніи Ѳеодоромъ Кузьмичемъ французскаго и нѣмецкаго языковъ самъ по себѣ ничего еще не доказываетъ, при томъ же онъ требуетъ подтвержденія.

20-го. Воскресенье. Ильинъ день. Утромъ былъ у обѣдни въ церкви Богоявленія, потомъ ѣздилъ съ визитомъ по знакомымъ. Погода отличная. Проѣзжая по городскимъ главнымъ улицамъ, встрѣтилъ оригинальныхъ наѣздниковъ: нѣсколько мужчинъ, должно быть мѣщанъ, или приказчиковъ, верхомъ на неосѣдланныхъ лошадяхъ, съ непокрытыми головами въ однѣхъ рубахахъ, босикомъ и безъ нижняго бѣлья! Потомъ я спросилъ одного изъ томичей: что значитъ такой патріархальный нарядъ? — Это лошадей купаютъ въ Томи, отвѣтилъ онъ совершенно равнодушно.

Вечеромъ собрались прокатиться въ лагери. Полюбовались на Томь. Съ высокаго крутаго берега обширный видъ на зарѣчную долину. Вдали раскинуты татарскія и русскія деревни; вверхъ по Томи изъ-за зелени лѣсовъ видна бѣлая церковь Бассандайки. Съ юго-запада надвигалась громадная туча, заставившая насъ поспѣшить домой. Едва мы успѣли вернуться, какъ грянулъ громъ и туча разразилась ливнемъ. Илья пророкъ и въ Томи оправдалъ народное русское повѣрье.

22-го. Вторникъ. Тезоименитство государыни императрицы. Служба въ соборѣ. У насъ также домашній праздникъ по случаю именинъ М. Л. По томскимъ обычаямъ въ именины, обыкновенно, задается пиръ; всѣ мало-мальски знакомые обязательно пріѣзжаютъ съ поздравленіемъ на пирогъ и закуску. Мы, какъ временные обыватели, едва

приткнувшіеся на чужой квартирѣ, дѣлать этого не могли, а потому именинъ своихъ въ этотъ день не признавали. Тѣмъ не менѣе, день вышелъ праздничный и у насъ перебывало много гостей. Въ этомъ отношеніи провинціальные города существенно отличаются отъ столичныхъ, или большихъ университетскихъ. Тамъ можно прожить цѣлые годы, имѣя весьма ограниченный кругъ знакомыхъ; здѣсь же, даже заѣзжій человѣкъ черезъ мѣсяцъ уже знакомъ чуть-ли не со всѣмъ городомъ. Правда, и общество здѣсь не велико: дюжина чиновниковъ, дюжина педагоговъ, десятокъ грамотныхъ купцовъ, архіерей, да еще 2—3 монаха, со включеніемъ ректора семинаріи,—вотъ и все. Не мудрено, что всякаго знаютъ здѣсь не только по имени и отчеству, но и его внутреннюю жизнь, что онъ думаетъ и дѣлаетъ. Мѣстной прессы здѣсь не имѣется, зато устные разсказы (сплетни) процвѣтаютъ съ избыткомъ. За день наслушаешься того, что не умѣстишь въ десяткѣ газетныхъ листовъ.

Вечеромъ ѣздили въ университетскую рощу (такъ мы стали называть ее теперь) вмѣстѣ съ В. И. Мерцаловымъ, Мамоновыми и Цибульскими. Въ хорошую теплую погоду, когда нѣтъ ни пыли, ни грязи, роща производитъ пріятное впечатлѣніе. Свѣжая травка, полевые цвѣты, достаточно тѣни,—все это напоминаетъ деревенскій лѣсъ, гдѣ можно собирать грибы и съ удовольствіемъ напиться чаю,—кругомъ самовара на разостланномъ коврѣ. За этимъ занятіемъ мы провели время до заката солнца, погуляли, потолковали о будущемъ университетѣ. Часть рощи начали уже рубить на дрова, чтобъ очистить мѣсто подъ постройки. Это первый актъ разрушенія, которое, къ сожалѣнію, обыкновенно предшествуетъ почти всякому созиданію. Въ свѣжемъ дѣвственномъ лѣсу мы, прежде всего, оголимъ почву, изроемъ ее ямами, загрязнимъ всякимъ мусоромъ, известью, щепами и щебнемъ, и потомъ будемъ воздвигать новый храмъ, уже не природный, а искусственный. Много пройдетъ времени, пока этотъ строющійся храмъ очистится отъ хаотическаго состоянія, когда оголенныя и засоренныя лужайки снова покроются зеленью и зацвѣтутъ. И должны цвѣсти они не тѣми цвѣтами, какіе растутъ теперь по оврагамъ и въ тѣни березъ, а совсѣмъ особенными, ароматъ которыхъ разносился бы по всему необъятному пространству русскаго царства. Эти цвѣты называются науками, а ароматъ ихъ — гуманитарныя идеи добра, нравственной красоты и пользы. Суждено ли намъ будетъ во-очію увидѣть такое возрожденіе, или придется ограничиться лишь участіемъ въ черномъ хаотическомъ трудѣ, а плоды будутъ пожинать потомки,— это все равно. Лишь бы только не примѣнили къ намъ словъ Щедрина: „придетъ, старый храмъ разрушитъ, новаго не возведетъ, насоритъ и уйдетъ“! Избави Богъ отъ такого приговора!

24-го. Четвергъ. Занося на свои листки разныя замѣтки о томской жизни, я еще ни разу не касался своеобразнаго элемента здѣшняго общества—политическихъ административныхъ ссыльныхъ. Я воздерживался отъ этого до сихъ поръ потому, что долго не имѣлъ случая ознакомиться съ характеромъ и образомъ жизни этихъ кружковъ. Не скажу, чтобы и теперь я изучилъ ихъ какъ слѣдуетъ, но все же знаю больше, чѣмъ прежде. Со многими мнѣ пришлось говорить лично, встрѣчаясь у знакомыхъ, и, такимъ образомъ, провѣрить, что такое изображаютъ изъ себя эти господа по существу своихъ убѣжденій и стремленій.

Еще живя въ Петербургѣ и постоянно вращаясь въ болѣе или менѣе либеральномъ кругу, начиная съ 1863 года, я уже зналъ, что такое наши нигилисты и потомъ, такъ называемые, соціалъ-демократы. Впослѣдствіи, съ 1878 года, я то же самое встрѣтилъ въ Казанскомъ университетѣ. Встрѣчались и умѣренные, и крайніе, но сущность ихъ принциповъ была одна и та же: недовольство существующимъ порядкомъ и желаніе передѣлать Россію на новый ладъ. Между томскими жителями я встрѣтилъ такихъ же точно людей, не лучше, не хуже, съ тою лишь разницею, что въ Европейской Россіи они числились легальными членами общества, только слыли красными, а въ Сибири имъ повѣсили политическій ярлыкъ. Отъ этого они не стали ни глупѣе, ни злонамѣреннѣе, но умными и радѣющими объ интересахъ своего отечества они никогда не были, какъ и ихъ собратья, гуляющіе на свободѣ.

Политическій бредъ нашего поколѣнія правильнѣе всего назвать болѣзнью роста. Это глупая погоня за европейскими модами безъ сознательной оцѣнки, на сколько эти моды приходятся по нашему плечу и климату. Въ разныхъ степеняхъ и проявленіяхъ такая болѣзнь существовала и существуетъ повсюду. Еще такъ недавно модничало все наше образованное сословіе французскимъ разговорнымъ языкомъ, презирая свой отечественный. Для чего это дѣлалось? Для того, чтобы убѣдить самого себя, что мы европейцы, чтобы мужики и лакеи не могли подумать, будто мы имъ равны. И вотъ мы коверкали французское съ нижегородскимъ, мечтали о Парижѣ и презирали свою родину. Въ томъ же родѣ поступали многіе изъ нашихъ ученыхъ и государственныхъ людей, добиваясь стать подъ крылышко иностраннаго одобренія или напечатать ученую статейку въ нѣмецкомъ или французскомъ журналѣ. Это было верхомъ тщеславія: говорить по-французски, помѣстить работку въ нѣмецкомъ изданіи, заслужить похвалу въ германскихъ политическихъ сферахъ (у дипломатовъ). Сколько перенесла Россія отъ такихъ недуговъ европейничанья, это мы знаемъ всѣ. Причины ихъ—наше недоразвитіе, желаніе малень-

кихъ людей казаться большими. Лѣкарство противъ нихъ—время, дающее здоровый ростъ тѣла и духа.

Съ той же точки зрѣнія я смотрю и на нашихъ соціалистовъ. Это испорченныя дѣти, желающія казаться большими. Подобно m-me Курдюковой, они воображаютъ, что, коверкая непонятыя ими европейскія соціалистическія идеи, они идутъ за Европой, являются что-то думающими и что-то дѣлающими прогрессистами. Вмѣсто того, чтобы добросовѣстно изучать школьные предметы, развивать свой умъ и присматриваться къ вопросамъ и потребностямъ русской жизни, они избираютъ болѣе легкій путь, соблазнительный для ограниченныхъ и лѣнивыхъ натуръ, пропагандировать модныя европейскія идейки. Куриное самолюбіе удовлетворено. Вмѣсто лѣнтяя и тупицы школьника, является своего рода герой, чуть не спаситель отечества. Таковыми представляются мнѣ томскіе ссыльные соціалисты. Это, большею частью, несчастные неудачники и нравственно-больные люди. Русской жизни и русскихъ потребностей они совсѣмъ не знаютъ, хотя большинство ихъ и происходитъ изъ полуграмотнаго народа; выучившись по-наслышкѣ модному либеральничанью, они воображаютъ себя выше непонимающей ихъ толпы. Я увѣренъ, что вся эта напускная пыль скоро пройдетъ, какъ отживаетъ всякая срочная мода. Люди взрослые и благоразумные поймутъ, что Россія нуждается не въ ломкѣ, а въ созиданіи; намъ нужны не праздные болтуны, а образованные дѣятели, умѣющіе взяться за дѣло не съ презрѣніемъ къ своей родинѣ, а съ любовью.

Въ петербургскихъ чиновныхъ сферахъ мнѣ много разъ приходилось слышать объ опасностяхъ, могущихъ угрожать Сибирскому университету со стороны томскихъ соціалистовъ: будто бы они развратятъ студентовъ и сдѣлаютъ изъ университета вертепъ заговорщиковъ. Такъ могутъ думать только тѣ люди, которые имѣютъ о политическихъ преступникахъ слишкомъ высокое понятіе, а о профессорахъ и студентахъ слишкомъ низкое. Неужели наше правительство настолько не довѣряетъ себѣ, что всюду и во всѣхъ склонно видѣть своихъ порицателей, подкапывающихся подъ существующій государственный строй. Пора оставить это пугало малолѣткамъ, а взрослые должны довѣрять русскому уму и русскому сердцу; снисходительно смотрѣть на наши дѣйствительные прорѣхи и недостатки, но надѣяться, что они скоро будутъ устранены безъ борьбы и потрясеній. Мы вѣримъ въ національный прогрессъ, но ждемъ его не съ того конца: не нигилисты подчинятъ себѣ общество, а само общество скоро дорастетъ до сознанія, что его задача состоитъ не въ глумленіи надъ существующимъ строемъ, а въ честной и умѣлой службѣ каждаго на своемъ посту. Побольше знанія и довѣрія къ себѣ и поменьше

страховъ и подозрѣній съ обѣихъ сторонъ, и дѣло пойдетъ гораздо лучше.

25-го. Опять пожары. Сегодня около 4-хъ часовъ дня загорѣлось на сѣновалѣ дома, занимаемаго уѣзднымъ училищемъ. Когда повалилъ дымъ и сбѣжался народъ, замѣтили какого-то оборванца, спускавшагося по лѣстницѣ съ этого самаго сѣновала. Пойманный оказался чернорабочимъ, не имѣвшимъ къ дому никакого отношенія. Во время его допроса, тутъ же въ толпѣ, онъ началъ объяснять, что, проходя мимо и замѣтивъ дымъ, онъ бросился на сѣновалъ тушить (съ голыми руками!), но, увидѣвъ, что сѣно уже охвачено пламенемъ, онъ поспѣшилъ спуститься обратно, внизъ по лѣстницѣ, гдѣ его и поймали. Какъ ни наивно такое объясненіе, полиція ему повѣрила. Такимъ образомъ, изъ вѣроятнаго преступленія вышелъ чуть не геройскій поступокъ: человѣкъ-де рисковалъ жизнью, чтобы вò-время предотвратить бѣдствіе.

26-го. Суббота. Засѣданіе строительнаго комитета. Сначала шла рѣчь о пескѣ. Арнольдъ заявилъ, что въ настоящее рабочее время желающихъ взять доставку песку совсѣмъ не оказывается. Поэтому въ засѣданіе былъ приглашенъ нѣкто Песлякъ, изъ ссыльныхъ, которому и предложили взять эту операцію на нынѣшнее лѣто. Онъ заломилъ по 8 руб. за куб. сажень и только изъ особаго уваженія къ предсѣдателю (губернатору) согласился уступить 50 коп. съ сажени, т. е. по 7 р. 50 к. за кубикъ. Такъ и порѣшили. Сильно подозрѣваю, нѣтъ ли здѣсь сдѣлки съ Ар—омъ, такъ какъ цѣна очень высока. Но другихъ подрядчиковъ дѣйствительно нѣтъ; невольно пришлось согласиться. Заказано песку 80 куб. саженъ на 600 руб. Вотъ наша первая глупость!

Другая неудача: Дмитріевъ-Мамоновъ, взявшійся поставлять бутъ арестантскимъ трудомъ, отказался отъ этой операціи. Говоритъ, что одна перевозка бута (съ Толстаго мыса) обходится до 12 руб. за кубикъ. Пришлось ограничиться тѣмъ количествомъ, какое было заготовлено до сего времени, и взять этотъ камень не по 12 руб., а по 15 руб. за кубикъ.

Бійскій купецъ, Алексѣй Викуловичъ Соколовъ, пожертвовалъ на постройку университета 1.000 руб. Это первый частный вкладъ послѣ открытія дѣйствій комитета. Дай Богъ, чтобы онъ былъ не послѣднимъ. Я предложилъ Соколову обусловить эти деньги спеціально на болѣе изящную, чѣмъ положено по смѣтѣ, отдѣлку актоваго зала и церкви. Такъ и записали въ журналъ.

Ар—дъ, повидимому, не надеженъ. Всѣ рекомендуемые имъ поставщики оказываются слишкомъ дорогими. Едва-ли это зависитъ отъ однихъ мѣстныхъ условій. Нужно внимательно слѣдить за его дѣйствіями.

27-го. Воскресенье. Ѣздили на Бассандайку. Это очень живописное мѣстечко, верстахъ въ шести отъ города, бывшая заимка (дача) золотопромышленника Попова. Здѣсь выстроена имъ же каменная церковь и довольно большая дача, нынѣ уже устарѣвшая. Кругомъ дачи садъ и обширный паркъ, спереди большой дворъ, обнесенный службами, внизу, подъ горой, прудъ и мельница, далѣе р. Томь. Все это нѣкогда было устроено на большую барскую ногу, но теперь приходитъ въ упадокъ. Поповъ давно умеръ, оставивъ значительное состояніе (кажется, болѣе 200 тыс. руб.) на проектированный имъ въ Томскѣ женскій институтъ (нынѣ двѣ женскія гимназіи, въ Томскѣ и Омскѣ), а его Бассандайская дача недавно куплена, по предложенію Цибульскаго, въ собственность города. Теперь она стоитъ пустая, и мы сегодня устроили въ ней въ нѣкоторомъ родѣ пикникъ (съ Мерцаловыми, Мамоновыми и Цибульскими). Напились чаю и позавтракали, много гуляли по парку и по окрестностямъ. Мѣста очень живописныя, особенно по берегу Томи. Это любимое мѣсто томичей. По праздникамъ въ хорошую погоду сюда тянутся цѣлыя вереницы телѣгъ и долгушъ, большею частью въ одну лошадь, до верху нагруженныхъ дѣтьми и взрослыми, самоварами, котелками и разными съѣдобными припасами. Вся эта ватага располагается на лугу, въ узкой долинѣ рѣчки Бассандайки, на привезенныхъ коврахъ и войлокахъ, изображая пестрый таборъ. Пьютъ чай и вино, поютъ пѣсни подъ гитару, или гармонику, нѣкоторые занимаются рыболовствомъ и тутъ же варятъ въ котелкахъ уху. Всѣмъ, повидимому, весело. И мы также не скучали. Деревенская простота мнѣ всегда была по душѣ. Гуляя по Бассандайкѣ, мнѣ показывали деревянный одноэтажный домикъ, на склонѣ горы, гдѣ лѣтомъ живалъ на дачѣ декабристъ Батенковъ, оставившій послѣ себя въ Томскѣ хорошее воспоминаніе.

28-го. Понедѣльникъ. Заходилъ А. В. Соколовъ, бійскій купецъ. Много разсказывалъ объ Алтаѣ и о путяхъ черезъ горы въ Монголію. Онъ торгуетъ рогатымъ скотомъ, прогоняя этимъ путемъ гурты въ Иркутскъ, мимо озера Косогола. Простой мужикъ, но куда умнѣе университетскихъ недоучекъ. Обширная наблюдательность и практичность сквозятъ въ каждомъ его словѣ. Я люблю бесѣдовать съ такими людьми. Они живутъ своимъ, а не заимствованнымъ умомъ; потому, если что говорятъ, то говорятъ сознательно, не повторяя чужихъ заученныхъ фразъ. Этимъ мужицкій умъ отличается отъ образовательной дрессировки, гдѣ все взято напрокатъ, и слова, и мысли, условныя манеры и поведеніе. Особенно противны эти лощеные экземпляры въ нашей молодой интеллигенціи. На неопытный взглядъ они какъ быть люди, даже подъ часъ спеціалисты по разнымъ наукамъ, а попробуй спросить ихъ мнѣніе по самому обыденному житейскому во-

просу, какого не было въ книжкахъ, они бухнутъ такую несообразность, что стыдно становится за человѣческій разумъ.

29-го. Вторникъ. Установилась ясная погода. Весь Томскъ на покосѣ! Покосъ здѣсь составляетъ не то эпоху, не то народный праздникъ. Всѣ, кого не задерживаютъ въ городѣ дѣла, ѣдутъ и идутъ въ поле: хозяева, имѣющіе лошадей, отправляются туда съ семействомъ и запасами, прислуга бросаетъ свое дѣло и бѣжитъ на покосъ за поденную плату, хотя эта послѣдняя и не выше городской. Это стихійное переселеніе напоминаетъ перекочевку бродячихъ племенъ. Наступаетъ время покоса—и всѣхъ тянетъ въ поле. Прислуга говоритъ, что тамъ весело работать. Самъ я не видалъ этихъ косарей на мѣстѣ работы, но, вѣроятно, это нѣчто въ родѣ помочей, только съ поденной платой и угощеніемъ отъ хозяина. Очевидно, соблазняетъ здѣсь не столько заработокъ, сколько лѣсное приволье. Въ другихъ мѣстахъ я подобной сѣнокосной маніи не видѣлъ. У томскихъ жителей есть и другая страсть—это рыболовство или по-здѣшнему рыбалка. На рыбалку ѣздятъ обыкновенно на ночь, цѣлой компаніей, запасаясь выпивкой и закусками. Ночь, а иногда и нѣсколько ночей, проводятъ не столько въ рыболовствѣ, сколько въ оргіяхъ на лонѣ природы. Это собственно и нравится. Въ своихъ вкусахъ томичи недалеко ушли отъ первобытныхъ народовъ. Каждый изъ нихъ думаетъ: „мнѣ душно здѣсь, я въ лѣсъ хочу“—и бѣжитъ въ лѣсъ при первой хорошей погодѣ и при первомъ удобномъ случаѣ. Можетъ быть, поэтому они такъ небрежно относятся къ благоустройству города: городъ для нихъ тюрьма, лѣсъ и луга—привычная стихія! Поскребите любаго здѣшняго горожанина, въ немъ скажется бродяга или кочевникъ.

Августа 2-го. Суббота. Переписка и разборка книгъ университетской библіотеки идетъ очень успѣшно. Въ складахъ мы работаемъ каждый день, исключая праздники. Болѣе восьми тысячъ заглавій уже написано на карточки, больше половины ящиковъ вскрыты, пересмотрѣны и вновь уложены съ описью содержимаго. Богатства замѣчательныя, особенно изъ библіотеки графа Строганова. На-дняхъ, въ одномъ изъ ящиковъ нашли больше десятка рукописей, почти исключительно духовнаго содержанія, на латинскомъ и французскомъ языкахъ, писанныхъ на пергаментѣ, съ художественными виньетками и заставками. Между ними оказалось также одно замѣчательное русское изданіе,—это Радищева, Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Важность этого экземпляра заключается въ томъ, что онъ принадлежалъ А. С. Пушкину. Внутри передней корочки переплета находится собственноручная подпись Александра Сергѣевича, слѣдующаго содержанія: „экземпляръ этотъ купленъ въ тайной канцеляріи, заплачено 25 рублей. А. Пушкинъ“. На поляхъ книги болѣе рѣзкія мѣста от-

мѣчены краснымъ карандашемъ, вѣроятно, при просмотрѣ этого экземпляра цензорами-слѣдователями при производствѣ дѣла, по поводу изданія этой книги (Книжка въ красномъ сафьянномъ переплетѣ). Въ томъ же ящикѣ оказалась еще рукопись, принадлежащая Пушкину,—это русскій переводъ записокъ Манштейна (Толстый томъ 4°, въ кожаномъ корешкѣ, съ подписью на немъ „Записки о Россіи"). Судя по почерку, этотъ переводъ и списокъ, вѣроятно, принадлежитъ началу текущаго столѣтія, слѣдовательно, онъ былъ сдѣланъ раньше изданія перевода Мальгина (Москва, 1823 г.). Въ рукописи 544 перенумерованныхъ листа. На передней сторонѣ корочки переплета написано: „Александра Сергѣевича Пушкина", рукой самого поэта. Двѣ послѣднія находки вдвойнѣ интересны: какъ библіографическія рѣдкости, и какъ дорогія воспоминанія о нашемъ великомъ поэтѣ. По этимъ отрывкамъ его библіотеки (вѣроятно, случайно попавшимъ къ графу Григорію Александровичу Строганову) можно судить, какими духовными интересами дорожилъ Александръ Сергѣевичъ.

Всѣ рукописи, найденныя при разборкѣ книгъ мною лично, переписаны, переложены въ особый сундукъ, заперты, запечатаны моею и комитетскою печатью и сданы на храненіе въ томское губернское казначейство до открытія Сибирскаго университета (въ началѣ 1889 г. всѣ они, за исключеніемъ Манштейна, были отправлены въ императорскую публичную библіотеку, при особомъ спискѣ, чрезъ канцелярію попечительства западно-сибирскаго учебнаго округа).

3-го. Воскресенье. Вечеръ провели у Цибульскихъ, гдѣ, кромѣ насъ, были все тѣ же знакомые, такъ сказать, сливки томскаго общества. М-me Мамонова сыграла нѣсколько пьесъ на рояли. Это все, что было интереснаго на вечерѣ. Остальное крайне монотонно и скучно. Самъ Цибульскій не особенно разговорчивъ и, кромѣ золота, кажется, ничѣмъ не интересуется. По золотому дѣлу онъ своего рода спеціалистъ и удачникъ, но потребности мысли и духа любознательности у него нѣтъ. По натурѣ онъ вялъ и апатиченъ, какъ малороссъ. Его не расшевелишь ни разсказами, ни разспросами. Онъ ничего не читаетъ и едва-ли о чемъ-нибудь думаетъ, кромѣ пріисковъ и тайги. Если бы у него не было А. Ф. Жилля, который ведетъ за него все городское дѣло и пишетъ оффиціальные и думскіе записки и проекты, то Захаръ Михайловичъ былъ бы совсѣмъ безгласнымъ. Жилль, напротивъ того, весьма подвиженъ и духомъ и тѣломъ, на все отзывчивъ, любознателенъ и хорошо развитъ умственно, хотя и самоучка. Если бы ему было дано въ юности надлежащее образованіе, то при его способностяхъ, энергіи и честныхъ принципахъ изъ него вышелъ бы весьма недюжинный общественный дѣятель. Въ

Томскѣ едва-ли это не самая свѣтлая личность. Остальное—либо казенные заурядные чиновники, либо кулаки.

6-го. Среда. Весь Томскъ на ногахъ по случаю праздника и крестнаго хода. Провожаютъ икону, которая здѣсь считается чудотворною. Ее приносятъ въ городъ на лѣтнее время, кажется, изъ села Спасскаго, а 6-го августа отправляютъ обратно въ сопровожденіи массы народа и всего духовенства съ архіереемъ во главѣ. Томскіе граждане, вѣрные своимъ привычкамъ, пользуются и этимъ случаемъ, чтобы выбраться въ лѣсъ. Поэтому за крестнымъ ходомъ тянется безконечная вереница телѣгъ съ сѣдоками и провизіей. Проводивъ икону, они сворачиваютъ куда-нибудь въ сторонку и устраиваютъ пиръ.

7—9-го Послѣдніе три дня этой недѣли шелъ почти безпрерывный дождь, а мнѣ пришлось усиленно хлопотать о строительныхъ матеріалахъ. Скоро нужно будетъ открывать празднованіе закладки университета, а у насъ почти еще ничего нѣтъ. Привезено саженъ десять бутоваго камня, да ждемъ кирпича, когда онъ выйдетъ изъ печей, хотя бы тысячъ 30. Купили извести съ плотовъ, но она очень плоха (роспушонка). Содержимъ двухъ архитекторовъ и двухъ десятниковъ, а проку отъ нихъ никакого нѣтъ. Бетхеръ совсѣмъ тупица и мертвый человѣкъ. Рекомендованный Ар—омъ десятникъ тоже плохо понимаетъ дѣло и повидимому плутъ. Самъ Арнольдъ больше щеголяетъ фразами и своими модными костюмами, чѣмъ техническою опытностью. Понадѣлалъ какихъ-то висячихъ бочекъ для взбалтыванія известковаго раствора, вырылъ два колодца безъ воды (по 5 саж. глубиной), да три шурфа для изслѣдованія почвы, вотъ и вся его техническая работа. Пробовалъ ему говорить, что бочки и колодцы будутъ безполезны, отвѣчаетъ, что я не знаю строительнаго искусства и не могу дѣнить послѣдняго слова инженерной науки!

Предсѣдатель нашъ уѣхалъ на 3—4 недѣли обозрѣвать свою губернію, замѣняющій его Дмитріевъ-Мамоновъ говоритъ, что онъ занятъ теперь исполненіемъ двухъ обязанностей (начальника губерніи и предсѣдат. губерн. правленія), а Цибульскій отъ активнаго участія въ дѣлахъ комитета уклоняется. Все практическое дѣло, такимъ образомъ, лежитъ только на мнѣ и А. С. Бѣлявскомъ. Арнольду мы перестали довѣрять, а потому за всякой мелочью и справками относительно поставщиковъ ѣздимъ сами. Оно и лучше. По крайней мѣрѣ ознакомимся практически съ мѣстными условіями строительнаго производства, узнаемъ настоящія цѣны, не по запросамъ на торгахъ и не по нелѣпымъ справочнымъ табличкамъ, а по существу дѣла, познакомимся съ поставщиками и будущими подрядчиками, тогда, авось, насъ не будутъ дурачить. Я уже теперь предвижу, что строить

университетъ придется мнѣ самому, а комитетъ будетъ лишь фирмой. Поэтому надо заблаговременно познакомиться съ строительнымъ искусствомъ по толковымъ книжкамъ и не пренебрегать каждымъ практическимъ свѣдѣніемъ, какое можно извлечь при сношеніяхъ съ опытными людьми.

IV.

Приготовленіе къ закладкѣ университета.—Торжество по этому поводу.—Отъѣздъ изъ Сибири.

10-го августа. Воскресенье. Погода ненастная, на улицахъ страшная грязь. Поэтому цѣлый день сижу дома, принявшись за составленіе рѣчи для близкаго торжества закладки университета. Имѣя это въ виду, я заблаговременно, еще до пріѣзда въ Томскъ, подобралъ кое-какія историческія справки. Иначе, при отсутствіи здѣсь какихъ бы то ни было литературныхъ матеріаловъ, пришлось бы ограничиться общими мѣстами. Сегодня писалъ цѣлый день,—благо никто не мѣшалъ. Завтра вечеромъ надѣюсь рѣчь окончить и потомъ отдать въ типографію.

11-го. Понедѣльникъ. Утромъ былъ на постройкахъ. Тамъ роютъ канавы подъ центральную часть зданія, а въ концѣ недѣли можетъ быть удастся начать забутовку, хотя бы одной передней стѣнки. Къ несчастію, погода стоитъ скверная, канавы и шурфы заливаются дождевой водой. Кстати о шурфахъ. По указанію Арнольда ихъ вырыто три,—два по краямъ будущаго зданія и одинъ въ срединѣ, каждый глубиною до 4—5 саженъ. Прикинувъ на глазомѣръ разстояніе между крайними шурфами, мнѣ показалось, что они могутъ, при окончательной разбивкѣ фундамента, войти въ черту зданія, имѣющаго по плану 106 саж. длины. Я высказалъ это опасеніе Ар—ду, прося его провѣрить положеніе главныхъ линій будущаго университетскаго корпуса, которыя должны идти отъ намѣчаемаго нынѣ центра. Арнольдъ, со свойственною ему самоувѣренностью, даже обидѣлся на мое замѣчаніе: неужели-де я настолько не сообразителенъ, что буду рыть шурфы зря, не сообразуясь съ планомъ постройки. Я по крайней мѣрѣ настоялъ на томъ, чтобъ шурфы были обнесены изгородью, иначе въ нихъ могутъ утонуть не только бродячій скотъ, но и люди. Я самъ чуть не свалился въ одинъ изъ нихъ (сѣверный, до верху наполненный водой), принявъ его за обыкновенную лужу.

12-го. Вторникъ. Всѣ члены строительнаго комитета, кромѣ предсѣдателя В. И. Мерцалова, не возвратившагося еще изъ поѣздки по

губерніи, собрались сегодня на частное совѣщаніе по поводу предстоящаго празднованія закладки университета. Я доложилъ о своей рѣчи. Мамоновъ, Арнольдъ и Цибульскій выразили желаніе то же приготовить и съ своей стороны. У Мамонова рѣчь, кажется, уже написана, Цибульскому напишетъ Жилль, или кто-либо другой, а Арнольдъ за словомъ въ карманъ не полѣзетъ. На словахъ онъ великій краснобай.

Сегодня же редактировали текстъ надписи на мѣдной вызолоченной доскѣ, которая должна лечь въ стѣну на мѣстѣ закладки. Надпись, по-моему, слишкомъ длинна; именъ здѣсь поставлено больше, чѣмъ слѣдуетъ; въ томъ числѣ перечислены всѣ члены комитета, вѣроятно разсчитывающіе, что этимъ они пріобрѣтутъ себѣ безсмертіе. Было бы вполнѣ достаточно указать: годъ и день основанія, имя царствующаго государя и министра народнаго просвѣщенія. Доску рѣшили заказать завтра же единственному въ Томскѣ ювелиру и рѣзчику Ушарову, горькому пьяницѣ. Другихъ мастеровъ здѣсь нѣтъ, развѣ въ острогѣ между ссыльными фальшивыми монетчиками.

Матеріальную сторону торжества, т. е. приличную закуску и выпивку, по заявленію Цибульскаго, городъ устроитъ на свой счетъ, тутъ же, въ рощѣ, въ домѣ бывшаго лѣтняго общественнаго собранія. Извѣщенія о днѣ закладки, назначенной на 26-е августа, были уже комитетомъ разосланы раньше.

14-го. Четвергъ. Опять объѣзжалъ кирпичные заводы, справляясь о кирпичѣ. Нынѣшнее дождливое лѣто сильно задерживаетъ сушку и правку сырца. Поэтому обжигъ идетъ крайне медленно. Пока можно собрать не больше 10 т. штукъ, да и этотъ кирпичъ не важный. По дорогѣ посмотрѣлъ на плоты съ известью, при устьѣ Ушайки. Они все время стоятъ подъ дождемъ, ничѣмъ не прикрытые. Понятно, что вмѣсто комковой извести (кипѣлки) образуется каша и за эту дрянь просятъ по 15 к. за пудъ. Известь для будущаго года необходимо запасти зимой въ полной годовой пропорціи. Практикуемая въ Томскѣ доставка на плотахъ никуда не годится. На постройкахъ дѣло подвигается. Начали строить павильонъ съ широкимъ досчатымъ помостомъ. Павильонъ будетъ поставленъ какъ разъ въ центрѣ зданія, на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи будетъ вестибюль парадной лѣстницы, а надъ нимъ университетская церковь. Подъ переднею алтарною стѣной произойдетъ освѣщеніе начала работъ при празднованіи закладки. Дай Богъ, чтобы къ этому времени установилась ясная погода.

15-го. Пятница. Праздникъ Успенія. Были на молебнѣ въ Иверской часовнѣ, а потомъ я заѣхалъ къ преосвященному Петру поговорить о празднованіи закладки. Оттуда завернулъ къ Мамонову. Ал. Ипполит.

прочиталъ мнѣ приготовленную имъ рѣчь. Написана очень недурно и довольно содержательна.

16-го. Суббота. Былъ приглашенъ въ думскую коммиссію по поводу организаціи празднованія закладки университета со стороны города. Кромѣ Цибульскаго здѣсь участвовали изъ нашихъ комитетскихъ: я, Мамоновъ и Арнольдъ, а также полковникъ Нарскій (начальникъ мѣстнаго батальона), считающійся мастеромъ устраивать фейерверки и общественныя гулянья. Изъ купцовъ были: Королевъ, Акуловъ, Тецковъ, Михайловъ, Ереневъ и многіе другіе. Коммиссія желала прежде ознакомиться съ нашей половиной программы праздника, а потомъ обсудить свою половину. Наша была не многосложна: молебствіе въ соборѣ, крестный ходъ въ университетскую рощу, молебствіе на мѣстѣ закладки и произнесеніе рѣчей и привѣтствій (адресовъ). Городъ на первомъ планѣ ставилъ завтракъ и обѣдъ, а вечеромъ народное гулянье въ университетской рощѣ, съ иллюминаціей и фейерверкомъ. Относительно назначенія парадnаго обѣда въ день закладки я позволилъ себѣ замѣтить, что это было бы очень утомительно. Поэтому всѣ охотно согласились перенести обѣдъ на слѣдующій день, 27 августа. Явился другой вопросъ: гдѣ устроить обѣдъ? Предполагалось, что на немъ будутъ участвовать не менѣе 200 человѣкъ. Такого помѣстительнаго зала нѣтъ во всемъ Томскѣ. Потому было рѣшено просить Нарскаго уступить для этой цѣли батальонный манежъ, украсивъ его по мѣрѣ возможности. На этомъ и остановились.

Говорятъ, проектированный праздникъ обойдется городскому управленію не менѣе 5—6 тысячъ рублей. Если это справедливо, то я находилъ бы такую затрату слишкомъ обременительной для скромнаго городскаго бюджета. Когда не удовлетворены самыя элементарныя и насущныя нужды города, неразсчетливо бросать большія суммы на пиры и фейерверки хотя бы и по выходящему изъ ряда случаю. Но томскимъ гражданамъ нельзя этого говорить. Городское благоустройство для нихъ мудреная грамота, а обѣдъ и иллюминація по ихъ силамъ и вкусамъ.

18-го. Понедѣльникъ. Мерцаловъ все еще не вернулся изъ своей поѣздки. Сегодня было засѣданіе комитета подъ предсѣдательствомъ Мамонова. Въ этомъ засѣданіи была доложена дарственная запись городской думы на уступленное университету мѣсто. По выслушаніи ея, я внесъ дополнительное предложеніе объ уступкѣ университету и того участка городской земли, который нынѣ арендуется пивоваренным заводомъ Крюгера, а также объ отнесеніи западной границы до ручья подъ горой, гдѣ нынѣ устраивается нами мостикъ и взвозъ со стороны Томи. Эта прирѣзка земли намъ необходима: для округленія границъ, для непосредственнаго соединенія сѣвернаго и юж-

наго подгорныхъ участковъ и для устройства здѣсь, подъ горой, системы водоснабженія изъ подгорныхъ ключей. Постановили внести мое предложеніе въ думу отъ имени комитета, а дарственную запись отправить въ губернское правленіе для засвидѣтельствованія ея крѣпостнымъ порядкомъ.

Докладывался также отвѣтъ, полученный отъ управляющаго министерствомъ, Сабурова, по поводу моего представленія о вознагражденіи строителя университетскихъ зданій не 2%, а 4% съ строительной суммы. По сдѣлкѣ Арнольда съ архит. Бруни вторую половину законнаго четырехпроцентнаго вознагражденія долженъ былъ получить этотъ послѣдній, живя въ Петербургѣ, ни за что, ни про что. Еще передъ отправкой въ Томскъ я разъяснилъ министру, въ чемъ тутъ заключается фокусъ, и въ отвѣтъ на это разъясненіе получена нынѣшняя бумага.

Остальныя дѣла въ этомъ засѣданіи не имѣли существенной важности. Большею частію они касались уплаты по счетамъ Арнольда и его нытья по поводу недостатка строительныхъ матеріаловъ.

19-го. Вторникъ. Былъ на постройкахъ. Павильонъ почти оконченъ. Передняя стѣнка подъ вестибюлемъ выведена до уровня земли. Начинаютъ класть обратныя кирпичныя арки подъ устои будущихъ колоннъ. Къ будущему воскресенью все будетъ готово для осуществленія форменной закладки. Погода начинаетъ проясняться.

Сегодня мнѣ разсказывали, что привезли въ Томскъ убитаго разбойника Лиханова. Его подстрѣлили гдѣ-то изъ-за куста, а трупъ привезли въ городскую управу, чтобы получить обѣщанный по объявленіямъ призъ въ 300 руб. Говорятъ, Цибульскій, дѣйствительно, выдалъ эту награду.

21-го. Четвергъ. Возвратился В. Ив. Мерцаловъ. Узнавъ, что мы всѣ приготовили и уже напечатали свои рѣчи, онъ остался этимъ недоволенъ. Повидимому, онъ предполагалъ, что рѣчь на торжествѣ закладки долженъ произнести только онъ одинъ, какъ предсѣдатель комитета, и уже заготовилъ ее, не говоря ничего ни мнѣ, ни Мамонову. Должно быть, собственная рѣчь показалась ему недостаточно изящною, или малосодержательною, потому что онъ при первой же встрѣчѣ выразилъ мнѣ сожалѣніе, что не зналъ раньше содержанія нашихъ рѣчей. Теперь-де ему трудно развить свою тему, потому что мы уже исчерпали всѣ вопросы. Рѣчь его отправлена въ типографію съ наставленіемъ, чтобы ее напечатали болѣе крупнымъ шрифтомъ (можетъ быть, отъ этого она будетъ казаться полнѣе).

22-го. Пятница. Сегодня опять заѣзжалъ къ Мерцалову по дѣламъ. Онъ относится ко мнѣ холоднѣе прежняго. Неужели причиною тому уязвленное самолюбіе по поводу его злосчастной рѣчи? Какъ часто

самыя пустыя обстоятельства могутъ вліять на добрыя отношенія людей, а можетъ быть и на ходъ общаго, порученнаго имъ дѣла!

23-го. Суббота. Начинаютъ съѣзжаться депутаты отъ сибирскихъ городовъ, командированные мѣстными думами на праздникъ закладки университета. Сегодня у меня были такіе представители изъ Каинска, Колывани и Кузнецка. Вчера тоже было человѣкъ пять. Это все купцы, на видъ довольно благообразные, съ медалями на шеѣ, или даже съ орденами. Нѣкоторые привезли съ собой поздравительные адресы и привѣтствія, не всегда, впрочемъ, удачно составленные. Я осторожно далъ понять, что въ редакціи ихъ можно было бы кое-что исправить, такъ какъ привѣтствія будутъ читаться съ каѳедры и предполагается ихъ напечатать. Депутаты охотно уполномочили меня сдѣлать нужныя исправленія.

Начинаютъ получаться и съ почты такіе же адресы и привѣтствія отъ разныхъ, болѣе отдаленныхъ городовъ, обществъ, учрежденій и частныхъ лицъ. Комитетъ поручилъ мнѣ разобраться со всѣмъ этимъ матеріаломъ, привести его въ порядокъ и быть по нему докладчикомъ во время самаго праздника. На моей же обязанности лежитъ также заготовка телеграммъ высокопоставленнымъ лицамъ, съ извѣщеніемъ о совершившейся закладкѣ, и много другихъ мелкихъ хлопотъ.

24-го. Воскресенье. Цѣлый день посѣтители, большею частію иногородные гости, пріѣхавшіе на праздникъ закладки. Въ разговорѣ съ ними выносишь впечатлѣніе, точно они отбываютъ повинность. Большинство изъ нихъ въ первый разъ слышатъ слово университетъ и имѣютъ о значеніи его самое смутное представленіе. По наряду они пріѣхали, по наряду вносятъ свои посильные вклады отъ имени городскихъ думъ, извиняясь скудностью городскихъ средствъ. И это понятно. Можетъ ли какая-нибудь Тюкала, Нарымъ, Маріинскъ, Колывань и тому подобные серьезно понимать университетъ и сознательно сочувствовать ему! Мѣстный протопопъ, уѣздный учитель, или чиновникъ объяснятъ имъ, что надо заготовить привѣтственный адресъ, или телеграмму, нанизавъ кудрявыхъ словъ и напыщенныхъ пожеланій; дума вручитъ эту грамоту своимъ уполномоченнымъ, и тѣ везутъ ее въ Томскъ предъявить по начальству. Наивные люди будутъ потомъ воображать, что она его искала, о немъ ходатайствовала. его цѣнила и поддерживала. Все это пустой миражъ! За весьма немногими исключеніями, въ нынѣшней коренной Сибири некому радѣть о высшемъ просвѣщеніи. Идея Сибирскаго университета народилась и созрѣла не въ мѣстномъ обществѣ, а дана свыше центральнымъ русскимъ правительствомъ и культивируется не сибиряками собственно, а вообще русскими образованными людьми, понимающими, что значитъ слово просвѣщеніе. Не общество создаетъ университетъ, а уни-

верситетъ создастъ новое общество, которое лѣтъ черезъ 30—50 оцѣнитъ его зиждительную силу.

25-го. Понедѣльникъ. Видѣлся съ Мерцаловымъ. Говорили о завтрашнемъ днѣ. Сообщилъ ему, что на мѣстѣ закладки все приготовлено, какъ слѣдуетъ. Павильонъ, обвитый гирляндами зелени, украшенный вензелями и флагами, вышелъ очень хорошъ. При разговорѣ о томъ, что мы съ преосвященнымъ Петромъ условились включить въ программу крестный ходъ отъ собора до мѣста закладки, послѣ окончанія литургіи и молебна, Мерцаловъ замѣтилъ, что онъ съ этимъ несогласенъ. „Вамъ это все равно,—прибавилъ онъ,—у васъ черные панталоны; а какъ я пойду по грязной улицѣ въ бѣлыхъ панталонахъ?“ На это я сказалъ, что губернатору вовсе не обязательно идти за крестнымъ ходомъ пѣшкомъ; онъ можетъ прямо отъ собора сѣсть въ экипажъ и отправиться въ университетскую рощу другою улицей, или слѣдовать за процессіей въ экипажѣ. По этому пустому поводу у насъ опять чуть-было не вышла размолвка. Мерцаловъ настаивалъ на отклоненіи крестнаго хода, я же возражалъ, что сдѣлать это неудобно, между прочимъ и потому, что эта часть духовной церемоніи включена въ опубликованную уже программу. Тогда Вас. Иванов. еще больше обидѣлся: почему-де опубликовали программу до разсмотрѣнія и утвержденія ея губернаторомъ—предсѣдателемъ комитета (который все это время былъ въ отсутствіи и возвратился въ Томскъ лишь нѣсколько дней тому назадъ). Въ концѣ концовъ программа осталась безъ измѣненія.

Возвратившись домой, я снова занялся разборомъ адресовъ и телеграммъ. Доставлено ихъ довольно много. Нужно ихъ приготовить для чтенія къ завтрашнему дню. Телеграммы государю, наслѣднику цесаревичу, великому князю Константину Николаевичу, графу Д. А. Толстому, управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія А. А. Сабурову, генералъ-губернаторамъ Казнакову и Анучину и гр. Н. П. Игнатьеву — мною уже заготовлены и переписаны. Завтра послѣ совершенія закладки отправимъ ихъ по назначенію отъ имени строительнаго комитета.

Вечеромъ заѣзжалъ ко мнѣ Цибульскій. Онъ, какъ городской голова, тоже разсчитываетъ послать благодарственныя телеграммы отъ имени томскаго городскаго общества: государю императору, наслѣднику цесаревичу и великому князю Константину Николаевичу. Черновики этихъ телеграммъ, составленныхъ при участіи членовъ городской управы, онъ привезъ мнѣ для просмотра и, въ случаѣ надобности, для пополненія и исправленія. Тотчасъ же мы выработали ихъ окончательную редакцію.

Сегодня цѣлый день былъ крайне суетливый. Завтра суеты бу-

детъ еще больше. Дай только Богъ, чтобы удержалась хорошая погода. Проливной дождь могъ бы разстроить всѣ наши планы и надежды.

Отъ редакціи газеты „Голосъ“ получилъ 25 рублей съ просьбою завтра же сообщить по телеграфу, въ размѣрѣ этой суммы, описаніе совершившейся закладки Сибирскаго университета. Въ редакціи „Голоса“ я никого не знаю, вѣроятно, и они столько же знаютъ о моемъ здѣсь присутствіи. Недоумѣваю, кто имъ могъ на меня указать; развѣ Деспотъ-Зеновичъ? Порученіе, конечно, будетъ исполнено.

26-го. Вторникъ. Радостный и памятный для меня день закладки Сибирскаго университета. Отнынѣ, это совершившійся фактъ его зарожденія. Какъ ни туманно его будущее, какъ бы ни было трудно его выносить и пустить на свѣтъ Божій, но дѣло это уже не погибнетъ. Я искренно вѣрю, что это будетъ доброе и полезное дѣло, и душевно радуюсь, что Господь сподобилъ меня принять въ немъ живое участіе.

Хмурая до сихъ поръ, томская природа тоже улыбнулась нашему празднику. День съ утра оказался прекраснымъ, теплымъ и солнечнымъ. Дай Богъ, чтобы это было доброе предзнаменованіе. Съ утра городъ принялъ необыкновенно праздничный видъ. Дома украсились флагами и вензелями. Народъ толпами направился къ собору, который не былъ въ состояніи вмѣстить и десятой доли молящихся. Вся соборная площадь была наполнена народомъ, до котораго едва доносились изъ оконъ и дверей звуки архіерейскаго служенія. По окончаніи литургіи и молебна съ колѣнопреклоненіемъ за здравіе и долгоденствіе государя императора, изъ собора въ 12 часовъ былъ совершенъ крестный ходъ въ университетскую рощу въ сопровожденіи громадной толпы народа. Въ $12^1/_2$ часовъ начался духовный обрядъ освященія мѣста предстоящихъ построекъ. Павильонъ, помостъ и вся площадь передъ постройками была переполнена народомъ. Послѣ молебствія съ водосвятіемъ, преосвященный Петръ положилъ на приготовленное мѣсто первый камень, а на него, въ сдѣланное углубленіе—мѣдную доску съ выгравированною надписью. Вслѣдъ за симъ положили по кирпичу всѣ члены комитета и многія присутствующія на закладкѣ почетныя лица, послѣ чего архимадриты Викторъ и Лазарь обошли по линіямъ очерченнаго зданія и окропили его святой водой. Этимъ закончилась церковная сторона праздника; послѣ небольшаго перерыва начались наши рѣчи. Первымъ на каѳедру выступилъ нашъ предсѣдатель Мерцаловъ. Рѣчь его, дѣйствительно, оказалась очень жидка и была прочитана конфузливо и неумѣло. Послѣ того была моя очередь, Мамонова, Арнольда и Цибульскаго. Послѣдній прочиталъ отъ имени томскаго городскаго общества коротенькое (строкъ 20) привѣтствіе,

написанное тепло и толково, но читалъ онъ тихо, невнятно, вслѣдствіе непривычки. Послѣ того началось чтеніе телеграммъ, заготовленныхъ нами на имя высочайшихъ особъ и министровъ, затѣмъ, полученныхъ отъ разныхъ лицъ, обществъ и учрежденій. Въ общемъ все это вышло довольно торжественно [1]). Актъ закладки окончился въ 4 часа 15 минутъ по полудни. По окончаніи его, интеллигентная публика и почетные гости были приглашены городскимъ управленіемъ въ домъ бывшаго „лѣтняго собранія“, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ мѣста закладки, на чай и закуску. Здѣсь завершился третій актъ праздника, съ новыми телеграммами и безконечными тостами за шампанскимъ, лившимся весьма изобильно. Гости разъѣхались послѣ пяти часовъ.

Можно сказать съ увѣренностію, что Томскъ никогда еще не видалъ такого торжественнаго праздника и едва-ли увидитъ таковой даже въ день открытія университета. Въ то время празднованіе будетъ совершаться въ замкнутыхъ стѣнахъ, въ актовомъ залѣ и церкви, нынѣ же оно было всенародное, подъ покровомъ яснаго неба, такъ сказать, на лонѣ природы. Весь городъ видѣлъ и чувствовалъ, что для его грядущей исторіи зарождается нѣчто новое, что̀ можетъ согрѣть и освѣтить его закорузлую жизнь. Пускай это предчувствіе будетъ неясное, смутное, инстинктивное, но, разъ зародившись въ тайникахъ простонародной души, хотя бы у сотой доли видѣвшихъ нашъ праздникъ, оно не исчезнетъ, какъ блуждающій огонекъ въ мракѣ тьмы. Возрастающій и дѣйствующій университетъ всегда будетъ передъ глазами, какъ путеводный маякъ, къ которому невольно будутъ устремляться взоры. То, что нынѣ лепетали уста сибиряковъ въ привѣтствіяхъ и телеграммахъ, можетъ быть, безсознательно, съ чужаго голоса, впослѣдствіи поймутъ и оцѣнятъ тѣ же самые люди, или ихъ дѣти. Мелкія молодыя поросли обыкновенно тянутся за болѣе крупными экземплярами, силясь догнать ихъ въ ростѣ. Также точно и отсталое сибирское общество будетъ тянуться за университетомъ и скоро доростетъ до него. Не пройдетъ и четверти столѣтія, какъ нынѣшніе сибирскіе нравы и порядки будутъ вспоминаться, какъ давнее, почти невѣроятное преданіе.

Едва успѣлъ набросать подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ эту страницу замѣтокъ,—меня опять стали торопить на гулянье. Къ намъ заѣхали Мерцаловы, Цибульскіе и Мамоновы, чтобы вмѣстѣ отправиться въ университетскую рощу на иллюминацію. Было около 8 часовъ. Ночь теплая, чудная. Улицы города уже освѣщены, не фонарями, конечно,

[1]) Подробное описаніе закладки Сибирскаго университета, со включеніемъ всѣхъ рѣчей, телеграммъ и привѣтственныхъ адресовъ, мною составлено и напечатано отдѣльною брошюрою.

(которыхъ нѣтъ), а плошками и вензелями. На многихъ окнахъ выставлены транспаранты съ разными привѣтствіями университету и сибирскому просвѣщенію, но чаще съ иниціалами царствующей четы по случаю царскаго дня. Очень много флаговъ и гирляндъ изъ зелени.

Иллюминація университетской рощи удалась какъ нельзя лучше. Особенно эффектными оказались разноцвѣтные фонарики, массами разбросанные по деревьямъ. Ихъ было нѣсколько тысячъ. Горящія плошки разставлены не только по линіямъ дорожекъ и зданій (павильона на мѣстѣ закладки и „лѣтняго собранія“), но также по всѣмъ лужайкамъ на травѣ. Въ рощѣ были два хора военной музыки и два хора пѣсельниковъ, а также были раскинуты шатры для продажи сбитня, чая, пива, разныхъ сластей и закусокъ. Все это привлекло множество народа, гулявшаго въ рощѣ до 11 ч. По справедливости долженъ замѣтить, что, несмотря на громадную толпу и давку и на полное, почти, отсутствіе полиціи, во весь вечеръ я не встрѣтилъ ни одного пьянаго человѣка, ни одного безчинства, или какого-либо замѣшательства. Народъ велъ себя крайне прилично.

Въ 9 часовъ начался фейерверкъ. Мѣсто для него удачно было выбрано за оврагомъ на высокомъ мысу ботаническаго участка (вновь намъ прирѣзаннаго по моему ходатайству). По сю сторону оврага есть достаточно широкая луговая площадка, не покрытая лѣсомъ, куда и устремился весь гуляющій народъ при первой пущенной ракетѣ. Мы любовались фейерверкомъ, съ такъ называемой, горки, на которой есть деревянныя скамеечки. По окончаніи фейерверка мы отправились напиться чаю на террасѣ „лѣтняго собранія“. Въ залахъ собранія гремѣла музыка и начались танцы, но мы, порядочно уже утомленные впечатлѣніями этого достопамятнаго дня, направились по домамъ.

27-го. Среда. Все утро занимался описаніемъ вчерашняго празднества, для брошюры, приготовляемой къ печати, и перепискою прочитанныхъ телеграммъ для той же цѣли. Передъ отъѣздомъ изъ Томска эту рукопись надо окончить и сдать въ типографію. Большую часть содержанія брошюры составятъ рѣчи, оттиски которыхъ уже имѣются, и телеграммы, которыя переписываетъ писецъ подъ моимъ руководствомъ. Дополнительнаго текста приходится прибавлять не много. Въ 4 часа сегодня назначенъ парадный обѣдъ въ манежѣ.

Съ обѣда вернулся очень поздно, около 11 часовъ. Столы были накрыты на 200 человѣкъ (дамъ не было). Все устроено очень торжественно, тостовъ было безъ конца. Подробное описаніе обѣда помѣщу въ брошюрѣ.

28-го. Четвергъ. Сегодня цѣлый день гости. Большая часть бывшихъ вчера на обѣдѣ „депутатовъ“ пріѣзжали съ визитомъ, а нѣкоторые

прощаться, собираясь домой. Всѣ остались въ восторгѣ отъ нашихъ празднествъ. Благодаря этому случаю, я познакомился теперь не только съ томскимъ городскимъ обществомъ, но и со многими представителями провинціальныхъ сибирскихъ городовъ. Изъ Восточной Сибири были только красноярцы (Прейнъ, Родственный, Ларіоновъ и Ковригинъ — отъ думы, и директоръ Красноярской гимназіи Еленевъ отъ учебнаго вѣдомства) и минусинцы, изъ Омска медицинскій инспекторъ М. Г. Соколовъ и главный инспекторъ народныхъ училищъ Н. Я. Максимовъ. Больше всего депутатовъ было изъ городовъ Томской губерніи, почти исключительно купцовъ.

Вечеромъ было засѣданіе строительнаго комитета, главнымъ образомъ для того, чтобы занести въ журналъ поступившія ко дню закладки денежныя пожертвованія, сдѣланныя разными городскими обществами въ пользу основаннаго Сибирскаго университета. Поступили слѣдующія суммы: 1) отъ тобольскаго общества 5.000 р. на стипендіи, 2) отъ минусинской думы 1000 р. въ строительный капиталъ, 3) отъ барнаульскаго общества 1.000 р. (собраны по подпискѣ на постройку университета), 4) отъ усть-каменогорской думы 500 р. на тотъ же предметъ, 5) изъ города Акмолинска 500 р., 6) отъ семипалатинской думы 1.000 р., 7) ишимской думы 300 р., 8) бійской думы 1.000 р., 9) нарымской—200 р., 10) красноярской—2.000 р., 11) маріинской—309 р. (собраны по подпискѣ) и 12) отъ бурята Ковригина 200 руб. Всего 13.009 руб., не считая пожертвованій 2.101 руб. на постройку дома для безплатныхъ квартиръ студентовъ (по подпискѣ, по моему предложенію, на вчерашнемъ обѣдѣ) и обѣщанныхъ по телеграммѣ 10 тыс. рублей отъ братьевъ Зензиновыхъ на двѣ стипендіи.

Нынѣшнимъ засѣданіемъ я, вѣроятно, закончу свое активное участіе въ строительномъ комитетѣ въ этомъ году. 2 или 3 сентября ожидаютъ пароходъ Курбатова, съ которымъ мы должны возвратиться въ Казань. Оставляя комитетскія дѣла, я не могу сказать, что уношу съ собой разочарованіе въ людяхъ и средствахъ для осуществленія нашей задачи. Первое лѣто мы (члены комитета) провели мирно и дружно, помогая другъ другу по мѣрѣ силъ. Если и случались коекогда маленькія заминки и шероховатости, то гдѣ же ихъ не бываетъ при сложномъ дѣлѣ? Это въ порядкѣ вещей. Главное, чтобы въ нашей средѣ не оказалось умышленно-вредныхъ, своекорыстныхъ людей, чего я болѣе всего опасался, зная сибирскіе порядки. Въ этомъ отношеніи, кажется, можно быть совершенно покойнымъ, за исключеніемъ, впрочемъ, одного Арнодьда. Онъ внушаетъ большое сомнѣніе, не столько въ практической опытности по строительному искусству, сколько въ устойчивости своихъ нравственныхъ принциповъ. Личныя денежныя дѣла его до такой степени запутаны, что онъ легко можетъ

поддаваться соблазну. Прошедшее также не говоритъ въ его пользу. Дѣйствія его у насъ нынѣшнимъ лѣтомъ, по меньшей мѣрѣ, могутъ быть названы не достаточно осмотрительными и не экономными. Что-то будетъ во время полнаго разгара работъ и поставокъ? Я старался обезпечить Арнольда матеріальнымъ вознагражденіемъ, вмѣсто 2%, 4% со строительной суммы, но гдѣ гарантія, что онъ этимъ удовлетворится? Изъ Петербурга я слышу, что онъ бросилъ жену и дѣтей, что безчисленные кредиторы его разсчитываютъ на нынѣшнее содержаніе Арнольда, какъ на единственный источникъ уплаты его долговъ. Что значатъ при такихъ условіяхъ 3 — 4 тысячи годоваго содержанія, которое онъ будетъ получать отъ комитета! По пріѣздѣ въ Петербургъ слѣдуетъ серьезно переговорить объ этомъ съ нашимъ министромъ и принять заблаговременно какія-либо мѣры.

А. С. Бѣлявскій безспорно честный человѣкъ, достаточно расторопный, усердный и практическій. Въ мое отсутствіе онъ хорошо поведетъ дѣло и будетъ на стражѣ нашихъ интересовъ. На него я разсчитываю больше всего.

З. М. Цибульскій, при всѣхъ его хорошихъ качествахъ, останется дѣятелемъ пассивнымъ. Вникать въ дѣла онъ не будетъ. Вреда отъ него, конечно, ожидать нельзя, но и дѣятельной помощи тоже. Онъ будетъ думать, что вполнѣ исполняетъ свою обязанность, посѣщая засѣданія строительнаго комитета и подписывая его журналы. Даже умнаго практическаго совѣта по мѣстнымъ условіямъ построекъ я отъ него ни разу не слыхалъ, да и не можетъ онъ его дать, такъ какъ самъ въ этомъ отношеніи сущее дитя. При случаѣ онъ можетъ накинуть что-нибудь къ своему пожертвованію, но намъ была гораздо полезнѣе дѣятельная практическая помощь при сооруженіи построекъ.

А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ образованный и доброжелательный человѣкъ, легко увлекающійся первымъ порывомъ, но безъ достаточной выдержки. Желая облегчить комитету его задачи, онъ брался поставлять и бутъ, и кирпичъ, при помощи арестантской роты, за умѣренную цѣну, но ничего изъ этого не вышло. Въ сущности—это юноша-теоретикъ, немного сибаритъ и баринъ. Къ дѣламъ комитета онъ относится весьма сочувственно, охотно будетъ давать не безполезные совѣты, но самъ работать не будетъ.

Что сказать о нашемъ предсѣдателѣ В. И. Мерцаловѣ? Пока это скромный и довольно усердный чиновникъ, но боюсь, что губернаторство вскружитъ ему голову. До сихъ поръ онъ радѣлъ университетскому вопросу и былъ намъ полезнымъ сотрудникомъ, но и теперь иногда у него начинаетъ проявляться манія власти и нѣкоторое упрямство въ характерѣ. Хорошо, если это будетъ регулироваться разсудкомъ и знаніемъ дѣла,—тогда эти качества могли бы говорить

въ его пользу; но мы нерѣдко видимъ, что при такихъ задаткахъ въ провинціальной глуши легко изъ упрямства развивается самодурство.

Вотъ каковы наши главныя силы. При началѣ дѣла, когда строительныя работы, можно сказать, еще въ зародышѣ, поводовъ къ недоразумѣніямъ не было, но будетъ ли такъ продолжаться дальше? Остальныя вспомогательныя силы совсѣмъ плохи, но это бѣда поправимая. Она зависитъ, частью, отъ недостатка въ Сибири свѣдущихъ людей, частью, отъ неумѣнья Арнольда выбирать ихъ. При первомъ подходящемъ случаѣ второму архитектору Бетхеру слѣдуетъ отказать, какъ человѣку лишнему и совершенно безполезному. Десятниковъ придется также прогнать. Они совсѣмъ не знаютъ своего дѣла. Богъ дастъ, къ будущей веснѣ всѣ эти недостатки исправимъ. За это лѣто я достаточно ознакомился съ положеніемъ дѣла и знаю теперь, чего можно ожидать отъ Сибири и что слѣдуетъ искать въ Петербургѣ.

29-го. Пятница. Закончили дѣла по перепискѣ книгъ. Съ 23 августа мы уже тамъ не занимались по недостатку времени, но зато раньше переписка была усилена. Всего написано около 15 т. карточекъ. Сегодня были въ биржевомъ корпусѣ (въ книжномъ складѣ) для того только, чтобы привести въ порядокъ ящики. Складъ заперли двумя замками и положили на нихъ сургучныя печати до будущей весны.

Остальное время дня приводилъ въ порядокъ письменныя замѣтки и комитетскія бумаги, передалъ ихъ А. С. Бѣлявскому съ нѣкоторыми разъясненіями и наставленіями. Закончилъ брошюру о празднованіи закладки Сибирскаго университета.

30-го. Суббота. Были въ соборѣ на молебствіи по случаю тезоименитства государя. Въ три часа приглашенъ на обѣдъ, устраиваемый томскими учителями и другими лицами, окончившими курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Обѣдъ дается тоже въ манежѣ, по подпискѣ, въ честь Сибирскаго университета, по 5 р. съ человѣка.

На обѣдъ собралось человѣкъ 30. Въ первый разъ здѣсь я поближе познакомился съ томскими педагогами, и не могу сказать, чтобы вынесъ впечатлѣніе въ ихъ пользу. Большею частью это люди новой университеской закваски, съ приправой провинціальной распущенности. Медики производятъ лучшее впечатлѣніе: они и постарше, и посолиднѣе, но между ними слишкомъ много поляковъ.

31-го. Воскресенье. Ѣздилъ проститься съ епископомъ Петромъ и съ университетской рощей. И странное дѣло, прошло всего три мѣсяца, какъ я пріѣхалъ сюда, а Томскъ представляется мнѣ теперь совсѣмъ роднымъ городомъ. Живо вспоминаю первое удручающее впечатлѣніе, какое онъ произвелъ на меня своею мизерностью, пустотой и грязью, а теперь все это точно перемѣнилось. Въ сущности

остаются тѣ же пустыри, тѣ же завалившіяся лачуги, та же грязь и стаи собакъ по безлюднымъ улицамъ, но смотришь на нихъ не съ тоской и унынiемъ, а скорѣе съ сожалѣнiемъ, что приходится ихъ покидать. Правду говорятъ, что каждый предметъ можетъ быть „не по хорошу милъ, а по милу хорошъ“. А красенъ Томскъ не своими углами, а своимъ радушiемъ, своей простотой и для меня въ частности тѣмъ, что съ нимъ отнынѣ связана увлекательная идея задушевной, давно желанной работы. Чувство, мною нынѣ испытываемое, напоминаетъ мнѣ далекiе годы, когда, бывало, возвращаясь съ каникулъ, грустишь о покидаемомъ родительскомъ домѣ. Тамъ притягательною силою служили ласки матери и полный душевный покой, здѣсь говоритъ предчувствiе, что Томскiй университетъ будетъ для меня дороже отца и матери: въ этомъ дѣлѣ я найду себѣ полное нравственное удовлетвореніе, цѣль моей жизни, вѣнецъ моихъ земныхъ трудовъ.

Послѣ завтрака дѣлали прощальные визиты. Обѣдали у Мерцаловыхъ. Послѣ обѣда долго бесѣдовали съ Василiемъ Ивановичемъ о нашихъ комитетскихъ дѣлахъ и, главнымъ образомъ, о томъ, какимъ способомъ пріобрѣсти для будущаго лѣта кирпичъ. Мерцаловъ и Цибульскiй высказывали мысль разобрать стѣны обвалившагося новаго собора и выстроить изъ этого матеріала главный университетскiй корпусъ. При затруднительныхъ обстоятельствахъ строительнаго комитета, этотъ планъ могъ бы казаться заманчивымъ по своей наивной простотѣ, но противъ него говорятъ религiозное и нравственное чувство. Что бы сказали про насъ, если бы мы для сооруженiя зданiя науки умышленно разрушили наилучшiй и обширнѣйшiй въ Томскѣ храмъ Божiй, хотя бы и не освященный. По моему мнѣнiю, это было бы варварство и глумленiе надъ религiей. Рано или поздно, соборъ необходимо достроить. На это сооруженiе затрачены десятки, а можетъ быть, и сотни тысячъ рублей доброхотныхъ приношенiй; не можетъ же оно быть, по фантазiи членовъ строительнаго комитета, сметено съ лица земли и употреблено для другой, хотя бы и доброй цѣли. Мерцаловъ и Цибульскiй, однако же, сильно настаиваютъ на этой мѣрѣ, но едва-ли имѣютъ право привести ее въ исполненiе безъ разрѣшенiя Св. Сунода.

1-го сентября. Понедѣльникъ. Хлопоты по сборамъ въ обратный путь. Не надѣясь на сибирскую осень, особенно въ широтахъ Нарыма и Сургута, мы пріобрѣли себѣ овчинныя шубы (барнаулки). Изъ Казани мы собрались по-лѣтнему и въ передній путь, въ маѣ мѣсяцѣ, иногда чувствовали, что одѣты не по сезону. Въ сентябрѣ можетъ быть еще холоднѣе. Кромѣ шубъ, запасли также достаточное количество провизiи: теперь уже мы опытные путешественники, знаемъ, что значитъ переѣздъ отъ Томска до Тюмени.

2-го. Вторникъ. Ожидаемый пароходъ еще не пришелъ. На пристани сказали, что онъ долженъ быть сегодня къ вечеру, или въ ночь, если только идетъ благополучно. До перваго свистка объ этомъ нельзя имѣть никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Тѣмъ не менѣе я заручился билетомъ на каюту и буду ждать свистка.

3-го. Среда. Въ 6 часовъ вечера перебрались на пароходъ. Всѣ болѣе близкіе знакомые пріѣхали насъ проводить (на лѣтнюю пристань, верстъ 5 отъ города, по сквернѣйшей дорогѣ) и пожелать благополучнаго пути. Оставляя Томскъ до будущей весны, я могу искренно сказать, что увожу отсюда доброе чувство о людяхъ и дѣлахъ. Если мы не успѣли многаго сдѣлать по выполненію нашей задачи, въ этомъ не наша вина. На первый разъ достаточно и того, что мы развѣдали почву дѣйствій, узнали людей, познакомились съ предстоящими намъ трудностями и можемъ теперь, не торопясь, принимать мѣры для устраненія этихъ трудностей.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ БОЛГАРІИ.

(Воспоминанія офицера генеральнаго штаба).

IX [1]).

Военный бюджетъ княжества.—Пожаръ казармъ въ Софіи.—Поползновенія министровъ противъ конституціи.—Нѣмецкая характеристика князя.—Открытіе перваго народнаго собранія.—Мое письмо графу Д. А. Милютину.

Бюджетъ, утвержденный императорскимъ коммиссаромъ для болгарскаго войска, равнялся — 8.682.839 франковъ, при составѣ арміи въ 16.200 человѣкъ.

Изъ предыдущаго уже извѣстно, до какой степени мало было установлено казенныхъ отпусковъ для войска и какъ малы были отпуски установленные; но даже, принявъ все это во вниманіе, трудно оправдать цыфру въ $8^1/_2$ милліоновъ франковъ на 16-ти-тысячное войско. Лучшимъ доказательствомъ сказаннаго послужитъ указаніе на сосѣднюю Сербію, гдѣ, при арміи въ 8 т. ч., бюджетъ составлялъ 8 милліоновъ франковъ.

Первый годъ удалось просуществовать только благодаря тому, что бюджетъ въ 8 мил. фр., хотя и утвержденъ былъ на годъ съ 1-го марта 1879 по 1-е марта 1880 года, но въ дѣйствительности началъ расходоваться только съ 1-го іюня, когда русское интендантство, по окончаніи оккупаціоннаго періода, удалившись въ Россію, перестало довольствовать болгарское войско. Такимъ образомъ образовался трехмѣсячный остатокъ, который и выручалъ при текущихъ потребностяхъ. Но и при этомъ, благодаря разнымъ неожиданностямъ, неблагопріятно отразившимся на военной кассѣ, мнѣ пришлось сдѣлать у правительства заемъ въ 300.000 франковъ.

Изъ сказаннаго становится понятнымъ, до какой степени меня безпокоилъ вопросъ о будущемъ военномъ бюджетѣ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, апрѣль 1906 г.

Въ то время, когда я и всѣ мои сотрудники напрягали всѣ усилія, чтобы сократить траты по войску, неумолимая судьба, какъ на зло, устраивала такъ, что расходы росли и траты увеличивались. Одно уже возстаніе въ восточной Болгаріи и усмиреніе его, сопряженное съ передвиженіями войскъ и усиленными отпусками—сколько поглотило денегъ—„расходовъ не предусмотрѣнныхъ“. А тутъ еще случилась бѣда, и большая.

Въ одну изъ темныхъ ночей съ 22 на 23 августа прибѣжали мнѣ сказать, что горятъ артиллерійскія казармы, расположенныя на окраинѣ города, но довольно близко отъ дворца князя.

Наскоро одѣвшись, побѣжалъ я туда. На площади у дворца встрѣтилъ я министра Грекова, который бѣжалъ съ пожара и кричалъ мнѣ, чтобы я вернулся, такъ какъ на пожарѣ рвутся снаряды и летятъ осколки. Я сообразилъ, что горитъ артиллерійскій складъ и, понятно, еще ускорилъ свой бѣгъ на пожарище. Прибѣжавъ туда, я увидѣлъ картину полнаго разгрома. Казармы, конюшни, цейхгаузы, артиллерійскій сарай съ орудіями и складъ съ снарядами—все было одно сплошное море огня. Осколки снарядовъ дѣйствительно летали, со свистомъ, по разнымъ направленіямъ. Обгорѣлыя стѣны казармъ и складовъ, исковерканныя орудія, зарядные ящики и повозки, а въ особенности сгорѣвшія лошади производили удручающее впечатлѣніе.

Подсчетъ сгорѣвшаго имущества выяснилъ слѣдующія, ужасныя для меня цыфры. Сгорѣло: 30 лошадей, сожжено и испорчено 12 орудій, 40 зарядныхъ ящиковъ съ снарядами [1]), сѣдла, сбруя, шашки, револьверы, казармы и разныя постройки, всего на сумму $2^1/_2$ милліона франковъ!

О причинѣ пожара производили слѣдствіе, но, какъ и всегда или по большей части, ничего не открыли.

Какъ бы то ни было, убытокъ былъ громадный и горе мое большое. „Гдѣ тонко, тамъ и рвется“.

Уѣзжая изъ Софіи въ Россію, я приказалъ составить, по всѣмъ отдѣламъ военнаго министерства, проекты отчетовъ народному собранію съ указаніемъ существующаго положенія войска, недостатковъ этого положенія, описаніемъ того, что уже сдѣлано и что предполагалось бы сдѣлать въ будущемъ, если народное собраніе утвердитъ мои предположенія и дастъ на это необходимыя средства, т.-е. утвердитъ мой бюджетъ.

Основой исчисленія новаго бюджета служитъ старый бюджетъ князя Дондукова-Корсакова съ прибавленіемъ къ нему тѣхъ расходовъ, ко-

---

1) Въ это время артиллерія упражнялась въ практической стрѣльбѣ, и ящики были уложены.

торые были вызваны въ отчетномъ году необходимыми въ войскѣ реформами.

Дѣло войска, какъ увидимъ дальше, я выигралъ, даже съ блескомъ и тріумфомъ для самого дѣла, но не безъ борьбы, только не съ оппозиціей и ея главами: Каравеловымъ, Стамбуловымъ и др., которые предлагали мнѣ еще увеличить бюджетъ, *если я это потребую такъ же мотивированно, какъ и раньше, въ представленномъ отчетѣ*, — а совсѣмъ съ другой стороной, съ той, отъ которой я ждалъ одобренія и поддержки.

Приближалось время открытія народнаго собранія. Мои коллеги-министры очень волновались, но, повидимому, все еще надѣялись на благополучный для нихъ исходъ, увѣряя въ этомъ и князя, который, не задолго до открытія собранія, сказалъ мнѣ: le gouvernement a une majorité écrasante, чего въ дѣйствительности не только не было, но совсѣмъ наоборотъ.

Хотя, какъ я уже сказалъ, министры надѣялись, что уцѣлѣютъ, но все же обсуждали вопросъ, что дѣлать, если палата выразитъ неодобреніе правительству.

Первые болгарскіе министры не хотѣли разставаться съ властью и, въ этихъ видахъ, старались, съ одной стороны, дискредитировать въ глазахъ князя оппозицію, называя главарей ея революціонерами и даже анархистами, съ другой же стороны—старались внушить молодому князю, что только въ нихъ, старыхъ министрахъ, кроется благоденствіе страны.

Какъ-то поздно вечеромъ ко мнѣ пришли министръ финансовъ Начовичъ, съ которымъ я сблизился еще до войны, и министръ юстиціи Грековъ и завели разговоръ о непорядкахъ въ странѣ, о необходимости ихъ устраненія и т. п. Затѣмъ перешли понемногу къ необходимости „сильной власти“ и, наконецъ, вымолвили тайную мысль о переворотѣ, т.-е., о временной пріостановкѣ конституціи съ передачей власти въ руки князя. Переходя отъ туманныхъ намековъ къ опредѣленнымъ выводамъ, мои гости высказали мысль, что только я, имѣя въ рукахъ войско, могу это сдѣлать. Не сердясь и не горячась, я рѣшительно отказалъ имъ въ моемъ содѣйствіи, стараясь доказать, что смѣшно задумывать переворотъ, когда собраніе еще не открыто, неправильно производить переворотъ даже тогда, когда собраніе соберется и выскажетъ недовѣріе министерству. Я высказалъ имъ, что хотя я отнюдь не республиканецъ, но въ то же время и не сторонникъ произвола, что сосредоточеніе власти въ рукахъ одного князя, молодаго, неопытнаго, къ тому же съ явно выраженными нѣмецкими тенденціями, находящагося подъ сильнымъ вліяніемъ австрійца, графа Кевенгюллера, будетъ гибельно для молодаго славянскаго государства.

Чтобы убѣдить Начовича и Грекова, я прочиталъ имъ замѣтку, напечатанную въ „Deutsche Zeitung“, которую привожу здѣсь, въ переводѣ, дословно, присовокупляя, что она написана софійскимъ корреспондентомъ этой газеты, лицомъ, очевидно близко знавшимъ положеніе дѣлъ и, кромѣ нѣкоторыхъ частностей, нарисовавшаго вполнѣ вѣрную картину.

„Князь Александръ—истый нѣмецъ и всѣми фибрами своего сердца приверженъ всему нѣмецкому; всѣ окружающіе его—нѣмцы. Его гофмаршалъ баронъ Ридейзель, который, въ то же время, близкій личный другъ князя и не выставляя себя, поддерживаетъ его своими мудрыми совѣтами по дѣламъ государственнымъ [1]); его адъютантъ баронъ Корвинъ—высокообразованный военный; его частный секретарь Менгесъ, сынъ тайнаго совѣтника Менгеса, давно состоящаго на службѣ при дармштадтскомъ дворѣ; его частный казначей Тешъ и вообще весь придворный персоналъ—истые нѣмцы, по большей части гессенскіе уроженцы [2]).

Среди этой нѣмецкой свиты князь чувствуетъ себя всего лучше и привольнѣе; его два русскихъ и два болгарскихъ адъютанта поддерживаютъ съ нимъ отношенія чисто оффиціальнаго свойства [3]). Въ настоящее время князь начинаетъ владѣть болгарскимъ языкомъ; до сихъ поръ его первый секретарь и драгоманъ г-нъ Стоиловъ, очень способный молодой человѣкъ, окончившій курсъ въ Гейдельбергѣ и отличившійся большими заслугами въ борьбѣ за независимость Болгаріи и устройствѣ княжества [4]), былъ единственнымъ органомъ, по-

---

[1]) Баронъ Ридейзель былъ премилый, очень вѣжливый и благовоспитанный молодой человѣкъ. Служилъ, кажется, вмѣстѣ съ княземъ въ прусскихъ gardes du corps и никакихъ вопросовъ государственныхъ, особенно болгарскихъ и вообще славянскихъ совершенно не зналъ. Можетъ быть, князь съ нимъ совѣтовался,—не знаю, но утверждаю только, что такой совѣтникъ, понятно, не могъ считаться компетентнымъ. *П. П.*

[2]) Баронъ Корвинъ командовалъ въ Пруссіи эскадрономъ gardes du corps, въ которыхъ служилъ князь. Въ немъ было много венгерской крови, это былъ добрый малый, охотникъ кутнуть, ни въ какую политику не вмѣшивавшійся и никакими военными познаніями, кромѣ знанія строевой кавалерійской службы, не обладавшій. Менгесъ былъ тоже очень милый, благовоспитанный, аккуратный молодой человѣкъ; онъ исполнялъ должность личнаго секретаря, завѣдуя всѣми денежными дѣлами князя; служилъ нѣкоторое время въ петербургской банкирской конторѣ барона Гинцбурга, гдѣ изучалъ бухгалтерію и счетоводство. Тешъ былъ скорѣе главнымъ дворецкимъ, мажоръ-домомъ.

[3]) Это не совсѣмъ вѣрно, т. к. одинъ изъ русскихъ адъютантовъ князя пользовался его большимъ расположеніемъ и, несомнѣнно, могъ имѣть вліяніе.

[4]) Стоиловъ въ борьбѣ за независимость не участвовалъ. *П. П.*

средствомъ котораго страна и правительство сообщались съ своимъ главой, такъ какъ всѣ оффиціальныя дѣла, согласно конституціи, должны вестись на болгарскомъ языкѣ. Дипломатическую службу превосходно исполняетъ ловкій и владѣющій многими языками—баронъ Хогеръ. Само собою разумѣется, что князю было бы пріятно привлечь въ страну образованныхъ австрійцевъ и нѣмцевъ, архитекторовъ, врачей, торговцевъ и ремесленниковъ. Для строительной дѣятельности, такъ сильно развитой въ Австріи, открылось бы въ городахъ Болгаріи обширное поле богатой наживы, такъ какъ всюду предстоятъ постройки общественныхъ и казенныхъ зданій".

Эта выписка лучше моихъ словъ рисуетъ портретъ князя. Кромѣ того, въ ней весьма характерно высказался взглядъ нѣмца на славянскія земли: *„обширное поле богатой наживы"*. Этимъ все сказано.

Надо сказать два слова о Грековѣ и Начовичѣ. Первый былъ не чистаго болгарскаго происхожденія, что́ показываетъ и его фамилія. До войны онъ проживалъ въ Румыніи, адвокатствовалъ и хотя былъ очень образованнымъ и благовоспитаннымъ человѣкомъ, но ярымъ патріотизмомъ не отличался. Начовичъ, очень умный и энергичный человѣкъ, долго жилъ въ Австріи, объевропеился и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріобрѣлъ, до нѣкоторой степени, „западническую" окраску. По-русски не говорилъ, хотя всегда отдавалъ должную справедливость Россіи въ дѣлахъ освобожденія Болгаріи.

Коллеги мои ушли отъ меня разочарованные, и съ тѣхъ поръ министры по вопросамъ о собраніи засѣдали тайно, безъ меня. Стороной доходили до меня слухи, что во дворцѣ князя бываютъ тоже тайныя собранія министровъ, что тамъ часто бываетъ графъ Кевенгюллеръ и камергеръ Давыдовъ. О томъ, что говорилось въ тайныхъ засѣданіяхъ министровъ у князя, я, конечно, догадывался; о чемъ говорилъ Кевенгюллерь—сомнѣнія не было; но я никакъ не думалъ, что и Давыдовъ будетъ настолько проникнутъ пристрастіемъ и нелюбовью къ Каравелову и К°, что предпочтетъ распущеніе палаты—образованію новаго министерства изъ большинства палаты, т.-е. оппозиціи.

21 октября открылось первое болгарское народное собраніе. Изъ 158 выбранныхъ депутатовъ въ засѣданіи было 91.

Отмѣчу интересное обстоятельство, касающееся Россіи. Всѣмъ иностраннымъ газетамъ первая тронная рѣчь болгарскаго князя была передана въ дословномъ переводѣ, по телеграфу; только русскія газеты не получили; существовавшее тогда у насъ „международное телеграфное агентство", вѣроятно, желая оправдать свое названіе „международнаго", не сообщило ничего въ русскія газеты.

Всей длинной, нѣсколько напыщенной, но, въ общемъ, хорошей

рѣчи я приводить не буду [1]), но долженъ привести небольшую ея часть, имѣющую значеніе для Россіи.

„Первый князь Болгаріи, я съ радостью привѣтствую первое законодательное собраніе. Возведенный на престолъ вновь созданнаго княжества послѣ великихъ и достопамятныхъ событій, я прежде всего поспѣшилъ выразить отъ своего имени и имени народа, избравшаго меня княземъ — благодарность великодушному царю-освободителю за всѣ благодѣянія, которыми онъ осыпалъ наше отечество...

„Мое правительство вполнѣ раздѣляетъ глубокую признательность и безграничное уваженіе, питаемыя мной и всѣмъ народомъ моимъ къ царю-освободителю, и раздѣляя мои чувства, стремилось сохранить и упрочить симпатіи европейскихъ державъ".

Далѣе, въ тронной рѣчи были перечислены всѣ законопроекты, которые вносятся на разсмотрѣніе народнаго собранія.

Въ этой рѣчи (въ первой ея части, мною приведенной) обращаетъ на себя вниманіе то, что о Россіи ни разу не упомянуто. Сильно подчеркивается благодарность государю, говорится о „просвѣщенной Европѣ", но о Россіи, хотя бы и „не просвѣщенной", но все же „освободительницѣ" — ни слова. Я обращаю на этотъ пропускъ вниманіе потому, что такая забывчивость не случайная; игнорированіе Россіи проводилось княземъ систематично, начиная съ телеграммы, посланной имъ государю изъ Плевны, во время торжественнаго слѣдованія въ Софію.

Говорю это не голословно, такъ какъ мнѣ пришлось, однажды, въ одномъ изъ моихъ объясненій съ княземъ, упомянуть о „Россіи", и я услышалъ слѣдующее: „j'adore l'Empereur, mais la Russie n'est rien pour moi". Я всталъ и поклонившись отвѣтилъ: „Monseigneur, vous êtes un général Russe; je le suis aussi. Permettez moi, en qualité de général Russe — de vous remercier pour les sentiments que vous portez à ma patrie".

Второе, на что слѣдуетъ обратить вниманіе, это то, что князь заявляетъ о состоявшемся уже посѣщеніи имъ Румыніи, страны, хотя и православной, но не славянской, и о томъ, что онъ только еще „намѣренъ, въ скоромъ времени, сдѣлать визитъ князю Сербіи". Казалось бы, надо было начать съ Сербіи и Черногоріи, передовыхъ борцовъ за освобожденіе славянъ. Но, понятно, это разсужденіе надо примѣнить къ самому факту княжескихъ поѣздокъ, а не рѣчи его.

Оставляя до слѣдующей главы описаніе того, что произошло въ народномъ собраніи, главнымъ образомъ, по вопросу объ арміи, дол-

---

[1]) Будетъ помѣщена дословно въ приложеніи къ отдѣльному изданію IV-й части моихъ воспоминаній „Изъ прошлаго": „Въ Болгаріи".

женъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніи князя ко мнѣ въ это время.

Многіе признаки приводили меня къ заключенію, что князь, въ первые же дни открытія народнаго собранія, рѣшилъ съ нимъ покончить, такъ или иначе. Въ требованіяхъ своихъ относительно войска князь становился все болѣе настойчивъ и неуступчивъ. Главные вопросы, которые его занимали, были вопросы о титулѣ и о пріемѣ на службу нѣмецкихъ офицеровъ.

По вопросу о титулѣ князь пускался на хитрости.

При очередныхъ докладахъ моихъ, входя въ кабинетъ князя, я обыкновенно находилъ его уже сидящимъ у письменнаго стола, готовымъ меня принять. Однажды дежурный адъютантъ сказалъ мнѣ, что князь проситъ меня войти и нѣсколько обождать его прихода. Такъ какъ князь долго не приходилъ, то я, отъ нечего дѣлать, началъ просматривать газеты, лежавшія на небольшомъ столѣ у входа, и обратилъ вниманіе на то, что въ лежавшей сверху газетѣ что-то отмѣчено синимъ карандашомъ. Я прочиталъ слѣдующее:

„Изъ всѣхъ теперешнихъ министровъ только одинъ поступаетъ вполнѣ на основаніи конституціи. Этотъ министръ—генералъ Паренсовъ. Во всѣхъ оффиціальныхъ документахъ и указахъ военный министръ называетъ князя „свѣтлость“, титулъ—которымъ должны были бы называть его всѣ министры, которые этого не дѣлаютъ только изъ лести (подобострастія), такъ какъ, будучи избраны княземъ, не могли титуловать его иначе, какъ „высочество“.

Это было напечатано въ газетѣ „Болгаринъ“, одной изъ самыхъ радикальныхъ.

Только-что я кончилъ читать и началъ ходить по комнатѣ, какъ дверь отворилась и вошелъ князь.

Это было довольно наивно, но впослѣдствіи, послѣ роспуска народнаго собранія, произошло нѣчто иное, совсѣмъ не наивное.

Обострялся также вопросъ и о нѣмецкихъ офицерахъ.

Поддерживаемый искренно однимъ только Шепелевымъ, я рѣшился написать графу Милютину, излить ему мое горе и просить его указаній. Письмо это было отправлено позже, но по разсказу моему можно помѣстить его въ этой главѣ [1]).

X.

Первые часы и дни перваго народнаго собранія въ Софіи были весьма бурны. По отъѣздѣ князя изъ собранія, главари оппозиціи:

[1]) Будетъ помѣщено въ отдѣльномъ изданіи.

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московскаго Совѣта
Профессиональныхъ Союзовъ

Каравеловъ, Стамбуловъ, Славейковъ и другіе потребовали немедленнаго избранія бюро палаты, а министерство, съ весьма немногочисленными его приверженцами, настаивало на томъ, чтобы предварительно было приступлено къ повѣркѣ полномочій депутатовъ. Министерство объясняло свое требованіе тѣмъ, что по имѣвшимся въ его распоряженіи свѣдѣніямъ, въ депутаты попали лица, не имѣвшія возрастнаго ценза. Обѣ стороны были до нѣкоторой степени правы. Съ одной стороны, при отсутствіи бюро, нельзя вершить дѣла въ томъ числѣ и повѣрить полномочія депутатовъ, а съ другой стороны, при выборѣ бюро, подавали бы голоса депутаты, не имѣющіе на то права. Требованіе министерства предпослать повѣрку полномочій всѣмъ другимъ дѣйствіямъ палаты вызвало сильное неудовольствіе оппозиціи. Причина тому понятна, такъ какъ незаконно выбранные депутаты принадлежали къ оппозиціи и въ числѣ ихъ видное мѣсто занималъ Степанъ Стамбуловъ, не имѣвшій 30 лѣтъ. Между тѣмъ, оппозиція дорожила ихъ содѣйствіемъ, оно было необходимо для торжества ея, для того чтобы при первомъ же голосованіи показать свою силу и пріобрѣсти вліяніе въ странѣ. Поднялись бурныя пренія, которыя перешли въ брань, имѣвшую мало общаго съ парламентскими выраженіями и пріемами. Но въ концѣ концовъ оппозиція все-таки достигла своей цѣли: провѣрка полномочій была отложена и, при выборѣ членовъ бюро, большинствомъ голосовъ предсѣдателемъ палаты избранъ Каравеловъ, а вице-президентами Стояновъ и Тишевъ, всѣ три изъ числа либераловъ.

Бурныя пренія и рѣзкія выходки въ народномъ собраніи подали поводъ сторонникамъ министерства, а также заграничнымъ и русскимъ газетамъ разразиться злобными статьями и насмѣшками надъ болгарами, болгарской конституціей, ея несвоевременностью и т. д. Въ заграничной печати сильно доставалось Россіи за то, что она народу, только-что вышедшему изъ подъ 500-лѣтняго ига, находящемуся еще, якобы, въ первобытномъ состояніи, даровала конституцію, да еще весьма либеральную.

На всѣ бурныя сцены я смотрѣлъ только съ искреннимъ сожалѣніемъ, что это дастъ лишніе козыри врагамъ славянства въ Европѣ и врагамъ болгарской самобытности въ Софіи.

По избраніи постояннаго бюро и повѣркѣ полномочій, начались дѣловыя занятія собранія; прежде всего приступили къ составленію и обсужденію отвѣтнаго адреса палаты князю. Видя, что большинство палаты примкнуло къ либераламъ, можно было предвидѣть, что въ адресѣ будетъ выражено недовѣріе къ министерству и что оно вынуждено будетъ уйти.

Друзья министерства, мѣстные и иностранные, повели кампанію

противъ либераловъ и въ особенности противъ Каравелова, обвиняя его, ни больше, ни меньше, какъ въ предательствѣ. Утверждали, что онъ купленъ Англіей, и получаетъ указанія отъ англійскаго генеральнаго консула мистера Пэльгрева. Слухи эти проникли въ русскую печать, основанія же не имѣли никакого. Каравеловъ былъ безупречно честный человѣкъ, жилъ и умеръ бѣднякомъ. Его можно было упрекнуть, конечно, во многомъ: онъ былъ теоретикъ, не сдержанный, страстный, а потому и не всегда безпристрастный, но безусловно неподкупный. Нападки на связи Каравелова съ англійскимъ представителемъ подали поводъ Стамбулову телеграфировать въ Петербургъ, въ „Новое Время“ слѣдующее:

„Софія 17 ноября, суббота вечеромъ“.

„Многіе члены болгарскаго народнаго собранія, прочитавъ въ газетѣ „Новое Время“ телеграмму ея софійскаго корреспондента, который сообщилъ, будто бы либеральная партія въ Болгаріи дѣйствуетъ подъ вліяніемъ Англіи, поручили мнѣ обратиться къ вамъ съ просьбою опровергнуть эту клевету.

„Болгарскіе депутаты просятъ меня обратить вниманіе русскаго общества на то, что политика будущаго министерства вполнѣ опредѣлена въ отвѣтѣ народнаго собранія на тронную рѣчь князя. Текстъ этого отвѣта былъ дословно переданъ по телеграфу въ газету „Голосъ“. Депутатъ Стамбуловъ“.

12 октября, коммиссія изъ 12 членовъ представила болгарскому народному собранію выработанный ею проектъ отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь князя; проектъ былъ принятъ и подписанъ всѣми народными представителями.

Вотъ этотъ замѣчательный документъ, столь чреватый послѣдствіями для Болгаріи, да и лично для меня.

„Ваша свѣтлость!

Представители болгарскаго народа, въ первомъ обыкновенномъ народномъ собраніи, считаютъ себя безпредѣльно счастливыми, что могутъ выразить горячую любовь и глубокую преданность всего населенія болгарскаго княжества къ священной особѣ его избранника. Мы высказываемъ глубокую признательность и благодарность вашей свѣтлости за то посѣщеніе, которое вы, свѣтлѣйшій князь, послѣ избранія вашего царствующимъ болгарскимъ княземъ, поспѣшили сдѣлать нашему царю-освободителю, чтобы поблагодарить его, съ своей стороны и отъ лица болгарскаго народа, за безчисленныя благодѣянія и неоцѣнимыя жертвы, сдѣланныя имъ *и его народомъ* [1]) для нашего освобожденія. Народное собраніе, имѣя въ виду, что

[1]) Курсивъ мой. *П. П.*

всѣ блага, которыми нынѣ наслаждается наше отечество, суть плоды великихъ дѣлъ *нашихъ освободителей*, въ одномъ изъ своихъ засѣданій рѣшило: при открытіи каждой сессіи выражать, черезъ вашу свѣтлость, свою искреннюю любовь и признательность великому монарху, его императорскому величеству Александру II *и его народу*, дабы *узы, соединяющія два братскіе народа*, съ каждымъ днемъ дѣлались болѣе тѣсными и крѣпкими.

Мы приносимъ вашей свѣтлости благодарность также и за посѣщенія, сдѣланныя вами европейскимъ дворамъ, симпатіи которыхъ къ прогрессу и укрѣпленію нашего новосозданнаго княжества для насъ очень дороги. Не менѣе благодарны мы и за дружелюбныя сношенія, которыя ваша свѣтлость успѣли водворить между нашимъ княжествомъ и сосѣдними державами. Добрыя сношенія съ единовѣрнымъ и съ незапамятныхъ временъ дружественнымъ намъ румынскимъ народомъ, а также сербскимъ народомъ, всегда были искреннѣйшимъ и сильнѣйшимъ желаніемъ нашего народа.

Радуясь пріятному извѣстію, что положеніе границъ княжества разъяснилось, мы смѣемъ надѣяться, что въ скоромъ времени эти границы будутъ опредѣлены и поставлены точно и справедливо. Воодушевленные искреннимъ желаніемъ работать для поднятія прогресса народа и для добраго устройства управленія, мы обратимъ нужное вниманіе на законопроекты, которые будутъ представлены на наше разсмотрѣніе, и постараемся, сколь возможно скорѣе, выработать необходимые законы и постановленія относительно устройства нашей страны.

Государь! Народное войско всегда было для освобожденнаго народа предметомъ его гордости и особыхъ попеченій. Мы желаемъ, чтобы всеобщая воинская повинность, согласно конституціи, сдѣлалась обязательной для всѣхъ гражданъ княжества. Выражая особенное удовольствіе относительно того, что для вооруженныхъ силъ княжества положены прочныя основы, считаемъ своимъ долгомъ заявить, что было бы желательно улучшить способы продовольствія войскъ и обратить нужное вниманіе также и на сохраненіе здоровья солдатъ.

Не входя въ обсужденіе вопроса о томъ, насколько нужно было объявленіе военнаго положенія въ нѣкоторыхъ частяхъ нашего отечества, гдѣ проявилось нѣсколько случаевъ разбоя, мы позволяемъ себѣ выразить желаніе о принятіи необходимыхъ мѣръ для скорѣйшаго очищенія страны отъ разбойниковъ, угрожающихъ безопасности болгарскихъ гражданъ и причиняющихъ большой вредъ развитію торговли и промышленности въ тѣхъ мѣстахъ.

Ваша свѣтлость! Мы вполнѣ признаемъ трудности врученнаго вамъ управленія, которое могло встрѣтить новое правительство въ

новой странѣ, только-что призванной къ новой политической жизни въ конституціонныхъ формахъ; но, при всемъ томъ, мы не можемъ не выразить своего глубокаго сожалѣнія по поводу того, что новое министерство вмѣсто старанія уменьшить и устранить помянутыя трудности, еще болѣе осложнило и запутало ихъ своими противуконституціонными и несогласными съ интересами народа дѣлами и распоряженіями, чѣмъ оно возбудило противъ себя недовѣріе народа.

Точно также опечалило насъ извѣстіе, что доходы страны находятся въ незавидномъ положеніи. Признавая, что военное и переходное положеніе дѣлъ, до нѣкоторой степени, содѣйствовало уменьшенію этихъ доходовъ, мы принуждены, однако, съ большимъ прискорбіемъ сказать, что не малая доля вины въ этомъ падаетъ и на финансовое управленіе страны.

Государь! Народъ питаетъ къ вашей свѣтлости горячую любовь и глубокую преданность, какъ вы сами видѣли это; онъ вполнѣ убѣжденъ въ благости намѣреній и предначертаній своего возлюбленнаго избранника, заботящагося о развитіи и укрѣпленіи нашего молодаго государства. Да укрѣпитъ же Всевышній десницу вашу, чтобы вести народъ, по предначертанному Провидѣніемъ пути, къ прогрессу, преуспѣянію и всестороннему развитію. Да здравствуетъ нашъ возлюбленный государь Александръ!“

Собраніе выбрало коммиссію изъ 9 членовъ, которые въ пятницу, 16 ноября, должны были поднести этотъ адресъ князю.

Разсматривая этотъ первый письменный актъ перваго болгарскаго народнаго собранія, прежде всего обращаютъ на себя вниманіе тѣ поправки, которыя введены этимъ актомъ въ тронную рѣчь князя, забывшаго о существованіи „Россіи“ и „русскаго народа“. Адресъ три раза упоминаетъ о русскомъ народѣ.

Я былъ убѣжденъ, что адресъ пройдетъ благополучно и будетъ принятъ. Смущалъ меня титулъ „свѣтлости“, но я надѣялся на благоразуміе князя; надѣялся, что онъ пойметъ невозможность *обыкновенному* народному собранію подносить ему новый титулъ, когда въ законѣ ясно указано, что измѣненіе конституціи составляетъ предметъ вѣдѣнія *великаго* народнаго собранія. Нельзя же было ожидать, что собраніе, въ нѣсколько дней своего существованія, изъ коихъ много времени было потрачено на пренія по установленію распорядка веденія засѣданій и дѣлъ самого собранія, броситъ все и постановитъ только одно: созвать великое собраніе исключительно для поднесенія титула. Надѣяться на такой поворотъ дѣла составляло дѣтскую иллюзію. А между тѣмъ было много вѣроятностей, и при томъ отнюдь не эфемерныхъ, что первое очередное обыкновенное собраніе *заключитъ* свои работы постановленіемъ: созвать великое собраніе по вопросу о

титулѣ, а заодно затронуть и другіе вопросы, касающіеся основныхъ законовъ страны.

Но всѣ мои надежды рухнули, что видно изъ слѣдующей телеграфной переписки полковника Шепелева съ графомъ Милютинымъ и дальнѣйшаго моего изложенія.

Шифрованная телеграмма флигель-адъютанта полковника Шепелева графу Д. А. Милютину изъ Софіи отъ 13 ноября (получена въ Петербургѣ 14-го).

„Вчера народное собраніе приняло проектъ отвѣтнаго адреса, въ которомъ выражена любовь и преданность князю.— Благодаритъ его за то, что онъ, по избраніи своемъ, поспѣшилъ лично повергнуть передъ государемъ императоромъ чувства безпредѣльной признательности народа за неоцѣненныя благодѣянія его величества и постановляетъ, чтобы впредь каждое народное собраніе открывало свою сессію поднесеніемъ черезъ своего князя, великому монарху-освободителю, выраженія народной признательности, любви и вѣчной благодарности. Далѣе высказывается недовѣріе министерству. Вѣроятно, завтра кабинетъ подастъ въ отставку. Если составленіе смѣшаннаго министерства не удастся, то князь рѣшится скорѣе распустить собраніе, чѣмъ призвать исключительно либеральный кабинетъ. Полагаю, что этимъ дѣла ухудшатся.

Шепелевъ“.

Телеграмма графа Д. А. Милютина флигель-адъютанту полковнику Шепелеву въ отвѣтъ на его посьмо отъ 4 ноября и телеграмму отъ 13 ноября [1]).

Софія. Флигель-адъютанту полковковнику Шепелеву. 15 ноября.

„Письмо ваше 4 ноября получено только вчера одновременно съ двумя телеграммами 13 и 14 ноября [2]). Высказываемыя вами соображенія согласуются съ высочайшею волею. *Давыдову сообщено повельніе совѣтовать князю не прибѣгать къ роспуску собранія до послѣдней крайности,* испытавъ сперва всѣ *средства къ образованію новаго кабинета* [3]).

Гр. Милютинъ“.

---

[1]) Наверху черновой телеграммы надпись рукой графа Милютина: „Высочайше одобрена“. Гр. М.

[2]) Телеграммы отъ 14-го въ дѣлахъ главнаго штаба не сохранилось. Несомнѣнно, однако, что содержаніе ея только подтверждаетъ высказанное въ телеграммѣ отъ 13-го.

[3]) Напечатанное курсивомъ шифровано. *П. П.*

Шифрованная телеграмма флигель-адъютанта полковника Шепелева графу Милютину, 17 ноября изъ Софіи.

„Кризисъ продолжается, Каравелову поручено составить смѣшанный кабинетъ. Князь сталъ сговорчивѣе, но, подстрекаемый дипломатами, отказывается принять адресъ палаты, пока не измѣнятъ титула на высочество и не вычеркнутъ рѣшеніе собранія поручать князю, при каждомъ сборѣ камеры, благодарить государя. Убѣждаю измѣнить редакцію адреса.

Шепелевъ“.

Прочитавъ отвѣтный адресъ и то, что было въ немъ сказано о войскѣ, я не нашелъ ничего для себя непріятнаго и чѣмъ я могъ бы обидѣться. Даже наоборотъ; я былъ доволенъ, что собраніе высказало желаніе улучшенія содержанія войска. Это давало мнѣ поводъ пойти навстрѣчу собранію и сообщить ему, что это улучшеніе, въ извѣстной степени, зависитъ отъ самой палаты. Для улучшенія положенія войска нужны были мѣропріятія съ двухъ сторонъ: съ одной стороны—добросовѣстное и умѣлое руководство войскомъ—это сфера моей дѣятельности, а средства—сфера дѣятельности собранія. Недочеты въ жизни войска были извѣстны прежде всего мнѣ, и затѣмъ, вообще, это было такое большое шило, котораго ни въ какомъ мѣшкѣ не утаишь. Я имѣлъ въ виду представить мой отчетъ собранію и доложить ему все, не скрывая ничего. Эти мысли я не только не скрывалъ, но говорилъ всѣмъ открыто, начиная съ моихъ коллегъ, которые пѣрвые находили, что я долженъ обидѣться, а затѣмъ высказалъ все и князю, который, вначалѣ, со мной согласился. Но вдругъ поднялась буря и поднялъ ее Давыдовъ. Онъ находилъ, что высказанное въ адресѣ желаніе объ улучшеніи содержанія войска есть оскорбленіе Россіи, императорскому коммиссару и мнѣ. Давыдовъ былъ всегда человѣкомъ прямымъ и не скрывалъ своихъ взглядовъ, а потому естественно, что взгляды эти скоро распространились въ Софіи, дошли до депутатовъ и вотъ что случилось.

Однажды мнѣ доложили, что во дворъ временнаго дома, въ которомъ я жилъ, вошла толпа народа; выглянувъ въ окно, я увидѣлъ массу депутатовъ народнаго собранія и во главѣ ихъ Стамбулова. Я принялъ всѣхъ въ кабинетѣ и уже по первымъ привѣтствіямъ увидѣлъ, что толпа эта не только вполнѣ миролюбиво настроена, но даже, по отношенію ко мнѣ, дружелюбно.

Отъ лица всѣхъ заговорилъ Стамбуловъ. Сущность сказаннаго имъ заключалась въ томъ, что до нихъ дошли слухи о томъ, будто бы я оскорбленъ словами адреса о войскѣ, и что они пришли ко мнѣ,

уполномоченные всѣмъ народнымъ собраніемъ, заявить, что у нихъ не только не было мысли оскорблять меня или выражать мнѣ недовѣріе, но что, наоборотъ, они вполнѣ довольны мною и моими дѣйствіями, желаютъ, чтобы я прожилъ въ Болгаріи дольше и продолжалъ бы работать по-прежнему. Въ разговорѣ съ ними я высказалъ сначала, какъ и подобало, благодарность за довѣріе, а затѣмъ высказалъ много даже непріятнаго, можетъ быть, такъ называемымъ радикаламъ; высказалъ мой взглядъ на войско, мои стремленія, просилъ не мѣшать неумѣстными, пустяшными, вопросами моей трудной работѣ, но въ то же время заявилъ, что самъ знаю о существованіи въ войскѣ недостатковъ, что армія не создается въ нѣсколько мѣсяцевъ, что на это надо много времени и много трудовъ. Въ заключеніе я прибавилъ, что готовъ отвѣчать собранію въ случаѣ запроса. Покончивъ оффиціальные разговоры и видя, что депутаты остались моими объясненіями довольны, я пошелъ дальше и въ частномъ разговорѣ заговорилъ о представляемомъ мною новомъ бюджетѣ. Въ концѣ этой, частной, бесѣды мнѣ было заявлено, что собраніе дастъ мнѣ не 12 милліоновъ, какъ я прошу, но и 15-ть, лишь бы я велъ дѣло чисто и въ дѣйствіяхъ моихъ не выходилъ изъ рамокъ конституціи.

Разстались мы вполнѣ довольные другъ другомъ.

Что большинство депутатовъ, въ числѣ коихъ было много селяковъ (крестьянъ), говорили искренно, я нисколько не сомнѣваюсь; насколько же былъ искрененъ самъ Стамбуловъ, конечно, не знаю; думаю, однако, что въ то время онъ говорилъ искренно. Во-первыхъ, онъ тогда еще не оперился, а во-вторыхъ, вспоминая слова митрополита Григорія, поставленныя мною эпиграфомъ къ настоящимъ запискамъ, я глубоко убѣжденъ, что многихъ изъ нашихъ враговъ въ Болгаріи, да и другихъ мѣстахъ, создали мы сами; создали ихъ главнымъ образомъ наши представители на мѣстѣ, гражданскіе и военные, не всегда удачно выбираемые. Спрашивается, какую *русскую, славянскую* политику могли вести въ Болгаріи: мой преемникъ генералъ Эрнротъ, отличный генералъ, но финляндецъ; нашъ представитель въ Румеліи, Кребель—балтіецъ, преемникъ М. А. Хитрово на посту представителя Россіи въ Болгаріи, Коянусъ; русскій по фамиліи—Давыдовъ, западникъ, никогда не служившій на востокѣ и многіе другіе? Почему же всѣ болгаре, и изъ княжества и изъ Румеліи, можно сказать боготворили графа Н. П. Игнатьева, князя Дондукова-Корсакова, Шепелева, князя Цертелева, Михаила Александровича Хитрово... Почему, наконецъ, въ такое смутное время, каковымъ былъ первый годъ существованія княжества, я жилъ мирно съ болгарами?... Даже Тимлеръ, немножко полякъ, католикъ по вѣрѣ,

съ иностранной фамиліей, человѣкъ очень тяжелаго характера, былъ уважаемъ всѣми болгарами, видѣвшими его труды, честность и доброе расположеніе къ народу. Я безусловно убѣжденъ, что до извѣстной степени мы сами превратили многихъ нашихъ друзей (напр., Начовича) въ нашихъ враговъ...

Слухъ о депутаціи, ко мнѣ пришедшей, понятно, скоро распространился. Поднялась новая буря, и опять таки поднялъ ее Давыдовъ, который находилъ, что я не долженъ былъ принимать депутаціи, да еще мирно бесѣдовать съ нею въ то время, когда въ министерской партіи и во дворцѣ были недовольны собраніемъ и даже созрѣвалъ планъ распущенія палаты, я же находилъ невозможнымъ не принять представителей народа, депутатовъ собранія, которому я, по закону, обязанъ дать отчетъ въ моихъ дѣйствіяхъ. Да, наконецъ, если стать на практическую точку зрѣнія, исходить только изъ государственной пользы, что было лучше: если бы я уклонился отъ бесѣды, даже скажемъ—выгналъ бы депутатовъ, а слѣдовательно, возстановилъ бы противъ себя собравіе и провалилъ бы бюджетъ и все задуманное мною по войску, или тотъ способъ, который принялъ я, и который кончился полнымъ торжествомъ представляемаго мною дѣла?...

Замѣчательно при этомъ, что когда полковникъ Шепелевъ, на другой день послѣ объясненія моего съ депутатами, бесѣдовалъ съ княземъ по поводу этого случая, то его свѣтлость высказалъ свое полное удовольствіе, что дѣло приняло такой оборотъ; то же самое князь высказалъ мнѣ, при первомъ моемъ докладѣ, а затѣмъ, послѣ разговора съ Давыдовымъ, посмотрѣлъ на дѣло иначе.

Не лишено интереса то обстоятельство, что вышеизложенное мнѣніе о неправильности моего поведенія сильно поддерживалось двумя лицами, которыя по историческому ходу событій, вообще, казалось бы, должны находиться въ разногласіи: австрійскимъ агентомъ, графомъ Кевенгюллеромъ и русскимъ—д. с. с. Давыдовымъ. Что Кевенгюллеръ пользовался всякимъ случаемъ идти противъ меня—это понятно и съ его точки зрѣнія—законно, послѣдовательно; на то онъ и австрійскій чиновникъ, но Давыдовъ?..

Въ виду подачи министерствомъ въ отставку, князь пошелъ на уступки и рѣшился предложить Каравелову составить кабинетъ, но поставилъ условіемъ, чтобы въ кабинетъ вошли двое изъ старыхъ министровъ: Начовичъ и Грековъ. Палата это отвергла.

Ходъ дѣла виденъ изъ слѣдующихъ телеграммъ.

Шифрованная телеграмма флигель-адъютанта полковника Шепелева графу Милютину изъ Софіи, 23-го ноября:

„Князь настаиваетъ на кабинетѣ съ двумя изъ павшихъ министровъ. Палата не хочетъ ихъ. Если сегодня не состоится компро-

миссъ, завтра предстоитъ распущеніе. Принимаются военныя мѣры въ виду ожидаемыхъ волненій. Полагаю выѣхать 27-го [1]).

Шепелевъ".

Шифрованная телеграмма отъ того же тому же, изъ Софіи, 24-го ноября:

„Смѣшанный кабинетъ по вкусу князя не удался. Рѣшено распустить палату. *Въ виду инструкцій, полученныхъ Давыдовымъ* [2]), не счелъ возможнымъ посовѣтовать образованіе либеральнаго кабинета, хотя убѣжденъ, что этимъ избѣгли бы предстоящихъ осложненій.

Шепелевъ".

Объясненіе фразы: „...инструкцій, полученныхъ Давыдовымъ..." находится въ вышеприведенномъ письмѣ графа Милютина, отъ 27-го сентября, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „...особенно, если будете постоянно дѣйствовать за-одно съ нашимъ дипломатическимъ агентомъ и всегда въ одномъ смыслѣ".

Изъ разсказа о разговорѣ моемъ съ гр. Милютинымъ и Н. К. Гирсомъ въ Ливадіи относительно „свѣтлости" и „высочества" видно, что взгляды нашихъ министровъ расходились и, конечно, не только въ этомъ, сравнительно неважномъ случаѣ, а вѣроятно и шире. Сказывалось отсутствіе объединяющаго „кабинета" и хотя объединеніе распоряженій, понятно, было въ рукахъ государя императора, но все же при единоличныхъ докладахъ министровъ его величеству, съ глазу на глазъ, выходило иногда разнорѣчіе.

Шифрованная телеграмма флигель-адъютанта полковника Шепелева графу Милютину, изъ Софіи, 26-го ноября:

„Считаю своею обязанностью вновь убѣдительно просить дать князю Александру совѣтъ не распускать теперь собранія и въ крайности согласиться на либеральный кабинетъ. Утверждаю по совѣсти, радикаловъ здѣсь нѣтъ. Ради пользы страны и князя ему нужно быть умѣреннымъ и сдержаннымъ, не отталкивать либераловъ, а напротивъ, давъ имъ войти въ кабинетъ, держать ихъ этимъ въ рукахъ и привлечь къ себѣ. Если князь уступитъ пристрастнымъ совѣтамъ и распуститъ собраніе, то странѣ угрожаютъ бѣдствія. Князю нужно стать сперва популярнымъ, а затѣмъ уже думать о переворотѣ. Не могу высказать всего въ телеграммѣ или письмѣ,

---

[1]) Полковникъ Шепелевъ, по моей просьбѣ, былъ вызванъ въ Петербургъ для доклада о положеніи дѣлъ. Подробности дальше.

[2]) Курсивъ мой. *П. П.*

но убѣжденъ, что изложенное мнѣніе основано на вѣрной оцѣнкѣ обстоятельствъ. Хотя въ адресѣ выражено желаніе улучшить содержаніе войскъ, но я и генералъ Паренсовъ не видимъ въ этомъ обвиненія, тѣмъ болѣе, что камера заявила, что недовѣріе къ министерству не касается Паренсова. Палата раздражена слухомъ, что Давыдовъ настаиваетъ на распущеніи. Жалѣю, что не могу лично доложить обо всемъ.

Шепелевъ".

П. Паренсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки В. А. Инсарскаго.

XII [1]).

Отъѣздъ князя въ Вильну.—Бѣдность проводовъ.—Усиленіе болѣзненнаго состоянія князя.—Продолжительная остановка наша въ Рѣжицѣ.—Телеграмма отъ государя и государю.—Отъѣздъ изъ Рѣжицы.—Печальное прибытіе наше въ Вильну.—Полнѣйшее развитіе болѣзни князя.—Помѣщеніе князя и наше помѣщеніе.—Невозможность дальнѣйшаго путешествія.—Страданіе князя.—Безсонница его и мучительныя для насъ ночныя бесѣды съ нимъ.—Усилившаяся пріязнь князя къ Пиленко.—Совокупное сочиненіе ихъ о перенесеніи столицы въ Кіевъ.—Проѣздъ черезъ Вильно великой княгини Елены Павловны.—Начало лѣченія князя.—Ловкій докторъ Ждановичъ.—Радушіе и распорядительность генерала Майделя, какъ общаго нашего хозяина.—Любезное вниманіе, оказанное намъ мѣстными властями.—Виленскій театръ.—Виленскій клубъ.—Знаменитый литовскій медъ.—Предвѣстіе политическихъ смутъ въ краѣ.—„Остробрамская“ Богоматерь.

Помню живо зимнее, пасмурное утро, когда всѣ мы, составляющіе свиту князя, собрались, въ день отъѣзда, на станцію Варшавской желѣзной дороги, куда также прибыли Орловы-Давыдовы, Барятинскіе и небольшая группа другихъ провожающихъ. Князя ожидалъ отдѣльный вагонъ; отдѣльный вагонъ нанятъ былъ и Орловыми-Давыдовыми. Скоро пріѣхалъ князь съ тѣмъ же краснымъ и нехорошимъ лицомъ, и началось всеобщее прощанье. Я обнялъ своихъ друзей, благословилъ дѣтей и комфортабельно помѣстился въ отдѣленіи, назначенномъ для свиты.

Едва-ли нужно говорить, что если у князя были тревожныя мысли при отъѣздѣ изъ Петербурга, то и я не могъ обойтись безъ нихъ, хотя содержаніе этихъ мыслей, конечно, различно было въ высшей степени. Семейство было главнымъ предметомъ моихъ соображеній и размышленій, тогда какъ для князя статья эта вовсе не существовала. Будучи всегда порядочнымъ семьяниномъ, я не могъ не тревожиться неизвѣстностью: когда я увижу опять все то,

[1]) См. „Русскую Старину“, апрѣль 1906 г.

что наиболѣе дорого человѣку, да еще увижу ли? Эти размышленія прерывались остановками нашими на промежуточныхъ станціяхъ. Пользуясь этими остановками, мы выходили на платформы и приближались къ отдѣленію князя.

Въ началѣ пути князь старался держать себя бодро и также, выходя на платформу, шутилъ съ нами и, хорошо помню, удивлялся тому, что и во время пути я нисколько не терялъ, какъ онъ выражался, „своего аллюра“. И дѣйствительно, при путешествіяхъ по желѣзнымъ дорогамъ, я садился въ вагонъ и ѣхалъ совершенно въ томъ же видѣ, въ какомъ гулялъ по Невскому проспекту и непремѣнно въ шляпѣ, потому что я рѣшительно ненавидѣлъ всевозможныя фуражки. Графиня Ольга Ивановна Орлова-Давыдова, любимая сестра князя, сначала ѣхала съ княземъ въ его отдѣленіи. Но дѣло видимо ухудшалось. Графиня Ольга Ивановна скоро переселилась въ свой вагонъ и оставила князя одного. На одной изъ станцій приготовленъ былъ для насъ великолѣпный обѣдъ, и мы обѣдали одни безъ князя, потому что его отдѣленіе окружено было полнѣйшимъ молчаніемъ и въ предположеніи, что онъ спитъ, никто не рѣшался войти къ нему и потревожить его спокойствіе. На одной изъ слѣдующихъ станцій князь опять показался въ дверяхъ своего отдѣленія, но уже съ видимыми признаками наступающей болѣзни. Съ кряхтѣніемъ и невольными стонами, по временамъ вырывавшимися у него, онъ продолжалъ шутить съ нами и между прочимъ сказалъ: „чортъ возьми! какая досада! Во время дороги подагра! давайте играть въ карты. Быть можетъ, она замолчитъ!“ Мгновенно разложили столъ, явились карты, и мы усѣлись играть въ ералашъ. Я, кажется, говорилъ уже, какъ странно и своеобразно князь игралъ въ карты. Продолжая безпрерывно говорить, онъ не обращалъ на игру рѣшительно никакого вниманія и тѣмъ самымъ достигалъ двухъ результатовъ—постоянно проигрывалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ приводилъ своего партнера въ совершенное отчаяніе. Если, напр., партнеръ ходитъ въ черви, князь непремѣнно отвѣчаетъ въ пики. Впрочемъ, надобно замѣтить, что на игру въ партіи съ княземъ никто изъ насъ и не смотрѣлъ серьезно; рѣчь шла о томъ только, чтобы доставить ему удовольствіе, а себѣ честь сидѣть, играть и говорить съ нимъ въ теченіе двухъ или трехъ часовъ. По милости учащавшихся припадковъ подагры, игра наша, сколько могу припомнить, прервалась неоконченная.

Между тѣмъ мы пріѣхали въ городъ Рѣжицу, гдѣ назначенъ былъ ночлегъ. Со станціи желѣзной дороги, стоящей нѣсколько въ сторонѣ отъ города, мы перебрались въ большое, но нелѣпое зданіе, стоящее внутри города, занимавшееся нѣкогда почтовою станціею и гостиницею, упраздненными проведеніемъ желѣзной дороги. Здѣсь насъ ожи-

далъ большой, хотя вовсе не изящный ужинъ, за который мы тотчасъ и усѣлись, опять безъ князя, скрывшагося въ отведенныхъ для него комнатахъ. Здѣсь не излишне замѣтить, что плата за обѣдъ, которымъ мы воспользовались, и плата за этотъ ужинъ составила какую-то ужасающую, по своей громадности, цыфру. Ясно было, что если мы ежедневно будемъ дѣлать такія же затраты, то никакихъ денегъ не станетъ на наше путешествіе. Мы тотчасъ рѣшили о громадности этихъ расходовъ доложить князю съ тѣмъ, чтобы заблаговременные впередъ заказы этихъ обѣдовъ и ужиновъ были вовсе отмѣнены, и чтобы продовольствіе наше во время пути предоставлено хозяйственной распорядительности нашего дорожнаго казначея и эконома Пиленко, что̀, разумѣется, и было утверждено. Послѣ ужина мы размѣстились кое-какъ на ночлегъ. Мнѣ досталось спать въ одной комнатѣ съ Зиновьевымъ, и при этой-то оказіи онъ терзалъ меня всю ночь своею вознею съ собакою князя, отданною на его попеченіе, за что̀, однако, какъ я говорилъ уже, онъ не былъ нисколько вознагражденъ достодолжною признательностью князя.

Когда мы встали утромъ, намъ было объявлено, что князь чувствуетъ себя нехорошо и что дальнѣйшее путешествіе наше пріостанавливается. Послѣ завтрака и короткаго свиданія съ княземъ мы разбрелись осматривать городъ. Городъ оказался гнуснѣйшимъ, и жиды кишѣли въ немъ, какъ муравьи въ кучѣ. На рельсахъ желѣзной дороги издали можно было видѣть одиноко стоящіе два вагона, одинъ княжескій, а другой Давыдовскій, отцѣпленные наканунѣ отъ общаго поѣзда. Давыдовы, впрочемъ, скоро уѣхали изъ Рѣжицы, спѣша по какимъ-то обстоятельствамъ и къ кому-то за границу. Въ ясный, морозный день мы проводили и отправили ихъ, и на рельсахъ желѣзной дороги остался одинъ нашъ вагонъ. Едва-ли нужно говорить, что пребываніе наше въ гнусномъ уѣздномъ городишкѣ не представляло ничего ни веселаго, ни блестящаго. Утромъ, большею частью, мы бродили, за неимѣніемъ ничего лучшаго, по городу и окрестностямъ его; вечеромъ играли въ карты или съ княземъ, или между собою.

Между тѣмъ, тотчасъ по водвореніи нашемъ въ Рѣжицѣ, посыпались на князя изъ Петербурга телеграммы съ вопросами о состояніи его здоровья и если мы занимались чѣмъ-нибудь, такъ это именно полученіемъ и отправленіемъ телеграммъ, каждый день ужь непремѣнно, а иногда и по нѣскольку въ одинъ день. Телеграммы шли отъ государя и отправлялись государю. Въ положеніи здоровья князя не происходило никакихъ улучшеній, хотя онъ еще держался на ногахъ, облеченныхъ въ особыя, именно на подобные случаи сочиненныя, туфли, и, странное дѣло, владѣлъ весьма хорошимъ аппетитомъ.

Я живо помню, съ какою любовью онъ обходился съ самыми незатѣйливыми блюдами, приготовляемыми мѣстнымъ доморощеннымъ кухмистеромъ и столь же похожими на яства, которыми питали князя при дворѣ, сколько простая телѣга, напр., похожа на какое-нибудь англійское тюльбюри. Петербургскія ли телеграммы были тому причиною или опасеніе засѣсть надолго, съ своими недугами, въ дрянномъ городишкѣ, гдѣ нѣтъ ни хорошаго помѣщенія, ни тѣхъ средствъ, какія требуются во время продолжительной болѣзни, я не знаю; только послѣ трехъ дней нашего пребыванія въ Рѣжицѣ князь внезапно, какъ и всегда, назначилъ свой отъѣздъ въ дальнѣйшій путь.

День этого отъѣзда былъ тоже великолѣпный. Для переѣзда князя отъ помѣщенія, которое онъ занималъ, до желѣзной дороги, мѣстныя власти отыскали какую-то плохую колясченку, въ которую князь и долженъ былъ помѣститься, согнувшись и самымъ безпокойнымъ образомъ. Вмѣстѣ съ нимъ помѣстился и я по правамъ старшинства, неоспоримо мнѣ принадлежащаго. Въ этомъ отношеніи князь былъ большой педантъ. Оттѣнки мѣстничества соблюдались имъ самымъ строгимъ образомъ. Въ свитѣ князя, въ этотъ моментъ, я былъ старшимъ; слѣдовательно, безъ разсужденій долженъ былъ ѣхать съ нимъ въ одномъ экипажѣ. Во все время довольно продолжительнаго нашего переѣзда князь постоянно говорилъ со мной тѣмъ грустнымъ, интимнымъ тономъ, который, какъ я сказалъ уже, являлся у него всегда, когда въ его личномъ положеніи происходило что-нибудь нехорошее. Содержаніе этого разговора я уже не помню, но очень хорошо помню одну рельефную фразу, произнесенную имъ при этомъ случаѣ съ замѣтнымъ раздраженіемъ: „что дѣлать? я долженъ, хоть издохнуть, но ѣхать!“ И тогда я не могъ понять истиннаго смысла этой фразы, да и теперь не понимаю. Ее можно бы отнести къ тогдашнему болѣзненному положенію князя, въ которомъ онъ долженъ былъ ѣхать, но его никто не торопилъ и не понуждалъ ѣхать, и всѣ телеграммы, полученныя изъ Петербурга, выражали только одно участіе къ нему со стороны государя. Точно такъ же, и быть можетъ съ бо̀льшимъ основаніемъ, фразу эту должно понимать такимъ образомъ, что князь, хотя и не хочетъ ѣхать, но долженъ ѣхать. Такое пониманіе будетъ даже соотвѣтственнѣе утвердившемуся потомъ общему мнѣнію, что князь дѣйствительно не желалъ возвращаться на Кавказъ. Какъ бы то ни было, мы разсѣлись, по-прежнему, въ нашемъ вагонѣ и поѣхали далѣе по направленію къ Вильнѣ. Приближаясь къ ней, князь сталъ выражать сильное безпокойство, что вѣроятно на самой станціи желѣзной дороги его ожидаетъ парадная встрѣча, съ которой онъ, въ своемъ недужномъ положеніи, не можетъ раздѣлаться прилично,

и давалъ ловкому Пиленко нѣкоторыя порученія, относительно возможнаго сокращенія и упрощенія этой церемоніи.

Въ Вильну мы пріѣхали уже ночью. Станція была великолѣпно освѣщена. На платформѣ виднѣлась значительная толпа военныхъ лицъ съ генералъ-губернаторомъ во главѣ. Кромѣ того было много народу. Князь, не выходя изъ вагона, принялъ наиболѣе почетныхъ. Потомъ уже его на рукахъ перенесли въ приготовленный для него экипажъ. Въ то же время мы помѣстились въ экипажи, для насъ назначенные, и вслѣдъ затѣмъ по узкимъ и кривымъ Виленскимъ улицамъ понесся огромнѣйшій поѣздъ. Квартира для князя приготовлена была въ домѣ, занимаемомъ старымъ кавказскимъ сослуживцемъ князя, храбрымъ генераломъ Майделемъ. Майдель въ это время былъ начальникомъ какой-то дивизіи и жилъ въ Вильнѣ. Хотя на этомъ, довольно длинномъ, переѣздѣ мы значительно отстали отъ экипажа князя, имѣвшаго, конечно, лучшихъ лошадей, тѣмъ не менѣе, приблизившись къ дому Майделя, мы издали уже могли видѣть странную и непріятную церемонію перенесенія князя изъ экипажа въ комнаты. Комнаты, для него приготовленныя, находились во второмъ этажѣ, куда отъ входа вела узенькая лѣстница. Князь уже рѣшительно не былъ въ состояніи пошевелить одной разболѣвшейся ногой. Какъ ни былъ хорошъ и покоенъ экипажъ, въ которомъ онъ ѣхалъ, все таки, несясь по каменной мостовой, онъ не могъ не растревожить больную ногу, отъ которой страдалъ еще въ вагонѣ. Такимъ образомъ предстояло, во-первыхъ, пересадить князя изъ экипажа въ кресло и, во-вторыхъ, перенести его въ этомъ креслѣ во второй этажъ по узкой лѣстницѣ. Первая часть этой операціи совершена была, повидимому, довольно удачно и кончена была до нашего пріѣзда; вторая длилась уже при насъ и сопровождалась величайшими затрудненіями именно вслѣдствіе того, что лѣстница была узка. Непріятно было, повторяю, видѣть, какъ фигура князя колыхалась вверху, и внизу подъ ней сплотилась масса головъ, и все это освѣщалось множествомъ огней. Не видѣть же этого было нельзя, потому что двери дома были открыты и въ нихъ, прежде всего, виднѣлась эта странная процессія, имѣвшая какое-то подобіе погребальной церемоніи. Наконецъ, князь внесенъ былъ въ комнаты, усаженъ въ кресла или оставленъ въ томъ же, въ которомъ его несли, и нашелъ еще въ себѣ достаточно силъ, чтобъ разговаривать съ генералъ-губернаторомъ и другими генералами, привалившими вслѣдъ за нимъ въ его комнаты. Между тѣмъ насъ не могъ не интересовать вопросъ о нашемъ личномъ устройствѣ и когда мы коснулись его, намъ объявили, что и намъ приготовили помѣщеніе въ какомъ-то подворьѣ, съ извѣстнымъ названіемъ, заключавшемъ въ себѣ меблированныя

комнаты. Снабженные этимъ открытіемъ, мы скоро отправились по назначенію въ тѣхъ же экипажахъ, которые взяли насъ съ желѣзной дороги.

Быть можетъ въ этомъ и нѣтъ большой надобности, тѣмъ не менѣе я все-таки скажу нѣсколько словъ о нашихъ помѣщеніяхъ. Генералъ Майдель занималъ прекрасное помѣщеніе. Лѣстница, о которой я говорилъ уже, вела въ свѣтлую, просторную переднюю. Подлѣ передней налѣво находилась небольшая комната, въ которой и расположился фельдъ-егерь, данный князю въ Петербургѣ, очень умный и ловкій малый, нѣмецкой фамиліи, которую я, однако же, забылъ. Направо изъ передней была обширная свѣтлая зала, которая съ величайшимъ достоинствомъ исполняла назначеніе пріемной. Рядомъ съ этой залой находилась другая, столь же обширная, комната, которая и обращена была въ спальню и кабинетъ князя. Эта комната долго будетъ памятна и мнѣ и всѣмъ, окружавшимъ князя, во время долгаго лежанія его въ Вильнѣ. Параллельно этимъ двумъ большимъ комнатамъ шли нѣсколько комнатъ меньшаго размѣра, чрезвычайно милыхъ и уютныхъ. Комнату, смежную съ комнатою князя, занималъ величайшій изъ новѣйшихъ мучениковъ, камердинеръ князя, знаменитый Антонъ, положительно не знавшій покою ни днемъ, ни ночью и за все это не слышавшій отъ князя другаго названья, какъ „оселъ, дуракъ и т. п.“. Такого воловьяго терпѣнія, какое было у этого каменнаго человѣка, я въ жизнь свою ни въ комъ не видалъ, и онъ, по справедливости, возбуждалъ этимъ безпримѣрнымъ дарованіемъ всеобщее изумленіе, начиная съ самого князя. Затѣмъ шли: кабинетъ самого Майделя, столовая и т. д., и все это такъ ловко и умно было расположено, что вы могли попадать въ любую комнату, какъ-то не задѣвая другой. Содержались всѣ эти комнаты въ поразительномъ порядкѣ и чистотѣ, на которыя только и могъ быть способенъ нѣмецъ. Нѣсколько нѣмцевъ, служителей Майделя, только и дѣлали, что чистили что-нибудь, да подметали...

Въ той же степени, въ какой было хорошо и уютно помѣщеніе Майделя, было отвратительно помѣщеніе, намъ отведенное. Это было просто нѣсколько грязныхъ необъятныхъ сараевъ. Кромѣ внутренняго своего безобразія, это помѣщеніе представляло еще то существенное неудобство, что находилось чрезвычайно далеко отъ квартиры князя, такъ что на другой же день мы положительно возмутились и требовали настоятельно другаго помѣщенія. Надобно замѣтить, что мѣстныя власти, начиная съ милѣйшаго генералъ-губернатора Назимова, во все время нашествія нашего на Вильну, окружали насъ величайшимъ вниманіемъ и угодливостью. Полицеймейстеръ Васильевъ смотрѣлъ на насъ, какъ на какихъ-то могущественнѣйшихъ

въ мірѣ людей, которымъ ничего не стоитъ стереть съ лица земли такую букашку, какъ онъ. Поэтому, какъ только заявлено было нами недовольство нашимъ помѣщеніемъ, Васильевъ разослалъ всю свою команду по городу разыскивать для насъ другое помѣщеніе. Результаты этихъ розысковъ были блистательны въ величайшей степени. Домъ, гдѣ жилъ князь, стоялъ на площади, которая называлась, если не ошибаюсь, Георгіевскою. На одномъ углу этой самой площади находился домъ какой-то польской графини. Графиня была за границей, и домъ ея отдали намъ. Трудно передать роскошь и комфортъ, съ которымъ устроенъ и отдѣланъ былъ этотъ домъ. Здѣсь я впервые увидѣлъ во внутреннемъ его устройствѣ много заграничныхъ примѣненій, которыхъ дотолѣ не видалъ ни въ одномъ изъ петербургскихъ домовъ. Обои, мебель, ковры, лампы и люстры такъ и говорили своимъ видомъ: „мы прямо изъ Парижа“. Каждый изъ насъ занялъ отдѣльную комнату по своему вкусу и выбору, и затѣмъ оставались общія залы, гостиныя и много другихъ комнатъ. Когда потомъ, съ усиленіемъ болѣзни князя, я поднялъ своими извѣстіями по этой части тревогу между петербургскими его родными, князь Владиміръ Ивановичъ Барятивскій, графъ Орловъ-Давыдовъ, пріѣзжая въ Вильно, тоже останавливались у насъ, безъ всякихъ стѣсненій для себя и для насъ. Въ этомъ миломъ, комфортабельномъ, роскошномъ, можно сказать, помѣщеніи мы провели большую часть времени проживательства нашего въ Вильнѣ и, разумѣется, не имѣли никакихъ причинъ и побужденій желать какой-либо перемѣны въ этомъ отношеніи. Къ сожалѣнію, однако, перемѣна эта должна была послѣдовать по причинамъ, какъ говорится, нисколько отъ насъ не зависящимъ. Барыня, которой принадлежалъ этотъ домъ, стала высылать телеграммы о своемъ возвращеніи и требовать нашего изгнанія. Дѣйствительно ли она хотѣла возвратиться или только разсчитывала насъ выжить—Господь ее вѣдаетъ; но мы съ сокрушеннымъ сердцемъ должны были сдѣлать новое переселеніе. Къ счастью, необходимость эта наступила незадолго до оставленія нами Вильны, и потому, безъ всякихъ глубокахъ размышленій, мы просто-на-просто перебрались въ Познанскую гостиницу, считавшуюся тогда одною изъ лучшихъ въ городѣ. Изъ этой именно гостиницы въ роковой часъ мы отправились обратно въ Петербургъ.

Я рѣшительно затрудняюсь, съ какого конца начать описаніе нашего виленскаго житья-бытья, тѣмъ болѣе, что многія существенныя черты изъ этого періода разсказаны уже мною выше, въ разныхъ мѣстахъ, по соотношенію ихъ съ другими обстоятельствами, о которыхъ заходила рѣчь. Когда на другой день нашего прибытія мы собрались въ помѣщеніи князя, намъ объяснили, что князь не спалъ

всю ночь, страшно боленъ и что о дальнѣйшемъ путешествіи не можетъ быть и рѣчи. И дѣйствительно, когда мы увидали князя, мы не могли не ужаснуться сильной его перемѣнѣ. Онъ разомъ принялъ тотъ видъ, съ которымъ отправился нѣкогда изъ Тифлиса, съ тѣмъ же краснымъ или, лучше сказать, багровымъ лицомъ, тѣми же свѣтлыми, оловянными глазами... Раздражительность его была ужасна: онъ сердился рѣшительно за все и про все. Безпрерывно мѣнялъ свое положеніе на постели, требовалъ, чтобъ ему поправили такъ или иначе подушки и постоянно кричалъ то отъ боли, то отъ злобы. Мы сидѣли и смотрѣли на него молча. Первые дни нашего пребыванія въ Вильнѣ болѣзнь князя достигала ужасающей степени, такъ что мы боялись, какъ бы онъ не умеръ. Всѣ ночи мы проводили безотлучно при немъ, чередуясь между собой. Сна и аппетита у князя рѣшительно не было. Часто онъ бредилъ съ открытыми глазами. Въ этомъ бреду онъ нерѣдко произносилъ мое имя. Случалось также, что въ продолженіе ночи, придя въ сознаніе и замѣтивъ меня на стоящемъ близъ постели стулѣ, онъ говорилъ: „добрый Василій Антоновичъ!“ Къ больной его ногѣ нельзя было подступиться на нѣсколько шаговъ, и операція оправленія его постели, когда надобно было пересаживать князя на кресло и потомъ опять класть въ постель, была ужасна. Самая величайшая осторожность въ этомъ отношеніи не достигала цѣли: князь никогда такъ не кричалъ и не злобствовалъ, какъ именно въ эти минуты. Всегда увѣренный въ своей силѣ и ловкости, и побуждаемый состраданіемъ, сколько къ князю, столько же и къ личностямъ, около его возившимся и щедро осыпаемымъ нелестными эпитетами князя, я совершалъ ему эти операціи много разъ собственноручно. Вся задача состояла въ томъ, чтобы при этомъ перекладываніи и пересаживаніи не повредить больную ногу князя, сильно распухшую въ колѣнѣ и въ особенности не дать ей и малѣйшаго сгиба, который особенно производилъ страшныя мученія князю. Пригласивъ графа Чернышева-Кругликова брать и осторожно переносить эту ногу, я бралъ самого князя, несмотря на колоссальную его фигуру, какъ ребенка на руки и пересаживалъ въ кресло, а потомъ тѣмъ же порядкомъ клалъ въ постель. Князь сильно благодарилъ насъ съ Чернышевымъ-Кругликовымъ за эти гимнастическіе подвиги и утверждалъ, что мы избавляемъ его отъ страшнѣйшихъ мученій. Дѣло, однако же, нисколько не улучшалось и, въ сильномъ опасеніи за его исходъ, я сталъ отправлять въ Петербургъ телеграммы съ изложеніемъ дѣйствительнаго положенія князя. Телеграммы эти читались государю, который и приказалъ князю Владиміру Барятинскому ѣхать въ Вильну.

Я говорилъ уже, что въ Петербургѣ потомъ распространилось

убѣжденіе, что вся эта болѣзнь была ложная болѣзнь, посредствомъ которой князь хотѣлъ только отдѣлаться отъ поѣздки на Кавказъ; но свидѣтельствуюсь Богомъ, что никогда болѣзненное состояніе его не достигало такой крайней и опасной степени. Онъ просто умиралъ, и самый видъ его показывалъ всѣмъ, что тутъ уже не до комедій. Съ теченіемъ времени, первоначальные страшные припадки, конечно, значительно ослабѣли; но болѣзненное его положеніе не прекращалось до самаго нашего отъѣзда; по-прежнему у него было не хорошее буро-багровое лицо, тѣ же оловянные глаза. Сна и аппетита у него, по-прежнему, не было вовсе. Постоянная безсонница его, какъ мнѣ и Пиленко казалось, имѣла вліяніе на состояніе его головы. Безсонница эта отражалась на насъ, лично, самымъ неудобнымъ образомъ. Въ теченіе утра мы являлись къ князю на нѣкоторое время и смѣнялись другими, въ особенности генералъ-губернаторомъ Назимовымъ, который считалъ какъ-будто священнымъ долгомъ являться къ нему положительно каждый день и проводить у него нѣсколько часовъ. Во время этихъ утреннихъ представленій, князь любилъ трунить надъ моими разнообразными костюмами и исчислять ихъ неисчислимое множество. Послѣ обѣда составлялась обыкновенно партія въ карты и, когда она оканчивалась, тутъ начиналось наше мученіе.

Не имѣя рѣшительно никакого позыва ко сну, князь приглашалъ насъ посидѣть съ нимъ и пускался въ безконечные разсказы. Сначала мы слушали внимательно и прилично; но потомъ, когда бесѣда заходила далеко за полночь, насъ начиналъ одолѣвать сонъ. Лампы и свѣчи, прикрытые абажурами, разливали такой снотворный свѣтъ, что мы съ трудомъ держались на своихъ мѣстахъ, съ другой стороны тотъ же полусвѣтъ помогалъ намъ и выносить, по возможности, прилично наше критическое состояніе, скрывая отъ князя наши страдальческія физіономіи и посоловѣлые глаза; но главное спасеніе наше заключалось въ томъ, что князь, по обычаю своему, всегда говорилъ самъ и одинъ. Боже мой! конечно, ни одинъ школьникъ не вырывался съ такою радостью изъ своей школы, съ какою мы, наконецъ, отпущенные княземъ, спѣшили къ своимъ постелямъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что въ это время честь бесѣдовать съ княземъ, нѣкогда великая и драгоцѣнная, потеряла значительную часть своей цѣны. Совѣстно говорить, но мы рады были, когда являлись другіе желающіе воспользоваться ею.

Сюда относится слѣдующее обстоятельство, изъ котораго потомъ князь составилъ, съ обычнымъ своимъ искусствомъ, великолѣпный анекдотъ. Въ Вильнѣ въ это время былъ губернскимъ почтмейстеромъ баронъ Россильонъ. По прежней службѣ своей въ почтовомъ вѣдомствѣ, я зналъ, въ какихъ почтительныхъ отношеніяхъ находятся эти

господа не только къ своему министру, но даже къ директору почтоваго департамента, даже къ начальникамъ отдѣленій этого департамента. Поэтому, я относился немножко свысока къ виленской почтовой конторѣ вообще и къ ея почтмейстеру. Если Россильонъ и представлялся князю, то вѣроятно, въ массѣ другихъ чиновниковъ, въ которой я не могъ его отличить и замѣтить. Между тѣмъ, войдя однажды вечеромъ въ кабинетъ князя, я нашелъ его бесѣдующимъ съ Россильономъ съ глазу на глазъ. Этого мало. Мое удивленіе достигло величайшей степени, когда я услышалъ, что бесѣда эта шла на дружеское „ты“. Это удивленіе, вѣроятно, выразилось невольно на лицѣ моемъ, потому что князь, продолжая разговаривать съ Россильономъ, поглядывалъ на меня и значительно улыбался. Когда Россильонъ ушелъ, князь объяснилъ мнѣ, что онъ былъ нѣкогда блестящимъ гвардейскимъ офицеромъ; красавецъ собой, онъ великолѣпно танцовалъ: „ни одинъ придворный балъ не обходился безъ него“, заключилъ князь, прибавивъ, что именно въ тѣ времена и завязалась ихъ пріятельская короткость. Несмотря, однако же, на это объясненіе, тотъ фактъ, что генералъ-фельдмаршалъ и губернскій почтмейстеръ бесѣдуютъ по цѣлымъ вечерамъ на „ты“, не могъ потерять своего значенія, и, какъ я сказалъ уже, послужилъ самому князю для великолѣпнаго анекдота. Иванъ Матвѣевичъ Толстой, сдѣлавшійся потомъ, по волѣ судебъ, моимъ начальникомъ, за бытность свою за границею, видѣлся съ княземъ и слышалъ отъ него самого этотъ анекдотъ. Основаніе было вѣрно, но подробности страшно украшены, были игривою фантазіею князя. По его словамъ, когда я увидѣлъ князя разговаривающимъ съ Россильономъ на „ты“, первое впечатлѣніе, выразившееся на моемъ лицѣ, было такого содержанія, что „князь съ ума сошелъ!“ Князь утверждаетъ, что на моемъ лицѣ вдругъ написано было удивленіе, сожалѣніе и недоумѣніе, что дѣлать по поводу этого страшнаго несчастія и т. п. Какъ бы то ни было князь нерѣдко посылалъ за Россильономъ и разговаривалъ съ нимъ далеко за полночь.

По части ночныхъ бесѣдъ этихъ намъ приносили нѣкоторую, незначительную, впрочемъ, помощь тѣ господа, которыхъ, какъ я сказалъ уже, князь, еще въ Петербургѣ, приглашалъ вмѣстѣ переѣзжать моря на приготовленныхъ гдѣ-то пароходахъ. Въ особенности тутъ былъ полезенъ генералъ Кармалинъ. Этотъ господинъ пріѣхалъ въ Вильну съ значительнымъ запасомъ книгъ и предложилъ князю, жалующемуся на безсонницу, читать нѣкоторыя новѣйшія сочиненія. Въ теченіе двухъ или трехъ вечеровъ это чтеніе дѣйствительно занимало князя нѣсколько; но князю скоро все надоѣдало. Такъ точно скоро надоѣли ему и самъ Кармалинъ, и книги, имъ привезенныя, и этому чтецу, мечтавшему уже на этомъ чтеніи построить будущее кавказ-

ское благополучіе, предложено было утонченнымъ образомъ отправляться далѣе и ожидать князя въ иныхъ мѣстахъ. Но главными ратниками продолжительныхъ бесѣдъ съ княземъ были двѣ личности: генералъ Назимовъ и Пиленко. Генералъ Назимовъ проявлялъ въ отношеніи къ князю самое усердное и почтительное вниманіе. Не проходило дня, въ теченіе котораго онъ не посѣтилъ бы князя нѣсколько разъ. Эту безконечную внимательность можно объяснить не столько старыми петербургскими или, лучше сказать, придворными отношеніями его съ княземъ, сколько, какъ кажется, разсчетомъ найти въ немъ опору въ предстоящихъ и ожидаемыхъ волненіяхъ этого края. Это заключеніе я основываю на томъ высокомѣріи, на той безцеремонности, съ которыми князь относился къ Назимову. Вотъ доказательство. Когда князю стало нѣсколько лучше и онъ пожелалъ быть выдвигаемымъ на своемъ красномъ, качающемся креслѣ, въ первую, т. е. пріемную комнату, случалось иногда такъ, что Назимовъ пріѣзжалъ въ то уже время, когда князь находился въ этой комнатѣ, окруженный нами, стоящими, впрочемъ, въ почтительномъ отъ него отдаленіи и преимущественно вдоль стѣнъ. Назимовъ входилъ, здоровался съ княземъ, раскланивался съ нами и занималъ среди насъ стоячую позицію. Князь, не приглашая его садиться, продолжалъ старую исторію или начиналъ новую. Назимовъ стоялъ и слушалъ, а я думалъ, неужели нѣтъ положенія, въ которомъ можно было бы и не унижаться? Неужели генералъ-адъютантъ, начальникъ обширнаго края, долженъ стоять предъ другимъ генералъ-адъютантомъ, предъ другимъ начальникомъ другаго края, потому только, что онъ на вершокъ посильнѣе и поважнѣе? Въ подобныхъ случаяхъ мнѣ совѣстно было смотрѣть и на князя и на Назимова, на князя потому, что онъ изъ пустаго тщеславія, изъ желанія внушить намъ, его домашнимъ, такъ сказать, лучше размѣры своего величія, заставляетъ почтеннаго человѣка испытывать унизительное положеніе, а за Назимова потому, что, будучи хозяиномъ края, гдѣ мы находились, будучи представителемъ въ этомъ краѣ самого государя, онъ не умѣетъ избѣгнуть этого положенія и выражаетъ такую готовность переносить его. Подобныя сцены оканчивались тѣмъ, что мы незамѣтнымъ образомъ исчезали изъ этой комнаты и оставляли князя наединѣ съ добрымъ Назимовымъ.

Что касается до Пиленко, то онъ умѣлъ сдѣлаться рѣшительно необходимымъ для князя, который, казалось, буквально влюбился въ него. Эта непостижимая пріязнь дошла до того, что Пиленко почти безотлучно находился при князѣ. Я былъ рѣшительно отодвинутъ на второй планъ. Я ежедневно видѣлся съ княземъ, игралъ съ нимъ въ карты и вообще не замѣчалъ въ немъ ничего

непріязненнаго; но почныя и интимныя бесѣды посвящались уже исключительно Пиленко. Пиленко былъ слишкомъ уменъ, чтобъ чваниться этимъ исключительнымъ положеніемъ, тѣмъ болѣе, что съ моей стороны онъ видѣлъ самое искреннее сочувствіе къ его успѣхамъ, которыхъ онъ вполнѣ и заслуживалъ. Поэтому онъ держался ко мнѣ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и передавалъ мнѣ отъ слова до слова все, что слышалъ отъ князя въ продолженіе ихъ безконечныхъ и постоянныхъ бесѣдъ. Между прочимъ, князь говорилъ ему: „какое несчастье для меня, и какое въ то же время великое счастье для васъ, что я вынужденъ былъ остановиться въ Вильнѣ. Это только и дало мнѣ возможность узнать, оцѣнить васъ и проложить вамъ дорогу". Эти слова вполнѣ подтверждались отзывами князя о Пиленко, когда заходила о немъ рѣчь. По существу этихъ отзывовъ выходило, что онъ открылъ въ Пиленко, не болѣе, не менѣе, какъ великаго человѣка.

Размѣръ довѣрія, которымъ князь удостоивалъ Пиленко, просто поражалъ своею необъятностью. Этого мало, что онъ высказывалъ ему свои мнѣнія о всѣхъ кавказскихъ личностяхъ; онъ посвятилъ его во всѣ свои отношенія къ государю. Отъ Пиленко я впервые узналъ, о чемъ прежде не имѣлъ никакого понятія, что по пріѣздѣ князя въ 1861 г. изъ Дрездена въ Петергофъ или, лучше сказать, въ Петербургъ, князь представлялъ государю свои планы политическаго содержанія, что государь въ первое время ничего не отвѣтилъ на эти планы, а въ моментъ отъѣзда князя сказалъ ему, что по этой части у него есть свои убѣжденія, которыя онъ и считаетъ долгомъ охранять, какъ часовой охраняетъ то, къ чему приставленъ. Однимъ словомъ, тутъ обнаружилось, что довѣріе князя къ Пиленко выразилось несравненно шире, нежели ко мнѣ, несмотря на старинныя наши отношенія, тогда какъ Пиленко былъ совершенный новичокъ. Всѣ эти разсказы просто поражали меня, тѣмъ болѣе, что по характеру Пилеко я не имѣлъ никакого основанія въ нихъ сомнѣваться. Вообще, поведеніе князя за этотъ періодъ было такъ странно, что давало справедливый поводъ опасаться за состояніе его головы, и это опасеніе раздѣлялъ самъ Пиленко, несмотря на все благоволеніе къ нему князя.

Доказательствомъ, что это опасеніе имѣло свои основанія, я приведу нелѣпѣйшій планъ, сочиненный княземъ вмѣстѣ съ Пиленко о перенесеніи столицы въ Кіевъ и къ ужасу моему отправленный къ государю. Пиленко, не скрывавшій отъ меня ничего, давалъ мнѣ читать это замѣчательное произведеніе. Оно начиналось, именно, такимъ образомъ: „въ такомъ-то году я представлялъ вамъ мои политическія соображенія, но вы ихъ не приняли". Потомъ слѣдовало: „въ по-

слѣднее пребываніе мое за границей я еще лучше и глубже изучилъ вопросъ и нахожу, что для приведенія дѣлъ въ отличное положеніе надобно перенести столицу въ Кіевъ; а потому, движимый любовью къ отечеству и преданностью къ вамъ, повергаю эту идею или этотъ планъ къ священнымъ стопамъ вашимъ"... Разумѣется, я передаю только сущность этой несчастной бумаги; сущность эта разведена была въ жидкой водицѣ жалкихъ политическихъ и историческихъ соображеній, жалкихъ потому, что въ исторіи и политикѣ и князь и Пиленко равномѣрно были слабы. Читая эту бумагу, мнѣ такъ и показалось, что бѣдный мой князь самъ, безъ нужды, кладетъ свою голову во вражескую пасть князя Горчакова и подвергается несравненно большей опасности, нежели Батти Каперъ, когда кладетъ свою голову въ пасть льва. Какъ и слѣдовало ожидать, этотъ смѣлый планъ не осуществился, и я былъ бы очень счастливъ, если бы могъ пріобрѣсти убѣжденіе, что при ловкомъ содѣйствіи ловкихъ враговъ князя это сочиненіе, которымъ князь, конечно, хотѣлъ отличиться, не бросило на него новой неблагопріятной тѣни, какъ на государственнаго человѣка...

По отношенію къ своимъ болѣзнямъ, князь держался сначала строго своего правила: гнать отъ себя всевозможныхъ докторовъ. Никто изъ насъ, разумѣется, не смѣлъ пуститься въ какіе-либо совѣты и настоянія по этой части. Всѣ мы знали, какъ упорно и раздражительно относился князь къ подобнымъ совѣтамъ. Но проѣздъ чрезъ Вильну великой княгини Елены Павловны далъ иное направленіе этому вопросу. Она возвращалась изъ-за границы въ Петербургъ и, по прибытіи въ Вильну, разумѣется, узнала, что здѣсь лежитъ больной князь. Великая княгиня пожелала его видѣть и по предварительнымъ соглашеніямъ посѣтила его въ условленный для того часъ. Она пріѣхала въ сопровожденіи своего доктора Гартмана. Когда великая княгиня вошла въ комнату князя, Гартманъ остался въ пріемной съ нами. Чрезъ нѣкоторое время онъ также былъ потребованъ туда, вѣроятно, осматривалъ князя, разспрашивалъ его, конечно, по обычаю всѣхъ докторовъ, потомъ вышелъ оттуда и уѣхалъ. Великая княгиня оставалась у князя довольно продолжительное время, такъ что при выходѣ ея отъ него наступили уже сумерки. Когда она появилась въ пріемной, то любезно обратилась къ генералу Майделю, какъ хозяину дома. Я стоялъ въ значительномъ отдаленіи, скрываемый полусвѣтомъ. Тѣмъ не менѣе великая княгиня въ продолженіе разговора съ Майделемъ замѣтила мою фигуру и спросила его: не докторъ ли это князя? Когда Майдель назвалъ мое имя, великая княгиня подошла ко мнѣ и удостоила меня самой милой и продолжительной бесѣды.

До тѣхъ поръ я не былъ лично представленъ ея высочеству; но былъ ей хорошо извѣстенъ по многимъ, преимущественно благотворительнымъ, обстоятельствамъ. Дѣло въ томъ, что князь Одоевскій и, особенно, княгиня Одоевская были своими людьми у великой княгини, а я былъ у Одоевскихъ своимъ человѣкомъ. Фрейлины и, вообще, придворный людъ великой княгини вели величайшую дружбу съ Одоевскими, такъ что, перекрещиваясь и встрѣчаясь съ ними въ нероскошныхъ, но гостепріимныхъ комнатахъ Одоевскихъ, я зналъ этотъ людъ тоже очень хорошо, какъ онъ зналъ меня. Предъ назначеніемъ князя Одоевскаго московскимъ сенаторомъ, или, лучше сказать, предъ отправленіемъ его въ Москву, ему даже довелось жить во дворцѣ великой княгини, гдѣ онъ, вмѣстѣ съ женою, потомъ постоянно останавливался, пріѣзжая изъ Москвы въ Петербургъ. При этихъ окказіяхъ невозможно было не встрѣтить у Одоевскихъ какой-нибудь придворной личности, и мнѣ, волею-неволею, приходилось перезнакомиться съ ними и нерѣдко проводить цѣлые вечера вмѣстѣ съ какою-нибудь хорошенькою Роль и др. Кромѣ того, ужъ не знаю, по какимъ причинамъ и обстоятельствамъ—князь Одоевскій, хотя не состоялъ ни въ какихъ служебныхъ и обязательныхъ отношеніяхъ съ дворомъ великой княгини, тѣмъ не менѣе былъ какимъ-то главнымъ директоромъ всѣхъ благотворительныхъ ея дѣлъ и занятій, имѣвшихъ и имѣющихъ чрезвычайно обширный кругъ,—въ который входили институты, пріюты, опредѣленныя пособія бѣднымъ и пр. и пр. Въ лицѣ князя занятія по этимъ дѣламъ сливались частію съ дѣлами нашего общества, а какъ я былъ, такъ сказать, неизмѣннымъ его копьемъ, постояннымъ его сотрудникомъ, то и мнѣ доводилось, во слѣдъ ему, работать по дѣламъ великой княгини. Этого мало. Связь нашихъ дѣлъ съ дѣлами великой княгини была такъ сильна, что мы безъ церемоніи и всякихъ затрудненій брали изъ ея пріютовъ, когда намъ нужно было, толпы маленькихъ дѣвочекъ, а на благотворительныя предпріятія, въ ея вѣдомствѣ учреждаемыя, высылали, въ свою очередь, толпы нашихъ ловкихъ и расторопныхъ членовъ. Наконецъ, всегда наше общество, стѣсняемое разными неблагопріятными условіями, вынуждено было умереть, всѣ оставшіеся у него, въ день кончины, капиталы и заведенія, въ томъ числѣ прекрасная лѣчебница для приходящихъ, пріютъ для старухъ, женское училище, всѣ дѣла общества, наконецъ, личности, служившія въ немъ и во главѣ ихъ милый Краснопольскій, нравившійся всѣмъ и чрезвычайно понравившійся великой княгинѣ, переданы, съ высочайшаго соизволенія, ея высочеству. Всѣ эти дѣла, заведенія, личности громко говорили о моей дѣятельности, о моемъ значеніи въ обществѣ. Совокупность всѣхъ этихъ данныхъ, какъ кажется, достаточно объясняетъ, что имя мое было слишкомъ

хорошо извѣстно великой княгинѣ, что̀ подтвердила и она сама, обратившись ко мнѣ именно съ этими словами: „мы съ вами давно уже знакомы...“ Затѣмъ она сказала, что была недавно въ лѣчебницѣ и видѣла тамъ кавказца, именно того Булатова, о которомъ я выше говорилъ.

Этотъ Булатовъ, на пути изъ Тифлиса въ Петербургъ, сильно заболѣлъ и по пріѣздѣ сюда, узнавъ, что при лѣчебницѣ существуютъ для больныхъ отдѣльныя комнаты, прямо съ желѣзной дороги поступилъ туда. Тамошнее лѣченіе, посредствомъ совокупныхъ усилій знаменитѣйшихъ консультантовъ, не принесло ему пользы, такъ что онъ поспѣшилъ вырваться оттуда, обратиться къ гомеопатіи и при первой возможности ускакать обратно съ глубокимъ убѣжденіемъ, что „кавказское солнышко“, по его собственному выраженію, вылѣчитъ скорѣе, нежели всевозможныя медицинскія знаменитости.

Потомъ великая княгиня говорила объ Одоевскихъ и Краснопольскомъ, и старухахъ, которыя меня знали и помнили. Затѣмъ перешла къ болѣзненному положенію князя. Однимъ словомъ, говорила такъ много и такъ мило, что я былъ совершенно очарованъ. Просвѣщенный умъ великой княгини всему міру извѣстенъ, точно такъ же, какъ ея добрыя и полезныя дѣла, которыя и исчислить трудно. Но что особенно замѣчательно, при ея лѣтахъ, она была очаровательна, какъ женщина. До этой минуты я никогда съ ней не говорилъ и при этомъ случаѣ не могъ налюбоваться какимъ-то особенно милымъ движеніемъ ея губъ, когда она говорила. Становилось понятнымъ, что въ свое время это была прелестнѣйшая изъ женщинъ. Бесѣда наша, уже совершенно неожиданно для меня, была чрезвычайно оживленна и чрезвычайно продолжительна, такъ что различныя личности, почтительно стоявшія въ той же комнатѣ, съ удивленіемъ посматривали на меня. Сбоку казалось, что я самый старый знакомый великой княгини и очень близкій ей человѣкъ. Самъ князь, какъ только уѣхала великая княгиня, тотчасъ позвалъ меня къ себѣ и встрѣтилъ словами: „скажите, батюшка, Бога ради, чѣмъ это вы очаровали великую княгиню?..“

На другой, кажется, день вновь явился Гартманъ въ сопровожденіи двухъ мѣстныхъ докторовъ. Одинъ изъ нихъ былъ маленькій и худенькій нѣмецъ, другой толстенькій и шарообразный полякъ. Всѣ трое они вошли въ комнату князя, что-то тамъ толковали, потомъ вышли въ пріемную, опять что-то потолковали и разъѣхались. Гартманъ и маленькій Шульцъ исчезли навсегда; толстенькій полячекъ, по фамиліи Ждановичъ, который, неизлишне замѣтить, былъ домашнимъ докторомъ Назимова, сталъ являться къ князю каждое утро. Вначалѣ положеніе этого господина было чрезвычайно затруднительно. Сидишь, бывало, у князя, докладываютъ о докторѣ. Князь сдѣлаетъ

кислую гримасу и непремѣнно скажетъ: „о! дуракъ! оселъ! что онъ шляется и только надоѣдаетъ“, или что-нибудь въ этомъ родѣ и потомъ прибавитъ: „ну, пустите этого дурака!“ Докторъ не засиживался у князя и скоро былъ выпроваживаемъ. Потомъ князь передавалъ намъ всѣ нелѣпыя, по его мнѣнію, продѣлки этого господина и смѣялся надъ нимъ, представляя, какъ онъ глубокомысленно щупаетъ пульсъ и столь же глубокомысленно произноситъ какой-нибудь латинскій терминъ. Этого мало. Князь любилъ насмѣхаться надъ докторомъ и въ присутствіи нашемъ. Если о докторѣ докладывали въ то время, когда мы были у князя, онъ приказывалъ принять его, а намъ говорилъ: „останьтесь!“ Докторъ входилъ, тревожно щупалъ пульсъ, а князь такъ же тревожно смотрѣлъ на доктора и самъ произносилъ вопросительно одинъ изъ тѣхъ латинскихъ терминовъ, которые онъ постоянно слышалъ отъ доктора. Наше положеніе становилось затруднительнымъ. Мы съ трудомъ удерживались, чтобы не фыркнуть...

Продѣлки эти, однако, не остались, повидимому, незамѣченными хитрымъ и умнымъ Ждановичемъ, потому что въ одинъ изъ послѣдующихъ дней онъ обратился къ намъ съ такою рѣчью, что онъ испытываетъ величайшее и самое тягостное недоумѣніе: пріятны ли князю его посѣщенія? Онъ говорилъ, что дѣлаетъ ихъ ни сколько не по собственнымъ своимъ какимъ-либо видамъ и разсчетамъ, но единственно по настояніямъ Назимова, который рѣшительно требуетъ, чтобы онъ посѣщалъ князя непремѣнно каждый день. Въ заключеніе онъ присовокуплялъ, что мы сдѣлаемъ ему величайшее благодѣяніе, если, такъ или иначе, разрѣшимъ это недоумѣніе и выведемъ его, быть можетъ, изъ ложнаго положенія, въ которое онъ невольно поставленъ. Когда все это было передано князю, то онъ, съ обычною своею деликатностью, порядкомъ смутился этой декларацією и поручилъ намъ удостовѣрить доктора, что посѣщенія его совершенно необходимы для князя, что онъ цѣнитъ ихъ и убѣдительно проситъ продолжать. Съ этого момента дѣла быстро пошли въ другую сторону. Толстенькій докторъ умѣлъ сдѣлаться пріятнымъ и необходимымъ князю, и сталъ чередоваться съ Пиленко въ ночныхъ бесѣдахъ съ нимъ. Во время этихъ бесѣдъ князь удостоивалъ его большой откровенности и между прочимъ высказывалъ ему мнѣнія о личностяхъ, его окружавшихъ. По свидѣтельству доктора, при всѣхъ и не одинъ разъ высказанному, князь утверждалъ, между прочимъ, что „у меня ангельское сердце“. Отзывы князя о самомъ докторѣ совершенно перемѣнились. Онъ часто говорилъ намъ: „это умный человѣкъ! Мнѣ въ немъ особенно нравится то, что онъ не важничаетъ своей медициной и соглашается во всемъ со мною. Все, что мы дѣ-

лаемъ, дѣлаемъ вмѣстѣ. Вотъ недавно, мы присудили принять хины. Выпью гадость. Ну, нечего дѣлать. Никто не виноватъ. Прочь хину. Придумали другое".

И дѣйствительно, если я не видѣлъ, какъ дѣйствовалъ этотъ толстякъ въ медицинскомъ отношеніи, то съ другой стороны я не могъ не любоваться необычайною ловкостью, съ которою онъ поддѣлывался подъ своенравнаго князя во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Докторъ въ немъ рѣшительно исчезъ и преобразился въ тончайшаго придворнаго. Напр., я живо помню такія сцены. Въ полдень князь выдвигается извѣстнымъ порядкомъ, на своихъ, качающихся, красныхъ креслахъ, въ пріемную залу, сумрачный и молчаливый. Всѣ мы, т. е. я, Пиленко и Чернышевъ-Кругликовъ, а иногда и Майдель становимся по стѣнамъ и ждемъ, когда князю угодно начать говорить. Князь продолжаетъ молчать, изрѣдка обводя насъ глазами. Мы тоже молчимъ. Молчитъ и толстенькій докторъ, также прижавшійся къ стѣнѣ съ такимъ выраженіемъ благоговѣнія, какого нельзя выработать ни на одной физіономіи чисто великороссійскаго происхожденія. Наконецъ, общее молчаніе прерывается. Князь начинаетъ какъ-то отрывочно, недовольнымъ тономъ, говорить: „чортъ знаетъ, какъ я скверно спалъ нынѣшнюю ночь. Голова опять въ безпорядкѣ... желудокъ... Вѣрно, съѣлъ что-нибудь вчера"... Докторъ чувствуетъ, что все это относится до него болѣе, чѣмъ до кого-нибудь. Онъ тихонько, на цыпочкахъ, отдѣляется отъ стѣны, чуть-чуть подается впередъ и робко произноситъ: „Ваше сіятельство! зельтерской воды"... Но въ этотъ моментъ князь сурово поворачивается къ нему и сурово прерываетъ его: „подите вы! ну къ чему я буду наливать себя водой!" Докторъ, какъ мячъ, отскакиваетъ назадъ и снова прижимается къ стѣнѣ, принимая снова благоговѣйное выраженіе. Можно было заранѣе предвидѣть, что эта благоговѣйная, хотя быть можетъ и ложная, преданность не останется безъ вознагражденія. И, дѣйствительно, когда рѣшено было, что князь не вернется на Кавказъ, онъ настоялъ, чтобы этотъ, въ одно и то же время толстый и тонкій докторъ назначенъ былъ состоять при немъ, по званію фельдмаршала, въ каковомъ положеніи этотъ ловкій человѣкъ едва-ли не обрѣтается и до днесь, хотя, сколько извѣстно, въ дальнѣйшихъ его услугахъ князь, постоянно съ тѣхъ поръ находившійся за границей, не имѣлъ уже никакой надобности и нашъ виленскій докторъ не трогался съ мѣста.

Хозяинъ князя, генералъ Майдель, какъ хозяинъ, былъ безупреченъ. Продовольствіе какъ самого князя, такъ и всѣхъ насъ, устроено былъ имъ на самую широкую и, можно сказать, изящную ногу. Поваръ у него былъ великолѣпный, точно такъ же, какъ и вся сервировка. Завтраки, обѣды, чаи, ужины, шли въ самомъ стройномъ по-

рядкѣ. Вездѣ являлась нѣмецкая аккуратность въ самой высшей степени. Нѣтъ сомнѣнья, что нашъ пріѣздъ въ Вильну обошелся ему въ дорогую копѣйку. И къ величайшему удивленью смотрѣлъ на все это какъ-то равнодушно, не придавая ни усердію Майделя, проявлявшемуся во всѣхъ случаяхъ и подробностяхъ, ни матеріальнымъ пожертвованіямъ съ его стороны, во всякомъ случаѣ весьма значительнымъ, никакой особенной цѣны. Князь, всегда щедрый, деликатный, признательный, казалось, находилъ, что всему такъ и слѣдовало быть, т. е., чтобы Майдель метался во всѣ стороны для угожденія ему, несмотря на расходы, съ этимъ стремленіемъ сопряженные. Этого мало. И личныя отношенія Майделя къ князю не представляли для него ничего лестнаго. Точно такъ же, какъ и мы, онъ входилъ къ нему не иначе, какъ по докладу и преимущественно для того, чтобъ спросить, не угодно ли этого, не прикажете ли того и т. п. Точно такъ же, какъ и мы, онъ игралъ съ княземъ въ картѣ и вмѣстѣ съ другими слушалъ продолжительные разсказы князя. Никакого особеннаго предпочтенія, какъ человѣку, говоря извѣстнымъ тономъ, „не щадившему ни трудовъ, ни издержекъ для того, чтобъ сдѣлать пребываніе князя въ Вильнѣ пріятнымъ и удобнымъ“ князь ему не оказывалъ, что́ и составляло предметъ недоумѣній, какъ для меня, такъ и для моихъ товарищей. Но князь, какъ я старался доказать, исполненъ былъ самыхъ непостижимыхъ странностей и часто дѣлалъ то, что, по мнѣнію другихъ, дѣлать не слѣдовало. Что князь былъ невысокаго мнѣнія о Майделѣ, самъ князь высказывалъ намъ это безъ всякаго стѣсненія, хотя постоянно удивлялся его поразительной храбрости. Приводя многіе примѣры этой храбрости Майделя, князь рельефно, съ свойственнымъ ему талантомъ, рисовалъ предъ нами, какъ въ пылу жаркаго боя, этотъ длинный нѣмецъ разъѣзжалъ предъ своими солдатами на огромной бѣлой лошади, служа отличною мишенью для вражескихъ пуль.

Впрочемъ, домъ Майделя былъ, такъ сказать, только основнымъ фономъ нашей Виленской жизни, по которому вышивались великолѣпные и разнообразные узоры. Если со стороны политической наше пребываніе тамъ не представляло ничего блестящаго, особенно для меня, вслѣдствіе пламенной любви, внезапно возгорѣвшей въ сердцѣ князя къ ловкому Пиленко, то со стороны общественной мы, по пословицѣ „катались какъ сыръ въ маслѣ“. Владиміръ Ивановичъ Назимовъ, быть можетъ слабый генералъ-губернаторъ, особенно для того начинавшагося смутнаго времени, но безспорно добрѣйшій и милѣйшій изъ людей, окружилъ насъ такимъ безпредѣльнымъ и почетнымъ вниманіемъ, о которомъ нельзя не сохранять самыхъ благодарныхъ воспоминаній. Начать съ того, что кромѣ его обычныхъ

пріемовъ, какъ начальника края, онъ давалъ собственно для насъ обѣды и вечера. Супруга его, красавица и въ то же время добрѣйшая женщина, а вслѣдъ за нею и его милыя дочери надѣляли насъ тоже самымъ плѣнительнымъ радушіемъ. Все это, конечно, не могло не отразиться на отношеніяхъ къ намъ всего Виленскаго міра. Извѣстно, что все человѣчество всегда поетъ въ тотъ тонъ, какой задаетъ старшій. Свита Назимова, состоявшая по обыкновенію изъ молодыхъ и блестящихъ людей, спѣшила наперерывъ дружиться съ нами и открывать предъ нами всѣ тѣ удовольствія, какими только могла располагать Вильна. Даже старые и заслуженные люди искали сближенія съ нами. Генералъ Циммерманъ, начальникъ штаба Назимова, знакомъ уже намъ былъ по Кавказу, и потому мы встрѣтились, какъ старые знакомые. Впрочемъ, особенному нашему сближенію съ нимъ препятствовало то обстоятельство, что онъ, въ служебномъ смыслѣ, находился съ нашимъ хозяиномъ Майделемъ, какъ говорится, „на ножахъ“. Комендантомъ въ Вильнѣ тогда былъ столь извѣстный въ старомъ Петербургскомъ военномъ мірѣ генералъ Девяткинъ, или Вяткинъ, страшно рябой господинъ, за что и называли его „Китайской Богородицей“. Я никогда не встрѣчалъ болѣе остроумнаго человѣка, но общее мнѣніе было не въ пользу его и называло его, ужъ не знаю за что и почему, дурнымъ человѣкомъ. Сей господинъ, несмотря на свои почтенныя лѣта, лѣзъ къ намъ въ самую интимную дружбу, разсказывалъ закулисныя тайны объ актрисахъ, молодился и вообще изображалъ изъ себя веселаго и милаго „шалуна“. Потомъ мы не могли отбиться отъ визитовъ генералъ-адъютанта Фролова, находившагося въ то время въ Вильнѣ въ какомъ-то званіи. При личныхъ свиданіяхъ онъ постоянно упрашивалъ насъ посѣтить его и познакомиться съ его дочерью... Но намъ сказали, что это страшнѣйшій игрокъ и заманиваетъ насъ единственно съ разсчетомъ обыграть. Такое предупрежденіе было причиною, что мы не воспользовались удовольствіемъ познакомиться съ его дочерью. Впослѣдствіи я встрѣчалъ Фролова въ Петербургскихъ клубахъ и вездѣ слышалъ одно и то же, что это самый злѣйшій игрокъ и что клубскія конторы постоянно возятся съ его не заплаченными проигрышами.

Въ Вильнѣ же мы узнали стараго Кукольника, брата Нестора, чрезвычайно грязнаго чудака и оригинала. Этотъ оригиналъ тоже былъ поэтомъ или считалъ себя таковымъ, и завалилъ меня страшными стихотворными драмами, которыя, быть можетъ, когда-нибудь и сдѣлаются извѣстными свѣту. Во всякомъ случаѣ къ брату своему и его таланту онъ относился свысока, и когда его спрашивали: „не братъ ли онъ Нестора Кукольника“—онъ высокомѣрно отвѣчалъ: „да! Несторъ мой братъ“!

Но трудно, да безполезно исчислять всѣ виленскія личности, съ которыми мы, волею-неволею, сближались, или, лучше сказать, которыя около насъ увивались. Мнѣ нужно выяснить только тотъ фактъ, что озаренные и здѣсь лучами славы и силы князя, мы, безспорно, были львами того сезона въ Вильнѣ. Все было къ нашимъ услугамъ. Назимовъ имѣлъ свою ложу въ театрѣ и отдалъ ее въ наше распоряженіе. Комендантъ имѣлъ свою ложу и поступилъ также. Директорская ложа, какъ-то сама-собой, поступила въ наше владѣніе, въ силу несомнѣннаго нашего могущества. Такимъ образомъ, мы сдѣлались какими-то хозяевами въ театрѣ. Директоръ представлялъ намъ репертуаръ послѣдующихъ представленій и измѣнялъ его согласно нашимъ указаніямъ и желаніямъ. Мы стали особенно апплодировать и покровительствовать одной, дѣйствительно даровитой, актрисѣ Пацевичъ, и вся молодежь бросилась дѣлать ей визиты и окружать ее толпою, когда она появлялась на прогулкѣ...

Виленскій театръ былъ въ то время плохой театръ по своему внутреннему устройству. Только и хороша была ложа генералъ-губернатора, убранная зеркалами, коврами и хорошею мебелью. Во всемъ остальномъ театръ значительно уступалъ по своимъ удобствамъ и убранству петербургскимъ балаганамъ Берга или Легата. Труппа была такъ себѣ, ни то, ни сё. Было нѣсколько артистовъ, довольно даровитыхъ, и въ числѣ ихъ, на первомъ планѣ, именно та Пацевичъ, о которой я выше упоминалъ; большинство, какъ, впрочемъ, и вездѣ, состояло изъ чистѣйшей дряни. Обыкновенно спектакль раздѣлялся на двѣ половины: въ первой давались какія-то длинныя польскія драмы, во второй русскія—комедіи и водевили. Играли, разумѣется, одни и тѣ же актеры. Объ исполненіи польскихъ драмъ я ничего сказать не могу, потому что ничего не понималъ. Впрочемъ, хорошаго, кажется, было мало, потому что во время этихъ польскихъ драмъ публика, видимо, дремала, да потому еще, что главный артистъ въ этихъ драмахъ, весьма красивый и молодой полякъ Лещинскій, не имѣлъ рѣшительно никакого таланта и разсчитывалъ возмѣстить его, какъ говорится, драматической „икотой“ и неистовыми криками. Что касается до русскихъ комедій и водевилей, въ которыхъ Лещинскій вовсе не участвовалъ, то онѣ шли весьма удовлетворительно, и мы хохотали до упаду, хотя польскій акцентъ актеровъ и актрисъ значительно вредилъ полнотѣ успѣха.

Столь же усердно, какъ театръ, мы посѣщали и виленскій клубъ. Виленскій клубъ имѣетъ свое отдѣльное зданіе, несравненно болѣе отвѣчающее своему назначенію, нежели театральное отвѣчаетъ своему. Въ этомъ клубѣ мы тоже были своими людьми, хотя, конечно, не въ той степени, какъ въ театральномъ мірѣ. Если и здѣсь окружали

насъ большею частію наши знакомые и пріятели, то случалось нерѣдко, что взоры наши встрѣчались со взорами, въ которыхъ свѣтилось что-то зловѣщее и крайне враждебное. Эти милые взоры принадлежали личностямъ, которыя и по костюму и по пріемамъ какъ будто говорили: „еще Польша не згинела“. Впрочемъ, мы незлобиво отворачивались отъ этихъ отвратительныхъ физіономій, предоставляя разговаривать и раздѣлываться съ ними мѣстнымъ властямъ, и искали тѣхъ удовольствій, которыя можно найти въ каждомъ клубѣ. Я уже говорилъ, что я былъ любителемъ бильярдной игры и на этомъ поприщѣ составилъ себѣ въ Вильнѣ репутацію сильнаго бойца. Со стороны кулинарнаго искусства виленскій клубъ для насъ, только-что перешедшихъ отъ царскихъ столовъ, представлялся слабымъ въ высшей степени. Ни одно изъ литовскихъ мѣстныхъ блюдъ не заслужило нашего одобренія. По винной части мы тоже не нашли ничего блестящаго. Венгерское, за которое мы платили по 12 руб. сер. за бутылку, по свидѣтельству моихъ товарищей, претендовавшихъ быть знатоками, оказалось такъ себѣ, по крайней мѣрѣ, не компрометтировало своимъ достоинствомъ свою высокую цѣнность. Не то было по части знаменитыхъ литовскихъ медовъ. Проба, произведенная нами въ этомъ отношеніи, представляла много комическаго. Мы съ благоговѣніемъ смотрѣли на поданную намъ, сѣдую и какъ-то обросшую, бутылку наидревнѣйшаго меда и заранѣе уже наслаждались предвкусіемъ, такъ сказать, этого нектара. Раскупориваніе этой бутылки производилось съ какими-то особенными предосторожностями и церемоніями. Первый Пиленко, какъ сильнѣйшій изъ насъ знатокъ, сдѣлалъ пробу, результатъ который мгновенно выразился самой уморительной гримасой, невольно нарисовавшейся на его умномъ лицѣ. Съ недоумѣніемъ, которое служило, такъ сказать, основнымъ фономъ этой гримасы, онъ передалъ бутылку сосѣду, который, послѣ своей пробы, повергнутъ былъ также въ безпредѣльное недоумѣніе. Очередь дошла до меня, и я долженъ сказать, что въ жизнь мою мнѣ не доводилось никогда пробовать такой отвратительной бурды. Между тѣмъ бутылка съ этой бурдой стоила 3 рубля. Мы тотчасъ рѣшили, что намъ дали меду испортившагося уже, и эту мысль заявили дворецкому клуба, ловкому поляку, оказавшемуся старымъ моимъ знакомымъ по тому, что онъ служилъ когда-то у князя Льва Витгенштейна, у котораго я его и видѣлъ. Дворецкій попробовалъ самъ этотъ странный напитокъ и объявилъ, что „это самый старый и самый превосходнѣйшій медъ!“ Мы улыбнулись и оставили въ покоѣ и дворецкаго съ страннымъ убѣжденіемъ, и литовскій медъ съ его непонятнымъ достоинствомъ.

„Вмѣсто того, чтобы разсказывать о такихъ пустякахъ, какъ те-

атры, клубы, да меда, вы лучше сказали бы намъ что-нибудь о политическомъ положеніи края въ то время, когда все предвѣщало наступившія вслѣдъ за тѣмъ бури!" можетъ замѣтить кто-нибудь изъ суровыхъ моихъ читателей. „Это правда", скажу и я, да я рѣшительно не имѣю ни средствъ, ни матеріаловъ для того, чтобы представить что-нибудь, дѣйствительно, интересное въ этомъ отношеніи. Слышали мы нерѣдко, какъ Назимовъ разсказывалъ, что онъ разругалъ такую-то депутацію, послалъ туда-то военный отрядъ и т. п.; но все это проходило мимо нашихъ ушей, не останавливая и не привлекая нашего вниманія. Посѣщая ежедневно театры, мы видѣли, что коридоры его постоянно были полны солдатами съ ружьями; равно какъ видѣли и то, что всѣ мѣста въ театрѣ занимались почти однѣми еврейскими физіономіями, а польскихъ порядочныхъ семействъ вовсе не было. На вечерахъ генералъ-губернатора намъ говорили, что вечера эти значительно обѣднѣли съ тѣхъ поръ, какъ на нихъ перестало являться польское общество, разъѣхавшееся по своимъ деревнямъ и вообще по всѣмъ концамъ земнаго шара. Въ знаменитомъ представленіи князя государю о перенесеніи столицы въ Кіевъ я читалъ тоже о предстоящихъ волненіяхъ въ западномъ краѣ, волненіяхъ, для устраненія которыхъ князь и предлагалъ свою оригинальную мѣру. Если ко всему этому присовокупить тѣ зловѣщія физіономіи, которыя мы встрѣчали въ клубѣ и на улицахъ, а также разсказы о различныхъ демонстраціяхъ, проявлявшихся уже въ городѣ и пока уничтожаемыхъ посредствомъ однѣхъ казацкихъ нагаекъ, то, конечно, предъ нами являлось достаточное количество данныхъ для того, чтобъ присмотрѣться ближе и серьезнѣе къ положенію края; но все это мы считали какъ-то до насъ не относящимся, тѣмъ болѣе, что никому изъ насъ, ни даже мнѣ, не приходила и въ голову мысль писать когда-нибудь свои записки. Если мы и видѣли какое-то усиленное и торжественное моленіе поляковъ въ своихъ великолѣпныхъ костелахъ, то смотрѣли на это преимущественно со стороны внѣшности, со стороны дароваго спектакля, со стороны пѣнія, музыки и хорошенькихъ женщинъ. Дѣйствительно, невиданный и истинно-великолѣпный спектакль представлялся намъ, когда часовня или галлерея, гдѣ помѣщался образъ знаменитой „Остробрамской" Богоматери, горѣла безчисленными огнями, когда изъ самаго храма, къ которому принадлежитъ эта галлерея, неслись стройные звуки соединенныхъ музыкальныхъ оркестровъ и пѣвческихъ хоровъ, и когда вся улица, ведущая къ этому храму и къ этой галлереѣ, на огромномъ протяженіи заставлена колѣно-преклоненнымъ народомъ и преимущественно женщинами, издали возсылающими свои мольбы къ лику Богородицы, озаренному свѣтомъ безчисленныхъ огней. Впослѣдствіи обнаружилось,

какого содержанія были эти моленія, продолжавшіяся, по случаю праздника Остробрамской Богоматери, нѣсколько дней, и всегда по вечерамъ; но, повторяю, въ то время на всѣ эти явленія мы смотрѣли исключительно съ точки празднаго любопытства. Если мы и могли уяснить себѣ, по отношенію къ странѣ, какой-либо фактъ, такъ только тотъ, что добрѣйшій Назимовъ, какъ правитель, чрезвычайно слабъ и что ему едва-ли управиться съ предстоящими обстоятельствами. И, дѣйствительно, обстоятельства эти скоро заставили поставить на мѣсто добраго Назимова свирѣпаго Муравьева, который не поцеремонился многихъ прогнать и подъ градомъ польскихъ проклятій такъ повернулъ круто дѣломъ, что поляки затихли и край признанъ „успокоеннымъ“.

XIII.

Передача Кавказа великому князю Михаилу Николаевичу.—Пріѣздъ великаго князя въ Вильну, на пути въ Варшаву.—Пріѣздъ великаго князя въ Вильну, на обратномъ пути.—Первые толки о передачѣ Кавказа великому князю.—Пріѣздъ въ Вильну графа Адлерберга для окончательныхъ переговоровъ съ княземъ Барятинскимъ, относительно назначенія великаго князя.—Приготовленія князя къ пріѣзду великаго князя въ Вильну, какъ новаго кавказскаго намѣстника.—Знаменитое письмо князя къ великому князю.—Придуманный княземъ оригинальный способъ аттестаціи кавказскихъ личностей.

Между тѣмъ время шло, князь, по-прежнему, то лежалъ, то сидѣлъ, а ночью занимался своими продолжительными бесѣдами то съ тѣмъ, то съ другимъ. Прежнимъ порядкомъ ежедневно получались отъ государя телеграммы съ вопросами о здоровьѣ князя и, разумѣется, также ежедневно отправлялись наши отвѣтныя телеграммы. Сочиненіе этихъ отвѣтовъ, при бѣдности и однообразіи предмета, становилось уже крайне затруднительнымъ. Князь требовалъ варіацій, и мы съ Пиленко изощрялись въ изобрѣтеніи этихъ варіацій.

Незамѣтно, однако, сталъ выдвигаться на сцену опять тотъ же вопросъ, который занималъ насъ такъ сильно въ Царскомъ Селѣ, вопросъ о томъ: „поѣдетъ ли князь на Кавказъ или не поѣдетъ“? Трудно сказать, изъ какихъ элементовъ возникъ, зародился, такъ сказать, этотъ вопросъ, а между тѣмъ онъ не только существовалъ, но и разростался. Когда дѣло находилось въ такомъ положеніи, въ Вильну пріѣхалъ великій князь Михаилъ Николаевичъ. Тогда говорили, что онъ ѣхалъ въ Варшаву на свиданіе съ братомъ, великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, тогдашнимъ варшавскимъ намѣстни-

*

комъ, и въ Вильну попалъ проѣздомъ. Послѣ говорили, что это былъ только предлогъ, но что онъ именно пріѣхалъ въ Вильну, для свиданія съ княземъ и переговоровъ съ нимъ вслѣдствіе задуманнаго имъ переворота. Я рѣшительно не имѣю никакихъ данныхъ, чтобы стать на ту или другую сторону. Я только недоумѣваю, какимъ образомъ могъ передать князь мысль объ этомъ переворотѣ въ Петербургѣ великому князю и, вѣроятно, самому государю. Что онъ ни разу не писалъ самъ государю во все время пребыванія своего въ Вильнѣ, это фактъ несомнѣнный. Кромѣ того, что онъ и не былъ въ состояніи писать, самое отправленіе письма никакъ не могло остаться для насъ въ неизвѣстности. Одно можно предположить, что эту миссію онъ возложилъ на великую княгиню Елену Павловну, личность дѣловую и способную принять участіе въ какомъ угодно государственномъ дѣлѣ.

Вообще, я бы скорѣе готовъ былъ отвергнуть мысль о нарочитомъ пріѣздѣ великаго князя Михаила Николаевича собственно для переговоровъ съ княземъ, если бы съ другой стороны меня не сбивали факты, потомъ обнаружившіеся. Факты эти положительно свидѣтельствуютъ, что до отъѣзда князя Барятинскаго изъ Петербурга у него была уже мысль о передачѣ Кавказа которому-либо изъ великихъ князей или изъ государственныхъ людей. Однимъ изъ надежнѣйшихъ по этой части фактовъ служитъ разговоръ со мной, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, добрѣйшаго князя Суворова, который, кажется, я приводилъ уже выше и который, по особенной оригинальности, приведу еще разъ, ниже, когда придется говорить именно о времени возвращенія моего изъ Вильны въ Петербургъ. Какъ бы то ни было, прибывъ въ Вильну, великій князь Михаилъ Николаевичъ посѣтилъ князя. Великій князь, дѣйствительно, отправился въ Варшаву, а вопросъ о томъ: поѣдетъ ли князь Барятинскій на Кавказъ или не поѣдетъ, неизвѣстно почему и отъ чего, усилился. Прошло немного времени, и великій князь, на обратномъ пути, опять пріѣхалъ въ Вильну. Въ этотъ пріѣздъ, сколько помню, онъ оставался здѣсь не одинъ уже день. Бесѣды его съ княземъ были чаще и продолжительнѣе. Въ чемъ онѣ состояли, конечно, никому изъ насъ не было извѣстно; но когда великій князь уѣхалъ въ Петербургъ—все говорило,—хотя никто не говорилъ, что князь Барятинскій передаетъ Кавказъ великому князю. Понятно, какое впечатлѣніе должно было произвести это обстоятельство на насъ, приближенныхъ князя, связавшихъ, такъ сказать, свою судьбу съ его положеніемъ.

Чтобы вѣрнѣе передать не только тревоги, испытанныя нами, но и всѣ явленія, происходившія въ этотъ замѣчательный для князя и для меня моментъ, а главное опять таки для того, чтобы какъ-нибудь

нечаянно не отступить и на волосъ отъ истины, я предпочитаю привести здѣсь подлинникомъ происходившую тогда между мною и женою моею, оставшеюся въ Петербургѣ, переписку. Держась этой нити, я буду дополнять эти письма къ женѣ и ея письма ко мнѣ тѣми обстоятельствами, которыя почему-либо не входили въ эту переписку, разумѣется, происходившую быстро, на скорую, такъ сказать, руку, переписку, которой никогда и не предназначалось занять мѣсто въ моихъ нескладныхъ запискахъ.

16-го ноября 1862 г. „Князь понемногу поправляется и дней черезъ двѣнадцать предполагаетъ отправиться въ дальнѣйшій путь. Путь этотъ будетъ направленъ на Тріестъ и обѣщаетъ дней двѣнадцать морскихъ сладостей".

24-го ноября. „Отъѣздъ нашъ все еще покрытъ мракомъ неизвѣстности, хотя князь, начавшій поправляться, назначаетъ его въ первыхъ числахъ декабря, тогда какъ съ другой стороны доселѣ еще не исчезли сомнѣнія относительно возвращенія его на Кавказъ. Продолжительныя его свиданія съ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ и другіе признаки заставляютъ предполагать, что не ему ли будутъ сданы, хотя временно, бразды кавказскаго управленія. Ты этого никому не говори, но прекрасно сдѣлаешь, если соберешь по этой части побольше петербургскихъ слуховъ, хоть чрезъ Харитонова, и сообщишь мнѣ. Князь чрезвычайно интересуется всѣми письмами, которыя получаются здѣсь изъ Петербурга. При скукѣ, которая его окружаетъ, ему все интересно. Во всякомъ случаѣ, если онъ не поѣдетъ на Кавказъ, то и мои отношенія къ нему (т. е. Кавказу), будутъ немедленно прекращены. Если должно открыться наше продолжительное и печальное путешествіе туда, я, быть можетъ, успѣю пріѣхать къ тебѣ на день. Харитоновъ два раза просился пріѣхать сюда. Князь никакъ не допускаетъ... Вильна надоѣла уже намъ сильнѣйшимъ образомъ, какъ и все надоѣдаетъ въ жизни, хотя, какъ я писалъ уже тебѣ, за нами здѣсь очень ухаживаютъ. Въ театрѣ постоянно, какъ и сегодня, напримѣръ, мы сидимъ въ генералъ-губернаторской ложѣ".

Здѣсь необходимо сдѣлать два поясненія. Во-первыхъ, князь, дѣйствительно скучая и зная, что у меня въ Петербургѣ оставалось семейство, постоянно спрашивалъ меня, что мнѣ пишутъ оттуда? Я отвѣчалъ, что, кромѣ писемъ отъ жены, я никакихъ извѣстій изъ Петербурга не имѣю.

— Что пишетъ вамъ жена? Если секретовъ нѣтъ—прочитайте!— сказалъ князь. Я прочиталъ, и князь былъ очень благодаренъ. Можно было думать, что тѣмъ дѣло и кончится. Не тутъ-то было. На другой же день, кажется, а быть можетъ черезъ день, князь вновь спрашиваетъ:

— Есть письма отъ жены?

— Есть, отвѣчалъ я.

— Прочитайте! продолжаетъ князь.

— Неудобно, ваше сіятельство!..

— Что за вздоръ? возражаетъ князь, — развѣ вы меня не знаете? Я начинаю читать, князь весело слушаетъ и изрѣдка только дѣлаетъ нѣкоторые вопросы или замѣчанія. Когда мнѣ приходилось встрѣчаться съ черезчуръ рѣзкими для князя вещами и я старался на-лету, такъ сказать, во время самаго чтенія, смягчить ихъ, князь замѣчалъ это и капризно говорилъ:

— Что вы тамъ сочиняете и пропускаете; читайте все!

Такимъ образомъ, всѣ послѣдующія письма моей жены прочитаны князю отъ слова до слова, несмотря на то, что въ нихъ заключались самыя жестокія истины для самого князя. Впрочемъ, я не могъ уже, если бы и хотѣлъ, не читать предъ нимъ письма моей жены, потому что князь, привыкшій къ срокамъ, въ которые они приходятъ, самъ требовалъ меня и спрашивалъ: есть письмо? отвѣчать, что „нѣтъ“ я никакъ не рѣшался, потому что это была бы ложь, вообще ненавидимая мною, а въ настоящемъ случаѣ и вредная для меня въ глазахъ князя, отъ прозорливости котораго она никакъ не могла бы укрыться. Кромѣ того, я и самъ признавалъ, что чтеніе это не только не могло быть вреднымъ, ибо князь былъ великодушенъ и, во всякомъ случаѣ не могъ не цѣнить мою откровенность, но даже приносило мнѣ ту пользу, что изображало мое личное положеніе въ такой широкой и энергической формѣ, какую я никакъ не могъ бы удержать при личныхъ моихъ съ нимъ объясненіяхъ.

Во-вторыхъ, Харитоновъ, какъ я сказалъ уже, при нашемъ отъѣздѣ, оставался въ Петербургѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы мы дѣйствительно ѣхали и пріѣхали въ Тифлисъ, то и онъ, рано или поздно, поплелся бы и приплелся бы туда съ своимъ семействомъ. Но когда въ Вильнѣ заварилась каша, то пребываніе его въ Петербургѣ сдѣлалось для его тщеславія чрезвычайно невыгоднымъ, такъ какъ онъ постоянно увѣрялъ всѣхъ, что онъ у князя правая рука. Между тѣмъ эта правая рука ничего не дѣлала и попусту болталась, когда въ Вильнѣ совершался великій переворотъ. Съ другой стороны, подъ вліяніемъ того же тщеславія, бросивъ уже финансовый департаментъ на Кавказѣ и сочинивъ себѣ какое-то оригинальное положеніе, „состоящаго при особѣ генералъ-фельдмаршала“ съ розовыми и поэтическими надеждами, что какіе бы перевороты ни произошли на землѣ, это положеніе не только спасетъ его, но и выдвинетъ впередъ, Харитоновъ сталъ сознавать глубину той истины, что „отсутствующіе всегда проигрываютъ“, и опасаться, что при совершеніи

виленскихъ затѣй, онъ будетъ совершенно забытъ и, чего добраго, останется на бобахъ. Подъ вліяніемъ этихъ тревогъ онъ постоянно бомбардировалъ меня телеграммами, въ которыхъ просилъ исходатайствовать позволеніе князя на пріѣздъ его въ Вильну. Телеграммы эти я докладывалъ князю и всегда встрѣчалъ самый суровый отпоръ. Князь приходилъ въ страшно раздражительное состояніе и начиналъ кричать: „Бога ради избавьте меня отъ нихъ. Они меня замучатъ. Они думаютъ только о своихъ дѣлахъ и интересахъ. Я нарочно разбросалъ ихъ въ разныя стороны, чтобы они мнѣ не надоѣдали. Напишите имъ, чтобы ждали моихъ приказаній. Я самъ ихъ вызову, когда найду нужнымъ“. Это представленіе многихъ личностей, собирающихся атаковать князя, принадлежало преимущественно болѣзненному его раздраженію. Впрочемъ, я забылъ, въ своемъ мѣстѣ и въ свое время, разъяснить исчезновеніе изъ нашего кружка Зиновьева, съ которымъ мы вмѣстѣ открыли путь изъ Петербурга. Дѣло въ томъ, что когда мы останавливались въ Вильнѣ, то князь поручилъ Зиновьеву ѣхать куда-то далѣе и ожидать насъ гдѣ-то. Я помню хорошо, какъ, по прибытіи въ Вильну, Зиновьевъ съ сердитымъ ворчаніемъ выбиралъ изъ княжескаго вагона свои вещи, какъ изъ военнаго полковника онъ тутъ же преобразился въ статскаго франта и какъ, распростившись съ нами, онъ съ тѣмъ же поѣздомъ отправился далѣе. Гдѣ онъ былъ, куда ѣздилъ, что дѣлалъ—все это оставалось намъ неизвѣстнымъ, хотя мы съ Пиленко и думали, что на него возложены были какія-нибудь порученія по романической части. Какъ бы то ни было, Зиновьевъ очутился потомъ въ Дрезденѣ и оттуда, дѣйствительно, просилъ позволенія пріѣхать въ Вильну. Такимъ образомъ Харитоновъ находился въ Петербургѣ, а Зиновьевъ въ Дрезденѣ. Какія были другія личности, отъ которыхъ я долженъ былъ защищать князя, осталось неизвѣстнымъ. Въ Харитоновѣ, между тѣмъ, несмотря на упорство князя, нисколько не охладѣло стремленіе пріѣхать въ Вильну. Выше, излагая исторію общества возстановленія христіанства на Кавказѣ, я упоминалъ уже, какъ кажется, что по этому дѣлу мы дѣлали изъ Вильны нѣкоторыя порученія въ Петербургъ Харитонову. Харитоновъ, не имѣя возможности пробиться въ Вильну прямымъ путемъ, вздумалъ было въѣхать туда на этихъ порученіяхъ. Въ одной изъ такихъ телеграммъ, излагая свои дѣйствія по этимъ порученіямъ, онъ прибавилъ, что для лучшаго разъясненія дѣла, онъ самъ выѣзжаетъ въ Вильну. Трудно изобразить то раздраженіе, въ которое привела князя эта прибавка. „Какъ онъ смѣетъ“? и т. п. кричалъ князь и самъ продиктовалъ ему въ отвѣтъ самую суровую депешу. Борьба эта кончилась тѣмъ, что когда передача Кавказа окончательно была рѣшена и когда ожидался третій и послѣд-

ній пріѣздъ въ Вильну новаго намѣстника великаго князя Михаила Николаевича, князь приказалъ послать Харитонову телеграмму съ столь нетерпѣливо ожидаемымъ имъ дозволеніемъ пріѣхать въ Вильну. Обращаюсь къ своей перепискѣ съ женою.

27-го ноября. Благодарю за письмо твое отъ 24-го ноября и за депешу. Очень буду рада твоему пріѣзду и начну ждать. Соображенія твои о Михаилѣ Николаевичѣ не были для меня новостью. Объ этомъ уже давнымъ давно слышу отъ всѣхъ, кого ни увижу; кто говоритъ, что онъ назначается, кто — что уже назначенъ. Получивъ твое письмо, я сейчасъ просила Харитонова пріѣхать ко мнѣ, чтобы узнать отъ него: что новаго? Онъ подтвердилъ то же самое. О назначеніи, т. е. предполагаемомъ, великаго князя, говоритъ весь Петербургъ, даже будто и Суворовъ и сами великіе князья, которымъ этого очень хочется; такъ мнѣ говорилъ Харитоновъ. Самъ же Харитоновъ зимой въ Тифлисъ безъ князя не поѣдетъ. Въ Петербургѣ про князя говорятъ разный вздоръ, что онъ заболѣлъ отъ того, что пьетъ. Говорятъ, что у него размягченіе мозга и что поэтому онъ сошелъ съ ума. Князь—главный предметъ общаго разговора, даже, когда пріѣдешь въ Милютины лавки, и тамъ Трапезниковъ (нашъ старинный знакомый, лавочникъ) спрашиваетъ меня про князя и сообщаетъ свои слухи. Неужели князь, въ такомъ болѣзненномъ положеніи, поѣдетъ въ Тифлисъ зимой? Тогда, конечно, возвращеніе князя будетъ гибельно. Вѣроятно, государь этого не допуститъ и запретитъ ему ѣхать. Дай Богъ, чтобы это сбылось. Если будетъ съ княземъ какая перемѣна, увѣдомь меня по телеграфу...

На томъ мѣстѣ, гдѣ говорится, что болѣзнь князя произошла отъ кутежа на свадьбѣ Д., князь прервалъ мое чтеніе вопросомъ:

— Что же это значитъ? Ужъ не считаютъ ли меня пьяницей?..

Я молчалъ.

— Ужели считаютъ?—настойчиво повторилъ онъ. Я отвѣчалъ:

— Есть что-то подобное.

— Возможно ли?—вскричалъ князь. Да вѣдь вы меня знаете двадцать лѣтъ! Есть ли тутъ что-нибудь похожее на правду?

— Потому-то я такъ смѣло и заявляю вашему сіятельству этотъ фактъ, что знаю васъ двадцать лѣтъ, и что нѣтъ ничего похожаго на правду...—отвѣчалъ я.

— Удивительное дѣло!—задумчиво замѣтилъ князь.

— Меня, напротивъ, удивляетъ,—сказалъ я, что обстоятельство это до сихъ поръ не доходило до вашего свѣдѣнія.

Князь помолчалъ нѣсколько минутъ и потомъ разсказалъ мнѣ извѣстный анекдотъ о томъ, какъ какой-то мужикъ являлся во дворецъ съ предложеніемъ лѣчить государя отъ запоя.

28-го ноября. Здѣсь готовятся важныя событія. Я думаю, что и для тебя уже не секретъ, что князь не поѣдетъ на Кавказъ и передаетъ свое намѣстничество великому князю Михаилу Николаевичу, предположеніе, сначала смутное и неопредѣленное, но теперь пріобрѣтающее положительную дѣйствительность. Въ два свиданія, которыя они имѣли здѣсь, установлены всѣ главныя основанія этого переворота и ожидается только утвержденіе государя. Государь увѣдомилъ телеграммой, что онъ посылаетъ сюда графа Адлерберга навѣстить князя, но онъ самъ и всѣ мы убѣждены, что графъ посылается сюда для окончательныхъ переговоровъ. Между тѣмъ, князь сильно занимается дѣлами и вопросами, къ передачѣ относящимися. Можешь представить, какое сильное вліяніе имѣетъ все это на мои отношенія къ князю и Кавказу. Между тѣмъ, по своему обычаю, онъ сталъ и ко мнѣ въ то положеніе, въ какомъ, помнишь, держалъ себя при отъѣздѣ нашемъ изъ Тифлиса, т. е. положеніе, лишающее меня возможности переговорить съ нимъ по этой части. Въ разговорахъ же съ другими онъ выражаетъ ту мысль, что онъ передастъ великому князю меня и Харитонова въ такомъ только случаѣ, если онъ согласится везти насъ туда же, куда онъ хотѣлъ везти; а куда именно— кто его знаетъ; вѣроятно, никуда! зная уже его лицемѣріе, нельзя не подозрѣвать, что все это пустыя, успокаивающія фразы, которыми онъ хочетъ мирно и благополучно отдѣлаться отъ насъ. Съ этою же цѣлью онъ и Харитонова не допускаетъ сюда, полагая, что онъ разсчитываетъ говорить именно объ устройствѣ личнаго своего положенія...

3-го декабря. До полученія твоего письма, князь имѣлъ уже со мной длиннѣйшее объясненіе, въ которомъ, сколько я ни старался держаться упорнѣйшимъ образомъ, но, какъ и всегда, былъ смятъ и разбитъ. Дѣло въ томъ, что какіе бы я виды ни имѣлъ, я долженъ, по его мнѣнію, ѣхать на Кавказъ. Различныя должности, на меня возложенныя, онъ не считаетъ важными въ отношеніи замѣны меня другими личностями. Для него особенно важно установленіе христіанскаго общества, въ которомъ онъ видитъ лучшій и величайшій памятникъ своего управленія и своихъ дѣйствій. Онъ думаетъ, что если меня не будетъ на Кавказѣ, памятникъ этотъ разрушится, и говоритъ, что я для „отечества“ долженъ туда возвратиться, хотя на непродолжительное время. Онъ говоритъ, что, считая меня болѣе своимъ семьяниномъ, т. е. принадлежащимъ къ его семьѣ, онъ въ правѣ просить меня сдѣлать ему эту услугу, что онъ всегда старался сдѣлать для меня, что можно, и сожалѣетъ, что не имѣетъ возможности осуществить вполнѣ мои виды, что, такъ какъ его еще не заколотили въ гробъ, то онъ всегда можетъ быть мнѣ полезнымъ; что

онъ имѣетъ на меня виды, быть можетъ лучше тѣхъ, какіе я самъ имѣю, но, что для исполненія ихъ, нужно выждать благопріятный моментъ и что для этого исполненія лучше будетъ, если и великій князь познаетъ мои таланты. Затѣмъ шла пространная рѣчь о томъ, какой я честный и благородный человѣкъ, какое у меня доброе сердце, и что все это составляетъ въ нынѣшнее время драгоцѣнную рѣдкость. Разумѣется, что я передаю тебѣ только сущность, а разговоръ былъ весьма продолжителенъ, при самомъ началѣ котораго я имѣлъ самое суровое настроеніе и твердую рѣшимость не поддаваться краснорѣчивымъ обольщеніямъ, ложь которыхъ ты давно и лучше меня поняла. Я очень энергически высказалъ, что я самъ о Кавказѣ никогда не думалъ, а что онъ стащилъ меня туда, что я старъ, протеревшись около него 20 лѣтъ, заискивать въ мои лѣта снова благорасположеніе великаго князя; что ему, болѣе чѣмъ кому-либо, извѣстны мои семейныя затрудненія, что всякому свое положеніе дорого и т. п.; но на каждое мое слово князь отвѣчалъ десятью. Дѣло остановилось на томъ, что на нѣкоторое время я долженъ возвратиться на Кавказъ и полагаю это время употребить не столько на поддержаніе княжескихъ памятниковъ, сколько на окончательное устройство тамъ своихъ дѣлъ. Упираться рѣшительно можетъ выйти скандалъ предъ княземъ и государемъ...

12-го декабря. „По телеграфу я уже обрадовалъ тебя, что не ѣду на Кавказъ. Князь ведетъ себя великолѣпно. Вслѣдствіе ли твоихъ писемъ, или собственнаго размышленія, онъ сказалъ мнѣ, что отступается отъ своего требованія, а чтобъ еще болѣе обезпечить мою будущность—даетъ мнѣ землю на Кавказѣ, о чемъ и предоставитъ великому князю испросить утвержденія государя. Быть можетъ, это и хорошо, особенно для дѣтей нашихъ; но на другой же день я просилъ его помочь мнѣ устроиться въ Петербургѣ, въ почтовомъ вѣдомствѣ, вслѣдствіе чего, безъ малѣйшаго затрудненія, онъ не только подписалъ заготовленныя мною бумаги Прянишникову и Буткову, но вызвался еще написать теперь же и Толстому, какъ всѣ говорятъ, будущему начальнику почтовому. Бумагами этими князь проситъ Буткова испросить, снесясь съ Прянишниковымъ, разрѣшеніе государя на опредѣленіе меня членомъ почтоваго совѣта съ сохраненіемъ получаемаго мною нынѣ содержанія, а Прянишникова проситъ поддержать это представленіе. Князь, кажется, никогда не былъ такъ силенъ, какъ теперь. Какія письма онъ получаетъ отъ государя—просто удивительно! Государь самъ спрашиваетъ: что онъ хочетъ сдѣлать для приближенныхъ. Дѣло, какъ видишь, отличное! Совѣтую тебѣ бросить на время всѣ твои хлопоты и постараться, чтобы какъ-нибудь оно не испортилось. Ступай сейчасъ же къ Гулькевичу, Буткову и Пря-

нишникову. Проси и не отставай! Скажи, что это дѣло между княземъ и государемъ, а они чтобъ только не портили. Я много писалъ сегодня и усталъ страшно... Но ты понимаешь, въ чемъ дѣло; надобно, чтобъ оно было кончено какъ можно скорѣе. Если князь уѣдетъ, или столкнется съ дѣломъ о пожалованіи земли — будетъ труднѣе. Что будетъ замѣчательнаго или годнаго — передавай по телеграфу..."

Это письмо было послѣднимъ моимъ письмомъ къ женѣ, которымъ и заключилась наша виленская корреспонденція! Какимъ же образомъ совершился переворотъ въ воззрѣніяхъ князя на мои отношенія къ Кавказу? На это отвѣчать трудно, хотя ни это превращеніе, ни всякія-другія внезапныя перемѣны въ мысляхъ и распоряженіяхъ своеобразнаго князя вообще не были нисколько удивительны. Нельзя, однако, сомнѣваться въ томъ, что при видимой холодности, съ которой онъ относился къ письмамъ жены моей, письма эти заронили въ его „кухню", какъ онъ называлъ свою умную голову, много искръ, которыя онъ затушить не могъ. Онъ не могъ не видѣть, не сознавать того факта, что своими настояніями онъ разрушаетъ мое семейное положеніе, а жену мою дѣлаетъ положительно несчастною. Между тѣмъ въ душѣ его, не чуждой лицемѣрія, не было рѣшительно никакой наклонности дѣлать кого-либо несчастнымъ. Если не по сердцу, то по уму—онъ въ основаніе всѣхъ своихъ дѣйствій всегда полагалъ великодушіе самыхъ широкихъ размѣровъ. Ему могло представиться и такое соображеніе: „ну, что если что-нибудь съ нимъ случится? Если заболѣетъ, умретъ тамъ! Что я тогда буду дѣлать съ этой ужасной барыней!" Однимъ словомъ, князю весьма естественно не было ничего пріятнаго принимать здѣсь какую-либо отвѣтственность и онъ могъ желать выйти по добру и по здорову съ умытыми руками изъ этихъ, повидимому, мелочныхъ, но тѣмъ не менѣе непріятныхъ столкновеній, что̀ подтвердилось совершенно послѣдующими обстоятельствами, среди которыхъ явилось новое и еще менѣе ожиданное превращеніе!

Какъ бы то ни было, но въ одно прекрасное утро, пригласивъ меня къ себѣ, князь началъ какимъ-то смѣшаннымъ тономъ, полусерьезнымъ и полушутливымъ, укорять меня, что я человѣкъ безхарактерный, что я нахожусь „подъ башмакомъ" у жены моей, что пляшу по ея дудкѣ и т. п. Я началъ было защищаться, доказывать, что какъ первоначальный мой переходъ на Кавказъ, сдѣланный совершенно противу желаній жены, такъ и продолжительное тамъ пребываніе, несмотря на всѣ ея протесты, говорятъ болѣе о моей твердости и самостоятельности, нежели о моей безхарактерности; но князь тѣмъ же тономъ прервалъ меня. „Что вы толкуете! Вы все хвастаетесь! Развѣ я не знаю. Будь я на вашемъ мѣстѣ, посмотрѣлъ бы я

на всѣ эти письма! Нечего оправдываться! Обабились вы — вотъ что! Ну, да нечего дѣлать! Видно, васъ не передѣлаешь!“ Затѣмъ князь сталъ говорить, какъ онъ любитъ меня, какъ цѣнитъ мои дарованія, какъ сожалѣетъ, что не имѣлъ ни времени, ни возможности осуществить вполнѣ тѣ виды, которые онъ имѣлъ относительно меня. „Повѣрьте,—продолжалъ онъ,—я лучше всѣхъ знаю, когда и что можно сдѣлать. Понукать меня вовсе не нужно. Ничего нѣтъ пріятнаго ни для меня, ни для васъ сунуться не во-время и получить носъ! Опахабимся оба и только! Надо выжидать удобные моменты и пользоваться ими!“ и т. п. Потомъ князь сказалъ: „вы знаете, что я выпросилъ у государя земли Крузенштерну, барону Николаи и Милютину. Я даю и вамъ землю и попрошу великаго князя доложить объ этомъ государю“... Вообще это объясненіе, разрѣшавшее меня отъ кавказскихъ узъ, исполнено было прежняго величайшаго благоволенія его ко мнѣ. Я разстался съ нимъ, полный радости отъ этого освобожденія, но столько же полный тревожныхъ недоумѣній: что я теперь буду дѣлать? Земля, которую мнѣ далъ князь, мало меня радовала. Вслѣдствіе своей поэтической наклонности увлекаться, а главное вслѣдствіе своей неопытности, князь смотрѣлъ на вопросъ о земляхъ далеко не практически...

Дѣло въ томъ, что въ Ставропольской губерніи были большія пространства земель, занимаемыя, такъ называемыми, кочующими народами. Когда вслѣдствіе какого-то страннаго и необъяснимаго религіознаго движенія между мусульманами — эти кочующіе народы двинулись въ Турцію, земли, занимаемыя ими, остались пустыми и свободными. Изъ этихъ-то земель князь и предпринялъ раздавать участки своимъ кавказскимъ сотрудникамъ. Первый кусокъ необъятныхъ размѣровъ захватилъ Евдокимовъ. Объ этихъ земляхъ ходили такіе толки, что это прелесть, золотое дно. И, дѣйствительно, со стороны почвы, земли эти оправдывали такую репутацію. Но дѣло въ томъ, что по недостатку тамъ населенія пользованіе ими представляло самые неудовлетворительные результаты. Начать съ того, что, при недостаткѣ рабочихъ силъ, обработка этихъ земель оказывалась затруднительною и дорогою. Если бы, впрочемъ, и рѣшиться на эту трудную операцію, то вслѣдствіе того же недостатка мѣстнаго населенія и отсутствія путей сообщенія, ведущихъ къ торговымъ пунктамъ, самый сбытъ сельскихъ произведеній, въ свою очередь, представлялся бы равно затруднительнымъ. Отъ тѣхъ же условій, т.-е. избытка земли и недостатка народонаселенія, происходило то, что и на выгодную сколько-нибудь продажу земель не было никакихъ надеждъ. Между тѣмъ князь зналъ только, что земля чрезвычайно доброкачественна и хлѣбородна, и на этомъ только основаніи полагалъ, что значительный участокъ

этой земли можетъ совершенно осчастливить человѣка. Само-собою разумѣется, что какъ ни былъ я благодаренъ князю за этотъ подарокъ, тѣмъ не менѣе не безъ основанія думалъ, что на одномъ участкѣ ставропольской земли далеко не уѣдешь...

Результатомъ этихъ соображеній было то, что поздно уже вечеромъ я набросалъ начерно двѣ бумаги Буткову и Прянишникову, о которыхъ говорится въ послѣднемъ письмѣ моемъ къ женѣ, и отдалъ ихъ писарю съ приказаніемъ приготовить ихъ къ завтрашнему утру. На другой день утромъ, явившись въ комнатахъ князя, я нашелъ, что гнусный писарь только-что принялся за эту работу и своею медленностью и безграмотностью угрожаетъ протянуть ее цѣлое утро. Между тѣмъ время было чрезвычайно дорого; еще дороже было то благотворное для меня настроеніе князя, въ которомъ онъ со мною разстался вчера. Съ негодованіемъ вырвавъ изъ рукъ писаря черновыя бумаги, я принялся самъ ихъ переписывать... Здѣсь неизлишне замѣтить два факта: первый тотъ, что часто отъ ничтожныхъ причинъ зависятъ большія дѣла; второй тотъ, что безпримѣрное счастье никогда меня не оставляло. Оба эти факта выразились въ настоящій моментъ самымъ рельефнымъ образомъ. Едва только успѣлъ я поставить послѣднюю точку, какъ князь потребовалъ меня къ себѣ. Съ мокрыми еще бумагами я вышелъ къ нему... Князь лежалъ еще въ постели. По лицу его можно было видѣть отличное его настроеніе. Зачѣмъ именно онъ звалъ меня, осталось неизвѣстнымъ, потому что, едва замѣтивъ въ моихъ рукахъ бумаги, князь живо спросилъ: „что это такое?“ Я отвѣчалъ, что, благодарный ему за все, я рѣшаюсь просить его подписать письмо Буткову съ приглашеніемъ поддержать меня при моемъ устройствѣ въ петербургскомъ чиновномъ мірѣ. Князь сказалъ: „дайте-ка, я прочту!“ Но мой почеркъ, вообще красивый, но крайне неразборчивый, особенно при той поспѣшности, съ которой я переписывалъ бумаги, представлялъ такія каракули, которыя недоступностью своею могли разсердить болѣзненно-капризнаго князя. Поэтому я отвѣчалъ князю предложеніемъ: не прикажетъ ли онъ мнѣ прочитать эти неразборчивыя бумаги? Князь шутливо отвѣчалъ: „ну, читайте! Да смотрите, вы прочитаете одно, а подписать дадите другое!“ Когда я кончилъ чтеніе, князь столь же благосклонно сказалъ: „ну, давайте сюда! Потрудитесь дать чернильницу и перо!“ И то и другое помѣщалось на маленькомъ столикѣ, стоявшемъ у изголовья князя. Перо я скоро нашелъ и подалъ князю; но чернильница была съ какими-то хитрыми пружинами; какъ я ни вертѣлъ ее, но никакъ не могъ отворить. Князь, съ перомъ въ рукѣ, насмѣшливо смотрѣлъ на мои тщетныя усилія. „Дайте сюда,—сказалъ князь,—„что это за человѣкъ! Ничего-то онъ не умѣетъ сдѣлать!“ Князь

открылъ чернильницу и подписалъ драгоцѣнныя для меня бумаги, которыя и создали мое петербургское положеніе. Не успѣй я кончить ихъ прежде момента, когда князь меня потребовалъ, однимъ словомъ, упусти я этотъ въ высшей степени благопріятный моментъ, я упустилъ бы и то блаженное состояніе, въ которомъ безпечально пребывалъ довольно продолжительное время.

Изъ предыдущей переписки нашей съ женой видно, что въ Вильнѣ ожидали прибытіе графа Александра Адлерберга, для окончательныхъ переговоровъ относительно передачи Кавказа великому князю Михаилу Николаевичу. Дѣйствительно, графъ пріѣзжалъ и оставался въ Вильнѣ двое сутокъ, если не ошибаюсь. Въ чемъ именно заключались эти окончательные переговоры, я положительно не знаю. Но совокупность различныхъ толковъ, въ то время происходившихъ, а равно и обстоятельствъ какъ того, такъ и послѣдующаго времени, даетъ основаніе предполагать, что едва-ли переговоры эти не сосредоточивались преимущественно на вопросѣ: временно или постоянно долженъ быть назначенъ великій князь кавказскимъ намѣстникомъ? Что, передавая Кавказъ великому князю, князь не думалъ въ этотъ моментъ разстаться съ нимъ окончательно, этому служитъ подтвержденіемъ множество обстоятельствъ, мелочныхъ отдѣльно, но именно въ совокупности своей имѣющихъ большое значеніе.

Послѣ отъѣзда графа Адлерберга началось ожиданіе пріѣзда въ Вильну великаго князя и приготовленіе различныхъ дѣлъ, вопросовъ и предметовъ, на которые старый намѣстникъ находилъ нужнымъ обратить особенное и ближайшее вниманіе новаго намѣстника. Въ числѣ этихъ приготовительныхъ распоряженій особенное мѣсто занимали: во-первыхъ, составленіе письма отъ князя Александра Ивановича великому князю, въ которомъ излагались главнѣйшія начала той системы, которой князь слѣдовалъ, при управленіи краемъ, въ дѣлахъ гражданскихъ и военныхъ, и во-вторыхъ, изготовленіе особенной и таинственной рекомендаціи великому князю наиболѣе значительныхъ лицъ, служащихъ на Кавказѣ.

Письмо великому князю составлено было совокупными трудами самого князя и Пиленко и затѣмъ предъявлено было мнѣ, по выраженію князя, какъ „генералу штиля“. Очень сожалѣю, что, нисколько не предвидя составленія моихъ записокъ, я не только не запасся копіею съ этого письма, но даже не усвоилъ въ своей памяти содержанія его. Нѣтъ сомнѣнія, что письмо это, въ которомъ князь излагалъ свои основныя идеи, представляетъ, въ отношеніи къ нему, несравненно лучшій памятникъ, нежели учрежденіе общества для возстановленія христіанства. По крайней мѣрѣ я хорошо помню и знаю, что великій князь, по возвращеніи въ Петербургъ, показывалъ это письмо и

государю и многимъ знатнымъ лицамъ, и о великолѣпномъ достоинствѣ этого письма ходили сильные и одобрительные толки. Между тѣмъ никогда между княземъ и мною не происходило такихъ ожесточенныхъ споровъ, какъ именно по поводу этого письма. Начиналось оно выраженіемъ радости князя, что край, который онъ такъ привыкъ любить почти съ дѣтства, переходитъ въ руки его высочества; потомъ князь говорилъ, что считаетъ долгомъ представить великому князю свою „исповѣдь“... Вотъ на этой-то исповѣди и загорѣлась наша война... Всѣ мѣста, которыя я находилъ нужнымъ измѣнить или исправить въ этомъ письмѣ, я подчеркивалъ карандашемъ и, разумѣется, эту „исповѣдь“ я подчеркнулъ прежде всего. Окончивъ чтеніе письма, я представилъ его съ своими отмѣтками князю. Князь сидѣлъ въ своемъ качающемся креслѣ и былъ въ чрезвычайно дурномъ расположеніи духа. Глаза его упали, прежде всего, на подчеркнутое мною слово „исповѣдь“, находившееся на первой страницѣ. Выше, разсказывая о первомъ письмѣ государю по Мингрельскому дѣлу, сочиненномъ княземъ вмѣстѣ съ Чертковымъ, а потомъ объ отчетѣ, сочиненномъ имъ вмѣстѣ съ Кишіани, я достаточно уже разъяснилъ, до какой степени князь былъ чувствителенъ къ нападкамъ на тѣ произведенія, въ которыхъ онъ или самъ участвовалъ или которыя удостоилъ уже своимъ одобреніемъ. Такъ точно было и здѣсь. Когда, повторяю, князь увидѣлъ подчеркнутое мною слово „исповѣдь“, онъ тотчасъ спросилъ: „что это такое“? Я отвѣчалъ, что, по моему мнѣнію, это слово лучше замѣнить другимъ. „Почему“? спросилъ князь. Въ этихъ короткихъ вопросахъ слышалось уже раздраженіе. Я сталъ объяснять, во-первыхъ, что исповѣдь относится къ дѣйствіямъ прошедшимъ, а не къ тѣмъ высшимъ государственнымъ воззрѣніямъ, которыя заключаются въ письмѣ и преимущественно имѣютъ видъ совѣтовъ и наставленій великому князю; во-вторыхъ, что если фельдмаршалъ и находитъ нужнымъ исповѣдываться въ своихъ государственныхъ дѣлахъ, то это можно сдѣлать только предъ государемъ; въ-третьихъ, что вообще слово „исповѣдь“ у насъ имѣетъ весьма тѣсное значеніе и въ бумагахъ, подобныхъ настоящей, вовсе неупотребительно. Князь вспылилъ страшно. Онъ сталъ доказывать мнѣ, что я совершенно ошибаюсь; что слово „исповѣдь“ нельзя понимать только въ смыслѣ исповѣди предъ попомъ и т. п. Потомъ сталъ объяснять, какъ понимаютъ слово „исповѣдь“ у французовъ и англичанъ, и вообще убѣждать меня, что мой взглядъ и мои убѣжденія совершенно невѣрны. Потомъ, сердито уничтоживъ мою карандашевую замѣтку, онъ перешелъ къ другимъ замѣчаніямъ, къ которымъ былъ уже гораздо снисходительнѣе и многія изъ нихъ принялъ.

Когда, по окончаніи обзора ихъ, князь передалъ письмо Пиленко для отправленія и переписки, я тотчасъ предложилъ Пиленко:

— Хотите пари?—Какое? спросилъ онъ.

— Такое, что слово „исповѣдь“ исчезнетъ изъ письма.

— Вотъ вздоръ! лѣниво замѣтилъ онъ.

— Хотите пари? настойчиво продолжалъ я.

— Если хотите проиграть непремѣнно—извольте! отвѣчалъ онъ.

Пари состоялось, ужь не помню какого содержанія и какой цѣнности. Надобно замѣтить, что это достопамятное письмо, вслѣдствіе какого-то болѣзненнаго стремленія князя передѣлывать по сто разъ работу, къ которой онъ прицѣпился, также передѣлывалось безконечное число разъ. Каждый разъ князь требовалъ, чтобы передѣланное письмо предъявлялось „генералу штиля“. Каждый разъ, прочитавъ передѣланное письмо, я подчеркивалъ карандашемъ слово „исповѣдь“. Каждый разъ князь молчаливо уничтожалъ эту замѣтку, при чемъ и я, разумѣется, молчалъ. Послѣ нѣсколькихъ повтореній этого маневра, князь вновь встрѣчаетъ мою неотвязчивую отмѣну. Я говорилъ также, что князь уважалъ настойчивыя убѣжденія. Онъ какъ будто сознавалъ, что если человѣкъ такъ сильно и отважно упирается, значитъ, тутъ есть что-нибудь серьезное. Встрѣтивъ, быть можетъ, въ десятый разъ ту же замѣтку, князь остановился, задумчиво посмотрѣлъ на меня и на Пиленко и потомъ, обращаясь къ нему, сказалъ:

— Знаете ли что? Онъ рѣшительно ошибается и не понимаетъ настоящаго значенія слова „исповѣдь“. Онъ думаетъ, что исповѣдуются только великимъ постомъ, въ грѣхахъ, предъ попомъ. Но дѣло въ томъ, что если онъ ошибается, то и другіе могутъ также ошибаться; если онъ такъ думаетъ, то вѣроятно и большинство такъ думаетъ. Въ самомъ дѣлѣ не замѣнить ли намъ это слово?

Когда князь опять сталъ задумчиво смотрѣть въ бумагу, я тотчасъ сдѣлалъ Пиленко носъ, давая тѣмъ знать, что пари выиграно мною. Чрезъ нѣсколько секундъ князь снова взглянулъ на Пиленко и снова спросилъ:

— Какъ вы думаете! Видимо, князю тяжело было сдаваться. Пиленко отвѣчалъ:

— Какъ прикажете, ваше сіятельство!

Князь помолчалъ еще нѣсколько секундъ и сказалъ уже рѣшительно:

— Да, перемѣните!

Что касается до аттестаціи служащихъ на Кавказѣ, то здѣсь справедливость требуетъ признать за княземъ безспорный талантъ изобрѣтательности. При множествѣ лицъ, о которыхъ предстояло говорить, было бы затруднительно въ высшей степени разсказывать достоинства и недостатки каждаго обычнымъ письменнымъ порядкомъ.

Для этого надо бы исписать томы. Еще большее неудобство заключалось въ томъ, что въ такомъ случаѣ мнѣнія князя о каждой личности сдѣлались бы извѣстными вслѣдствіе самаго процесса переписыванія и перечитыванія его отзывовъ, а этого ужь онъ никакъ не могъ желать во всякомъ случаѣ, а тѣмъ болѣе, если дѣйствительно разсчитывалъ, рано или поздно, возвратиться на Кавказъ и снова дѣйствовать среди тѣхъ же самыхъ личностей. Такимъ образомъ предстояло изобрѣсти такой способъ, посредствомъ котораго можно было бы, кратко, но подробно, а главное таинственно изобразить какъ достоинства, такъ и недостатки каждаго. Князь и изобрѣлъ, съ необычайнымъ успѣхомъ, именно такой способъ.

Онъ составилъ особую таблицу, гдѣ каждая цифра означала непремѣнно достоинство или недостатокъ. Напр., цифра 1: значило „уменъ“; цифра 2: „глупъ“; цифра 3: „храбръ“; цифра 4: „не благонадеженъ“; цифра 5: „болтунъ“; цифра 6: „съ придурью“ и т. д. Я ужъ не помню, сколько именно было этихъ цифръ, соотвѣтствующихъ различнымъ свойствамъ человѣка; помню только, что ихъ было много. Князь видимо желалъ опредѣлить и малѣйшіе оттѣнки. Такъ напр. свойство: „болтунъ“ и „съ придурью“ дѣйствительно находились въ этой остроумной таблицѣ. Такимъ образомъ, посредствомъ этихъ цифръ, князь обрисовывалъ человѣка со всѣхъ сторонъ. Напр., ему нужно опредѣлить свойства Инсарскаго; онъ и ставитъ противъ его имени: 2, 3, 4, что и означало: глупъ, храбръ, не благонадеженъ. Однимъ словомъ, онъ ставилъ противъ имени каждаго столько цифръ, сколько желалъ опредѣлить въ немъ отличительныхъ свойствъ. Долговременное знакомство съ Кавказомъ и особенная способность изучать личности давали князю полную возможность составить, относительно высшихъ лицъ, которыя находились съ нимъ въ прямыхъ сношеніяхъ, самую вѣрную о каждомъ аттестацію. Въ особенности личности военнаго міра были весьма хорошо ему извѣстны. Гражданскій міръ былъ ему менѣе извѣстенъ, и потому онъ счелъ нужнымъ пересмотрѣть вмѣстѣ со мною кавказскій календарь и о многихъ личностяхъ спросить моего мнѣнія.

Заготовивъ знаменитое письмо великому князю и свою оригинальную аттестацію служащихъ на Кавказѣ и вооружившись отдѣльными записками по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ, князь сталъ ожидать прибытія великаго князя...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Русская жизнь XVIII в. по романамъ и повѣстямъ.

Не разъ указывалось нашей научной критикой, что для характеристики быта той или другой эпохи опасно пользоваться матеріаломъ, извлеченнымъ изъ произведеній изящной литературы; мнѣ самому пришлось высказаться по этому вопросу въ такомъ же смыслѣ [1]), но такое подозрительное отношеніе къ изящной литературѣ отнюдь не должно распространяться на всѣ ея виды: опасно увлекаться обобщеніемъ фактовъ, извлеченныхъ изъ сатирическихъ или публицистическихъ произведеній—словомъ, изъ твореній тенденціозныхъ, въ которыхъ авторъ намѣренно подчеркиваетъ тѣ или другія стороны жизни, освѣщая ихъ со своей точки зрѣнія. Но есть цѣлый рядъ произведеній, въ которыхъ нѣтъ этой тенденціозности, въ которыхъ дѣйствительность служитъ только фономъ, на которомъ развертывается жизнь героевъ; часто въ такихъ произведеніяхъ эта дѣйствительность вторгается въ произведеніе, словно незамѣченная самимъ авторомъ, все вниманіе котораго устремлено на героя или героиню. Съ подобнымъ отношеніемъ къ дѣйствительности встрѣчаемся мы въ повѣсти и романѣ XVIII вѣка. Тамъ же встрѣчаемъ мы произведенія, мало отличающіяся отъ „мемуаровъ“. Гете назвалъ подобную автобіографію, переходящую изъ записокъ въ романъ „Wahrheit und Dichtung“. Подобными произведеніями можно пользоваться, какъ обыкновенными записками, но, разумѣется, дѣло историка сумѣть разобрать, гдѣ кончается Wahrheit, гдѣ начинается Dichtung. Впрочемъ, подобную же работу приходится продѣлывать и тогда, когда имѣешь дѣло съ обыкновенными „записками“.

Никто, конечно, не будетъ извлекать матеріаловъ для исторіи общества изъ романовъ Гоголя, Тургенева, Толстого и др.,—но всякій историкъ долженъ знать этихъ писателей, которые въ своихъ поэти-

[1]) Въ критическомъ разборѣ сочиненія Ив. Ив. Иванова: „Политическая роль французскаго театра“ (Ж. М. Н. Пр. 1896 г.).

ческихъ фикціяхъ отразили правдиво настроеніе разныхъ слоевъ русскаго общества XIX вѣка. Въ болѣе выгодномъ положеніи окажется историкъ, когда заглянетъ въ русскій романъ XVIII вѣка: тамъ не найдетъ онъ той художественной переработки дѣйствительности XIX вѣка, тамъ эта дѣйствительность предстанетъ еще „сырьемъ", въ видѣ анекдотовъ, выхваченныхъ изъ жизни, въ видѣ бытовыхъ сценъ, въ видѣ несомнѣннаго пересказа видѣннаго и слышаннаго. Матеріалъ этотъ очень богатъ, представляетъ большую цѣнность своей колоритностью и изумительной всесторонностью, равно захватывающей жизнь города и деревни, жизнь вельможи, дворянина, чиновника, купца, церковника, солдата и офицера и простаго мужика. Цѣль настоящей работы и есть ознакомить русскаго читателя со всѣмъ тѣмъ пестрымъ матеріаломъ, который можно извлечь изъ русскаго романа и повѣсти XVIII вѣка. Взятый изъ разныхъ произведеній, въ отрывкахъ разной величины, этотъ матеріалъ, само собою разумѣется, въ общемъ будетъ отличаться и пестротой, безсистемностью и неравномѣрностью. Тѣмъ не менѣе, историкъ русской жизни XVIII вѣка найдетъ здѣсь не мало живыхъ, правдивыхъ картинъ, не мало яркихъ образовъ, набросанныхъ безъ того субъективизма, которымъ отличаются сатирики и моралисты.

Полнѣе всего, какъ и слѣдовало ожидать, представлена жизнь дворянства. Матеріалъ по этому вопросу романами дается самый пестрый; несомнѣнно, такова была и сама жизнь: слишкомъ много въ ней было противорѣчій,—грубая старина на каждомъ шагу сталкивается съ той легкомысленной новизной, которая, въ липѣ щеголей и вольтерьянцевъ, была результатомъ налету схваченной цивилизаціи. Кромѣ того, въ жизни тогдашняго дворянства, очевидно, сталкивались вліянія городской жизни съ традиціями деревенской, сталкивалась аристократія съ дворянствомъ, иногда далеко не родовитымъ. Всѣ эти элементы русскаго дворянства въ разной степени отразились въ романѣ, и изъ этихъ отраженій создается, въ общемъ, живая и назидательная картина.

Не мало говорится въ романахъ о „воспитаніи юношества". Конечно, воспитаніе это оказалось самымъ разнообразнымъ въ зависимости отъ условій домашней жизни и принадлежности къ тому или другому разряду дворянства.

Во многихъ домахъ, по старинному русскому обычаю, отдавали ребенка на руки „мамѣ", вдовѣ разумной, которая умѣла различать, кричитъ ли дитя отъ нужды, болѣзни или своеволія („*Сказка о царе-*

вичъ Февей"); затѣмъ онъ переходилъ въ руки дядьки. (Тамъ же). Но то, что давало хорошіе результаты въ однѣхъ семьяхъ (*Гонимая невинность*, 9—10), то приводило къ дурнымъ результатамъ въ другихъ, гдѣ, или слишкомъ баловали дѣтей (*Похожденіе Ивана Гостинаго сына*, 5), или совершенно пренебрегали или, какъ примѣръ неудачнаго выбора „мамы" и нерадивости родителей, можно привести разсказъ о первыхъ годахъ жизни одного изъ героевъ.

„самая толстая и самая глупая была выбрана изъ всѣхъ крестьянокъ для вскормленія господскаго сына грубыми своими сосцами, отъ которыхъ былъ для сего отнятъ недѣльный еще ея сынъ".

„Она часто ниспускала на его лядвія тяжелые удары своей десницы, когда онъ кричалъ, но онъ ее болѣе любилъ, чѣмъ мать, отъ которой отворачивался" (*А. Измайловъ, Евгеній*, 7).

Примѣръ родителей, не стѣснявшихся присутствіемъ дѣтей, иногда губительно отражался на нихъ, напримѣръ:

ребенокъ, подражая старшимъ, сталъ пить; сначала надъ этимъ родители смѣялись, потомъ стали запрещать. Онъ сталъ пить тайкомъ (ibid. 73—74).

„Десяти лѣтъ я могъ, выпивши стаканъ водки, стоять на ногахъ твердо и не имѣть даже вида пьянаго" (ibid., 74).

Во многихъ богатыхъ домахъ дѣтей баловали, тамъ воспитаніе было самое безалаберное. Такъ, у одного героя было всегда много игрушекъ, сластей

„болѣе десяти нянюшекъ, мамушекъ и ихъ дѣтей. Иные сказывали ему любопытныя повѣсти о чертяхъ и прекрасныхъ царевнахъ, другіе забавляли разными играми; тѣ крали у него конфекты, тѣ игрушки. Онъ часто улыбался и выучивался у нихъ бранить, какъ ихъ самихъ, такъ и всѣхъ тѣхъ, кто его, хоть мало, разсердилъ. Г. Негодяева хохотала съ радости по цѣлой четверти часа, когда онъ, нахмуря брови и топая объ полъ ногою, называлъ ее въ глаза дурою и свиньею!" (ibid. 9).

Въ результатѣ такого воспитанія рано складывается духовный характеръ:

Евгенію исполнилось шесть лѣтъ. Онъ выучился самъ собою изрядно рѣзвиться, недурно играть въ дурачки и въ жмурки со своими подчиненными, жаловаться на нихъ и плакать, когда хотѣлъ (ibid).

„Когда онъ началъ уже ходить и говорить, то ему сшили на его ростъ гвардейскій мундиръ, украшенный на обшлагахъ тремя блестящими золотыми галунами, и прежде, нежели еще его выучили молиться Богу, твердили ему безпрестанно, что онъ дворянинъ и сержантъ гвардіи... „Ты — сержантъ, душенька",—говорила ему мать съ нѣжною улыбкою, когда онъ бывалъ въ мундирѣ.—„Я сер-жан-тъ, — повторялъ онъ запинающимся языкомъ и, казалось, столько же тщеславился симъ титломъ, какъ и его родительница" (8, ibid.).

Хлопоты о зачисленіи въ воинскую службу ради чиновъ начинались рано.

„Г. Негодяевъ на другой день родинъ, сѣвши возлѣ постели своей жены, сталъ говорить ей такъ: „когда же, матушка, окрестить новорожденнаго, и кто у насъ будетъ кумою и кумомъ!..“

„Постой, папинька,—отвѣчала она,—надобно намъ съ тобою прежде еще подумать о томъ, какъ бы его записать въ гвардію... Послушай-ка, отпиши къ кому-нибудь въ Петербургъ, чтобы его поскорѣе сдѣлали сержантомъ!“

„Хорошо, матушка, хорошо; я напишу къ одному гвардейскому капитану, котораго деревня у меня въ закладѣ, чтобы онъ выхлопоталъ ему сержантскій чинъ, и прислалъ бы къ намъ на оный паспортъ!“ (ibid., 5).

„Когда родительница принимала поздравленія съ разрѣшеніемъ отъ бремени, говорила всѣмъ съ улыбкою восхищенія: „у меня ужъ сынокъ сержантъ гвардіи“ (ibid., 6).

Если одни относились нерадиво къ воспитанію дѣтей, то другіе портили дѣло излишними стараніями, при полномъ неумѣніи взяться за дѣло. Такъ, въ воспитаніи одной дѣвицы приняли всѣ участіе и разошлись.

Мать заботилась о кротости, хотѣла „посѣять сѣмена кротости: сіе доказывала богословіею“. Тихонравова хотѣла Неонилу пріучить къ „геройству, почему говорила съ дитятею о великолѣпіи и щегольствѣ“. Учитель требовалъ воспитывать такъ, чтобы „природныя способности имѣли возможность развиться“.

„Я, напротивъ того, почитала нужнымъ расположить ученіе такимъ образомъ, чтобы дитя само могло разсуждать о худомъ и хорошемъ. (*Неонила, 10*).

Большинство, слѣдуя модѣ, отдавали своихъ дѣтей на руки чужестранцевъ-наемниковъ, не разбирая ихъ душевныхъ качествъ. Въ нѣсколькихъ повѣстяхъ приведены ихъ подробныя біографіи. Такъ, напримѣръ, одинъ дядька-французъ,

„за неуплату нѣкоторыхъ долговъ по забору алмазныхъ вещей для украшенія преданныхъ ему особъ изъ прекраснаго женскаго пола, принужденъ претерпѣть такія грубости, коимъ онъ довольно надивиться не могъ въ разсужденіи той вѣжливости, которою французскій народъ отличается отъ всѣхъ народовъ“ (*Кривонос, 20*).

Въ другой семьѣ выборъ гувернера оказался тоже случайнымъ.

„Мать, будучи у модной торговки Розетты, по ея рекомендаціи, взяла ея земляка monsieur le Pendard. Жалованья 500 р. въ годъ, готовый столъ, карета и услуга; онъ хорошо говорилъ по-французски, одѣвался щеголевато, кланялся съ пріятностью, отецъ его былъ честный типографщикъ, скончавшій недавно свою жизнь въ тюрьмѣ за печатаніе пасквилей. По смерти его, оставшись онъ лѣтъ четырнадцати, былъ взятъ изъ человѣколюбія въ услуги содержателемъ одного вольнаго дома и выгнанъ изъ онаго черезъ нѣсколько времени за дѣтскую шалость“. — Тогда онъ поступилъ въ военную службу. „Въ семъ новомъ званіи бывалъ на многихъ сраженіяхъ въ различныхъ шинкахъ—и въ самыхъ верхнихъ этажахъ, гдѣ жили не стихотворцы, и гдѣ онъ свелъ знакомство съ Розеттою. Проходилъ неоднократно сквозь длинные ряды своихъ собратій, вооруженныхъ длинными прутьями, и въ знакъ геройскихъ подвиговъ имѣлъ у себя на плечѣ литеру V. Бывши въ ротѣ строгаго капитана

и пожелавъ путешествовать, оставилъ онъ, наконецъ, инкогнито военную службу вмѣстѣ съ своимъ отечествомъ" и пріѣхалъ въ Россію, „гдѣ не малая часть большаго дворянства давала у себя въ домахъ убѣжище ему подобнымъ и въ которой нашелъ онъ по счастливому случаю прежнюю свою пріятельницу г. Розетту (*Евгеній, 11*).

Такъ, одного героя воспитывалъ французъ Шевалье-де-Жуа и кончилось воспитаніе очень плачевно. Богатый юноша былъ окруженъ льстецами. Началось мотовство; бѣднымъ не помогалъ, зло относился къ людямъ гонимымъ, сдѣлался извергомъ.

(*Н. Эминъ, Игра судьбы*, 67—69. Спб., 1789 г.).

Другаго юношу гувернеръ воспитывалъ такъ:

„весьма рачилъ объ образованіи его вкуса и наставленіи во всемъ томъ, что только могло приличествовать знаменитости его рода и состоянія, какъ-то: „пренебреженіе отечественнаго языка, искусное шарканье, шить по дюжинѣ паръ платья въ мѣсяцъ, черезъ портныхъ, выписывающихъ прямо изъ Парижа и Лондона товары, неуваженіе гражданскихъ и священныхъ законовъ, обращеніе въ смѣхъ всего, что почитается народомъ, приноровленіе ласкательства къ мѣсту, лицамъ и обстоятельствамъ, свѣдѣнія игръ, служащихъ провожденіемъ времени благородныхъ особъ, забвеніе и имени хозяйства и домоводства, замѣчаніе всѣхъ происшествій въ тѣхъ домахъ, гдѣ водятся красноперыя птички, и страсть къ путешествію во Францію для наслажденія пріятною жизнью и истощенія тѣлесныхъ силъ.

Въ пансіонахъ дѣло воспитанія обстояло не лучше: героя, который былъ прилеженъ—ученики ругали и обижали, такъ какъ „мода" требовала, чтобъ никто ничего не дѣлалъ и всѣ безобразничали, (*Кривонос*ъ, *Домосѣдъ*, 21—22). Конечно, результаты такого воспитанія были не велики.

„Въ теченіе двухъ лѣтъ Евгеній выучился нѣсколько лепетать на французскомъ языкѣ, и уже могъ на немъ называть въ глаза дураками тѣхъ, которые онаго не разумѣли" (*Евгеній*).

На-ряду съ такимъ баловствомъ дѣтей, встрѣчаемъ мы и грубое съ ними обращеніе.

Родитель мой былъ нраву жестокаго и грубаго; сперва меня словесно побранивалъ, а послѣ наказывалъ, ставилъ на колѣни на насыпанный горохъ, крупный песокъ и очень сѣкъ розгами (*Ев. Новиковъ: Похожденіе Ивана Гостинаго сына*).

Не лучше дѣло обстояло и въ тѣхъ домахъ, гдѣ отдавали дѣтей на руки россійскихъ педагоговъ, такъ какъ и на нихъ останавливались безъ строгаго выбора. Одинъ папаша, желая хорошо воспитать дѣтей, по ошибкѣ нанялъ изъ перваго трактира лучшаго маркера. (*Друковцевъ. Сава*).

Другой воспитывался у дьячка, который содержалъ цѣлый пансіонъ. Однажды онъ поругался съ товарищемъ:

„онъ меня выбранилъ; я почелъ сіе за невозможное снести отъ такого щенка, хотя и самъ какъ разумомъ, такъ и лѣтами его не превосходилъ; осердясь на то, ухватилъ обѣими руками его за ухо такъ плотно, что, когда онъ думалъ отъ меня избавиться и рванулся, то его ухо осталось въ моихъ рукахъ“ (*Зубоскалъ, 2*).

„Другой герой выросъ въ конопляникѣ, о хорошемъ понятіи имѣть было не отчего. Учитель его былъ деревенскій дьячокъ, который упражнялся больше въ кражѣ лошадей, нежели въ познаніи самого себя“ (*Чулковъ. Русск. сказки, IV, 119*).

Въ другой семьѣ начало образованію положилъ священникъ, потомъ ребенокъ перешелъ къ какой-то „благоразумной“ женщинѣ и, наконецъ, къ писарю. (*Похожденіе россіянина*, 6).

„Русскому языку училъ его священникъ, приходскій священникъ, человѣкъ недостаточный, но хорошаго поведенія и хорошихъ свѣдѣній, приходилъ по желанію г. Негодяева каждую недѣлю два часа для наставленія его сына въ познаніи буквъ и катихизиса, получалъ за свои труды время отъ времени попорченный деревенскій запасъ въ маломъ количествѣ“.

Евгеній не могъ терпѣть церковной печати и густой бороды своего учителя (*Евгеній, 13*).

Въ провинціальной глуши были, впрочемъ, еще семьи, которыя даже такихъ педагоговъ дѣтямъ своимъ не давали. Въ результатѣ выходили совершенные Митрофаны. Такъ, напримѣръ, одинъ—

Не учась никогда, „имѣлъ короткія обхожденія съ лакеями, сдѣлался сущимъ невѣждою“ (*Софья, 210*).

Другой россійскій юноша-дворянинъ—

„ходилъ всегда неряхою, въ замаранномъ овчинномъ тулупѣ, и, шатаясь по двору, часто игралъ съ ребятами въ бабки, кричалъ ночью филиномъ и пугалъ старухъ, которыя летали отъ него часто съ высокой нашей лѣстницы. Возглашалъ пѣтухомъ, которымъ искусствомъ разбуживалъ сосѣдскихъ куръ; перенималъ, какъ кричатъ утки и, словомъ, дѣлалъ всякія шалости, какія только начальный изъ дураковъ выдумывать можетъ“ (*Русскія сказки, I, 25*).

Онъ же „надѣвалъ нерѣдко крестьянское платье и расхаживалъ въ немъ по морскому рынку. Ходилъ также въ харчевни, гдѣ заводилъ непосредственно малыя драки и таскалъ нарочито своего брата для того, что храбрость его надъ нимъ только имъ оказывалась (ibid).

Изъ кушаній этотъ молодой дворянинъ

„радовался ржаному хлѣбу, такъ какъ дядино кушанье ему не казалось, потому что онъ не зналъ въ немъ вкусу и всегда говорилъ, что сдѣлано оно попѣмецки и казалось ему приторнымъ“ (ibid. 89).

Очень живо въ одномъ романѣ изображается французскій пансіонъ XVIII вѣка, его нравы и обычаи.

За 400 рублей въ годъ мальчикъ былъ отданъ въ пансіонъ г. Эзельмана. Это былъ

„человѣкъ умный и пожилой, который безпрестанно занимался куреніемъ

табака и своими выгодами. У нихъ до 100 воспитанниковъ и воспитанницъ. Г. Эзельманъ зналъ ихъ всѣхъ поименно, ласкалъ изъ нихъ тѣхъ, которые ему платили болѣе прочихъ и, глядя на нихъ, всегда улыбался".

„Географія, исторія, ариѳметика, рисованіе, танцованіе и языки составляютъ единственные предметы ученія во всѣхъ пансіонахъ. Безмѣстный студентъ, оставившій семинарію, ходилъ въ вывороченномъ байковомъ сюртукѣ къ господину Эзельману каждую субботу, показывалъ русскую грамматику. Французскій языкъ преподавался г. Жасминомъ, получавшимъ передъ симъ года за два себѣ пропитаніе и славу отъ одной гребенки. Нѣмецкій языкъ преподавался г. Эзельманомъ, который въ своемъ отечествѣ, Германіи, содержалъ болѣе пятнадцати лѣтъ шинокъ въ одной небольшой деревнѣ. Другіе учителя тоже никуда не годны. „Нельзя не упомянуть съ похвалою о господинѣ Коверкинѣ. Сей великій мужъ, обучавшій танцованію воспитанниковъ г. Эзельмана, имѣлъ камергерскую осанку, произошелъ на свѣтъ отъ ловкой театральной танцорки и одного князя, прославившагося своими ногами" (*Евгеній, 19—20*).

Нравы въ этомъ пансіонѣ были веселые:

„Свободное отъ трудовъ время Евгеній отдавалъ съ товарищами на „разныя невинныя, дѣтскія игры" (игра въ банкъ, пуншъ), въ пенсіонѣ читали только на французскомъ языкѣ „Тысячу и одну ночь", а на русскомъ письменныя сочиненія того поэта, который въ храмѣ Бахуса составлялъ стихи въ честь Пріапу (ibid., 25).

Каждую середу и субботу всѣ пансіонеры и пансіонерки, подъ предводительствомъ г. Коверкина, собирались ввечеру въ большую залу, первые, будучи причесаны къ лицу искуснымъ парикмахеромъ, надѣвали на себя новомодные фраки и легкіе англинскіе башмачки; послѣднія жъ имѣли нерадиво завитые распущенные по плечамъ локоны и подобныя бѣлизною снѣгу на себѣ шемизы, препоясанныя лентою любимаго цвѣта.

Едва г. Коверкинъ давалъ знакъ рукою, то сидѣвшіе въ углу зала два красноносые музыканта начинали соглашать свои инструменты, а ученики его, большіе и маленькіе, проходили съ петиметрскою осанкою и поклонами къ дѣвицамъ, прося ихъ съ собою танцовать и представляя имъ въ лайковой перчаткѣ свою руку; тѣ же подавали имъ свою съ пріятною улыбкою и жеманствомъ становились на свои мѣста. Г. Коверкинъ, обращая повсюду глаза и видя всѣхъ въ готовности, давалъ вторичный знакъ рукою, ударяя при томъ крѣпко ногою объ полъ. Въ одно мгновеніе ока скрипки издавали громкіе звуки, танцующіе, держа другъ друга за руки, двигались по-парно со своего мѣста въ надлежащемъ порядкѣ, раздѣлялись, нагибаясь съ пріятностью и присѣдали опустя внизъ руки, подавали обратно оныя другъ другу со сладострастною нерадивостью, соединялись опять и составляли черезъ нѣсколько времени круглую цѣпь. Г. Коверкинъ ободрялъ ихъ и голосомъ, и тѣлодвиженіемъ, поправлялъ, бранилъ и поставлялъ совокупно", 23.

Иногда бывали на этомъ зрѣлищѣ и родители и видѣли успѣхи дѣтей своихъ. Г. Негодяева смотрѣла съ материнскимъ восторгомъ на торжество своего сына, расторгаемыя ему отовсюду похвалы касались ея ушей и сердца; супругъ же ея взиралъ на него съ разверстыми устами (ibid., 24).

Въ результатѣ такого воспитанія, юноша сошелся съ дѣвочкой, воспитывавшейся тамъ же.

Г. Езельманъ узналъ о случившемся и наказалъ виновниковъ; во время

ужина и Евгеній и Марія стояли въ углахъ въ столовой, когда другіе ужинали. Евгеній на колѣняхъ, а Марія „на подобіе статуйки", понуря смиренную голову и прижавъ руки къ сердцу. Преступница со стыда краснѣла, плакала и рыдала; преступникъ же съ досады не глядѣлъ на свѣтъ (ibid., 28—29).

Самостоятельную жизнь начиналъ молодой русскій дворянинъ, отправляясь на службу. Разставаясь съ отчимъ домомъ, онъ получалъ наставленія, конечно, очень цѣнныя для историка русской жизни. Описаніе самыхъ сборовъ въ дорогу также очень любопытны въ бытовомъ отношеніи.

„Сбираютъ Несмысла въ дорогу. Даютъ ему дядьку, который хотя и назывался добрымъ человѣкомъ, но въ самомъ дѣлѣ госпожа совѣсть въ разсужденіи его вдовствовала. Отъѣздъ настаетъ. Родительское благословеніе далъ ему вмѣсто всѣхъ нужныхъ вещей. Проговорено поученіе не знаться съ мотами и карточною игрою. Денегъ далъ „40 алтынъ мѣдныхъ денегъ".

„Возьми сіи деньги, говорилъ онъ, держи оныя съ бережью, не мотай и не лакомься. Батюшка мой отправилъ меня на Сухареву башню учиться ариѳметикѣ, далъ хотя не столько много, однакожъ, алтынъ съ десять, въ сей же мошнѣ. Я жилъ въ довольствѣ. (*Русск. сказки, IV, 86—87*).

Другой герой жилъ

„до 16 лѣтъ подъ кровомъ отца.

Отправляя на военную службу, отецъ ему сказалъ: сынъ мой, сказалъ онъ, я даю тебѣ свободу владѣть твоими желаньями; но всегда помни, что ты дворянинъ; люби свое отечество, повѣрившее сіе преимущество, будь онаго достоинъ, не желай никому того, чего себѣ не желаешь. (*Русскія сказки, VII, 31—32*).

„Набожный родитель благословилъ его образомъ старинной работы, на которомъ была положена кованая серебряная риза и который удержалъ онъ у себя вмѣсто залога отъ одной бѣдной вдовы". Далъ 5.000 рублей, совѣтовалъ ухаживать за командирами.

Мать совѣтовала обратить вниманіе на дамъ: „чрезъ это можно получить себѣ щастіе" (*Евгеній, 49*).

При этомъ папаша, давши 5.000 руб., счелъ долгомъ прибавить:

„Я, вѣть, не таковъ, какъ покойникъ мой батюшка, а твой дѣдушка. Бывало у того, когда еще былъ не великъ, попросишь въ праздникъ: батюшка, сударь, дай денежку на пряничекъ. Ино таки умилостивится, дастъ денежку, а ино такъ дастъ оплеуху. „Собачій сынъ! такой, сякой! лакомка! гдѣ у меня деньги"? (ibid., 200).

Другой давалъ сыну совѣты въ духѣ тѣхъ, которые слышалъ Чичиковъ отъ отца.

„Деньги накопить безъ обиды ближняго почитаю я за первую на свѣтѣ премудрость, денежка рубль бережетъ, а рубль голову стережетъ; деньги великое дѣло въ жизни нашей и самихъ злодѣевъ и воровъ тогда только вѣшаютъ, когда у нихъ рубля уже въ карманѣ нѣтъ (*Сава, 43*).

Одинъ отецъ давалъ сыну совѣтъ держаться во всемъ „золотой середины".

Роскошь и скупость по одной дудкѣ пляшутъ, а середина есть бережли-

вость, безгрѣшна Богу и людямъ не противна, а ты, мой другъ, по одежкѣ протягивай ножки, такъ всегда будешь счастливъ. Я до старости дожила и никому не была должна" (ibid.).

„Всѣмъ быть одинаковымъ не можно, въ свѣтѣ есть бѣлое и черное, умные и глупые. Богъ сотворилъ человѣка самовластно и далъ ему двѣ дороги—направо и налѣво, а я до старости брелъ серединою, чего и тебѣ желаю, пожалуй никому не завидуй (ibid., 2).

Отецъ одного юноши убѣждалъ его не очень усердствовать на службѣ.

„Когда достанется идти въ караулъ въ сырую или холодную погоду, такъ можно за себя и нанять кого-нибудь другаго. Ружьемъ учиться тебѣ не совѣтую; ты малый молодой, нѣжнаго воспитанія, гдѣ тебѣ вертать едакимъ чортомъ, фунтовъ въ пятнадцать (*Евгеній, 50*).

Путешествіе молодаго дворянина, ѣдущаго служить, описывается не разъ въ русскомъ романѣ. Оказывается, для зажиточнаго русскаго человѣка такая поѣздка изъ деревни въ отдаленный городъ была цѣлымъ событіемъ: длинный поѣздъ съ припасами, съ дворовыми сопровождалъ кибитку молодаго барина.

Впереди большая покойная кибитка четверня. Красивыя вороныя лошади, здоровый кучеръ, на запяткахъ высокій гусаръ, „оба получили отъ природы и упражненія великую силу, передъ которыми, когда они бывали въ питейномъ домѣ, трепетала дюжина фабричныхъ", за нимъ повозка парою, съ пригожимъ форейторомъ, камердинеромъ и парикмахеромъ.

„Третью повозку, въ которой лежалъ поваръ, заплывшій въ жиру, какъ упитанный каплунъ, тащилъ одинъ сильный меринъ". Этой повозкой правилъ домашній адвокатъ въ синей шинели; одна изъ тѣхъ крѣпостныхъ тварей, которыхъ стараются у себя имѣть помощники, не могущіе жить безъ тяжбы со своими сосѣдями, и которые обучались ябедѣ, таскаясь по судамъ съ ребячьихъ лѣтъ, не уступаютъ самимъ крючкотворцамъ ни въ крючкотворствѣ, ни въ пьянствѣ", за нимъ 5 возовъ съ провизіею (*Евгеній, 53*).

Друзья налегкѣ ѣхали до Спб. двѣ недѣли,—но обозъ ихъ задерживалъ. Слуги и мужики, чтобъ поспѣть, должны были ѣхать и днемъ, и ночью, и почти не спать. Зато молодые господа ѣхали весело, хорошо ѣли, пили, мечтали о столичной жизни, играли въ карты (ibid. 103).

Городская жизнь русскаго дворянина, вырвавшагося изъ деревенской глуши и иногда изъ подъ опеки родительской, изображена особенно подробно и въ нѣсколькихъ романахъ.

Онъ былъ хотя не весьма знатнаго, однакоже, и не совсѣмъ подлаго, какъ по модѣ говорятъ, состояніе имѣлъ, кромѣ помѣстья, должность—денегъ бы ему хватило, если бы мода не заставила „содержать карету и лошадей, 3 любовницъ, гусаръ, егеровъ и др., столь же надобныхъ, какъ пудра и помада, служителей, одѣтыхъ по модѣ и въ разнородное платье"—ѣздить по клубамъ, посѣщать разныя „игры и позорища", устраивать пиры и кормить людей болѣе богатыхъ, чѣмъ онъ (*Кривонос, 4*).

Особенно увлекалъ городъ молодыхъ дворянъ своими легкими любовными развлеченіями. Такъ, одинъ изъ нихъ

предпочелъ платныхъ красавицъ, такъ какъ это было легче; завелъ содержанку Лизаньку; она дорого стоила ему и очень дешево ея другу развратнику и лакею Мишкѣ, кои ею пользовались (*Евгеній*).

Другой юноша, получивъ наслѣдство и еще живя въ деревнѣ

примѣнился къ хорошимъ винамъ и началъ уже гонять съ двора рублями вмѣсто голубей". У него завелось много друзей. Одинъ изъ нихъ убѣдилъ его ѣхать въ Москву. Тамъ и этотъ герой влюбился и мною денегъ тратить. (*Чулковъ, Пересмѣшникъ, II, 159*).

Другой беззаботный дворянинъ предвкушаетъ, какъ осенью онъ хлѣбъ

„перемѣряетъ, смѣжитъ, расположитъ, сдѣлаетъ честный оборотъ на всероссійскую ходячую—и съ любезными, прелюбезными, качай въ матушку Москву" къ друзьямъ, въ университетъ, книжкую лавочку, въ маскарадъ (*Письмо къ Б** „Пріятн. и полезн. препр. врем., XVIII—152).

Надъ мужичками этотъ юноша потѣшается

„... за тайну скажу вамъ, какъ друзьямъ моимъ, буду больше смотрѣть за любезными мужичками моими, которые въ потѣ лица своего упрашивать будутъ чадолюбивую мать-природу не оставить ихъ молодаго барина и потомъ въ будущую зиму удовлетворить невинныя свои забавы (ibid., 151).

Въ городѣ многіе деревенскіе птенцы увлекались разсѣянною жизнью, 71. Стараніе нравиться прекрасному полу заставило дѣлать расходы. Расходы, превышавшіе доходы, вели къ тому, что многіе юноши доходили до того, что стали нечестно увеличивать свое имѣніе (ibid. 73).

Жизнь въ Петербургѣ улыбалась богатымъ юношамъ, одинъ, напримѣръ, такъ мечталъ о Петербургѣ

„Какъ только лишь пріѣду въ Петербургъ, найму себѣ прекрасные покои. Закажу сдѣлать щегольскую карету... Мундиръ у меня есть... Фраковъ хоть много и всѣ хороши, однако, велю сшить полдюжину новомодныхъ... запишуся въ танцовальный клубъ... Постараюся познакомиться съ какой-нибудь... Изъ актрисъ!—нѣтъ, съ какой-нибудь—jolie marchande des modes. Актрисы-француженки не очень пригожи, а русскую имѣть на содержанье много чести... Вотъ развѣ взять танцорку"! (*Евгеній, 142*).

У богатаго молодаго дворянина, пріѣхавшаго въ столицу служить, былъ цѣлый штатъ прислуги. Возвращаясь, съ ночныхъ похожденій, одинъ юноша

„... увидѣлъ почти всѣхъ своихъ штатныхъ служителей: пьяницу гусара Мишку, картежника камердинера Андрюшку, лакомку парикмахера Сеньку, вора-повара Матвѣя и плута стряпчаго Лукьяна. (ibid, 172).

Развлекались молодые дворяне въ городахъ карточной игрой или

любовными похожденіями, иногда довольно низкой пробы. Для характеристики нравовъ привожу слѣдующую жанровую картинку:

„идутъ они въ четвертый этажъ, по узенькой и крутой лѣстницѣ въ сопровожденіи Силки и Мишки (Силка былъ кучеръ, а Мишка гусаръ молодаго Негодяева), изъ которыхъ первый несъ кулекъ съ портеромъ, а послѣдній фонарь... Двери оказались заперты. „Развратинъ сталъ стучаться. „Отоприте! кричалъ онъ, отоприте! Евгеній Лукичъ пріѣхалъ“.—„Здѣсь *гости*!“ отвѣчалъ сквозь двери тонкій голосъ. „Я пришелъ сюда“, говорилъ оттуда же какой-то весьма хриповато, позабавиться на свои деньги, осударь мой, съ позволенія вашего. Не мѣшай мнѣ, поди въ другое мѣсто!—„Отопри“, вскричали совокупно оба разсердившіеся юноши, усугубя стукъ, „отопри, а не то худо будетъ“!—„Одни мошенники насильно ломятся, съ позволенія вашего“! отвѣчалъ хриповатый голосъ, „не такъ, такъ можно и въ шею, съ позволенія вашего!“—„Мишка! Силка! ломай двери“. Въ секунду очутилось по половинкѣ дверей въ рукахъ у сильнаго гусара и здороваго кучера. Евгеній и Развратинъ увидѣли на богатой софѣ, лежавшую милую Катеньку съ обнаженною грудью. Она сжимала въ своихъ объятіяхъ дебелое чудовище въ синемъ русскомъ кафтанѣ, съ разноцвѣтными пятнами, имѣвшее на головѣ и подбородкѣ всклокоченные рыжіе волосы, на лицѣ свѣжіе и подживающіе рубцы различной фигуры и одинъ глазъ, украшенный синевою. Это былъ мясникъ, прославившійся въ питейныхъ домахъ и кулачныхъ бояхъ“.

Развратинъ разбилъ ему носъ, Силка и Мишка спустили его съ лѣстницы. „Катился по оной внизъ и считалъ головою своею ступени, произносилъ съ негодованіемъ слова сіи: „я убьюсь этакъ до смерти, съ позволенія вашего. Объявлю это сейчасъ на съѣзжей съ позволенія вашего. Попадетесь вы мнѣ когда-нибудь, съ позволенія вашего!“ (ibid., 59).

Онъ далъ изрядную пощечину прекрасной Катенькѣ и хотѣлъ было схватить ее за распущенные ея волосы, но она прежде схватила его за руки, просила прощенія, засмѣялась и поцѣловала его. Онъ принужденъ былъ самъ засмѣяться, поцѣловать ее, желаніе воспламенило его кровь, и онъ совершилъ недоконченное мясникомъ“ (ibid., 59).

Молодой аристократъ мѣняется съ своею бывшею любовницею актрисой фривольными письмами. Онъ спрашиваетъ о ея времяпрепровожденіи и самъ разсказываетъ за нее, какъ она устроилась въ его отсутствіе.

„Кто-нибудь изъ дежурныхъ волокитъ помогаетъ разстегивать шнуровку, цѣлуетъ груди и увѣряетъ, что онъ счастливъ, ежели жертва кошелька его угодна твоему сердцу; подаютъ воды... ты приходишь въ себя и открываешь плутовскіе свои глаза... вздыхаешь... бросаешь умильные взоры, протягиваешь руку... *Роландъ* ее лобзаетъ, становится на колѣни... летитъ въ объятія и... этого я не могу выговорить, я не ревнивъ, однакожъ, однакожъ досадно“... (*Н. Эминъ, Роза, 90*).

Съ задумчивымъ—представляешь ты плѣняющую невинность; съ ловкимъ—ты хватъ; все у тебя поетъ и пляшетъ. Правда, накладная грудь — она зато безпримѣрна.., весноватое, пожелтѣлое лицо, однакожъ, подштукатуриваешь его весьма искусно бѣлилами; любовь заставила тебя гнусить... этотъ лавръ достоинъ всякаго почтенія, а при томъ я очень скроменъ и, конечно, никому не открою (ibid.).

Она ему отвѣчаетъ:

Князь Р., графъ Б., откупщикъ Д., актеръ Ц., всѣ бьются объ закладъ и каждый споритъ, что онъ причиною моей болѣзни; и такъ, у моего дитяти будетъ семь батюшекъ (ibid., 134).

Пишешь ты, что имѣешь великое участіе въ моей беременности, столь же точно, какъ въ построеніи Сухаревой башни 158 (IV, 53).

Съ этимъ же Евгеніемъ произошелъ въ Петербургѣ слѣдующій непріятный эпизодъ: онъ посѣщалъ одну почтенную семью, проигрывалъ много въ карты, ради того, чтобы ухаживать за хорошенькой дочкой хозяина. Наконецъ, съ согласія дочки, онъ пробрался ночью къ ней въ комнату

Онъ увидѣлъ Л. Н. на кровати, „глаза ея были сомкнуты, волосы лежали нерадиво на шеѣ и на плечахъ, полуобнаженная и прекрасная грудь воздымалась съ непзъяснимою пріятностью“ (*Евгеній, 160*).

„вдругъ явился нечаянно въ сію комнату отецъ, съ обыкновенною своею улыбкою, съ большимъ пистолетомъ въ правой рукѣ и съ потаеннымъ фонаремъ въ лѣвой, въ шлафрокѣ и въ колпакѣ. „Ахъ! это вы, Евг. Лукичъ!—сказалъ г. Миловзоровъ, поклонившись, улыбнувшись и сдѣлавши приличный жестъ своимъ пистолетомъ. — Какимъ образомъ?.. Да что вы изволите безпокоиться стоять?.. Прошу покорно садиться“... усаживаетъ его и заставляетъ его подписать вексель на 10.000 р. (ibid., 160—1).

Очень художественная сцена, какъ ловкій плутъ диктуетъ текстъ векселя.

„Я вамъ буду диктовать,—говорилъ ему Наз. Лукичъ.—Извольте-съ.—Сей моментъ. *тысяча семьсотъ девяносто перваго года, генваря десятаго числа* (тогда было десятое число февраля). Это нужды нѣтъ, извольте писать цифрами...—Написалъ-съ.—Очень хорошо-съ... *Я, нижеименованный, занялъ у коллежскаго ассесора*...—У господина коллежскаго ассесора?.. — Хоть такъ-съ, все равно... *Назарья Антоновича Миловзорова десять тысячъ рублей*... десять тысячъ рублей извольте (162) потрудиться написать не цифрами, а складомъ...—Слушаю-съ...—Написали?—Написалъ-съ, извольте-съ...: — *которыя по прошествіи одного мѣсяца долженъ я всѣ сполна съ указными процентами съ рубля по шести... отдать ему, Миловзорову, непремѣнно*... — Г-ну Миловзорову? Какъ угодно. *Во увѣреніе чего и подписуюсь своеручно.* Тутъ извольте теперь подписать свои чинъ, имя и фамилію...—Сію минуту-съ...—Что вы изволите трудиться засыпать, пожалуйте мнѣ, я самъ засыплю“. Прочитавъ, онъ спряталъ бумажку, „поблагодарилъ Евгенія съ учтивостью за его послушаніе и трудъ“ и проводилъ до дверей со свѣчой, Евгеній взялъ свою шляпу и сдѣлалъ низкій поклонъ Н. А. (ibid., 160—3).

Служба въ гвардіи для богатаго дворянина не представляла трудностей.

Евгеній бесѣдуетъ съ своимъ фельдфебелемъ, и тотъ рекомендуетъ ему откупаться отъ этихъ непріятностей и подробно разсказываетъ о ихъ полковой жизни. „Вотъ, сударь, что я вамъ скажу: въ каждой у насъ ротѣ числится капраловъ, фурьеровъ, подпрапорщиковъ, каптенармусовъ, сержантовъ гораздо болѣе сотни, т.-е. служащихъ, а не малолѣтнихъ; малолѣтнихъ же и самъ лу-

кавый не знаетъ сколько... Что бишь я вамъ сказалъ? Такъ, такъ... что въ каждой ротѣ гораздо болѣе сотни служащихъ. Изъ нихъ на-лицо бываетъ человѣкъ двадцать и то изъ солдатскихъ дѣтей, да изъ бѣдныхъ дворянчиковъ, которые написаны на окладъ, а прочіе всѣ въ отпуску. Они-то одни и служатъ. Бываетъ иногда, правда, на-лицо человѣка два или три изъ достаточныхъ дворянъ, только они никогда сами не дежурятъ и не ходятъ въ караулъ, а нанимаютъ за себя другихъ, какъ ваша милость. Да что сказать матку-правду, у насъ въ гвардіи служи рукава спустя... Еще таки капральская должность. А ужъ унтеръ-офицерская и сержантская... не такова, какъ фельдфебельская... Кстати ли тутъ ужъ надобно головѣ да и головѣ!.. Лѣтомъ у насъ на ученье ходятъ только тѣ унтеръ-офицеры, которые знаютъ службу, а тѣ, благо свобода дана, бьютъ себѣ баклуши, шатаются по трактирамъ; дома же, въ ротѣ таскаются за солдатками, играютъ въ городки, въ свайку или въ горку, да въ хлюстикъ... Иной болванъ служитъ на-лицо года три, а, право, не умѣетъ порядочно взять ружье въ руки... Да не станете ли вы, сударь, учиться ружьемъ? хоть мнѣ и недосужно, однако, я самъ извольте для васъ!.. Нѣтъ, нѣтъ, къ чему мнѣ? Мнѣ въ новый годъ достанется въ гвардейскіе прапорщики.—Такъ не для чего, сударь, вамъ и начинать учиться... а я, право, было думалъ, что вы хотите въ выпускъ въ армейскіе капитаны... да случается, что выходятъ отъ насъ и въ армію. Такіе молодцы, которые не знаютъ, что такое наступные, что такое отступные полутонги... а ужъ про карреи, колонны и говорить нечего... Въ арміи скорѣе выучатся службѣ, чѣмъ въ гвардіи... а особливо, какъ полковникъ строгій. Вымоетъ раза два—три хорошенько передъ фрунтомъ голову, выплетъ раза два—три за фрунтъ, такъ и будешь офицеръ исправный, не какъ наши капитаны. А каковъ нашъ капитанъ?—О! нашъ капитанъ хорошъ, не такъ, какъ другіе... Да, что изволите меня о немъ спрашивать, вѣть вы его высокоблагородіе сами знаете.—Другой день только... небось, говорилъ объ немъ передъ нами смѣло, намъ какая нужда.—А коли такъ, сударь, такъ скажу всю правду (94). Онъ, правда, человѣкъ добрый, недрачливъ, разуменъ, говоритъ и по-нѣмецки, и по-французски, только выскочка, хвастается, будто знаетъ лучше другихъ службу, я-де капитанъ, я-де капитанъ! баба! гдѣ бы ему безъ меня править ротою? Ничего порядочнаго солдату показать не умѣетъ... Вотъ пѣсельниковъ учить такъ мастеръ, пѣсельники въ нашей ротѣ по полку первые... И такъ, прошу прощенія“ (ibid., 95).

Евгеній дружилъ съ молодымъ Вѣтровымъ, гвардейскимъ офицеромъ. Онъ разсказываетъ, что на военной службѣ гвардейцы ничего не дѣлаютъ. Онъ тоже поломанъ, избалованъ, щеголь, въ мундирѣ, онъ врагъ труда и занимается только собираніемъ сплетенъ скабрезныхъ (ibid., 35—38).

Понятно, что для службы такіе дворяне оказывались непригодными.

... бывало, пришлютъ въ полкъ капитаномъ мальчика лѣтъ 17 и ружья не подниметъ; того и смотри, вѣтеръ повалитъ. Бывало, на ученьѣ понадѣлаешь на плечо, на караулъ, къ ногѣ—бодро стоятъ; скажутъ: къ заряду—и манжеты задрожатъ. Согрѣшилъ грѣшный, подумаешь, бывало: сидѣть бы вамъ дворянчикамъ дома, да хлебать бы супъ; а отъ сухарей, право, животъ заболитъ“. „Храбрый философъ“, 31.

„бывало, эти офицерики поссорятся промежъ собой либо за карты, либо за какую-нибудь дѣвчонку, либо за то, что одинъ другому на ногу наступилъ; вѣть что-жъ? тотчасъ на дуэль“.

Какая, сударь, храбрость. Какая-то дворянская, завозная чума или дурь. Въ старину у насъ совсѣмъ и не слыхать ее было. Какая это храбрость, своихъ бить, я видѣлъ, ваше благородіе, какъ этакіе дуэльщики во время стычки прячутся за солдать. Когда наши опрокидываютъ и они изъ-за фрунта кричатъ: ура! А когда нашихъ тѣснятъ—ужъ они за версту (ibid., 32—33).

Солдатъ разсуждаетъ, что все равно умирать, не считаетъ своихъ подвиговъ за особую доблесть. Къ чинамъ и наградамъ равнодушенъ. „Счастье въ томъ, чтобы быть добрымъ и полезнымъ, за это любовь общая". Онъ умѣренъ въ своихъ желаніяхъ, 37. Въ жизни лучше уступить, чѣмъ драться изъ-за всего (ibid., 36, 38—39).

Въ одномъ романѣ встрѣчаемъ мы изображеніе петиметра въ гвардейскомъ мундирѣ: вмѣсто того, чтобы отдавать честь по-военному, онъ кривляется и расшаркивается.

Надъ манерами Евгенія смѣются всѣ присутствующіе, а

„вошелъ, шаркая ногами, сдѣлалъ низкій реверансъ своему маіору и поклонился направо и налѣво бывшимъ тамъ офицерамъ (*Евгеній, 89*).

Казенной формой своей онъ недоволенъ.

Ахъ! да какая это шляпа? она никакъ изъ войлока... она, правда, не пуховая, а поярковая, и самая лучшая, какую только можетъ носить унтеръ-офицеръ или сержантъ. Ахъ, mon Dieu! и я долженъ буду имѣть courage надѣть ее,—а тесакъ-то! ай! ай! ай! что это такое, батюшки, съ гаруснымъ темлякомъ! fi, fi! (ibid., 85).

Мотовство гвардейскихъ офицеровъ тоже отмѣчено въ русской повѣсти. Молодой Вѣтровъ является къ господину Мотишкину, гвардейскому прапорщику, который поругался и сидитъ пасмурный,—ему надо все продать, такъ какъ онъ проигралъ 200 рублей, присланные отцомъ на дорогу, проигрываетъ Вѣтрову и всю мебель (ibid., 75).

Зато были офицеры, которые и наживались на военной службѣ.

Вышеписаннаго сложенія былъ нѣкто отставной маіоръ Верзилъ Тихіевъ, сынъ Фуфаева, служившій въ арміи ровно тридцать лѣтъ и три года, безъ всякаго штрафа, потому что въ командировкѣ и на приступахъ не бывалъ, а отправлялъ всегдашнюю должность коммиссара и былъ у раздачи солдатамъ жалованья, провіанта, фуража и аммуниціи. И какъ всегда находился въ трезвомъ состояніи и велъ приходъ и расходъ исправно, то, пріѣхавъ въ свою деревню въ отставку, къ двадцати пяти душамъ прикупилъ онъ девятьсотъ пятьдесятъ душъ (*Пересмѣшникъ, V, 206*).

Солдатская жизнь изображалась въ русскихъ романахъ мелькомъ. Такъ, имѣемъ мы разсказы о томъ, какъ деревня поставляетъ рекрутовъ. Оказывается въ солдаты попадаютъ чаще всего бѣдняки. Такъ въ одной повѣсти „богатые мужики откупились" и бѣднякъ Любимъ оказался въ „*оковахъ*" (Любимъ и Роза, 65),—изъ этихъ словъ можно заключить, вѣроятно, бывали случаи, когда рекрутовъ приводили въ кандалахъ изъ опасенія ихъ бѣгства. Въ другой повѣсти деревенскіе

кулаки („съѣдуги“) рѣшили отдать за „вотчину въ солдаты“ тоже бѣдняка. При медицинскомъ осмотрѣ его „съѣдугамъ“ пришлось давать взятку.

Отправили на осмотръ — примѣря, сказали: „малъ ростомъ“, а лѣкарь закричалъ: „тонки ноги“. Его не взяли въ солдаты. Утромъ, однако, его опять повели на осмотръ, „на темя его положено было нѣсколько угомонной монеты“, „чѣмъ Сысой пришелъ въ указанную мѣру, и за одну ночь икры потолстѣли“ (ibid., 191—192).

Не менѣе любопытенъ разсказъ о томъ, какъ вели рекрутовъ въ дѣйствующую армію.

С. отправился въ дѣйствующую армію, „куда С. съ прочими препровожденъ былъ мірскимъ подаяніемъ, не получая ни одежды, ни провіанта отъ командующаго офицера, котораго они и въ глаза не видѣли во всю дорогу, а догналъ онъ ихъ, не доѣзжая до арміи верстъ со сто, или еще того меньше; изъ пятисотъ человѣкъ дошло до арміи съ небольшимъ пятьдесятъ, а прочіе разбѣжались и померли“ (192). Офицеръ подалъ рапортъ, что за малоимѣніемъ (192) команды рекруты въ разныя времена бѣжали; его отдали подъ судъ, а рекрутъ причислили къ командѣ лишенныхъ всего имъ принадлежащаго, ибо у командовавшаго ими офицера при арестованіи его ничего не отыскано, а слухъ носился, что онъ припряталъ все подалѣ (ibid., 193).

Конечно, изъ такого рекрута вышелъ солдатъ неважный.

Но есть въ повѣстяхъ нѣсколько образовъ, которые полны энергіи, душевной бодрости. Передъ нами, напримѣръ, старикъ ветеранъ, живущій на покоѣ въ деревнѣ, и вспоминаетъ о былыхъ подвигахъ.

„Любо, ваше благородіе, служить! какъ, бывало, Салтыковъ, Румянцевъ, Суворовъ, Рѣпнинъ, Каменскій, какъ, бывало, русскіе генералы скажутъ: перекрестись; „пойдемъ, дѣтушки, за Бога, за царя, за вѣру!“ не боишься, бывало, ни штыковъ, ни ядеръ, идешь впередъ!“ (*Храбрый философъ*, 13).

Онъ пересчитываетъ медали, полученныя имъ за походы:

„это прусская, это двѣ турецкихъ, это шведская, это польская, а это аннинская. Былъ съ Салтыковымъ въ Пруссіи, съ Румянцевымъ подъ Кагуломъ, исходилъ Турцію и Польшу; съ принцемъ Нассау подъ шведомъ воевалъ; съ Суворовымъ Чортовъ мостъ переходилъ; съ Кутузовымъ и Багратіономъ еще подъ французомъ стоялъ“ (ibid., 42).

„Смерти бояться нечего, лишь бы совѣсть чиста была“, 59. Смерть всегда можетъ приключиться (ibid., 59—60).

Въ деревнѣ онъ общій любимецъ. Старуха разсказываетъ, какъ солдата въ деревнѣ всѣ любятъ, особенно дѣти. Онъ учитъ дѣтей натуральному добру и мудрости (ibid., 62—3).

Кромѣ этого живаго и опредѣленнаго образа встрѣчаемъ мы нѣсколько разъ типъ сказочнаго солдата - плута, который всѣхъ умѣетъ надуть, не дуракъ выпить и поѣсть на чужой счетъ.

Любопытно, что для крестьянъ тогдашній „солдатъ“ былъ настолько отрѣзаннымъ ломтемъ, что отношенія въ нему самыя враж-

дебныя. Одинъ мужикъ увидя пьяныхъ солдатъ, началъ имъ мылить головы и выбрилъ ихъ догола

„отчего и нынѣ между простымъ народомъ ходитъ басня подъ именемъ „Деревня плѣшивыхъ“.

Онъ объяснилъ свой поступокъ, какъ месть солдатамъ за то, что они

„ѣздя по деревнямъ, обижаютъ весьма много крестьянъ“ (*Пересмѣшникъ, III, 209*).

Интересна въ бытовомъ отношеніи сцена, изображающая, какъ солдаты одного полка, стоявшаго въ деревнѣ постоемъ, разыграли обрядъ вѣнчанія, при чемъ сами нарядились, кто священникомъ, кто діакономъ, „игра“ была выдумана для того, чтобы обмануть дѣвушку. Когда обманъ раскрылся, то расправа оказалась короткой.

„По спросу нашли попа, дружекъ, жениха и сваху. Въ началѣ благословителя, а потомъ и всѣхъ поваля на земь, взваря порядочно дробникомъ, отпустилъ по квартирамъ“. (*Похожденіе Ивана Гостинаго сына*).

Въ повѣстяхъ выводится не разъ типъ солдатъ-служакъ. Солдатъ доволенъ малымъ и продолжаетъ работать.

„Вотъ тамъ, ваше благородіе, указывая на небо, фельдмаршалъ надъ фельдмаршаломъ; тамъ, ваше благородіе! будетъ всякому пенсія своя,—никого не обидятъ и никого не забудутъ (*Храбрый философъ, 52*).

Онъ разсказываетъ о томъ, какъ Суворовъ наградилъ его своею табакеркою за подвигъ.

„Когда мы съ Суворовымъ взошли на Сентъ-Готардъ и прошли уже Чортовъ мостъ, насъ осталось не много, да и тѣ врозь разошлись. Въ особомъ отрядѣ осталось насъ съ капитаномъ человѣкъ съ десять, на дорогѣ иные изъ насъ замерзли, другіе попадали въ пропасть, а иныхъ изъ-за утесовъ надъ нами висячихъ пули поколотили, я только одинъ остался съ капитаномъ; Богъ насъ помиловалъ и мы пошли дальше. Стужа на горѣ была страшная; а подъ нами страшные глубокіе рвы и мелькали зеленѣющія долины. Наконецъ, мы кое-какъ по снѣгу выкарабкались на верхъ горы. Тутъ стужа еще холоднѣе была. Духъ у насъ захватываетъ, идти совсѣмъ нельзя,—выбились мы оба изъ силъ (ibid. 19).

Очень удачно въ одной повѣсти обрисованъ фельдфебель гвардейскаго полка; развязный и въ то же время готовый подслужиться передъ знатнымъ дворянчикомъ, взяточникъ и пьяница, — онъ, какъ живой, стоитъ передъ нами.

... Мишка пошелъ вонъ и въ ту же минуту возвратился назадъ съ великорослымъ сержантомъ среднихъ лѣтъ. Пожелтѣлый мундиръ, засаленные обшлага, смѣлый его и горделивый видъ заставлялъ догадываться, что сей сержантъ былъ фельдфебель. „Желаю вамъ здравствовать, господа“, сказалъ онъ, поклонившись Негодяеву и Развратину, „кто изъ васъ господинъ сержантъ Негодяевъ? имени и отчества, простите, право, не знаю“!—„Я, братецъ“, отвѣчалъ ему Евгеній, а ты

что за человѣкъ?"—„Я, сударь, фельдфебель (такой-то) мушкетерской роты (той самой, въ которой написанъ былъ Евгеній)... Искалъ, искалъ вашей фатеры, насилу нашелъ, усталъ и передрогъ, какъ собака"... „Пьешь ли ты водку"?—Какъ фельдфебелю не пить водки"!—вскричалъ Развратинъ—„вотъ я ему сію минуту налью стаканъ и поднесу". „Правда ваша, сударь, сказалъ пьяный фельдфебель, какъ не пить фельдфебелю водки, когда нынче пьетъ и всякой бѣлогубый щенокъ писарь"...—„Натко, выкушай".—„Желаю здравствовать"!.. Фельдфебель, сказавши сіи слова, взялъ стаканъ сладкой водки изъ рукъ Развратина, выпилъ его въ два глотка и кашлянулъ два раза, утирая губы... „Покорно благодарю"...—„На здоровье"—„Водка, сударь, ваша славная, въ которомъ погребѣ изволили брать? Не въ угольномъ ли, что насупротиву васъ? Тутъ и водка и прочіе напитки, могу ужъ сказать, отмѣнные. А вонъ въ томъ погребѣ, что подальше, и не берите ничего, ничто въ немъ никуда не годится". (*Евгеній, 90*).

Жизнь русскаго купечества изображалась въ русскихъ повѣстяхъ не разъ;—изображалась и самая патріархальная, живущая по завѣтамъ Домостроя — и такая, которая уже сознала потребность ученія и еще не знаетъ, какъ за него взяться.

Очень характеренъ, напримѣръ, разсказъ о наймѣ купцомъ учителя для сына.

„Доложили обо мнѣ господину Безтылину. Вхожу, вижу оксовую бочку въ штофномъ шлафрокѣ, передъ нимъ стоитъ кружка портеру и тарелка огурцовъ, отдалъ я его милости три низкіе поклона".—„Я слышалъ вамъ надобенъ учитель".—„Такъ, голубчикъ, мнѣ хотѣлось бы сыскать старичка, который бы пошколилъ ребятишекъ". Купецъ производитъ экзаменъ, заставляя его переводить съ нѣмецкаго, изъ Курганова рѣшать задачу: „купилъ я полтораждды полтора аршина, далъ полтретьяжды полтретья рубля, спрашивается, что далъ за полчетвертажды полчетверта аршина?" Чуръ не дорожиться, господинъ учитель, полтораста рублей деньгами, столъ со мной на двѣ зимы. Хребтовая покрытая вишневымъ сукномъ кирѣйка, а лѣто сѣро-нѣмецкая шинель, шесть паръ шелковыхъ чулокъ, трое шитыхъ манжетъ, въ именины мои штатскую парочку, да въ женины другую, полфунта чаю, да 5 ф. сахару на мѣсяцъ, для бѣлья наше мыло, а твоя плата. На день двѣ яндовы шивка, да стклянка франц. водки; клюквеннымъ сокомъ хоть облейся". „Коли есть какая рухлядь, вели переноситъ Мирошкѣ,—отведи его милости камеру, что возлѣ предбанника" (*Н. Эминъ. Игра судьбы, 89—920*).

Ученіе шло вкось и вкривь, такъ какъ мать стала мѣшать наукамъ, она говорила:

„вѣдь я не мачиха, а мать родная; какъ станешь втемяшивать грамоту, безъ милосердія, такъ вотъ Богъ, а вотъ дверь (ibid).

Особенно часто обращались русскіе романисты къ изображенію жизни купеческой „дѣвушки" и „жены".

Вотъ, напримѣръ, одна разсказываетъ о своемъ дѣвичествѣ.

„воспитаніе было обыкновенное—русское: самъ отецъ мой училъ меня грамотѣ и писать. Первое его наставленіе было любовь Бога и сію любовь оказы-

Центральная Россия
Библиотека-Читальня
МОСКОВСКАГО СОВѢТА
Профессіональныхъ Союзовъ.

вать къ нему, благодаря его влеченію за блага, ниспосылаемыя имъ за вѣру, ходить въ церковь въ праздничные дни и молиться усердно, любить всякаго человѣка и помогать требующему помощь, почитать родителей, слушая ихъ совѣтовъ" (*Несчастная Маргарита, 22—23*).

Развлеченія дѣвушки были несложны и немногочисленны:

„... забавлялъ меня рисуночекъ, вышитый хорошо узоръ, прекрасное кружево, съ коихъ образцы доставалъ мнѣ часто отецъ и, по большей части, заморскіе; подружка, приходящая посидѣть ко мнѣ, укорочала часы работы моей; невинная сказочка, быль, старинка, приключеніе заставляло мое легкомысліе смѣяться, или рыдать чувствительность мою (ibid, 26).

„... обыкновенное упражненіе городскихъ дѣвушекъ плесть кружево и вышивать шелкомъ и золотомъ" (ibid, 24).

Но кромѣ такихъ мирныхъ картинокъ, встрѣчаемъ мы на страницахъ романовъ и другія. Такъ, въ одномъ романѣ мы знакомимся съ дѣвушкой, дочерью купеческой вдовы, ведущей вольную жизнь; дѣвушка сама втягивается въ такую жизнь. Старухи-няньки часто выступаютъ въ роли сводницъ, иногда за деньги продающихъ своихъ воспитанницъ.

„будучи въ дѣвушкахъ каждую ночь отъ сидѣльца была утѣшаема" (*Похожд. Ивана, 162*).

Впрочемъ, таковъ былъ приблизительно конецъ и той героини, которая въ дѣвичествѣ вела тихую жизнь за пяльцами да кружевами (*Несчастная Маргарита*).

Жизнь замужемъ въ купеческомъ домѣ была, повидимому, гораздо разнообразнѣе и свободнѣе, чѣмъ жизнь дѣвушки. По крайней мѣрѣ, очень часто русскіе романисты говорятъ намъ о любовныхъ похожденіяхъ купчихъ, о ихъ пьянствѣ, о ихъ постоянныхъ сношеніяхъ со старухами-сводницами, которыя подыскивали имъ „красавцевъ" („*Пересмѣшникъ*" IV, 215).

Одна такая купчиха любовнику своему разсказываетъ, какъ, выданная замужъ противъ воли, она стала пьянствовать:

„Какъ-то у нашихъ сестеръ изстари введено въ обыкновеніе... Какъ скоро мужья торговать или за какими нуждами со двора сходить должны, то жены принимаются за вкусный завтракъ—селянку съ ветчиною, а потомъ и за браги, и такъ криводушники мужья въ лавкахъ торгуютъ, а жены ихъ за брагою сильно горюютъ... Я съ терзаемой меня печали и досады ни одинъ день не была трезвою,—научилась отъ добрыхъ сосѣдокъ, таковыхъ не имѣющихъ, старыхъ и не милыхъ мужей" (*Похожденія Ивана, 27—8*).

Старуха познакомила одного героя съ такою же скучающей купчихой

„Онъ не обращался еще съ купеческими женами, у которыхъ не только обхожденіе, но и любовныя дѣла называются инаково: они никогда не говорятъ, что женщина такая-то любитъ своего сидѣльца, а всегда такъ: „она, сударыня,

пускаетъ амуры со своимъ сидѣльцемъ". Герой „въ одну минуту" выучилъ купеческую нумерацію (*Пересмѣшникъ, IV, 217*).

Очень любопытно въ бытовомъ отношеніи описаніе праздничнаго наряда купеческой жены:

„... прежде принималась она за свою голову, обертывала ее какою-то онучею очень крѣпко, потомъ на оную привязывала картузный листъ бумаги, сверхъ котораго обвязывала голову платками, коихъ въ одно время насчиталъ я до осьми. Все сіе объявленное дѣлала она вотъ для чего: онуча ей служила фундаментомъ, или укрѣпленіемъ ея головы, картузную бумагу привязывала для того, чтобъ по ней глаже платки повязать можно было, такъ и для высоты ея чалмы. Множество сіе платковъ, сказывала, для того, чтобъ пышнѣе голова казалась. Повязавъ голову, или убравъ ее, вынимала изъ сундука склянку, въ коей бѣлое, на подобіе извести, смѣшанной съ водой, налито было, и сіе называла она умываньемъ, которымъ умывала, или, лучше сказать, пачкала свою рожу, потомъ брала другой пузырекъ, въ коемъ находился въ винѣ настоенный сандалъ, коимъ разрисовывала щеки; брови жъ сурмила съ обожженной сальной свѣчки свѣтильней" (*Зубоскалъ, 22*).

Очень характерно любовное письмо купца, рисующее и языкъ и складъ мыслей этого сословія. Онъ—„раскольникъ, вдовецъ, по лѣтамъ дѣдушка" пишетъ „къ молодой" богатой щеголихѣ, купецкой дочери дѣвицѣ, что она ему люба и непостыла и чтобъ съ нимъ въ законное супружество вступила.

„Почтенная госпожа дѣвица!

„Въ милости Божіей волѣ великаго благополучія охотно желаю и земно кланяюсь. Хотя съ вами случаевъ быть и не имѣлось, но въ разсужденіи пріязни покойнаго родителя вашего, а моего милостивца, и всѣхъ вашихъ любезныхъ свойственниковъ и родственниковъ... беретъ смѣлость спросить, не выйдетъ ли она замужъ за него".

Въ первой „припискѣ" къ письму разсказъ о торговыхъ дѣлахъ, который велъ самъ съ десяти лѣтъ еще при жизни отца

„по кончинѣ же родителя своего имѣлъ я не малыя поставки провіанту въ разныя мѣста, такожъ съ прошлаго 1777 года числятся за мною отпуски пеньки, масла и другихъ товаровъ моимъ пріятелямъ за море, въ Любекъ, въ Ганбургъ, въ Англію и въ Галандію и нонича, дай Богъ здоровья, посильную партію отпустилъ".

2-ая приписка:

„за выписаннымъ же хочу вамъ объявить, какъ слышу, что ваше намѣренье состоитъ за дворянина иттить. А на сіе вамъ скажу, что въ прошломъ іюнѣ мѣсяцѣ какъ случай мнѣ привелъ въ домѣ быть дядюшки вашего Елизара Панкратьича, то тѣмъ временемъ до пріѣзда моего пріѣхалъ подпояковникъ, и дядюшка былъ въ городѣ, и тому офицеру, по приказу его, отказано, а какъ же про меня доложили, то въ скорости самъ пришелъ и меня благодарилъ, потомъ чаемъ, кофіемъ поилъ, а послѣ того и обѣдали".

Онъ разсказываетъ ей о томъ, какъ неуважительно отзывается о дворянахъ, какъ онъ противъ того, чтобы купцы отдавали дочерей

за дворянъ, которымъ надо лишь денегъ; онъ разсказываетъ и о невыгодахъ жить за военнымъ и штатскимъ. Разсказываетъ о петиметрахъ,

„... а наиболѣе которые ногами петиметры шаркаютъ, въ карты играютъ, зайцевъ гоняютъ и во всемъ мотаютъ (*Любовники и супруги, 230—7*).

Затѣмъ онъ восхваляетъ купечество:

„спокойству и честности купеческой чево еще лучше? весь свѣтъ завидуетъ. Первое, что воля, куда изволишь во всей Россіи для дѣлъ и безъ дѣлъ гулять, ко двору пріѣздъ имѣть, а на маскарады, и въ кіятръ лишь бы охота была; золото же и въ грязи знать. У министровъ всякаго примутъ съ отмѣнною честью, такъ же въ сады, въ Царское Село и Петергофъ, а чтобъ вообразить было можно, то вездѣ вольно компанію имѣть и въ компаніи быть, время жъ есть въ церковь и книгъ житія святыхъ отецъ и гисторей честь, и потомъ, безъ дальнѣйшаго труда покой имѣть. И тако, слава Богу, у нашей братьи купцовъ идетъ все на ладъ; каретъ здѣсь много нѣмецкихъ и французскихъ,—какую повелите, такую съ помощью Божьей имѣть можете, домовъ довольно, а дѣвицею тебѣ, право, жить полно. Тетушка ваша, дай Богъ ей здравствовать, Василиса Панкратьевна, сказывала, что вамъ уже двадесять шестый годикъ. Сожалѣть достойно, чтобы свою жизнь столько изнурять. Еще до сего времени какая въ жизни радость замыкается, не знаете, а какъ Богъ судитъ сочетаться, то о прожитыхъ дняхъ много тужить станете; а по закону велѣно жениться пятьнадесяти, а брать двенадесяти лѣтъ. Такъ уже время давно минуло. Сожалѣю о твоемъ одиночествѣ“.

Онъ говоритъ о ея сиротствѣ, говоритъ о томъ, что онъ уже шесть лѣтъ бургомистромъ; кончаетъ цитатами изъ Евангелія: „всякое древо, не творящее три лѣта плода, посѣкается и во огнь вметаемо бываетъ“ (ibid., 237).

Въ романахъ можно найти разбросанными живыя сценки изъ жизни купечества. Привожу, какъ примѣръ, „питье чая“,—купецъ пьетъ чай втроемъ, съ женой и шестилѣтнимъ сыномъ:

„по три самовара, приговаривая сыну: пей, душенька, больше, эта трава здорова пить по утру“ (*Зубоскалъ, 21*).

Въ нѣсколькихъ повѣстяхъ мелькомъ рисуется жизнь студенчества. Передъ нами проходитъ нѣсколько образовъ, очень различныхъ: богатые дворянчики и бѣдняки полуголодные семинаристы вели жизнь конечно различную; ихъ горести и развлеченія изображаются не разъ въ русскихъ повѣстяхъ.

Вотъ передъ нами богатый дворянчикъ, студентъ Московскаго университета.

Евгенія отдали въ Университетъ. Онъ прогуливалъ часто лекціи, бывши же на оныхъ, занимался облокотившись или сномъ или разговоромъ со своими сосѣдями или вырѣзываніемъ на лавкѣ своего имени. Товарищи его, которымъ онъ доставлялъ увеселеніе въ домахъ, гдѣ торгуютъ напитками и женскими прелестями, дѣлали по дружбѣ вмѣсто его задачи, ему даванныя. Вопрошенный же въ классѣ наставникомъ, испытующимъ его память, повторялъ громко слова, произносимыя ему тихо услужливыми его пріятелями, или хранилъ молчаніе

всегдашній признакъ знанія (40), чрезъ бѣдныхъ и незнатныхъ, тѣ отплачивали за его глупую надменность кличками и прозвищами „какъ учащіеся молодые люди, будучи склонны къ насмѣшкамъ и отмщенію, надавали ему за сіе множество прилагательныхъ именъ, писали сіе въ его собственномъ классѣ на стѣнахъ, на лавкахъ, и даже у него на книгахъ (*Евгеній, 46*).

Совсѣмъ другое обличье имѣлъ студентъ бѣдный.

„И то такіе, которые были одного тисненія съ Неохомъ и жили по-братски; ночью были раздѣты, а днемъ всѣ пятеро одѣвались въ два поношенныхъ кафтана, „которые служили имъ по жеребью“ (*Пересмѣшникъ, 156*).

За то они были охотники до различныхъ приключеній. „Нѣтъ на свѣтѣ твари отважнѣе студента“, — восклицаетъ Чулковъ (ibid., 152).

Развлеченія они себѣ позволяли шумныя и дешевыя: пьянство, разгулъ разнообразили, время отъ времени, ихъ голодное существованіе.

Неохъ тогда пригласилъ ихъ къ столу, гдѣ были и „дамы“. 162. Веселились. Неохъ „зная очень хорошо русское обыкновеніе, что хозяину прежде всѣхъ надлежитъ быть пьяному, а безъ того гости веселы быть не могутъ“. „Пьяный Бахусъ и зардѣвшаяся Венера“ (ibid., 162).

„Тотчасъ заревѣла нескладно построенная музыка... женщины ступали важно и замысловато, дѣлали пріятные виды и ужимки, а мущины наталкивались лбами на стулья своихъ красавицъ“. Они предложили пьянымъ кавалерамъ, чтобы начать прыгать голубца: тотчасъ всѣ согласились и начали поднимать ноги. Очень скоро въ одномъ углу что-то стукнуло, и это веселый вспрыгнулъ не кстати высоко и ударился затылкомъ объ стѣну; потомъ въ другомъ углу двое какъ-то ненарокомъ столкнулись лбами и раскропли себѣ головы“, ихъ растащили по кроватямъ (ibid., 163).

Все торжество было устроено на деньги, полученныя героемъ повѣсти за одно амурное похожденіе. За это же получилъ онъ и золотую табакерку, которую, однако, во время студенческаго пира постигло несчастье.

„Золотая табакерка во все это время переходила изъ рукъ въ руки; иной хвалилъ ее самое, другой выхвалялъ искусство мастера, третій благодарилъ того, кто ее подарилъ Неоху и такъ далѣе. Наконецъ замѣшалась она во множествѣ пальцевъ и отъ потныхъ рукъ такъ много потускла, что послѣ ея уже и видѣть было невозможно. Такимъ образомъ, скончала она пребываніе свое и Неоха“ (ibid., 181).

Литературные интересы и занятія русскаго общества выражались въ тѣхъ повѣстяхъ, въ которыхъ выводились или писатели, или изображались литературные салоны, или просто приводилась болтовня на литературныя темы.

Привожу для примѣра описаніе того, что происходило въ какомъ-то провинціальномъ кружкѣ любителей литературы.

Описаніе засѣданія ученаго литературнаго общества:

„Засѣданіе началось. Говорили объ ученыхъ истекающаго столѣтія, сравнивали ихъ съ стариками, въ дубовыхъ вѣнкахъ Гомеръ, Виргилій, писатель Генріады, Пиндаръ, Клопштокъ нѣмецкій, Клопштокъ Россійскій безпрестанно леталъ изъ устъ въ другія. О! есть ли бы сіи критики были столько знакомы съ этими поэтами въ самомъ дѣлѣ, какъ они казались таковыми!—какъ они довольны были, что могли разсуждать долгое время за однимъ духомъ о предметахъ всему свѣту извѣстныхъ! Фразы оттачиваемы были самымъ щегольскимъ образомъ о всемъ, что до нихъ сказано, примѣчено. Казалось, все въ устахъ ихъ или низвергалось въ мрачнѣйшую бездну презрѣнія, или возвышалось до возможнаго величія, всякое выраженіе замѣчено было рукоплесканіями, либо освистано было, какъ бываетъ въ большихъ публичныхъ зрѣлищахъ. Но вдругъ все утихло. Буало увидѣлъ на столѣ Виландову Музаріонъ“—важно изрекъ bon mot, встрѣченъ одобрительно, „но авторъ уловилъ его, указавъ, что это bon mot не ему принадлежитъ (*Филонъ, 139*).

Къ сожалѣнію

„въ этомъ собраніи имѣла мѣсто пронырливая зависть, лютая ненависть и огнедышащая злоба“ (*Гонимая невинность, 29*).

Любопытно, что рядомъ съ вполнѣ опредѣленнымъ преклоненіемъ передъ французской литературой, что выясняется изъ общаго преклоненія передъ Вольтеромъ („Pucelle“, „Henriade“) (Евгеній 56), Корнелемъ и Рассиномъ, встрѣчаемъ мы въ русскомъ обществѣ поклонниковъ молодой русской поэзіи, — вотъ, напримѣръ, отзывъ о русскихъ писателяхъ XVIII-го столѣтія.

„благодаря восемнадцатому столѣтію мы имѣемъ у себя довольно великихъ умовъ, у насъ есть свои Гомеры, Горація, Теокриты, Евриппды... что великолѣпнѣе картины Бога, продолжалъ онъ, подъ пламеннымъ перомъ Россіянина! Россіяда не то же ли, что Виргиліева Енеида и Вольтерова Генріада? Знакомъ даже съ произведеніями нѣжныхъ моихъ соотечественниковъ,—я въ нихъ люблю человѣка, люблю ихъ чувствительность, ихъ невинность. Я даже не нахожу таковой невинности въ древнихъ грекахъ; часто я бросаю Теокрита на серединѣ, Анакреона на первой строкѣ пьесы, а Россійскихъ Теокритовъ и Анакреоновъ читаю до конца“ (*Филонъ, 232*).

Въ тогдашнемъ обществѣ поэтъ-стихотворецъ занялъ почетное мѣсто: онъ украшалъ собою „салоны“. Правда, въ этихъ „поэтахъ“ было много комичнаго,—оттого надъ ними охотно потѣшаются русскіе романисты. Вотъ, напримѣръ, описаніе одного литературнаго„ салона“, съ участіемъ „поэта“

„по серединѣ сидѣлъ малороссійскій стихотворецъ и прокрикивалъ стихи изъ сочиненной имъ трагедіи; потъ валилъ съ него, какъ градъ (*Пріюжая повариха, 84*).

... вошелъ одинъ, у котораго на лицѣ даже написано было, что онъ изъ ученыхъ. Это Буало здѣшняго округа! украдкою сказалъ мнѣ сосѣдъ (*Филонъ, 157*);

Къ сожалѣнію, изъ нѣкоторыхъ повѣстей видно, что эти доморощенные Буало занимались тѣмъ, что

„разсѣивали въ обществѣ ругательныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ“ (*Несчастный Никаноръ*), 31).

Впрочемъ, большинство занималось творчествомъ самымъ выгоднымъ—сочиненіемъ „хвалебныхъ одъ“. Такъ, одинъ поэтъ заявилъ, что упражняется въ самолучшемъ родѣ сочиненій.

„Лучшій родъ стихотворенія есть похвальный. Я пишу похвальныя оды, эпистолы, эпитафіи, эпиталамы, мадригалы и всякіе поздравительные стихи“ (*Евгеній, 53*).

Что хвалебныя оды — „лучшій родъ стихотворчества“, онъ доказывалъ тѣмъ, что показывалъ табакерку, часы и перстень—полученные за сочиненныя оды (ibid., 53).

Кромѣ настоящихъ литераторовъ попадаютъ на страницы русскихъ повѣстей и „домашніе поэты“, сочиняющіе пѣсенки и стишки для потѣхи хозяевъ. Таковъ, напримѣръ, Никаноръ, отъ котораго остались нѣкоторые „поэтическіе курьезы“, напримѣръ, его сатира на подъячихъ.

„Знать, въ деревню пріѣхалъ подъячій,
Голосъ слышенъ далече собачій!
Чу! еще и свищутъ,
Знать, старосты ищутъ!“ (*Несч. Никаноръ, 152*).

Вотъ, напримѣръ, веселая пѣсенка, посвященная барину, который увлекался дворовыми дѣвушками:

„Хлебаю похлебочку безъ всякихъ приправъ,
Люблю подлу дѣвочку за хорошій нравъ...
Отворися счастье, открой къ любви путь:
Мнѣ подлая дѣвочка расшибла всю грудь“ (ibid., 169—170).

Тѣмъ же Никаномъ сочинена эпитафія на могилу „милостивца“.

Пещера пропасти раскрылась
И потопила розовъ кустъ,
Печально грудь моя пронзилась,
Михайла! охъ! оставилъ свѣтъ. (ibid., 54).

(Окончаніе слѣдуетъ).

Историческія замѣтки.

Екатерина Медичи и реформація во Франціи [1]).

I.

Мнѣнія историковъ и романистовъ о Екатеринѣ Медичи.—Ея истинный характеръ.—Ея свадьба и отношенія къ Генриху II.—Непопулярность брака.—Герцогиня д'Этампъ.—Слухъ о разводѣ.

Эпоха Екатерины Медичи одна изъ наиболѣе мрачныхъ въ исторіи Франціи, и нѣтъ ничего удивительнаго, что личность Екатерины впослѣдствіи стала отождествляться со всѣми ужасами и религіозными гоненіями, ознаменовавшими регентство этой королевы. Всѣ злодѣянія того періода приписывались ей одной, тогда какъ въ дѣйствительности она была только наиболѣе полной выразительницей своего вѣка.

Если Маргариту Ангулемскую, сестру короля Франциска, эту королеву-поэтессу, преданную философіи, эстетикѣ, мистицизму, можно было назвать самой яркой представительницей расцвѣта ренессанса, то послѣдовавшій затѣмъ періодъ декаданса нашелъ свою представительницу въ лицѣ черствой и циничной политической интриганки регентши Екатерины Медичи.

Дочь бурбонской принцессы и вырождающагося принца изъ дома Медичи, племянница Льва X, этого типичнаго папы временъ ренессанса, полу-француженка, полу-итальянка, Екатерина отъ природы и по воспитанію получила уже всѣ данныя, чтобы сдѣлаться полнѣйшимъ циникомъ. Въ прежнее время ее представляли какой-то мелодраматической злодѣйкой, окруженной астрологами, хранящей въ потайныхъ шкафахъ флаконы съ ядами, во всякомъ случаѣ загадочной

[1]) Біографіи столь извѣстной Катерины Медичи до такой степени разнообразны и часто пристрастны, что за ними скрывается ея настоящій обликъ. Это побудило Edith Sichel'я издать въ 1905 году свой трудъ Catherine Medici and the French reformation, изъ котораго мы и сдѣлали настоящее извлеченіе.

натурой, чему не мало способствовали Дюма и даже Мишлэ въ тѣ времена, когда исторія была еще искусствомъ, а не наукой. Въ наши дни наука безпощадно истребляетъ породу историческихъ злодѣевъ, замѣняя ихъ жертвами уродливыхъ государственныхъ условій, но истина, быть можетъ, находится между этими двумя крайностями. Разсказы о таинственныхъ хранилищахъ ядовъ въ Блуа, какъ теперь съ достовѣрностью выяснилось, сущія сказки. Какъ нерѣдко случается, на Екатерину пала отвѣтственность за преступленія, совершенныя менѣе извѣстными ея современниками. Но Екатерина была, быть можетъ, тѣмъ и страшна, что у нея совершенно отсутствовали всякія нравственныя побужденія. Ея безразличіе, доходящее до цинизма, составляло огромную несокрушимую силу. Практическую изворотливость ума она довела до высшаго предѣла и видѣла вещи такими, какими онѣ есть, а не такими, какими должны быть. Самымъ строгимъ приговоромъ для ея нравственнаго безразличія можетъ служить отзывъ, сдѣланный о ней испанскимъ посланникомъ при французскомъ дворѣ. Спустя нѣсколько дней послѣ Варѳоломеевской ночи, онъ писалъ о ней: „она какъ-будто помолодѣла на десять лѣтъ“.

Но при этомъ замѣчательно, что репутація Екатерины, какъ женщины, осталась почти незапятнанной. Приписываемая ей ея современниками связь съ герцогомъ Франсуа-де-Гизомъ оказалась злостной выдумкой ея недоброжелателей. Вообще, Екатерина была самой респектабельной, злой особой, извѣстной въ исторіи. Но ея добродѣтельное поведеніе происходило отнюдь не отъ строгости принциповъ, такъ какъ она нисколько не стѣснялась устраивать для своихъ придворныхъ красавицъ, такъ называемаго „летучаго эскадрона“, связи ради политическихъ выгодъ. Ея же собственная неуязвимость въ этомъ направленіи доказываетъ только, что она не была рабой своихъ низменныхъ инстинктовъ. Приличія и этикетъ были поставлены на первомъ планѣ въ ея жизни; къ тому же она отличалась поразительнымъ самообладаніемъ, которое проявляла въ продолженіе долголѣтняго соперничества съ Діаной-де-Пуатье. По истинѣ можно удивляться, какъ долго она могла сдерживать свои чувства, выказывать дружбу къ фавориткѣ мужа, таиться и молчать, и какъ она вдругъ выпустила когти, когда насталъ моментъ ея власти и она могла отомстить. Но тамъ, гдѣ ее не связывали ни интересы, ни этикетъ, она давала просторъ самымъ бурнымъ и грубымъ проявленіямъ гнѣва и злобы. Ея дѣти нерѣдко испытывали на себѣ грубость этихъ вспышекъ; даже бойкая принцесса Марго не могла безъ ужаса вспоминать впослѣдствіи объ этихъ сценахъ. „Она неистовствовала въ гнѣвѣ“,— писала она о своей матери — „и говорила такія вещи, какія только бѣшеная ярость можетъ вызвать на уста“. Но достаточно было раз-

даться вдали шагамъ какого-либо придворнаго, чтобы она тотчасъ овладѣвала собой и приняла свой обычный величаво-спокойный королевскій видъ. Только зная всю бездну злобы въ ея натурѣ, можно понять, какую силу она должна была употреблять, чтобы властвовать надъ собой. Принцесса Марго, на слова которой можно положиться, пишетъ далѣе: „Она, которую никогда не покидала осторожность, которая управляла своими дѣйствіями, согласно со своими желаніями, вполнѣ доказала, что осмотрительный человѣкъ не дѣлаетъ ничего такого, чего не желаетъ дѣлать".

Единственное сильное чувство, руководившее какъ въ частной, такъ и въ государственной дѣятельности, было ненасытное честолюбіе. Венеціанскій посланникъ въ своемъ донесеніи о ней своему правительству пишетъ, что она подчиняется одному только могущественнѣйшему чувству: „un affetto potentissimo... un affeto di signoreggiare"; т. е. желанію властвовать, царствовать. Только одно это чувство наполняло страшную пустоту, образовавшуюся въ ея душѣ вслѣдствіе отсутствія какихъ-либо побужденій. Ему она приносила въ жертву и друзей, и недруговъ, и даже родныхъ дѣтей. Все мрачное, преступное и низкое, совершенное ею, можетъ быть, приписано, главнымъ образомъ, этому чувству.

Что же касается Варѳоломеевской ночи, то идея избіенія, самая отвратительная изъ когда-либо возникавшихъ у женщины, и безспорно зародившаяся первоначально въ умѣ Екатерины Медичи, была внушена ей только страхомъ и ея политической близорукостью. Она сдѣлала ошибку, вполнѣ ей свойственную. Когда вліяніе и власть Колиньи стали угрожать ея собственному положенію, для нея сдѣлалось необходимымъ устранить его. Гизы готовы были съ радостью помочь ей въ жизни, но когда имъ не удалось убить Колиньи, когда распространился слухъ, что гугеноты, возмущенные покушеніемъ на ихъ предводителя, затѣваютъ быстрое и рѣшительное мщеніе, ею овладѣла паника. Она почувствовала, что должна фактически имъ противодѣйствовать, и въ результатѣ было избіеніе. Во всякомъ случаѣ Варѳоломеевская ночь не была слѣдствіемъ спокойно и хладнокровно обдуманнаго плана, такъ какъ сама Екатерина всего болѣе желала мира и всячески добивалась его, а потому при спокойномъ размышленіи она отвергла бы мысль о массовомъ избіеніи, какъ совершенно недѣйствительную мѣру.

О Екатеринѣ Медичи установилось еще одно ложное представленіе. Ее считаютъ хорошей матерью. Но едва-ли это было въ дѣйствительности. Если она горячо боролась за интересы дѣтей, то вѣдь этимъ путемъ она отстаивала и свои собственные. Правда, когда дѣти были малы, она окружала ихъ самымъ заботливымъ уходомъ, заботи-

лась о нихъ, учила ихъ, вникала во все, что ихъ касалось, но это было до тѣхъ поръ, пока они не могли ей противорѣчить. Но какъ только они начинали проявлять свою волю, дѣло рѣзко измѣнялось. Бѣдной принцессѣ Марго приходилось переносить очень тяжелыя сцены и даже побои. Слабаго и безхарактернаго Франциска II она совершенно подчинила своей волѣ; такъ что онъ даже готовъ былъ отказаться отъ короны въ ея пользу. Карлъ IX, столь же слабохарактерный, но съ нѣкоторыми вспышками бурнаго протеста, какъ это нерѣдко случается у безхарактерныхъ людей, былъ предметомъ ея презрѣнія и даже, какъ говорили, непріязни. Ея любимцемъ былъ самый младшій ея сынъ, Генрихъ, впослѣдствіи Генрихъ III, прелестный мальчикъ, съ красивыми руками, но умственно дегенератъ. Однако, когда онъ, вступивъ на престолъ, осмѣлился проявить свою волю и поставить въ опасность власть матери, Екатерина не постѣснялась оставить его и даже перейти на сторону его враговъ. Нѣсколько болѣе материнское чувство она питала къ старшей своей дочери, Елизаветѣ, выданной за испанскаго короля, Филиппа II, и очень рано умершей. Письма къ этой дочери дышатъ неподдѣльной теплотой, и во всей массѣ сухихъ документовъ, оставшихся послѣ Екатерины, единственнымъ теплымъ и жизнерадостнымъ лучемъ было письмо, написанное ею при отправкѣ двухъ роскошныхъ куколъ маленькимъ испанскимъ инфантамъ, ея внукамъ. Ея дѣти, съ своей стороны, относились къ ней съ восторженнымъ почтеніемъ, но они были слишкомъ запуганы, чтобы удѣлить ей мѣсто въ ихъ сердцахъ.

Помимо тщеславія и своекорыстія въ загадочной натурѣ Екатерины безспорно было одно чувство глубокое и сильное, таившееся, какъ какое-то незримое въ глубинѣ морской теченіе. Это чувство была любовь къ мужу, со стороны котораго она никогда не пользовалась взаимностью. Обстоятельство, на которое почти не обращается вниманіе, или вѣрнѣе, которое почти совершенно стушевывается передъ всеобщимъ интересомъ къ романической привязанности Генриха II къ Діанѣ де-Пуатье. Екатерина же, „скупая на жалобы“, съ достоинствомъ скрывала свою сердечную неудачу. Она никогда не упрекала мужа и всегда съ большимъ тактомъ и безкорыстной преданностью поддерживала его престижъ. Быть можетъ, въ этомъ особенно сказывалась ея натура примитивной женщины, обожающей своего повелителя. Генрихъ возбуждалъ въ ней даже страхъ; въ его присутствіи она становилась неловкой и молчаливой, чѣмъ, по всей вѣроятности, и отталкивала отъ себя отъ природы молчаливаго короля. Многое въ жизни Екатерины объясняется этой глубокой безмолвной привязанностью. Благодаря ей, она никогда не протестовала противъ его распоряженій, даже тогда, когда они были явно унизительными для нея, и если бы

не эта привязанность, она, конечно, не стала бы ожидать смерти короля, чтобы удалить Діану де-Пуатье.

Много лѣтъ спустя, будучи уже вдовою, она лишь однажды намекнула своему единственному другу и повѣренной, своей дочери Елизаветѣ, о своихъ неудачахъ въ семейной жизни.

„Только одну печаль имѣла я въ жизни, а именно, я никогда не была любима такъ, какъ я хотѣла бы быть любимой королемъ, вашимъ отцомъ, который, однако, почиталъ меня, безъ сомнѣнія, превыше моихъ достоинствъ“,—писала она.

Ея завѣтное желаніе никогда не осуществилось, она не могла завладѣть сердцемъ супруга, даже самымъ маленькимъ уголкомъ его. Но, послѣ ея дипломатическаго успѣха въ Парижѣ, въ то время, когда онъ потерпѣлъ пораженіе при Сенъ-Кентинѣ, и она съ большимъ трудомъ добилась отъ народныхъ представителей новыхъ военныхъ кредитовъ, онъ сталъ относиться къ ней съ большимъ уваженіемъ. Однако, по характеру его награды, мы можемъ судить, какъ велика была степень пренебреженія; дѣло въ томъ, что съ этого времени онъ принялъ за правило заходить послѣ обѣда на одинъ часъ въ покои королевы, вмѣсто того, чтобы тотчасъ же удаляться въ общество Діаны де-Пуатье. До этого времени Екатерина, повидимому, даже рѣдко его видѣла.

Екатерина-Марія-Ромола Медичи родилась въ 1519 году. Ей дано было имя Ромола,—очень распространенное во Флоренціи,—въ честь ея двоюроднаго дѣда, папы Льва X изъ рода Медичи.

Въ 1531 году окончились переговоры Климента VII съ Франціею о бракѣ Генриха II съ Екатериною Медичи, и дѣло было совсѣмъ улажено.

Почувствовавъ себя обезпеченнымъ съ этой стороны, Климентъ VII началъ торговаться насчетъ приданаго, и затрудненія, вызванныя имъ, оттянули свадьбу еще на два года. Папа не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія тратить личныя средства на приданое родственницы, и Римъ, къ еще большему своему обѣднѣнію, былъ вынужденъ доставить приданое, деньги, свадебные подарки и даже заплатить за путевые расходы. Въ числѣ драгоцѣнностей, поднесенныхъ городомъ Римомъ Екатеринѣ, находилось знаменитое жемчужное ожерелье, изумительной красоты, и стоившее цѣлое состояніе. Это ожерелье перешло впослѣдствіи къ слѣдующей наслѣдной принцессѣ, а именно, къ Маріи Стюартъ, увезшей его въ Шотландію; въ концѣ-концовъ, это ожерелье было взято, безъ всякихъ разговоровъ, королевой Елизаветой англійской. Наряды невѣсты представляли предметъ разговоровъ всей Италіи. Вообще, свадебный поѣздъ Екатерины Медичи былъ обставленъ чрезвычайной роскошью. Климентъ VII самъ сопровождалъ ее въ Марсель, гдѣ должна была произойти встрѣча съ

поѣздомъ жениха, котораго сопровождалъ отецъ и весь Парижскій дворъ. По брачному контракту, подписанному въ Марсели, Франція обязывалась уплатить огромную сумму за Екатерину, а Климентъ VII обѣщалъ дать за ней въ приданое тридцать тысячъ червонцевъ, но эта сумма не была выплачена полностью, и вообще предполагаютъ, что папа не исполнилъ своихъ обязательствъ передъ Франціей.

Зато въ смыслѣ блеска и роскоши ничто не могло сравниться со свадебными торжествами въ Марсели. Но, странное дѣло, казалось, что на этой свадьбѣ главная роль принадлежала не молодому новобрачному,—тогда еще едва вышедшему изъ отрочества,—но его отцу, королю Франциску I, и старшему родственнику новобрачной, папѣ Клименту VII. Хитрый монархъ и ловкій прелатъ, обмѣниваясь церемонными любезностями на этихъ пышныхъ празднествахъ, въ то же время какъ-будто зондировали глубину интригъ одинъ другаго. Папа старался вырвать у короля обѣщаніе на новый крестовый походъ противъ турокъ; король же пытался проникнуть въ истинные замыслы папы по отношенію къ европейскимъ державамъ.

Но празднества. наконецъ, кончились; папа уѣхалъ, и для Екатерины началась новая жизнь въ замужествѣ. Для пятнадцатилѣтней новобрачной, повидимому, тотчасъ же начались горькія разочарованія. Она не могла не замѣтить, что явилась вовсе не желанной женой для угрюмаго, молчаливаго юноши, который вовсе съ ней не говорилъ, впрочемъ, какъ и вообще онъ ни съ кѣмъ не разговаривалъ. О первыхъ годахъ ихъ супружеской жизни извѣстно чрезвычайно мало, по всей вѣроятности, потому, что и знать было нечего. Впрочемъ, у нихъ почти не было отдѣльнаго, самостоятельнаго образа жизни, а приходилось жить общей шумной, безалаберной придворной жизнью. Екатерина могла бы утѣшиться въ неудачахъ семейной жизни, если бы, по крайней мѣрѣ, французскій народъ встрѣтилъ ее болѣе сочувственно. Но бракъ этотъ былъ очень непопуляренъ. Парижане были недовольны огромными расходами, сопряженными съ этой свадьбой, и отнеслись чрезвычайно холодно къ новобрачной принцессѣ; ея пріѣздъ состоялся безъ всякихъ народныхъ привѣтствій. Для всей же страны, вообще, она была „флорентинкой“,—чѣмъ по преимуществу возбуждала непріязнь и подозрительность. Ее не безъ основанія обвиняли, что она потащитъ за собой итальянцевъ, которые сядутъ на шею французамъ, къ тому же и скаредный образъ дѣйствій папы Климента при уплатѣ ея приданаго, конечно, не могъ располагать къ ней сердца французовъ. Спустя два года, послѣ свадьбы, венеціанскій посланникъ писалъ, что бракъ по-прежнему непопуляренъ и только покорность Екатерины дѣлаетъ ея положеніе хотя нѣсколько сноснымъ.

Но даже для нея появленіе при французскомъ дворѣ могло показаться рискованнымъ, вотъ почему она еще изъ Италіи писала Франциску I, прося прислать ей въ Марсель хорошаго учителя танцевъ для того, чтобы она не показалась слишкомъ неловкой французскимъ дамамъ. Опасенія ея не были преувеличены. Дѣло въ томъ, что эти строгія особы уже завидовали вліянію, которое она могла имѣть на короля, и только тогда нѣсколько успокоились, когда увидѣли ея портретъ. Ея одутловатыя щеки и тусклые глаза разсѣяли ихъ опасенія.

Изъ штата новыхъ своихъ приближенныхъ дамъ Екатерина особенно подружилась съ m-lle д'Ейлли, вскорѣ сдѣлавшейся герцогиней д'Этампъ и прославившейся въ качествѣ метрессы короля. Вообще, штатъ Екатерины состоялъ изъ молодыхъ и блестящихъ придворныхъ красавицъ, что было даже нѣсколько рискованно для молодой пятнадцатилѣтней принцессы. Но, къ счастью, ее взяла подъ свое покровительство сестра короля, Маргарита Ангулемская, королева Наварры. Екатерина сумѣла вкрасться въ довѣріе и расположеніе этой чрезвычайно доброй и вліятельной женщины. Со времени пріѣзда во Францію она приняла роль смиренной, беззащитной дѣвочки и наградой ея была неизмѣнная дружба Маргариты, которая всегда старалась замолвить за нее словечко передъ королемъ. Впрочемъ, это едва-ли было ей нужно, такъ какъ король самъ сразу ободрилъ ее. Съ того времени, какъ онъ встрѣтилъ ее въ Марсели и вплоть до его смерти, она всегда была въ его компаніи. На охотахъ въ Фонтенебло, пришпоривъ свою лошадь, она обыкновенно ѣхала рядомъ съ нимъ и была его излюбленнымъ товарищемъ въ смѣлыхъ охотничьихъ подвигахъ, и онъ любилъ ея отвагу такъ же, какъ и ея разговоръ. Ему нравились ея быстрая сообразительность, острый язычекъ и тонкая наблюдательность. Онъ любилъ слѣдить за модой, и Екатерина выучилась даже по-гречески, чтобы не отстать отъ моды и угодить ему. Вотъ почему король не замедлилъ включить ее въ свой маленькій отрядъ,—группу прелестныхъ блондинокъ и брюнетокъ, которыя слѣдовали за нимъ на охоты, обѣдали за его столомъ, задавали ему незамысловатыя загадки и вообще развлекали и молодили его. Онѣ сопровождали его изъ дворца во дворецъ, изъ Ле-Турнель въ Парижъ, въ Фонтенебло, изъ замка Амбуазъ въ замокъ Блуа.

Въ маленькомъ отрядѣ принимали участіе всѣ молодыя особы, способныя заинтересовать пресыщенный вкусъ короля. Но герцогиня д'Этампъ была предводительницей этой маленькой компаніи, и всѣ члены должны были признавать ея главенство. Быть слишкомъ щепетильными никому не разрѣшалось, да, впрочемъ, ни у кого и не было къ тому охоты; отъ нихъ же требовались только: достаточный запасъ веселости и умѣнія непринужденно болтать. Но главное зна-

ченіе „отряда“ ускользало отъ контроля короля; въ дѣйствительности, „отрядъ“ былъ сосредоточеніемъ придворныхъ интригъ. Герцогиня д'Этампъ недолго была единственной правящей силой. Скоро маленькій „отрядъ“ организовался въ боевую силу, и началась ожесточенная война противъ новаго восходящаго свѣтила,—Діаны де-Пуатье.

Съ этого времени начинается первый актъ интересующей насъ драмы. Діана де-Пуатье завладѣла сердцемъ Генриха и, въ 1536 году, спустя три года послѣ свадьбы, Екатерина убѣдилась, что она вытѣснена ею изъ сердца мужа. Придворные кружки тотчасъ же раздѣлились на два лагеря: одинъ—приверженцевъ короля и его герцогини; другой—принца и Діаны. Между отцомъ и сыномъ никогда не существовало большой дружбы, и съ этихъ поръ отношенія сдѣлались крайне натянутыми. Все зависѣло отъ того, какая изъ дамъ окажется сильнѣе и будетъ имѣть перевѣсъ. Герцогиня д'Этампъ была моложе и любила говорить, что она родилась въ день свадьбы Діаны. Но Діана обладала большимъ запасомъ ума и умѣла имъ распоряжаться. Вмѣсто маленькаго „отряда“ на ея сторонѣ были Гизы и коннетабль (главнокомандующій арміей) Монморанси. Для Екатерины это было большимъ огорченіемъ, такъ какъ коннетабль былъ раньше въ числѣ ея преданныхъ друзей, и впослѣдствіи она не могла успокоиться до тѣхъ поръ, пока не вернула его на свою сторону. Но въ тѣ времена около него и Діаны группировались всѣ красавицы, не принадлежавшія къ маленькому „отряду“.

Соревнованіе между двумя группами не замедлило перейти на религіозную почву и принять характеръ настоящей религіозной войны. Враждующія партіи начали прибѣгать къ тѣмъ пріемамъ, которые впослѣдствіи такъ способствовали неудачѣ реформаціи во Франціи. Безъ всякихъ религіозныхъ убѣжденій, единственно ради своихъ цѣлей, онѣ подымали религіозное знамя, опутывая его сѣтями интригъ. Діана покровительствовала католицизму, герцогиня д'Этампъ—нарождавшейся сектѣ гугенотовъ. Такимъ образомъ, Екатеринѣ первоначально пришлось присоединиться къ партіи реформаціи. Впрочемъ, фактъ этотъ не имѣлъ значенія, такъ какъ въ то время ей вовсе не приходилось дѣйствовать, единственнымъ проявленіемъ ея поступковъ было присоединеніе къ партіи герцогини д'Этампъ, хотя въ то же время она не проявляла никакой враждебности противъ Діаны, стараясь поддерживать дружескія отношенія. Вообще, тактика Екатерины того времени состояла въ томъ, чтобы оставаться въ тѣни, какъ можно болѣе непримѣченной. Роль ея выражалась тѣмъ, что она угождала во всемъ королю и ни во что болѣе не вмѣшивалась. Ея кажущаяся бездѣятельность, производившая впечатлѣніе безхарактерности, въ дѣйствительности была проявленіемъ очень сильной воли. Терпѣливо

выжидая, когда наступитъ ея часъ торжества, она старалась оставаться на подобіе листа бѣлой бумаги. Тѣмъ временемъ ей приходилось терпѣть пренебреженіе, даже на публичныхъ празднествахъ, а также явное презрѣніе со стороны народа за ея бездѣтность. Одно время, лѣтъ десять спустя, послѣ ея брака, когда она была уже наслѣдной принцессой, король Францискъ I серьезно подумывалъ объ ея разводѣ съ Генрихомъ изъ опасенія, что у ней не будетъ дѣтей. Ея соперница Діана де-Пуатье убѣдила короля въ необходимости и цѣлесообразности этого развода. Вопросъ этотъ былъ поднятъ даже на большомъ семейномъ совѣтѣ. До Екатерины дошли слухи о намѣреніи короля, и вотъ, молчаливая, маленькая интриганка отлично сумѣла разыграть свою роль. Зная, что свекоръ не можетъ выносить женскихъ слезъ, она, съ горькимъ плачемъ и рыданіемъ, отправилась къ нему и стала увѣрять его, что готова пожертвовать собой, ради блага Франціи, и покорно уйдетъ въ монастырь, или, если онъ прикажетъ, останется, чтобы ему служить.

„Дочь моя“,—сказалъ король,—коль скоро Богу угодно было, чтобы вы сдѣлались моей невѣсткой, то не бойтесь, что я пожелаю нарушить Его волю. Какъ знать, быть можетъ, Онъ еще даруетъ вамъ и намъ великую милость, которую мы болѣе всего желаемъ“.

Екатерина удалилась торжествующая; Діана же на этотъ разъ была побѣждена, а ея союзникъ, Монморанси, впалъ въ немилость.

Маргарита, королева наварская, написала Екатеринѣ сочувственное письмо. „Мой братъ,—писала она,—никогда не допуститъ этого развода, о которомъ говорятъ злые языки. Господь пошлетъ вамъ ребенка, когда вы достигнете того возраста, когда женщины изъ дома Медичи имѣютъ дѣтей“. И по отзывамъ личнаго секретаря Маргариты, сочувствіе этой доброй королевы было такъ велико, что она не могла удержаться отъ слезъ въ то время, когда писала это письмо.

Годъ спустя послѣ этихъ событій, у Екатерины родился, наконецъ, первый ребенокъ. Это былъ сынъ. И каково же было новое униженіе и огорченіе, причиненное молодой матери, когда новорожденнаго принца, по волѣ отца, приняла никто иная, какъ Діана де-Пуатье въ ея траурномъ вдовьемъ нарядѣ, въ черномъ съ бѣлымъ. И все это Екатерина должна была принимать съ видомъ привѣтливости и любезности, хотя у ней, какъ она вспоминала впослѣдствіи, сердце обливалось кровью. Окружающіе видѣли въ ней безобидную, даже глупенькую, молодую женщину; въ дѣйствительности же она походила скорѣе на притаившуюся въ тростникахъ пантеру, которая своей пассивностью вѣрнѣе скрываетъ свои намѣренія. Къ тому же, пока

былъ живъ король Франциск I, у ней все-таки былъ покровитель. Но съ его смертью положеніе измѣнилось. Никто уже не боялся быть ея врагомъ. Герцогиня д'Этампъ потеряла свою силу, а Діана царила полновластно. Едва-ли кто-либо могъ позавидовать участи Екатерины въ то время, когда Генрихъ II вступилъ на престолъ.

II.

Діана де-Пуатье.—Ея отношенія къ Франциску II.—Ея безграничное вліяніе на короля.—Характеръ Франциска.—Неограниченная власть на дѣла королевства.—Легенда историка Мишле.—Различіе характеровъ Екатерины и Діаны.—Тяжелое положеніе королевы.

Діана де-Пуатье, вдова верховнаго судьи въ Руанѣ, герцогиня де-Валентинуа, была типичной представительницей французскаго ренессанса. Гордая, практичная, неутомимая, она покровительствовала искусствамъ, смыслила кое-что въ медицинѣ, трактовала о Платонѣ и была дѣятельной руководительницей въ различныхъ заговорахъ. Свой образъ жизни она обставила изумительной пышностью. Ея дворецъ походилъ на маленькій городъ, штатъ слугъ на цѣлую армію, а въ должности главнаго своего секретаря она держала поэта.

Народная фантазія преобразила личность Діаны де-Пуатье не менѣе, чѣмъ Екатерины; но если Екатерина Медичи фигурируетъ въ качествѣ отмѣнной злодѣйки, то Діана де-Пуатье, наоборотъ,—не менѣе поразительной героини, — настоящей романической красавицы. Но Діана, даже въ молодости, не была красива. Подлинные портреты и медали съ ея изображеніемъ представляютъ ее только миловидной, спокойно-уравновѣшенной и съ натуральнымъ цвѣтущимъ цвѣтомъ лица. Эти изображенія рѣзко отличаются отъ тѣхъ, по которымъ всѣ привыкли представлять ее, какъ-то: по дивной бронзовой статуѣ Діаны Бенвенуто Челлини, по холодной и гордой восхитительно-изящной Діанѣ Жана Гужонъ, которая была патронессой Анэ, или по Артемизѣ Приматичіо. Но всѣ эти изображенія Діаны, долго считавшіяся портретами Діаны де-Пуатье, въ дѣйствительности были придворными комплиментами, поэтическими варіяціями на имя греческой богини. По общему свидѣтельству современниковъ, за исключеніемъ прически и гордаго выраженія лица, Діана де-Пуатье не имѣла ничего общаго съ увѣнчанными полумѣсяцемъ и мраморными богинями, которыя на каждомъ шагу привѣтствовали Генриха II въ помѣстіи вдовы верховнаго руанскаго судьи. Богиня охоты сдѣлалась символомъ фаворитки.

Діана де-Пуатье была на семнадцать лѣтъ старше Генриха II. Ему едва исполнилось двадцать лѣтъ, когда въ 1536 году онъ впервые узналъ ее, она же тогда была тридцатишестилѣтней вдовой; съ тѣхъ поръ связь ихъ непрерывно продолжалась двадцать два года, до самой смерти короля. Она нашла его застѣнчивымъ, не смѣвшимъ открыть рта, мальчикомъ, и пробудила въ немъ человѣка сильнаго, монарха. Вотъ что писалъ о Генрихѣ, въ бытность послѣдняго дофиномъ, венеціанскій посланникъ Дандоло: „свѣтлѣйшему дофину двадцать три года; онъ имѣетъ симпатичную наружность, довольно высокъ ростомъ и такъ строенъ и соразмѣрно сложенъ, что можно подумать, что весь онъ состоитъ изъ мускуловъ. Но по натурѣ онъ имѣетъ молчаливый и мрачный характеръ, онъ рѣдко улыбается, и никто при дворѣ никогда не видѣлъ, чтобы онъ смѣялся". Спустя пять лѣтъ, когда Генриху было двадцать восемь лѣтъ, Кавалли писалъ о немъ:

„Онъ плотнаго тѣлосложенія, но меланхолическаго характера и очень искусно владѣетъ оружіемъ. Онъ красивъ собой, но имѣетъ твердый и опредѣленный взглядъ на вещи. Такіе люди имѣютъ наиболѣе данныхъ на успѣхъ". Эту перемѣну въ Генрихѣ всецѣло слѣдуетъ приписать Діанѣ, такъ какъ она съ начала и до конца руководила воспитаніемъ Генриха. Быть можетъ, ни одна женщина ни раньше, ни позже ея не сформировала болѣе законченно правителя, чѣмъ достигла этого она въ отношеніи Генриха II. Ихъ связь, по продолжительности и прочности, сдѣлалась классическимъ скандаломъ въ исторіи. Въ позднѣйшее время со стороны Генриха были маленькія легкомысленныя увлеченія, но они продолжались недолго и всегда кончались быстрымъ возвращеніемъ къ Діанѣ. Его чувство къ ней было достаточно сильно, чтобы выдержать трудный и неизбѣжный переходъ отъ поэзіи страсти къ прозѣ привычки, и ихъ союзъ во всѣхъ отношеніяхъ можно было бы назвать счастливымъ бракомъ, если бы между ними не стояло мрачной и патетической фигуры Екатерины, которая всего менѣе походила на законную жену. Даже королевскія дѣти не вполнѣ принадлежали матери. Діана, подъ наблюденіемъ которой они находились по преимуществу, любила ихъ, какъ своихъ родныхъ дѣтей, и Анэ былъ для нихъ такимъ же роднымъ домомъ, какъ и Амбуазъ. Какими же чарами располагала эта женщина среднихъ лѣтъ надъ молодымъ мужчиной, который по годамъ годился ей въ сыновья? Во всякомъ случаѣ это не была красота, такъ какъ Діана не была красива и Генрихъ даже въ самыхъ пылкихъ своихъ письмахъ, относительно ея наружности, употребляетъ выраженіе honnete, (что въ тѣ времена означало симпатичный). Интересно также сопоставить отзывъ очевидцевъ. Только Брантомъ, этотъ неисправимый льстецъ, видѣвшій въ каждой знатной дамѣ чуть ли не совершенство,

*

писалъ: „Я видѣлъ герцогиню де-Валентинуа, когда ей было семьдесятъ лѣтъ, но осанка ея такъ же благородна и она такъ же привлекательна, какъ въ тридцать лѣтъ". Но правдивость его отзыва уже потому подлежитъ большому сомнѣнію, что Діана умерла шестидесяти четырехъ лѣтъ. Другіе авторы, хотя и болѣе правдивы, но болѣе сдержаны. „Она замѣшалась въ жизнь короля, — доносилъ о ней въ своихъ отзывахъ венеціанскій посланникъ, — когда онъ былъ еще дофиномъ. Онъ нѣжно любилъ ее и любитъ до сихъ поръ... хотя она уже старуха. Но необходимо замѣтить, что она вовсе не употребляетъ никакихъ притираній, и при этомъ далеко не кажется такой старой, какая есть въ дѣйствительности". Одинъ изъ французскихъ лѣтописцевъ еще болѣе безцеремоненъ въ своихъ выраженіяхъ.—„Горько видѣть",—пишетъ онъ,—„что молодой принцъ обожаетъ поблекшее лицо, покрытое морщинами, голову, начинающую уже сѣдѣть, потускнѣвшіе глаза, которые иногда кажутся совсѣмъ красными", — не лишнее замѣтить, что это писалось въ то время, когда Діанѣ было 38 лѣтъ, и около полутора года спустя, послѣ ея первой встрѣчи съ Генрихомъ. Тѣмъ не менѣе едва-ли какую-либо женщину, несравненно болѣе красивую, чѣмъ она, легенда изукрасила бы такимъ ореоломъ поэзіи и блеска. Но если откинуть прикрасы легендъ, то окажется, что Діана де-Пуатье была самая практичная женщина въ мірѣ, положительная и разсчетливая, какъ только можетъ быть француженка. Достаточно прочесть ея письма, всегда полныя дѣловыхъ и хозяйственныхъ подробностей, практическихъ и медицинскихъ наставленій, чтобы понять, какъ мало авторъ ихъ былъ занятъ изліяніями утонченныхъ нѣжностей и чувствъ.

Тѣмъ не менѣе вліяніе ея на молодаго принца было неограничено. Она первая открыла и призвала къ жизни его дремлющія силы и способности, силы, которыхъ, быть можетъ, онъ и самъ не сознавалъ, хотя и страдалъ отъ не выраженной и ни къ чему не приведенной энергіи. Онъ былъ молчаливъ отъ сосредоточенности, а Діана научила его говорить; онъ былъ неловокъ и холоденъ отъ застѣнчивости, но она дала ему самоувѣренность и успѣхъ. Главнымъ же образомъ онъ нуждался въ ласкѣ и привязанности. Его отецъ, сосредоточившій все вниманіе и привязанность на старшемъ сынѣ, никогда не любилъ втораго сына и однажды откровенно высказался о немъ, „что не терпитъ задумчивыхъ, вялыхъ и сонныхъ дѣтей". Его мать, которая, быть можетъ, могла бы понять, что у него на душѣ, умерла, когда онъ былъ еще ребенкомъ. Діана де-Путье была первой женщиной, вообще первымъ существомъ, показавшимъ ему нѣжность, въ отвѣтъ на которую у него вспыхнула страсть. Письма, которыя онъ писалъ ей собственноручно, вопреки обычаю того времени—когда даже самыя

интимныя посланія писались секретарями, отличались искренностью и глубиной чувства. Находясь, однажды, въ походѣ, онъ писалъ ей:—„Умоляю тебя сохранить въ памяти того, кто признаетъ только единаго Бога и единственнаго друга, и быть увѣренной, что ты никогда не раскаешься въ томъ, что позволила мнѣ назваться „твоимъ слугой".—Если онъ не видѣлъ ее два дня, то уже писалъ, что „не можетъ жить безъ нея". Всѣ ихъ письма были подписаны всегда ихъ общей монограммой, составленной изъ двухъ Д, обращенныхъ одно къ другому обратно, такъ что между ними съ помощью перекинутой петли, называемой Le lac d'amour, получилась буква Н. Впрочемъ, эта монограмма была принята Генрихомъ повсюду; на стѣнахъ Лувра, на площадяхъ и часовняхъ, на молитвенникахъ и мѣстахъ въ храмѣ, какъ если бы это была, дѣйствительно, монограмма короля и королевы.

Главная цѣль, которую преслѣдовала Діана, состояла въ томъ, чтобы выработать изъ Генриха короля, и, если одною изъ могущественныхъ причинъ ея вліянія на него была его потребность въ привязанности, то другой, не менѣе вліятельной причиной, была его нужда въ менторѣ. Отецъ не позаботился подготовить его на царство. „Во всю свою жизнь онъ никогда не посвящалъ его въ дѣла правленія и ни разу не приглашалъ его въ свой совѣтъ, вотъ почему принцъ вступилъ на престолъ, не имѣя, можно сказать, ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ управлять страной",—писалъ секретарь Маргариты Ангулемской, вообще не симпатизировавшій вдовѣ верховнаго судьи. Діана съ чисто женскимъ чутьемъ опредѣлила матеріалъ, доставшійся въ ея руки, и съ искусствомъ хорошаго администратора дала ему наилучшее примѣненіе. Его неповоротливость она превратила въ королевское достоинство, его медлительность въ осторожную политику.

Современники очень скоро замѣтили ея вліяніе на короля, тѣмъ болѣе, что у Генриха былъ заведенъ обычай ежедневно, послѣ обѣда, отправляться къ ней на часъ или на два, и сообщать ей обо всѣхъ дѣлахъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что ей первой было извѣстно о намѣреніяхъ короля и о новыхъ назначеніяхъ, вотъ почему вопреки того времени иронизировали, „что при дворѣ женщины дѣлаютъ все, даже генераловъ и капитановъ". Въ народѣ Діана очень скоро сдѣлалась очень непопулярной. Находились смѣлые патріоты, открыто порицавшіе подчиненіе короля посторонней женщинѣ, и слово sire (государь) по созвучію употребляли cire (воскъ); къ тому же Діана не знала предѣла своему честолюбію. Коронныя драгоцѣнности были поднесены ей и поднесены, именно, въ присутствіи королевы; ея изображеніе отчеканивалось рядомъ съ изображеніемъ короля. Однимъ словомъ, она была всесильна.

Каковы были чувства, которыя сама Діана питала къ королю, трудно опредѣлить.

Едва-ли по натурѣ она была способна на страсть, чувство ея къ королю скорѣе походило на чувство артиста къ своему произведенію, государственнаго дѣятеля къ его излюбленной идеѣ, преуспѣвающаго учителя къ своему ученику, тѣмъ болѣе, что учителемъ была женщина, а ученикомъ—мужчина и король.

Діана, дѣйствительно, была искренна, и въ этомъ ея главное достоинство. Вообще она обладала многими хорошими сторонами своихъ же недостатковъ, какъ-то: культомъ привычки, консервативностью и разсудительностью холодной натуры. Она проявляла скорѣе материнское чувство, которое, безъ сомнѣнія, было болѣе необходимо королю, нежели пылкая страсть. Ея снисходительная мудрость и спокойствіе освѣжали и бодрили его.

Существуетъ предположеніе, поддерживаемое нѣкоторыми историками, будто король Франциск ъ самъ избралъ Діану де-Пуатье въ фаворитки своему сыну, въ надеждѣ, что такая женщина будетъ для него хорошей школой воспитанія. Хотя бы въ этомъ не было бы ничего удивительнаго, такъ какъ родителями нерѣдко устраивались подобныя воспитательныя связи для молодыхъ людей, но въ данномъ случаѣ преданіе, повидимому, не имѣетъ твердаго основанія, такъ какъ Генрихъ самъ въ своихъ письмахъ опровергаетъ это. „Если въ былыя времена, — пишетъ онъ, — я не боялся утратить благоволенія покойнаго короля, оставаясь съ вами, то тѣмъ болѣе теперь я не пожалѣю о какой-то ничтожной услугѣ, оказанной вамъ“. Король Франциск ъ едва-ли сталъ бы такъ настойчиво протестовать противъ связи сына съ Діаной, если бы онъ самъ подготовилъ ее.

Столь же неправдоподобной кажется и другая злостная выдумка, а именно: будто Діана была любовницей Франциска I прежде, чѣмъ сдѣлалась любовницей его сына. Легенду эту поддерживаетъ Мишлэ, а главнымъ образомъ за нее ухватились нѣкоторые романтическіе писатели.

Преданіе гласитъ, что въ заговорѣ, устроенномъ великимъ коннетаблемъ противъ Франциска I, было замѣшано много лицъ и въ томъ числѣ отецъ Діаны, г. де-Сенъ-Валье. Коннетабль успѣлъ скрыться, а Сенъ-Валье былъ арестованъ. Тогда Діана стала ходатайствовать передъ королемъ о помилованіи отца, который былъ уже приговоренъ къ смертной казни; и вотъ, цѣною своей чести ей, удалось спасти ему жизнь. Это было въ 1524 году. Въ это время Діана была уже восемь лѣтъ счастливо замужемъ за верховнымъ судьей въ Нормандіи, которому подарила двухъ дочерей. По другимъ же, еще болѣе фантастическимъ версіямъ, Сенъ-Валье намѣревался убить короля за то,

что тотъ обезчестилъ его дочь, молодую дѣвушку. Сенъ-Бефъ, съ его безпощадной логикой, опровергаетъ правдоподобность этихъ преданій, къ тому же и лучшій изъ біографовъ Діаны де-Пуатье, г. Гифри, тщательно собравшій и издавшій ея письма, заявляетъ полную увѣренность неправдоподобности этой легенды. Дѣйствительно, въ указанное время она давно уже была почтенной матерью семейства, а не молодой дѣвушкой. Однако, въ качествѣ придворной дамы, приближенной къ королевѣ, она, дѣйствительно, могла исходатайствовать помилованіе своему отцу, всего же вѣроятнѣй, что Сенъ-Валье былъ помилованъ по просьбѣ зятя, верховнаго судьи въ Нормандіи.

Всѣ другія преданія о легкомысленности Діаны также неправдоподобны. Разсказы объ ея связи съ Маро—сущій вымыселъ. Діана была такъ же вѣрна Генриху, какъ въ замужествѣ своему мужу. Если бы Діана была легкомысленной женщиной, она наполовину утратила бы интересъ, какъ историческая личность. Таковы были по незапятнанной вѣрности и преданности тѣ двѣ женщины, которыхъ по справедливости можно назвать двумя женами Генриха II и память о которыхъ перешла къ потомству, какъ о двухъ самыхъ безнравственныхъ типахъ въ исторіи.

Впрочемъ, только въ этомъ одномъ было сходство между Екатериной и Діаной. Во всемъ же остальномъ онѣ были крайними противоположностями. Діана была правдива, пряма, почти рѣзка, Екатерина скрытна, коварна и дѣйствовала всегда исподтишка. Быть можетъ, эти качества и оттолкнули отъ нея мужа съ самаго начала. Генрихъ любилъ прямые пути, и во многихъ отношеніяхъ это былъ простакъ, прислушивающійся къ голосу совѣсти. Ничто не характеризуетъ его такъ, какъ одинъ случай во время его коронованія. Разсказъ объ этомъ записанъ однимъ венеціанскимъ посланникомъ Дандоло, но первоисточникомъ была сама Діана. „Герцогиня де-Валентинуа разсказывала одной своей приближенной, которая передала мнѣ,— пишетъ г. Дондоло,—что король во время коронованія, прѣклонивъ колѣна, о чемъ-то долго горячо молился; впослѣдствіи, когда Діана спросила его, о комъ онъ такъ усердно молился, король отвѣтилъ, что онъ взывалъ къ Богу съ такой мольбой, если корона, которую онъ теперь принимаетъ, сулитъ ему доброе царствованіе и благоденствіе его народа, то пусть Господь дастъ ему ее на долго, а если нѣтъ, то пусть поскорѣе возьметъ ее у него“.

Такая молитва на устахъ короля навѣрное исходила изъ души, вовсе несродной съ политическими пріемами Медичисовъ. Если Діана, задавая этотъ вопросъ, разсчитывала получить иной отвѣтъ, то могла убѣдиться, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, который слишкомъ правдивъ, чтобы сказать ей что-либо, кромѣ правды.

Что же касается Екатерины, то она, во всякомъ случаѣ, никогда не могла вообразить, что онъ молится за нее. Во время коронованія, когда корона оказалась слишкомъ тяжелой для ея головы, корона была поставлена у ногъ Діаны, стоявшей возлѣ королевы. Присутствіе Екатерины было также затушевано и на знаменитыхъ ліонскихъ торжествахъ во время посѣщенія этого города королевской четой, послѣ коронованія. А между тѣмъ въ виду многочисленности итальянцевъ въ этомъ городѣ это было даже неудобно.

Отношенія между этими двумя женщинами были также очень странными. Хотя королева, безъ сомнѣнія, ненавидѣла свою соперницу, она, тѣмъ не менѣе, во многомъ отъ нея зависѣла и была обязана ей не только своимъ положеніемъ, но и безчисленными услугами, „bons et agrêables services“, какъ Генрихъ любилъ ихъ называть. По отзывамъ современниковъ, если король возвращался иногда къ королевѣ, то это было по настоянію Діаны. Должно быть для Екатерины это было еще большей обидой, чѣмъ полное охлажденіе короля. Когда у ней, наконецъ, родились дѣти, ихъ принимала Діана на свое полное попеченіе; это она отыскивала для нихъ кормилицъ, выбирала докторовъ. Сохранился странный рисунокъ, на которомъ изображено, какъ герцогинѣ де-Валентинуа подносятъ новорожденное королевское дитя, какъ бы испрашивая для него ея защиты и покровительства, тогда какъ въ тѣни, на заднемъ планѣ, едва виднѣется королева. Никакихъ иллюзій относительно роли Діаны у Екатерины не могло быть въ томъ вѣкѣ при развитомъ подслушиваніи и шпіонствѣ. Къ тому же она въ своемъ желаніи все знать была безпощадна къ себѣ самой. Помѣщеніе Діаны приходилось какъ разъ подъ ея аппартаментами, и Екатерина устроила отверстіе въ полу, чтобы во всякое время видѣть и слышать, что происходитъ внизу,— страшное самоистязаніе для ревнивой женщины, которая не имѣла даже надежды когда-либо отмстить. Непримиримый врагъ Діаны, г. де-Тованнъ, гугенотскій лѣтописецъ, предлагалъ королевѣ такое курьезное средство, какъ отрѣзать носъ герцогинѣ де-Валентинуа, но королева поблагодарила его и предпочла вооружиться терпѣніемъ.

А между тѣмъ терпѣніе королевы подвергалось очень тяжелому испытанію, такъ какъ Діана никогда не стѣснялась проявлять своей власти. Но, быть можетъ, въ молчаніи Екатерины было не менѣе затаенной любви, чѣмъ затаенной злобы, такъ какъ она всячески старалась показать, что король заботится о ней. Она, насколько возможно, слѣдовала всюду за королемъ и даже придумала монограмму изъ двухъ буквъ С и Н, какъ можно болѣе похожую на монограмму Діаны и короля. Но этимъ она едва-ли могла ввести въ заблужденіе народъ, тѣмъ болѣе, что Діана, опираясь на поддержку гизовъ, ста-

новилась все болѣе и болѣе вызывающей, и, быть можетъ, власть ея достигла своего апогея, когда Генрихъ отправился на войну противъ императора австрійскаго къ германской границѣ. Благодаря настояніямъ Діаны, Екатеринѣ не было даже довѣрено полное регентство, вопреки обычаямъ страны. Ей назначенъ былъ помощникомъ канцлеръ Бертранди. Причину этого новаго оскорбленія не трудно угадать. Екатерина, въ то время 36-ти лѣтъ, богатая уже опытомъ и зрѣлостью ума, могла превосходно справиться съ ролью регентши и даже подорвать авторитетъ Діаны въ глазахъ короля. Екатерина, безъ единой жалобы, выслушала распоряженіе и рѣшилась только не опубликовывать его, чтобы не умалить своего значенія въ глазахъ народа.

Замѣчательно, что при жизни соперницы, Екатерина только однажды упомянула ея имя, и это было при весьма странныхъ обстоятельствахъ. Коннетабль Монморанси, желая парализовать власть Діаны, затѣялъ цѣлую кампанію противъ нея и постарался разжечь въ сердцѣ короля огонекъ увлеченія къ красавицѣ-шотландкѣ лэди Флемингъ, гувернанткѣ маленькой Маріи Стюартъ. Романъ этотъ окончился очень быстро, и Генрихъ возвратился къ Діанѣ. Но скандалъ все-таки разразился, и лэди Флемингъ должна была удалиться отъ двора. По этому поводу Екатерина писала матери Маріи Стюартъ. „Графиня (лэди Флемингъ) удалилась отъ меня третьяго дня, но тѣмъ не менѣе, хотя она провела эту ночь въ городѣ, она не рѣшилась показаться на глаза ни г-жѣ Валентинуа, ни мнѣ".

Послѣ смерти Генриха, Екатерина также никогда не вспоминала объ его проступкахъ противъ нея. Только два раза и въ очень экстренныхъ случаяхъ, она сдѣлала отступленіе отъ этого правила, а именно: въ письмѣ къ зятю, королю Генриху наварскому, когда тотъ открыто началъ измѣнять ея дочери, и въ письмѣ къ этой послѣдней, стараясь помирить супруговъ.

„Сынъ мой, — писала она въ первомъ случаѣ, — никогда въ моей жизни я не была такъ поражена, какъ теперь, узнавъ тѣ слова, которыя Фронтенакъ распространяетъ повсюду и которыя, какъ онъ самъ мнѣ говорилъ, вы приказали ему передать вашей супругѣ... Я знаю, что вы не первый мужъ, который молодъ и недостаточно разсудителенъ въ этихъ вещахъ, но я увѣрна, что вы первый и навѣрное единственный, который позволилъ себѣ обращаться къ женѣ съ такимъ заявленіемъ. Я имѣла честь быть супругой короля, моего государя и вашего сюзерена, на дочери котораго вы теперь женаты, и помню, что всего болѣе въ мірѣ его огорчало то, если я узнавала объ его подобныхъ похожденіяхъ. Когда лэди Флемингъ позволила вольности съ нимъ, онъ былъ очень доволенъ, что ее удалили отъ двора, и никогда не показалъ мнѣ никакой досады и не сказалъ ни

одного слова упрека. Что же касается г-жи Валентинуа, то она такъ же, какъ и г-жа д'Этампъ, умѣла соблюдать приличіе; что же касается особъ, подымающихъ шумъ и скандалы, то король былъ бы очень разгнѣванъ, если бы я оставляла ихъ около себя".

Въ увѣщеваніяхъ же дочери встрѣчаются такія выраженія: „Если я терпѣла г-жу де-Валентинуа, то это я дѣлала въ сущности для того, чтобы щадить короля, къ тому же я всегда давала ему понять, что я дѣйствую только, скрѣпя сердце, такъ какъ никакая женщина, любящая мужа, никогда не могла бы заставить себя любить его любовницу".

Когда Екатерина писала эти строки, она была уже старухой, но, какъ знать, какая рана открылась при этомъ въ ея сердцѣ.

Но мы знаемъ по крайней мѣрѣ, что она никогда не могла принудить себя побывать въ Анэ. Однажды, во времена ея вдовства, она обѣщала, что по дорогѣ въ Руанъ посѣтитъ жившую въ уединеніи Діану, но въ послѣдній моментъ рѣшимость ей измѣнила и она свернула въ сторону. Въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ Анэ было заколдованнымъ мѣстомъ для Генриха,— цитаделью чаръ Діаны. Здѣсь онъ любилъ подолгу гостить, принимать своихъ друзей, вести дѣловую переписку. Сюда къ нему пріѣзжали нѣкоторые посланники; на залитыхъ солнечнымъ блескомъ лужайкахъ парка и на обширныхъ террасахъ великолѣпнаго дворца играли въ мячъ или въ палетъ маленькіе принцы и принцессы. Король и Діана были до того похожи на мужа и жену, что Генрихъ не церемонился выражать подчасъ своего раздраженія. Напримѣръ, если съ дѣтьми приключалось какое-нибудь нездоровье, во время ихъ пребыванія въ Анэ, онъ не говорилъ съ ней по два и по три дня сряду. Но Діана оставалась невозмутимой. Она садилась за свой великолѣпный письменный столъ и, словно вѣрная подруга жизни, занималась корреспонденціей, благодарила его друзей, осмѣивала его враговъ. Она не пренебрегала также средствами поддерживать его чувства къ себѣ. Она не переставала заказывать свои идеализированные портреты и статуи, изощряться въ выборѣ своихъ нарядовъ и поддерживать гармоничность обстановки, однимъ словомъ, она прибѣгала къ безчисленному множеству средствъ поддержать первоначальное обаяніе. У ея очага, въ ея пышномъ дворцѣ, Генрихъ чувствовалъ себя, какъ дома, и всегда находилъ тамъ счастье, между тѣмъ, какъ Екатерина одиноко сидѣла въ Амбуазѣ.

III.

Дворъ Генриха II.—Марія Стюартъ.—Придворные астрологи.—Гизы: Карлъ, Франсуа и Генрихъ. — Оппозиція: Гаспаръ, Колиньи, Антонъ Наварскій, Кондэ.—Свадьба Маріи Стюартъ и смерть Генриха II.—Гоненіе гугенотовъ.—Казнь дю-Бурга.—Двѣ партіи.—Амбуазскій заговоръ.—Арестъ Кондэ.

Отъ брака Генриха II съ Екатериною было десять человѣкъ дѣтей, родившихся въ періодъ между 1543 и 1555 гг. Трое умерли въ раннемъ дѣтствѣ. Оставшіеся же въ живыхъ были: дофинъ Францискъ (впослѣдствіи король Францискъ II), принцы Карлъ, Генрихъ (впослѣдствіи Карлъ IX и Генрихъ III), Францискъ (герцогъ д'Алансонскій) и дочери: Елизавета (впослѣдствіи жена Филиппа II испанскаго), Клодія (вышедшая за герцога лотарингскаго) и Маргарита (королева наварская). Несмотря на заботы о королевскихъ дѣтяхъ Діаны де-Пуатье, Екатерина и самъ Генрихъ принимали самое дѣятельное участіе въ ихъ воспитаніи. Они выбирали имъ наставниковъ и гувернеровъ, Екатерина даже сама обучала ихъ нѣкоторымъ предметамъ. Но даже такія ученыя маленькія особы не могли затмить ихъ кузины, Марію Стюартъ, шотландскую королеву, воспитывавшуюся при французскомъ дворѣ и скоро сдѣлавшуюся членомъ фамиліи Валуа. Эта очаровательная шестилѣтняя крошка-принцесса была прислана матерью, Маріей Гизъ, вдовой шотландскаго короля Іакова VI, въ то время регентшей Шотландіи, за малолѣтствомъ Маріи, подъ покровительство ея дяди съ материнской стороны, всесильнаго герцога Гиза и ея двоюроднаго брата Генриха II, такъ какъ уже тогда было рѣшено, что Марія Стюартъ выйдетъ замужъ за старшаго сына французскаго короля. „Cette petite Reinette écossaise—писала Екатерина,—n'a qu'à sourir pour tourner tout les têtes française", и дѣйствительно, эта замѣчательная женщина обладала съ ранняго дѣтства даромъ очаровывать сердца и „сводить съ ума одной своей улыбкой". Ея жениху въ то время было также лѣтъ шесть или семь; это былъ болѣзненный, блѣдный, тихій и робкій ребенокъ, который совершенно подпалъ подъ вліяніе своей нареченной, которая имѣла способность оживлять его, вселять въ него бодрость и жизнь.

Марія Стюартъ плѣнила не только сына, но и отца: Генрихъ II обожалъ ее. Дальнѣйшее образованіе ея и остальныхъ принцевъ и принцессъ перешло къ учителямъ.

Нѣкоторое время между Екатериной и Діаной де-Пуатье происходило скрытное соперничество изъ-за привлеченія на свою сторону Маріи Стюартъ. Побѣда осталась на сторонѣ Діаны уже по одному тому, что Діана была заодно съ Гизами; тѣмъ не менѣе Екатерина

всегда относилась очень ласково и заботливо къ Маріи Стюартъ, и только тогда немного къ ней охладѣла, когда до нея дошли слухи, что Марія легкомысленно назвала ее однажды „купеческой дочерью“.

Только принцесса Маргарита, впослѣдствіи столь популярная королева Марго, по блеску дарованій, по живости натуры и вообще по привлекательности одна могла соперничать съ прелестной шотландской королевой и была также любимицей короля, ея отца. По всей вѣроятности, маленькій Генрихъ Наварскій, ея будущій супругъ, пріѣзжая съ своими родителями ко французскому двору, также былъ сверстникомъ игръ принцевъ и принцессъ, и сохранилось преданіе, что Генрихъ II спрашивалъ его, хочетъ ли онъ быть его сыномъ.

Но среда, въ которой приходилось расти и жить этимъ милымъ, цвѣтущимъ дѣтямъ, была и странной, и жестокой. Это была среда сплошныхъ противорѣчій и парадоксовъ, однимъ словомъ, время начинающагося декаданса; съ одной стороны, казалось, что умъ человѣческій уже ринулся къ свѣту, къ свободѣ мысли, и въ то же время философы, подобно Парацельсу, еще вѣрили въ саламандръ и гномовъ, какъ неотъемлемую часть космическаго порядка. Астрологія также занимала еще высокое положеніе на-ряду съ положительными науками. Екатерина вывезла изъ Италіи двухъ братьевъ-астрологовъ Руджіери, и въ 1556 г. она обращалась къ знаменитѣйшему въ Парижѣ астрологу Нострадамусу, прося его составить гороскопы для молодыхъ принцевъ. Она зашла такъ далеко, что построила высокую башню для своихъ астрологовъ въ Ле-Галь, и, по всей вѣроятности, это туда ходилъ король, чтобы узнать, какой смертью онъ умретъ. Въ тотъ вѣкъ непрестанныхъ открытій, а также въ вѣкъ отсутствія газетъ, все казалось одинаково возможнымъ. „Разсказамъ“ Плинія также вѣрили, какъ путешествіямъ Маргелана и Колумба. По всеобщему убѣжденію, въ Африкѣ водились огнедышащіе драконы, и Вильгельмъ Теслеръ, составившій воображаемую карту странъ за рѣкою Гангомъ, предполагалъ ихъ населенными пигмеями.

Генрихъ II въ тридцать два года казался совсѣмъ другимъ человѣкомъ, чѣмъ за десять лѣтъ передъ тѣмъ, и Парижъ любилъ своего дѣльнаго, разсудительнаго и осторожнаго короля. Даже наружно Генрихъ сильно измѣнился, очень возмужалъ, пріобрѣлъ величавую увѣренность и царственную осанку.

Народъ чутьемъ угадывалъ, что ошибки Генриха изъ тѣхъ, которыя можно „извинить“, зато гордаго и властолюбиваго главнокомандующаго Монморанси „проклинали“, и если Діану, какъ вообще королевскую фаворитку, „ненавидѣли“, то еще большая и обоснованная ненависть сосредоточивалась на ея союзникахъ, Гизахъ.

Первое мѣсто среди непопулярныхъ Гизовъ, занималъ Карлъ Гизъ,

кардиналъ лотарингскій. Его братья, хотя столь же надменные, какъ и онъ, однако, не были такъ сильно ненавидимы. Всѣ они были приверженцами католической партіи, защищая римско-католическую церковь не только противъ еретическихъ посягательствъ, но и отъ вполнѣ желательныхъ внутреннихъ реформъ. Въ этомъ отношеніи опять-таки первое мѣсто принадлежитъ кардиналу Карлу Лотарингскому. Онъ являлъ собой странную смѣсь моднаго проповѣдника, тщеславнаго свѣтскаго фата, начитаннаго ученаго и „правительственнаго лакея". О немъ говорили, что онъ одинаково силенъ, какъ съ Гораціемъ въ рукахъ въ своей библіотекѣ, такъ и на каѳедрѣ проповѣдника, расточая цѣлые каскады изящнаго краснорѣчія. Къ тому же онъ былъ блестящимъ лингвистомъ. Но, быть можетъ, самымъ благопріятнымъ для него было то, что онъ обладалъ чрезвычайно выгодной наружностью, „благородной и серьезной внѣшностью", какъ говорили его современники, чѣмъ покорялъ сердца женщинъ. Какъ интересный собесѣдникъ и очень скупой человѣкъ, кардиналъ вовсе не держалъ своего стола и въ продолженіе многихъ лѣтъ обѣдалъ постоянно у г-жи де-Валентинуа. Свою скупость, какъ равно и врожденную жестокость, кардиналъ умѣлъ скрывать подъ строгимъ контролемъ самообладанія, къ тому же онѣ были почти равны по страсти къ роскоши. Въ этомъ отношеніи онъ превосходилъ даже кардинала Вольслея, тѣмъ болѣе, что, при его утонченныхъ аристократическихъ традиціяхъ, онъ имѣлъ еще болѣе изысканные вкусы. Впрочемъ, и ему приходилось иногда переживать тяжелыя минуты затрудненій, изъ которыхъ онъ умудрялся изворачиваться.

Совсѣмъ въ другомъ родѣ былъ его братъ, герцогъ Франсуа. Конечно, дерзкій и грубый, иначе онъ не былъ бы величайшимъ солдатомъ шестнадцатаго столѣтія, онъ въ то же время былъ великодушенъ и героиченъ. Его подвиги и лишенія въ военное время создавали ему громкую извѣстность и, не взирая на ненависть народа вообще къ фамиліи Гизовъ, онъ время отъ времени становился кумиромъ Парижа. Но, несмотря на ихъ вліяніе при дворѣ, какъ онъ, такъ и его братья, не представляли, какъ личности, ничего выдающагося, заслуживающаго особеннаго вниманія.

Гораздо болѣе интересны были,—какъ это нерѣдко случается,—представители оппозиціи, а именно, оба бурбонскихъ принца, Антонъ, король Наварскій и его братъ, принцъ Кондэ, и три благородныхъ Шатильона, также братья, Гаспаръ адмиралъ Колиньи, маршалъ Андело и кардиналъ Одэ де-Шатильонъ. Эти пять человѣкъ, олицетворявшіе собой въ большей или въ меньшей степени, гугенотское движеніе, были ненавистны гизамъ. Бурбоны, какъ принцы крови, а потому ближайшіе, послѣ королевскихъ дѣтей, претенденты на тронъ, были поэтому

предметомъ ихъ особенной непріязни, что же касается убѣжденій и принципіальной розни, то самымъ безпощаднымъ ихъ врагомъ былъ Колиньи.

Съ именемъ Гаспара Колиньи связано представленіе объ одной изъ самыхъ увлекательныхъ,—увлекательной въ моральномъ отношеніи,—личностей исторіи,—о человѣкѣ, словно отлитомъ изъ бронзы и въ то же время о живомъ существѣ, обладающемъ и плотью и кровью, но безъ единаго нравственнаго пятнышка, о протестантскомъ государственномъ дѣятелѣ, желавшемъ основать новый Іерусалимъ на землѣ и въ то же время остававшемся вѣрнымъ престолу. Его братья, принадлежавшіе по существу къ одинаковому съ нимъ закону, не обладали, однако, ни его иниціативой, ни его нравственнымъ геніемъ.

Только подъ конецъ царствованія Генриха II религіозный вопросъ снова принялъ грозные размѣры. Въ молодости же Генрихъ самъ былъ на три четверти гугенотомъ, пуританскаго оттѣнка; онъ любилъ распѣвать псалмы Моро и читать библію. Въ политикѣ онъ проявлялъ подобное же направленіе, когда въ 1552 году соединился съ германскими протестантскими князьями противъ императора Карла V. Но это сочувствіе протестантскимъ цѣлямъ смѣнилось въ концѣ концовъ возвращеніемъ на лоно католичества. Правда, онъ никогда не былъ высокаго мнѣнія лично о папѣ, но онъ чтилъ въ немъ главу церкви, и тенденція въ этомъ направленіи усиливалась подъ вліяніемъ Діаны и гизовъ. Войны съ императоромъ и Филиппомъ II на время отвлекли короля отъ вопросовъ вѣры, но послѣ мира въ Шато-Кембрези, когда онъ снова могъ имѣть досугъ для размышленій, религіозныя дѣла вновь начали поглощать его вниманіе. Однако, его отношеніе къ протестантамъ было отнюдь не изъ милостивыхъ. Періодъ 1558 и 1559 гг. ознаменовался гоненіями и, если принять во вниманіе власть Діаны и ея приверженцевъ, то въ будущемъ можно было ожидать еще болѣе суровыхъ репрессій, если бы смерть не положила конца царствованію Генриха.

Въ 1558 году была отпразднована свадьба Маріи Стюартъ съ дофиномъ Францискомъ, а въ 1559 г. состоялись одновременно бракосочетанія сестры Генриха, Маргариты де-Берійской съ герцогомъ Эммануиломъ Савойскимъ и принцессы Елизаветы, тринадцатилѣтней дочери Генриха и Екатерины Медичи, съ королемъ Филиппомъ II испанскимъ.

Судьбѣ угодно было, чтобы эти брачныя празднества рѣзко смѣнились погребальнымъ торжествомъ.

Самымъ парадными и блестящимъ изъ всѣхъ празднествъ обѣщалъ быть большой турниръ, въ которомъ должны были принять участіе всѣ знатные гости и самъ король. Дѣло было въ серединѣ

лѣта. Наступилъ день турнира. Существуетъ преданіе, что въ ту ночь Екатерина видѣла во снѣ, что мужъ ея потерялъ одинъ глазъ, но, разумѣется, она не придала этому значенія.

Противникомъ короля на турнирѣ былъ Монгомери, одинъ изъ знатныхъ гугенотовъ—обстоятельство, которое впослѣдствіи послужило не въ пользу гугенотовъ. Состязаніе началось. Во время первыхъ нѣсколькихъ схватокъ король оставался побѣдителемъ, наконецъ, онъ послалъ сказать Екатеринѣ, находившейся въ ложѣ передъ ареной, что „онъ еще разъ попытаетъ свою силу и на этотъ разъ во имя любви къ ней“,—замѣчательное посланіе, въ особенности, если принять во вниманіе то, что оно было послѣднимъ. Но на этотъ разъ счастье ему измѣнило. Король не успѣлъ парировать удара, и пика Монгомери вонзилась въ глазъ Генриха. Король упалъ на землю. У всѣхъ присутствовавшихъ вырвался крикъ ужаса; поднялась суматоха, и короля въ безсознательномъ состояніи унесли съ арены во дворецъ. Съ самаго начала уже видно было, что никакой надежды на выздоровленіе нѣтъ, и Генрихъ Второй умеръ черезъ десять дней, повергнувъ Екатерину въ бурную, неутѣшную скорбь.

Хотя Франциску II, вступившему на престолъ послѣ смерти Генриха II, было уже шестнадцать лѣтъ, но онъ никогда не умѣлъ, да и не могъ справиться съ ролью самостоятельнаго короля; вотъ почему Екатерина достигла, наконецъ, осуществленія давнишняго желанія ея сердца: она сдѣлалась полновластной регентшей.

Лѣнивый и вялый Францискъ началъ свое царствованіе съ манифеста, въ которомъ просилъ своихъ подданныхъ повиноваться во всемъ его матери такъ, какъ ему самому. „Государынѣ, моей матушкѣ, благоугодно было постановить сіе, а я вполнѣ одобряю всякое ея мнѣніе“.—Такова была формула, которую онъ приказалъ употреблять во всѣхъ государственныхъ актахъ.

Екатерина же нерѣдко пользовалась сыномъ, какъ буферомъ, когда попадала въ тиски между гизами и бурбонами. Она была твердо убѣждена, что государство не можетъ безъ нея обойтись, и воображала, что, вставъ на сторону гизовъ, она будетъ пользоваться ими, какъ оружіемъ. Съ этой цѣлью она заставила Франциска II издать второй указъ, въ которомъ онъ приказывалъ воздавать герцогу Гизу и его брату кардиналу, одному—военныя, а другому—гражданскія почести, какъ своимъ соправителямъ.

Когда старый и преданный слуга его отца, коннетабль де-Монморанси, явился во дворецъ вмѣстѣ со своими племянниками, Шатильонами, Францискъ, по наущенію матери и гизовъ, принялъ его очень немилостиво и намекнулъ, что Монморанси уже слишкомъ старъ, чтобы нести свою почетную должность хранителя печати и

главнокомандующаго. Старику Монморанси, конечно, не осталось ничего другаго, какъ отказаться отъ всякой дальнѣйшей государственной дѣятельности и удалиться въ добровольное изгнаніе. Такимъ образомъ, Екатерина отмстила бывшему союзнику Діаны, но въ то же время показала свою политическую недальновидность. Между Діаной и Монморанси была та огромная разница, что устраненная Діана должна была окончательно сойти со сцены, тогда какъ Монморанси даже въ изгнаніи могъ разсчитывать на мщеніе. Екатерина нажила себѣ опаснаго врага. Монморанси могъ перейти на сторону бурбонскихъ принцевъ и гугенотовъ, сдѣлаться серьезнымъ участникомъ оппозиціи.

Между тѣмъ, ей уже приходилось считаться съ оппозиціей, и она находилась въ нерѣшительности передъ вопросомъ—съ гизами или съ бурбонами выгоднѣе вступить въ союзъ. Если бы она выбрала гизовъ, то ея власть, какъ она основательно предвидѣла, подверглась бы большому риску отъ ихъ тиранніи, но, съ другой стороны, избравъ бурбоновъ, она имѣла бы страшныхъ гизовъ противъ себя. Ея выборъ остановился на гизахъ, такъ какъ она чувствовала себя достаточно искусной въ интриганствѣ, чтобы защищаться отъ ихъ честолюбивыхъ замысловъ. На время осуществленія этихъ комбинацій, она предусмотрительно отправила принца Кондэ съ какимъ-то заграничнымъ посольствомъ, а король Наварскій, по своей обычной нерѣшительности, потерялъ много драгоцѣннаго времени въ колебаніяхъ—ѣхать ему или нѣтъ ко двору, а еще больше въ снаряженіи пышной свиты. Когда, наконецъ, онъ двинулся въ путь, то было уже слишкомъ поздно. Въ качествѣ протестантскаго короля, какимъ считался Наварскій король, на него возлагались большія надежды. Предполагалось, что онъ будетъ ходатайствовать за протестантовъ, и онъ, уѣзжая, не скупился на обѣщанія.

Но его ожидала полная неудача. Еще ранѣе гизы подговаривали нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ Антуана убѣдить его не брать большой охраны. Антуанъ послушался, и когда онъ прибылъ со своей скромной свитой въ Сенъ-Жерменъ, гдѣ въ это время находился король со своимъ дворомъ, Францискъ со своими приближенными оказался на охотѣ, а для прибывшаго гостя, не взирая на то, что онъ также былъ принцъ крови, не были даже приготовлены аппартаменты. Далѣе королю Наварскому былъ оказанъ такой пріемъ, которымъ, по выраженію самой Екатерины, онъ былъ „низведенъ на степень простой служанки“. Само собой разумѣется, король Наварскій удалился, не выполнивъ ни единаго изъ обѣщаній, данныхъ гугенотамъ. Оскорбленіе, нанесенное гугенотамъ, конечно, не могло не отразиться на религіозныхъ волненіяхъ, которыя вскорѣ начали терзать страну.

По мѣрѣ того, какъ гизы, въ особенности, и кардиналъ Лотаринг-

скій пріобрѣтали все болѣе и болѣе вліянія во внутреннихъ дѣлахъ, народная ненависть съ особенной силой сосредоточивалась на кардиналѣ. Судя по сохранившимся отъ тѣхъ временъ эпиграммамъ, пѣснямъ и поговоркамъ, видно, что названія: „негодяй“ и „лисица“— были еще самыми мягкими изъ его эпитетовъ. Конечно, это было ему извѣстно, и боязнь покушеній заставила его повліять на перемѣну мужскихъ модъ. Прежніе непомѣрно широкіе панталоны и ботфорты, въ которыхъ такъ легко было спрятать смертоносное оружіе, по настоянію Карла Гиза, кардинала Лотарингскаго, были замѣнены чрезвычайно узкими. Но всего хуже то, что, изъ чувства самоохраненія, онъ толкнулъ Екатерину на невѣрный и опасный путь въ политику. Это по его настоянію она написала Филиппу II испанскому, прося его поддержки противъ протестантовъ, чѣмъ и было положено начало вмѣшательству Испаніи въ дѣла Франціи. Въ то же время онъ пообѣщалъ герцогамъ Альбѣ и Савойскому начать гоненія на протестантовъ и исполнилъ свое обѣщаніе. Онъ наполнилъ тюрьмы протестантами и безъ счету казнилъ ихъ.

Но особенно сильное негодованіе гугенотовъ вызвалъ неправильный судъ надъ совѣтникомъ парламента Анной дю-Бургъ (Anne du Bourg). Дѣло въ томъ, что во французскій парламентъ уже проникло еретическое вѣяніе и среди членовъ парламента было не мало сторонниковъ „новыхъ мнѣній“; образовалась даже небольшая партія „политиковъ“, или „умѣренныхъ“. Если бы парламентъ сдѣлался центромъ еретическихъ воззрѣній, это было бы величайшей опасностью для Гизовъ; вотъ почему кардиналъ рѣшилъ начать очистку съ парламента. Первымъ подвергшимся гоненію былъ Анна дю-Бургъ, одинъ изъ главарей „умѣренныхъ“, образованный человѣкъ, любитель книгъ, по всей вѣроятности сочувствовавшій еретическимъ взглядамъ, но арестованный безъ фактическаго повода и даже по ложному обвиненію. При первомъ разборѣ его дѣло не было окончательно рѣшено, но враждебно настроенные гугеноты воспользовались этимъ моментомъ, чтобы убить его судью Менара,—для Бурга это имѣло роковыя послѣдствія. Второй наскоро составленный судъ приговорилъ Бурга къ сожженію на кострѣ, что и было вскорѣ исполнено. Пораженные ужасомъ протестанты усмотрѣли въ этомъ случаѣ намѣреніе кардинала всѣхъ ихъ убить и истребить. Составленный вскорѣ амбуазскій заговоръ былъ ближайшимъ и непосредственнымъ результатомъ этого суда.

Въ то время во Франціи было двѣ партіи гугенотовъ; а именно: „гугеноты по религіи“, которые подвергались гоненію со стороны католиковъ, и „гугеноты по политикѣ“, бывшіе врагами Гизовъ и преданными Бурбонамъ. Эти политическіе протестанты въ свою оче-

редь раздѣлялись на двѣ группы на „монархистовъ“, желавшихъ, такъ же, какъ и Елизавета Англійская, свергнуть съ престола Франциска II и посадить вмѣсто него принца Кондэ; и на демократическую группу, которая, вѣрная духу кальвинизма, желала свергнуть короля, чтобы основать республику.

Послѣ казни Бурга, гугеноты напомнили Екатеринѣ объ ея обѣщаніяхъ и имѣли неосторожность намекнуть на Божій гнѣвъ и кару. Екатерина была обижена и возмущена. При такихъ обстоятельствахъ возникъ знаменитый амбуазскій заговоръ.

Врачи предписали слабому и болѣзненному королю жить въ Блуа, благодаря болѣе мягкому климату. Этимъ обстоятельствомъ задумали воспользоваться гугеноты, составившіе планъ государственнаго переворота. Они разсчитывали, что войска во всей Франціи перейдутъ на ихъ сторону и по данному сигналу направятся со всѣхъ сторонъ къ Блуа, чтобы захватить короля, его мать и братьевъ, прогнать Гизовъ и собрать генеральные штаты. Если король откажется сдѣлаться протестантомъ, то избрать другаго.

По особеннымъ свойствамъ своей натуры, Екатерина въ борьбѣ съ крамолой проявила неистощимый запасъ коварства и изобрѣтательности. Она пригласила адмирала Колиньи къ себѣ подъ предлогомъ, который, какъ она знала, не могъ подѣйствовать на стараго, вѣрнаго солдата, именно, будто Англія намѣрена захватить нѣкоторыя французскія суда. Когда адмиралъ явился, она ловко разыграла передъ нимъ комедію одинокой, безпомощной женщины и умоляла его не покидать короля и помочь ей совѣтомъ. Колиньи отвѣтилъ, что въ отчаянномъ положеніи государства виноваты Гизы, которыхъ „народъ ненавидитъ, какъ чуму“ и единственное средство спасенія это— изданіе „указа о вѣротерпимости“. Екатерина не замедлила дать требуемый указъ, но онъ явился уже слишкомъ поздно. Время мирныхъ мѣропріятій прошло, съ другой стороны герцогъ Гизъ былъ болѣе чѣмъ когда-либо деспотично настроенъ. Онъ немедленно перевезъ Екатерину, короля и дворъ изъ Блуа въ болѣе безопасный Амбуазъ.

Юный король и его дворъ съ удивительнымъ легкомысліемъ забыли недавнюю панику и быстро успокоились. По этому поводу г. Шантонней,—посланникъ и въ то же время шпіонъ Филиппа II,— не безъ язвительности писалъ: „удивительный народъ французы! Какъ скоро они забываютъ опасность! Они какъ-будто уже стыдятся минутъ тревоги, которыя пережили. Возстаніе было назначено на 6 марта и какъ только этотъ день прошелъ, всѣ возликовали, успокоились, какъ будто всякая опасность уже миновала“.

Поиски вокругъ Амбуаза обнаружили присутствіе вооруженныхъ

шаекъ. Начались столкновенія и аресты. Взятыхъ въ плѣнъ безпощадно казнили. Побѣдители массами топили ихъ, или обезглавливали. Всѣ зубцы замка были обезображены воткнутыми на нихъ головами казненныхъ. Казни, или вѣрнѣе избіенія, продолжались цѣлый мѣсяцъ, служа зрѣлищемъ и развлеченіемъ для жестокосердаго двора, словно какое-нибудь театральное представленіе, на которое смотрѣли съ балкона. „Ceux de Guise"—по выраженію одного лѣтописца,—устраивали это нарочно, чтобы доставить развлеченіе дамамъ, которыя начинали скучать, оставаясь долго на одномъ мѣстѣ... Но всего хуже то, что король и его юные братья присутствовали также на этихъ представленіяхъ. Только одна герцогиня Гизъ Анна д'Эстэ, дочь герцога Феррарскаго и его жена—Ренэ, француженки по происхожденію,—проявила чуткость и сострадательность. Ее насильно притащили на страшное зрѣлище, но она, рыдая, убѣжала въ комнату Екатерины. Здѣсь ея рыданія усилились.

— Что у васъ болитъ? спросила королева,—отчего вы такъ громко стонете?

— Я только-что видѣла самую ужасную трагедію, отвѣтила герцогиня,—жестокое пролитіе крови неповинныхъ подданныхъ короля. Я не сомнѣваюсь, что въ скоромъ времени какое-нибудь великое несчастіе обрушится на нашъ домъ.

Впрочемъ, и самъ Франциск Ъ II былъ безпомощнымъ орудіемъ въ рукахъ Гизовъ и долженъ былъ покорно смотрѣть на жестокости, которыя не могъ предотвратить.

— Почему мой народъ ненавидитъ меня? почти со слезами спросилъ онъ однажды кардинала, потомъ съ внезапнымъ порывомъ гнѣва, добавилъ: говорятъ, что это изъ-за васъ. Право, я хотѣлъ бы, чтобы вы сгинули, тогда я узналъ бы, кого, дѣйствительно, ненавидятъ: васъ, или меня.

Только смерть де-Ренодье, случайно убитаго въ одной перестрѣлкѣ, положила конецъ истребленію заговорщиковъ. Амбуазскій заговоръ окончился полной неудачей. Принцъ Кондэ былъ арестованъ.

„Никогда еще ни одно предпріятіе не было болѣе неудачно задумано и глупѣе выполнено, писалъ Кальвинъ адмиралу Колиньи, желая выгородить себя. Далѣе онъ пояснялъ, что, когда „одно лицо" спросило его мнѣніе, то онъ отвѣтилъ: „это не Божье дѣло, но даже и съ мірской точки зрѣнія это только легкомысліе и высокомѣріе, а потому оно не можетъ принести добрыхъ плодовъ и, если прольется еще хоть одна капля крови, чаша переполнится и затопитъ всю Европу".

Къ безхарактерному и легкомысленному королю Наварскому Антону была примѣнена противоположная тактика. Екатерина, на-

оборотъ, обласкала Антуана и исподволь начала вести его къ примиренію съ католицизмомъ и даже съ Гизами.

Такова была въ общихъ чертахъ двойственная и нерѣшительная политика Екатерины въ отношеніи гугенотовъ, обозначившаяся съ самаго начала ея правленія.

Несмотря на всѣ старанія, жалобы и слезы принцессы Кондэ, участь ея несчастнаго мужа была рѣшена. Казнь его была назначена на 10 декабря 1560 г. Но смерть Франциска II неожиданно спасла Кондэ.

IV.

Вліяніе женщинъ въ гугенотскомъ движеніи.—Елеонора Кондэ.—Ея твердость и рѣшительность.—Покушеніе на ея жизнь.—Изабелла де-Лимель.—Жанна д'Альбрэ, королева Наварская.—Безхарактерность ея мужа.—Дѣвица де-Лимодьеръ.—Склонность Карла IX къ гугенотамъ.—Соборъ въ Пуасси.—Екатерина требуетъ вѣротерпимости.—Избіеніе гугенотовъ въ Васси.—Заключеніе.

Гугенотское движеніе во Франціи отличалось одною особенностью, по сравненію съ реформаціей въ другихъ странахъ, а именно: за исключеніемъ адмирала Колиньи, самыми дѣятельными и выдающимися его предводителями были женщины аристократическаго происхожденія. Маргарита Ангулемская, положившая начало движенію, была первая въ этой женской династіи. За ней послѣдовалъ рядъ выдающихся по силѣ характера, ума и нравственной прелести женскихъ образовъ. Рядъ этотъ открыла Жанна д'Альбрэ, дочь Маргариты Ангулемской. Тѣмъ временемъ, какъ ея мужъ, король Наварскій, мѣнялъ политику съ легкостью флюгарки, королева Жанна организовала силы гугенотовъ и съ твердостью алмаза встрѣчала всѣ невзгоды. И если Кондэ, въ которомъ было что-то женственное, часто становился жертвой своей увлекающейся натуры, рыцарской галантности и тщеславія, то его супруга какъ-будто исправляла и дополняла его. Она умѣла служить своей цѣли и дѣлала больше однимъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ, чѣмъ большинство людей могло бы сдѣлать поступками. Къ сожалѣнію, она умерла слишкомъ рано, 28 лѣтъ. Это была чудная душа,—восхитительный цвѣтокъ строгой гугенотской партіи, болѣе нѣжная и менѣе тщеславная, чѣмъ Жанна д'Альбрэ, святая и стоически твердая. Что касается Жанны, то она вовсе не годилась въ святыя и была, быть можетъ, больше, чѣмъ самъ Колиньи, врожденнымъ командиромъ, къ тому же неутомимая такъ, какъ только можетъ быть женщина, она могла постигнуть даже военныя задачи, что и доказала впослѣдствіи во время осады Ла-Рошель. Столь же дѣятель-

ная, какъ и Жанна, но не столь богато одаренная, какъ она, была дочь Людовика XII, Ренэ, герцогиня Феррарская, которая послѣ смерти герцога покинула Италію и возвратилась во Францію, гдѣ сдѣлалась центромъ религіозныхъ интригъ; герцогиня Феррарская была истымъ политикомъ своей секты. И всѣ эти женщины отнюдь не подчинялись порыву и увлеченію, у нихъ была опредѣленная политика, которую они настойчиво преслѣдовали. Въ дѣла реформаціи онѣ перенесли всю жизнеспособность и энергію ренессанса.

Въ тотъ вѣкъ упадка нравственности, только въ гугенотской средѣ сохранилась и твердо оберегалась святость семьи. Нельзя умолчать объ Елеонорѣ Кондэ. Ея любовь къ мужу до конца оставалась глубокой и преданной, несмотря на его увлеченія и невѣрность.

Едва до нея дошла вѣсть объ его арестѣ, Элеонора со слезами простилась съ дѣтьми и немедленно отправилась въ Орлеанъ. Предстояло потерпѣть лишенія, преодолѣть массу препятствій, но для того только, чтобы достигнувъ, наконецъ, Орлеана, убѣдиться въ безсиліи передъ судьбой. Гизы такъ обставили заключеніе принца Кондэ, что онъ былъ какъ бы заживо погребенъ. Ни писемъ, никакихъ сношеній нельзя было добиться. Напрасно она обращалась къ Германіи и къ Елизаветѣ Англійской: Кондэ былъ обреченъ на смерть, но никакія препятствія не могли остановить Элеонору; она добилась свиданія съ королемъ и умоляла разрѣшить ей повидаться съ мужемъ только лишь для того,—какъ она говорила,—„чтобы поддержать его мужество“. Но все было тщетно. Наконецъ, за четыре дня до дня казни, смерть Франциска измѣнила его положеніе. Чтобы сохранить за собою регентство и при второмъ сынѣ, Екатерина уже не рискнула на такую вещь, какъ казнь бурбонскаго принца крови, Кондэ. Дѣйствительно, вскорѣ ему была предложена свобода, но онъ отказался принять ее, пока честь его не будетъ возстановлена. Когда же на его требованіе было отвѣчено полумѣрами, онъ рѣшился остаться въ своемъ заключеніи,—и въ этомъ героическомъ рѣшеніи его поддержала его героическая жена; только вслѣдствіе его разстроеннаго здоровья, онъ согласился перемѣнить тюрьму на менѣе суровое заключеніе въ Гамѣ, гдѣ ей было позволено остаться. Гизы зорко слѣдили за нею, чтобы имѣть поводъ ее погубить; такъ однажды ее чуть не арестовали за то, что она ѣла мясо великимъ постомъ, другой разъ въ ея карету былъ произведенъ выстрѣлъ, когда она въѣзжала въ городскія ворота.

И многое другое имѣло бы совсѣмъ другой оборотъ, если бы мужъ слѣдовалъ ея совѣтамъ, но, къ сожалѣнію, принцъ Кондэ былъ увлекающимся и легкомысленнымъ человѣкомъ. Три года съ 1561 по 1564 годъ принесли Элеонорѣ только горе и огорченіе. Гизы, которымъ не удалось сразить его силой, уловили его хитростью.

Изабелла де-Лимель, веселая Цирцея, которая держала его во власти своихъ чаръ болѣе двухъ лѣтъ, была орудіемъ въ рукахъ кардинала и самой Екатерины. На Изабеллу, какъ одну изъ блестящихъ участницъ „летучаго эскадрона“ королевы-регентши, было возложено порученіе развести принца Кондэ съ женой-гугеноткой и присоединить его къ католической партіи. Во всемъ же остальномъ она была веселая язычница. Возложенная на нее задача была не изъ трудныхъ, но окончательнаго результата, а именно: разлучить его съ женой, она при всемъ своемъ желаніи никогда не могла бы достичь. Принцу Кондэ была слишкомъ необходима поддержка и симпатія жены. Въ то же время, почти увѣренный, что Изабелла—шпіонка, онъ писалъ ей нѣжныя и откровенныя письма. Впрочемъ, Изабелла скоро умерла, и Кондэ попалъ въ сѣти хитрой и очень богатой вдовы маршала де-Сенъ-Андре, которая удерживала его своими пирами и щедрыми подарками.

Отъ всѣхъ этихъ испытаній здоровье Элеоноры было подорвано, и у ней началась серьезная болѣзнь, которая скоро свела ее въ могилу.

Другая энергичная гугенотка, была Жанна, королева Наварская, дочь короля Наварскаго, Генриха и его супруги Маргариты Ангулемской; она была врожденнымъ политикомъ, государственнымъ дѣятелемъ, и это далеко не случайность, что всѣ энергичные и передовые люди того времени присоединялись къ протестантскому движенію, такъ какъ въ тѣ времена это движеніе олицетворяло собой борьбу за свободу, за независимость убѣжденій. Протестантская религія, приверженцы которой были въ меньшинствѣ, правила которой еще формировались, и за догматы которой еще нужно было бороться, представляла самую благопріятную почву для женщинъ-политиковъ. Въ средѣ гугенотовъ выдвинулось не мало такихъ женщинъ, но самыми выдающимися были Жанна Наварская и герцогиня Ренэ Феррарская; впрочемъ, Ренэ, хотя столь же дѣятельная, какъ и Жанна, была какъ бы мельче ея, неспособная къ такимъ широкимъ замысламъ, она приближалась скорѣе къ типу политическихъ интриганокъ, тогда какъ Жанна была дѣятельницей въ крупныхъ размѣрахъ.

Протестантская религія уже потому была сродна Жаннѣ, что она была вполнѣ совмѣстима съ любовью къ искусствамъ и наукамъ, и подъ широкой крышей дома Жанны мирно уживались и ренессансъ, и реформація.

Жанна отличалась главнымъ образомъ твердостью характера, благодаря которому властвовала надъ всѣмъ окружающимъ. Сильная воля, быстрый, ясный умъ, способность сосредоточиваться, потребность властвовать и задорный нравъ были постоянно ея отличительными

качествами. Королева Жанна всегда была такой же своенравной и самостоятельной особой, какъ та маленькая Жанна, которая однажды на вышивкѣ матери вырѣзала головы всѣхъ святыхъ. Въ двѣнадцать лѣтъ она пригласила всѣхъ парижскихъ кардиналовъ и прелатовъ въ соборъ и здѣсь формально объявила отказъ герцогу Клевскому — жениху, избранному для нея ея дядей,—всемогущимъ Франциском I, волѣ котораго никто, кромѣ нея, не дерзалъ противиться.

При ея рѣшительномъ и твердомъ характерѣ, ей суждено было имѣть слабаго и безхарактернаго мужа.

Въ первые годы супружества Антонъ имѣлъ больше вліянія на нее, такъ какъ очень дипломатично умѣлъ скрывать свой настоящій характеръ. Въ тѣ годы Жанна была далека отъ всякаго подозрѣнія о слабости мужа: до такой степени онъ умѣлъ обмануть даже ея чуткую наблюдательность. Впрочемъ, тогда онъ еще самъ вѣрилъ въ себя и въ свои силы. Душа его, дѣйствительно, была возвышенна, а замыслы и планы благородны, но силы свершить эти прекрасные порывы ему было не дано. При пылкой натурѣ южанина, Антонъ съ восторгомъ принялся за роль предводителя гугенотовъ. Во всемъ же остальномъ онъ былъ веселымъ и безпечнымъ красавцемъ, превосходно владѣвшимъ шпагой, хорошимъ товарищемъ и храбрымъ солдатомъ. Антонъ, какъ истый французъ, былъ общителенъ и любилъ общество женщинъ, хотя въ счастливый періодъ супружества, Жанна заслонила для него всѣхъ остальныхъ женщинъ въ мірѣ.

Когда король Генрихъ Наварскій умеръ, престолъ Беарна и Навары унаслѣдовала Жанна. Какъ ей, такъ и ея отцу, наслѣдственныя владѣнія достались уже значительно урѣзанными, такъ какъ Испанія отобрала еще у дѣда Жанны провинцію, извѣстную подъ названіемъ Испанской Наварры. Вотъ почему, во все время царствованія Жанны, главной заботой, какъ ея, такъ и ея мужа, было вернуть эту несправедливо отнятую провинцію.

Хотя во всѣхъ дѣлахъ правленія Жанна раздѣляла трудъ съ Антономъ, но ей по преимуществу принадлежала руководящая роль.

До восшествія на престолъ Франциска II, ихъ общественная жизнь протекала довольно гладко. Единственнымъ важнымъ событіемъ была ихъ поѣздка къ французскому двору, съ ихъ маленькимъ сыномъ. Противъ Жанны и ея увеличивающагося влеченія къ гугенотству, начиналось серьезное недовольство. Генрихъ II грозилъ даже войною, если она не устранитъ своихъ протестантскихъ проповѣдниковъ. Жанна искусно отвратила ударъ. Но другія затрудненія не замедлили возникнуть. Французскій король изъ-за своихъ личныхъ выгодъ желалъ пріобрѣсти Навару и предложилъ Жаннѣ въ обмѣнъ другую какую-либо провинцію. Жанна отказала съ понятнымъ негодованіемъ,

тогда отношенія такъ обострились, что во избѣжаніе полнаго разрыва былъ рѣшенъ въ принципѣ будущій бракъ принца Генриха съ принцессой Марго.

Около этого же времени начались горькія разочарованія для Жанны въ супружеской жизни. Антонъ уже не находилъ всѣхъ другихъ женщинъ неинтересными, и его отлучки изъ дому стали продолжительнѣе. Семейныя сцены участились.

Жанна на дѣлѣ убѣдилась въ томъ, какой онъ вообще слабый и безпомощный человѣкъ. До тѣхъ поръ, пока все было спокойно, онъ еще могъ поддерживать свое достоинство, но едва дѣла гугенотовъ осложнялись и къ нему предъявлялись усиленныя требованія, онъ имъ измѣнялъ и отступалъ на каждомъ шагу. Къ этому времени Наварское королевство уже стяжало себѣ репутацію оплота гугенотства. Сюда стекались противники Гизовъ и будущіе заговорщики строили здѣсь свои планы. Жанна вдохновляла и поддерживала ихъ. Она формировала войска на будущее, собирала государственные совѣты, назначала должностныхъ лицъ и издавала указы. Сама англійская королева Елизавета не могла бы сдѣлать болѣе удачнаго выбора людей и не была бы болѣе изобрѣтательнымъ государственнымъ дѣятелемъ, нежели королева Жанна Наварская. Она издала законы о вѣротерпимости, проведя въ законодательномъ порядкѣ; это при иныхъ болѣе спокойныхъ временахъ могло бы обезличить существованіе идеальнаго королевства. Присоединившись къ движенію по искреннему убѣжденію, она хотѣла увлечь за собой и Антона, и онъ присоединялся, но только до тѣхъ поръ, пока былъ у ней на глазахъ, но достаточно было ей отвернуться, чтобы онъ подпалъ подъ иное вліяніе. Гизы подкупили двухъ его секретарей и Антонъ попалъ въ сѣти этихъ шпіоновъ. Онъ то медлилъ и раздумывалъ, пока, наконецъ, не упускалъ благопріятнаго момента, то, въ порывѣ внезапно нахлынувшей энергіи, ускорялъ событія и тѣмъ наносилъ еще большій вредъ.

Быть можетъ, все это и понудило Жанну усилить свою энергію и встать во главѣ партіи, въ качествѣ практической ея руководительницы. Ея миссія при дворѣ, касавшаяся столь дорогаго и близкаго ея сердцу предмета, а именно свободы вѣроисповѣданія, увѣнчалась лишь полумѣрами. Огорченіе и негодованіе Жанны по этому поводу выразились въ почти вызывающей рѣчи, съ которой она обратилась къ Екатеринѣ.

„Всѣ мы скорѣе согласимся умереть,—говорила она,—чѣмъ отречемся отъ нашего Бога и нашей вѣры, безъ которыхъ мы не можемъ существовать, подобно тому, какъ тѣло не можетъ существовать безъ ѣды и питья... Умоляю васъ, государыня, повѣрить, что дѣла, касающіяся души, не могутъ рѣшаться такъ, какъ всѣ другія, потому что

для души существуетъ только одно спасеніе и путь къ нему только одинъ, вотъ почему мы предлагаемъ только то, что можемъ предложить, не больше и не меньше".

Своего сына она воспитывала въ протестантскомъ духѣ. По мѣрѣ того, какъ ея иллюзіи относительно Антона разлетались, какъ дымъ, и она убѣждалась, что никогда не можетъ быть предводителемъ гугенотовъ, всѣ ея надежды сосредоточивались на маленькомъ Генрихѣ, и она употребляла всѣ старанія, чтобы развить его умъ и характеръ. Она сама даже давала ему уроки. Ежедневно онъ долженъ былъ сдѣлать переводъ на латинскій или греческій языки, и, если ея не бывало дома, то ей посылали для исправленія эти упражненія. Въ это время Генрихъ, которому было 8 лѣтъ, уже перевелъ съ матерью большую часть Платона. Блестящія способности и впечатлительная натура мальчика ободряли ея пылкія надежды на него, и она очень рано начала посвящать его въ дѣла, стараясь поскорѣе выработать изъ него товарища и помощника.

Приблизительно около этого времени Антонъ познакомился съ красавицей m-lle де-ла Лимодьеръ, прозванной La belle Rouet, знакомство, приведшее его къ окончательному нравственному крушенію. Дѣло въ томъ, что „красивой прялкѣ" (La belle Rouet), принадлежавшей къ „летучему эскадрону", Екатерина и Гизы дали совершенно такое же порученіе, какъ и Изабеллѣ де-Лимель, по отношенію къ Кондэ, а именно: обратить его въ католичество. Этотъ коварный замыселъ былъ проведенъ въ исполненіе во время совѣта въ Пуасси. На этотъ совѣтъ собрались всѣ участники великой религіозной драмы, и здѣсь Жанна пережила самые тяжелые дни своей жизни, такъ какъ ея положеніе, какъ главы гугенотовъ и какъ супруги, подверглось жестокимъ испытаніямъ.

Исторія Франціи, послѣ смерти Франциска II, могла принять совершенно иное направленіе, если бы король Антонъ Наварскій не проявилъ такой полной безхарактерности. Когда дни Франциска были уже сочтены, Екатерина и Гизы были въ сильнѣйшей тревогѣ, такъ какъ за малолѣтствомъ принца Карла, которому было 9 лѣтъ, ближайшими претендентами на престолъ или по крайней мѣрѣ на регентство были Бурбонскіе принцы. Тогда Екатерина пустилась на хитрость; она пригласила къ себѣ Антона и разыграла комедію несчастной женщины. Въ достаточной степени разжалобивъ его, она упросила его отказаться отъ его правъ на регентство въ ея пользу, за что обѣщала сдѣлать его намѣстникомъ и издавать всѣ указы отъ ея и его имени вмѣстѣ. Уступивъ ея просьбамъ, Антонъ нанесъ жестокій ударъ не только своимъ интересамъ, но и вообще дѣлу гугенотовъ во Франціи.

Первое время, послѣ вступленія десятилѣтняго Карла IX на престолъ, Екатерина старалась держаться партіи гугенотовъ и опиралась во всемъ на короля Наварскаго, котораго, дѣйствительно, допустила къ дѣламъ правленія. Все было въ его рукахъ, но только въ этихъ рукахъ не было силы. Антонъ колебался изъ стороны въ сторону, то заискивая передъ королемъ Испанскимъ, то давая клятвенныя обѣщанія гугенотамъ и не выполняя своего слова ни въ чемъ.

Склонить на свою сторону Кондэ было гораздо труднѣе. Когда онъ вышелъ изъ тюрьмы, онъ далъ себѣ слово навсегда порвать всякую связь съ католицизмомъ и остался вѣрнымъ своему рѣшенію. Съ точки зрѣнія Гизовъ, Кондэ былъ гораздо опаснѣе брата, такъ какъ онъ былъ единственнымъ человѣкомъ въ мірѣ, который могъ произвести нѣкоторое впечатлѣніе на Екатерину. Его ловкость, блестящій умъ и находчивость были такъ обаятельны, что она была очень близка къ увлеченію имъ, на сколько это, впрочемъ, было доступно ея натурѣ. Она любила его общество, котораго даже искала, но не измѣняла для него интересамъ своей политики, какъ не задумалась даже заключить его въ тюрьму, когда ей было выгодно.

Ея отношенія къ Колиньи были совершенно иныя. Во всю свою жизнь она уважала его даже тогда, когда наиболѣе ненавидѣла его и, быть можетъ, во все продолженіе ея регентства не было момента, когда она не боялась бы его въ душѣ. Онъ обладалъ двоякой силой: примитивной силой прямаго и честнаго солдата и силой великой сердечной доброты. Эта доброта согрѣвала всѣхъ приходившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе, въ особенности молодежь. Если бы Екатерина не приняла во-время мѣръ, юный король Карлъ IX совершенно подчинился бы его обаянію. Въ Колиньи всего замѣчательнѣе была его пылкая преданность трону.

Если бы Екатерина была способна на какую-либо благородную цѣль, если бы она могла протестовать противъ Гизовъ и была бы хоть на одинъ часъ правдивой женщиной, она постаралась бы найти въ Колиньи оплотъ короны.

Идея созыва совѣта въ Пуасси, на которомъ делегаты гугенотовъ и папистовъ могли бы столковаться и придти къ соглашенію, была превосходна и принадлежала исключительно самой Екатеринѣ, при чемъ ею руководило желаніе мира, а главнымъ образомъ эгоистичное намѣреніе сохранить регентство въ своихъ рукахъ. Впрочемъ, она имѣла полное основаніе опасаться. Положеніе ея было далеко не прочно. Во Франціи ей по-прежнему угрожала ея непопулярность, которая отнюдь не уменьшалась съ годами. Къ тому же регентство женщины было особенно непріятно, даже осуждалось народными представителями. Наконецъ, она была иностранка, флорентинка, даже

не королевскаго рода. Вотъ почему къ ней не было ни того довѣрія, ни того почтенія, какъ если бы она была француженка родомъ, или происходила изъ королевской семьи. Генеральные штаты высказались даже, что ей не слѣдуетъ быть регентшей.

Усиливающееся вліяніе Бурбоновъ и явное увлеченіе двора гугенотствомъ заставили Гизовъ соединиться съ коннетаблемъ. Когда положеніе сдѣлалось невыносимымъ, Екатерина рѣшилась мѣрами успокоенія страны обезпечить свое положеніе. Еще въ декабрѣ 1560 г. на созванныхъ генеральныхъ штатахъ Екатерина при самой пышной обстановкѣ, въ присутствіи короля и народныхъ представителей, а также свѣтской и духовной знати, изложила чрезвычайно либеральную программу, составленную ея личнымъ секретаремъ, просвѣщеннымъ Мишелемъ Опиталь. Колиньи тогда же указалъ на необходимость, чтобы обѣ церкви: католическая и гугенотская пользовались одинаковыми правами въ государствѣ, и большинство присоединилось къ его мнѣнію. Въ результатѣ, послѣ многихъ ожесточенныхъ споровъ, принята была формула, предложенная Опиталемъ и обѣщавшая свободу вѣроисповѣданій, а также нѣкоторыя реформы, предложенныя генеральнымъ собраніемъ. Подробности рѣшено было обсудить на соборѣ въ Пуасси. На этотъ соборъ прибылъ извѣстный кальвинистъ де-Безъ, котораго Екатерина часто приглашала въ свои аппартаменты, и тамъ, въ присутствіи избраннаго кружка, между нимъ и кардиналами происходили блестящія теологическія состязанія, темами которыхъ были столь важные вопросы, какъ таинство.

Католики надменно ожидали своей побѣды, такъ какъ по ихъ мнѣнію у гугенотовъ было мало друзей на собраніи, въ чемъ, впрочемъ, имъ скоро пришлось горько разочароваться. Правда, большинство собравшихся состояло изъ тѣхъ же самыхъ лицъ, которыя годъ тому назадъ присутствовали на массовыхъ казняхъ въ Амбуазѣ, только характеръ придворныхъ разговоровъ измѣнился, теперь въ модѣ были протестантизмъ, „новыя мнѣнія“ быстро распространялись и прививались при дворѣ и въ аристократической средѣ. И нужно отдать справедливость Гизамъ, только они и ихъ друзья оставались вѣрными религіи отцовъ,—въ другихъ же знатныхъ семьяхъ католическихъ священниковъ спѣшили замѣнить „проповѣдниками“ и все женевское вошло въ большую моду.

Совѣтъ начался при приподнятомъ настроеніи гугенотовъ. На первомъ же засѣданіи де-Безъ произнесъ громовую рѣчь и имѣлъ неосторожность категорически заявить взглядъ гугенотовъ на таинство Евхаристіи. „Его божественное тѣло такъ же далеко отъ хлѣба и вина, какъ небо отъ земли!“ — произнесъ онъ.

При этихъ словахъ представитель католической церкви кардиналъ

де-Турнонъ поднялся и заявилъ, что, если королева-регентша не прикажетъ прекратить этихъ богохульныхъ словъ, онъ и его свита удалятся. Кардинала еле удалось уговорить остаться, но отношенія уже обострились и шансы на спокойное обсужденіе вопросовъ были подорваны.

Ко времени прибытія Жанны д'Альбрэ въ Сенъ-Жерменъ ея мужъ былъ уже центромъ большаго католическаго заговора.

Папскій уполномоченный на соборѣ, Ипполитъ д'Естэ, имѣлъ вполнѣ опредѣленную программу въ отношеніи Жанны. Сначала должны были сдѣлать попытку обратить ее въ католичество, а если это не удастся, объявить ее еретичкой, низложить съ престола и расторгнуть ея бракъ съ Антономъ. Конечно, всѣ попытки заставить Жанну измѣнить ея убѣжденіямъ разбивались, какъ о каменную стѣну. Что же касается ея мужа, то онъ дошелъ до такого предѣла паденія, что тревожился лишь о томъ, какъ обезпечить за собой французскую Наварру, если онъ въ ней царствовалъ только благодаря браку съ Жанной. Вотъ почему онъ колебался. Однако, онъ не пощадилъ Жанны и однажды во время тяжелой семейной ссоры, когда онъ побоями хотѣлъ заставить ее и маленькаго Генриха идти на мессу, онъ, изъ желанія сильнѣе наказать жену за упорство, самъ разсказалъ ей о заговорѣ, составленномъ противъ нея.

Въ эти поистинѣ трагическіе дни для Жанны, ее не покинулъ только одинъ принцъ Кондэ, въ домѣ котораго она нашла защиту. Однако, у ней отняли ея сына и помѣстили въ іезутскій коллежъ. Ея положеніе въ Парижѣ было до крайности опаснымъ, и ей удалось вернуться въ Наварру, только благодаря тому, что преданные ей гугеноты подъ своей защитой доставили ее въ Беарнъ. Съ мужемъ она уже больше не видѣлась. Впрочемъ, онъ не долго прожилъ послѣ того и умеръ отъ ранъ, полученныхъ при осадѣ Орлеана.

Что же касается совѣта въ Пуасси, то онъ, продлившись шесть недѣль, окончился, какъ и слѣдовало ожидать, почти ничѣмъ; тѣмъ болѣе, что около этого времени гугеноты затѣяли возстаніе, въ провинціяхъ начались смуты, столкновенія и члены совѣта поспѣшили разъѣхаться. Екатерина къ концу 1561 года устроила еще одно собраніе въ Сенъ-Жерменѣ. На этомъ собраніи присутствовало много депутатовъ изъ провинцій. Опиталь и Екатерина въ самыхъ убѣдительныхъ рѣчахъ требовали вѣротерпимости, результатомъ этихъ совѣщаній былъ „январьскій указъ", нѣчто въ родѣ modus vivendi. Съ одной стороны, онъ воспрещалъ гугенотамъ строить ихъ храмы, или пользоваться католическими, но, съ другой стороны, разрѣшалъ собираться для богослуженія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ за городомъ. Указъ этотъ былъ, какъ подобаетъ, посланъ въ парламентъ; но

парламентъ отказался его утвердить. Напрасно студенты университета, большинство которыхъ было за гугенотовъ, устраивали вооруженныя шествія къ парламенту, требуя принятія указа, народные представители отказались.

Гнѣвъ Екатерины былъ безпредѣленъ. Она лично отправилась въ Парижъ и явилась прямо въ парламентъ; здѣсь, разбранивъ народныхъ представителей, какъ мальчишекъ, она приказала принять указъ. Тогда предсѣдатель депутатовъ поднялся и, приготовившись уйти, сказалъ Екатеринѣ: „Сударыня, вы и ваши дѣти первые пожалѣете объ этомъ“, — за нимъ послѣдовало большинство депутатовъ. Остались только тѣ, которые сочувствовали гугенотамъ, или соглашались напечатать указъ. На слѣдующій день, когда весь парламентъ собрался и увидѣлъ зарегистрованный указъ, къ этому послѣднему сдѣлана была слѣдующая приписка:

„Сей указъ просмотрѣнъ, зарегистрированъ и опубликованъ нашимъ парижскимъ парламентомъ въ силу настойчиваго требованія тѣхъ, которые исповѣдуютъ такъ называемую новую реформированную религію. Но принято это, какъ временная мѣра, впредь до совершеннолѣтія короля“.

Но Екатерину ждалъ еще большій афронтъ. Испанскій король, до крайности раздраженный этими поощреніями ереси, пригрозилъ Екатеринѣ войной. Наконецъ, съ помощью особой трубки, проведенной въ стѣнѣ изъ комнаты совѣта въ ея аппартаменты наверху, Екатерина отъ слова до слова могла слышать все, что говорилось въ совѣтѣ, и каково же должно быть было ея положеніе, когда она услышала, какъ Гизы предлагали просто-на-просто утопить ее въ Сенѣ!— Все это, разумѣется, отбило у нея охоту продолжать дальнѣйшія совѣщанія и, взявъ короля, она поспѣшила уѣхать изъ Сенъ-Жерменъ въ Фонтенебло.

Въ началѣ 1562 года произошло знаменитое избіеніе гугенотовъ въ Васси, въ маленькомъ городкѣ въ Шампани, гдѣ по приказанію суроваго герцога Гиза, нѣсколько сотъ безоружныхъ гугенотовъ были умерщвлены во время совершенія ихъ богослуженія. Это подало поводъ къ новымъ возстаніямъ гугенотовъ, которые также не церемонились съ папистами въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ на ихъ сторонѣ было преимущество въ силѣ.

Екатерина оставалась вѣрна своей системѣ интригъ и двойной игрѣ, пока, наконецъ, гугеноты, подъ предводительствомъ Кондэ не начали открытаго возстанія. Тогда только Екатерина перешла на сторону Гизовъ.

Но самымъ фатальнымъ событіемъ было убійство герцога Франциска Гиза однимъ гугенотомъ близъ Орлеана въ февралѣ 1563 г.

Для католической партіи, лишившейся ея военнаго вождя, это была большая утрата, но и гугенотамъ это убійство не принесло никакой пользы, а только дало поводъ къ тяжкому обвиненію противъ нихъ, а именно: будто покушеніе совершено по наущенію и подкупу Колиньи. Обвиненіе недоказанное и въ даже высшей степени несправедливое, тѣмъ не менѣе, это злополучное убійство оказалось тѣмъ посѣяннымъ зубомъ дракона, изъ котораго выросла цѣлая вооруженная армія. Съ этого времени между Гизами и Колиньи зародилась смертельная вражда, которая могла быть утолена только кровью и которая окончилась, спустя девять лѣтъ, Варѳоломеевской ночью.

Тотъ фактъ, что реформація, давшая такіе блестящіе результаты въ Англіи и Германіи, не привилась вовсе въ Италіи и Франціи, представляетъ обильный матеріалъ для размышленія. Неудача реформаціи во Франціи, гдѣ это движеніе успѣло принять такіе большіе размѣры, гдѣ оно такъ долго и такъ глубоко волновало умы и гдѣ, кажется, болѣе или менѣе выдающаяся женщина, начиная съ Маргариты Ангулемской, принимала въ немъ участіе,—какъ другъ, или недругъ,—эта неудача, повторяемъ, еще болѣе удивительна, чѣмъ въ Италіи, о которой сложилось характерное историческое выраженіе: „Въ Италіи скорѣе можно совсѣмъ упразднить христіанство, чѣмъ сдѣлать ее кальвинистской". Главная причина неудачи реформаціи заключается, вѣроятно, во враждебномъ характерѣ обѣихъ націй. Если итальянцы врожденные язычники, то французы — скептики по природѣ. Для реформаціи же скептицизмъ столь же неблагопріятенъ, какъ и матеріализмъ итальянцевъ. Скептицизмъ обусловливаетъ практичность, здравый смыслъ, заботу о настоящемъ и значительную дозу равнодушія къ широкимъ горизонтамъ; это онъ порождаетъ практичныхъ, но отнюдь не романтичныхъ женщинъ; практичныя же женщины ищутъ движенія, дѣла и скоро вдаются въ политику; единственная же доступная для женщинъ шестнадцатаго вѣка политика была политика религіи, и на это-то поприще направили свои силы и энергію всѣ эти сильныя женскія натуры. Нѣкоторыя изъ нихъ, подобно Жаннѣ Наварской, были искусны въ богословіи, но богословіе живетъ логикой, исключающей все отвлеченное, фантастическое. Вотъ почему участіе французскихъ женщинъ въ дѣлахъ религіи еще не можетъ служить доказательствомъ религіозности народа, и, дѣйствительно, Франція, ни тогда, ни позже, никогда не была набожной страной.

За то это была страна декорума, и нигдѣ религіозный этикетъ не былъ доведенъ до такого совершенства. На первый взглядъ кажется даже невѣроятнымъ, какъ могла столь мало мистическая страна, какъ Франція, сохранить такую чисто ритуальную религію, какъ ка-

толичество. Но именно эта исключительно показная сторона, съ условной вѣрой и обрядностью была необходима французамъ. Конечно, и во Франціи были выдающіяся изъ общаго уровня личности, возстававшія противъ бездушной обрядности, избранная раса, тѣ высокіе мыслители и ученые, имена которыхъ сдѣлались міровымъ достояніемъ. Но при обсужденіи національнаго характера важно не то, имѣла ли нація такихъ личностей, но то, насколько вліяніе ихъ отразилось на народѣ. Въ данномъ случаѣ вліяніе этихъ личностей на французовъ было почти ничтожно. Вотъ почему гугенотамъ не удалось увлечь своихъ соотечественниковъ.

Въ такихъ неудачахъ обыкновенно принято винить отдѣльныхъ личностей. Говорятъ, напримѣръ, что Александръ VI и его преемники задумали реформацію въ Италіи и что Екатерина Медичи и Гизы убили ее во Франціи; въ дѣйствительности же, эти люди были только орудіемъ судьбы, а никакъ не ея творцами, они сами были результатомъ своего времени и почти не отвѣтственны за него. Правда, Екатерина, при ея полу-французскомъ, полу-итальянскомъ происхожденіи, при ея скептицизмѣ и безвѣріи была самой зловредной личностью на ея мѣстѣ. Но истина всегда сильнѣе людей и, хотя отдѣльныя личности могутъ задержать или ослабить ея прогрессъ, но окончательно разрушить ее все-таки не въ ихъ силахъ. Если ужасы Варѳоломеевской ночи могли положить конецъ протестантизму во Франціи, то это доказываетъ, что въ немъ самомъ не было жизненныхъ силъ. Если бы даже Екатерины вовсе не существовало, если бы избіенія вовсе не случилось, гугеноты все-таки оказались бы побѣжденными.

Были еще и другія, менѣе важныя, причины, которыя также способствовали неудачѣ реформаціи, это, между прочимъ, недостатокъ согласія между самими гугенотами.

Изъ всѣхъ этихъ дѣятелей незыблемо выдѣлялась только мощная фигура Колиньи,—этого человѣка, точно отлитаго изъ бронзы,—убѣжденнаго и непреклоннаго, а потому, вѣроятно, остававшагося одинокимъ, какъ помѣха эгоистичнымъ замысламъ товарищей.

Если Колиньи былъ непригоденъ на постъ главы гугенотовъ, то другое лицо, которое могло бы справиться съ этой задачей, была Жанна Наварская, но она была женщина и ея полъ становился ей на полдорогѣ къ успѣху.

Старинные писатели даютъ два объясненія происхожденію слова „гугеноты“. Одни говорятъ, что оно происходитъ отъ искаженнаго слова „Eidgenossen“, или заговорщики. Другіе же усматриваютъ его начало въ словѣ Hugues,—такъ назывался духъ въ старинныхъ турскихъ балладахъ, и простой народъ, видя еретиковъ, устраивающихъ

свои ночныя богослуженія и проповѣди въ тѣхъ пустынныхъ мѣстахъ, гдѣ, по повѣрью, являлся этотъ духъ, прозвалъ ихъ самихъ гугенотами (Huguenots).

Еще труднѣе было бы опредѣлить общественное положеніе гугенотовъ. „Я затрудняюсь, какъ пояснить „L'etat Huguenots“,—пишетъ одинъ современникъ,—они не вполнѣ принадлежатъ къ простому народу, но и аристократіей ихъ нельзя назвать. Это демократія, вкрапленная въ аристократію, или республика въ монархіи“. Въ словахъ комментатора есть доля правды, такъ какъ въ гугенотскомъ движеніи замѣтны постоянно два рѣзко обособленныхъ элемента, слить которые никогда не удавалось. Попытки въ этомъ направленіи уже дѣлались Маргаритой Ангулемской, когда ея духовникъ епископъ Брисонне основалъ мистическое общество въ Мо, при чемъ она и ея придворные друзья образовали верхній слой, а ткачи—гугеноты, нижній.

Эти крайности, къ сожалѣнію, такъ и остались разрозненными и безсильными, и все это вслѣдствіе отсутствія связующаго элемента. Дѣло въ томъ, что во Франціи того времени не было настоящаго средняго класса, того класса, который соединяетъ и разъединяетъ, и отсутствіе этой промежуточной стадіи и было одною изъ причинъ неудачи новыхъ идей. Конечно, отсутствіе средняго класса слѣдуетъ понимать условно, въ смыслѣ отсутствія обширнаго средняго сословія, какъ мы понимаемъ его нынче, и которое уже существовало въ Англіи и Германіи, и благодаря этому нарождающемуся третьему сословію, состоящему изъ разбогатѣвшихъ мѣщанъ, артистовъ, художниковъ, мастеровъ и горожанъ, въ этихъ двухъ странахъ реформація привилась. Во Франціи же люди свободныхъпрофессій находились еще въ зависимости отъ двора и знатныхъ покровителей искусства, что-же касается разбогатѣвшихъ купцовъ, то они присоединялись къ аристократическому классу. Такимъ образомъ массы оставались изолированными, не соединенными буржуазіей и доктрины реформаціи распространялись только между аристократами и бѣдняками.

Во всѣхъ народныхъ движеніяхъ, когда во главѣ массъ стоитъ одинъ изъ ихъ же среды, движеніе имѣетъ много данныхъ окончиться анархіей, какъ это и было во время французской революціи, если же народъ ведутъ аристократическіе вожди, какъ это было во время французской реформаціи, то можно ожидать только неудачи и распаденія; старинныя феодальныя отношенія не замедлятъ сказаться и разница въ общественномъ положеніи слишкомъ велика, чтобы могла существовать какая-нибудь связь между предводителемъ и его спутниками. Главари гугенотскаго движенія, при всемъ своемъ искреннемъ воодушевленіи идеей борьбы за истину и свободу, не защи-

щаютъ нуждъ народа, котораго они не знаютъ и не понимаютъ. Если Лютеръ, Цвингли, Джонъ Кноксъ и Оливеръ Кромвель имѣли успѣхъ и осуществили свои планы, то это потому, что всѣ они были людьми средняго сословія, отлично знавшими нужды и требованія народа.

Моро, соперникъ Бонапарта [1]).

(По неизданнымъ документамъ).

Бонапартъ и Моро первый разъ встрѣтились у директора Гойе, недѣли за три до 18 брюмера. Обойденный и плѣненный Бонапартомъ, думая при томъ, что дѣло шло о спасеніи республики одновременно отъ роялистской реакціи и отъ якобинской опасности, Моро принялъ участіе въ государственномъ переворотѣ. Ничто не измѣнило отношеній двухъ генераловъ до середины слѣдующаго года. Чувствуя необходимость ладить съ Моро, Бонапартъ далъ ему почти полную свободу дѣйствовать по своему усмотрѣнію, въ началѣ германской кампаніи, хотя и не одобрялъ его операціоннаго плана. Полный самоотверженія, Моро старался благопріятствовать успѣхамъ Бонапарта въ Италіи. Оттого согласіе двухъ союзниковъ по 18 брюмера превратилось въ дружбу на другой день послѣ Парсдорфскаго перемирія (15 іюля 1800 г.).

Бонапартъ думалъ даже, въ то время, привязать къ себѣ Моро болѣе тѣсными узами, предложивъ ему жениться на Гортензіи де-Богарнэ. Не совсѣмъ вѣжливый пріемъ, сдѣланный Моро этому предложенію, его бракъ съ дѣвицей Гюло, состоявшійся нѣсколько дней спустя, его нескромность и его отзывы, оскорбительные для семейства Бонапартъ, вызвали неудовольствіе перваго консула.

Это, можетъ быть, и было начало возникшихъ впослѣдствіи несогласій. Бонапартъ воздержался отъ посылки Моро поздравленій по поводу побѣды при Гогенлинденѣ (3 декабря 1801 г.). Онъ отказался утвердить предложенія о наградахъ, сдѣланныя Моро, который былъ очень обиженъ этимъ отказомъ. Его огорчали также случаи невниманія со стороны семейства Бонапартъ, на которые жаловались его теща и жена. Наконецъ, двѣ статьи „Moniteur'a", внушенныя, можетъ быть, первымъ консуломъ и содержавшія обвиненія

[1]) Моро и республиканская оппозиція.

противъ его управленія хозяйственной частью арміи, глубоко оскорбили его.

Таково было настроеніе Моро при его возвращеніи во Францію, весной 1801 г.

I.

Моро пріѣхалъ въ Парижъ 3 преріаля IX года (23 мая 1801 г.) [1]) и тотчасъ же отправился въ замокъ Орсэ, незадолго передъ тѣмъ пріобрѣтенный г-жей Гюло [2]).

5 преріаля, въ сопровожденіи Десоля, своего начальника штаба, онъ представился, въ штатскомъ платьѣ, первому консулу. „Встрѣча“ была „довольно холодная“, сообщаетъ Деканъ, со словъ Десоля [3]). Да иначе и быть не могло. Моро имѣлъ много причинъ обижаться на Бонапарта, а высокое мнѣніе, которое онъ составилъ о себѣ, особенно со времени гогенлинденской побѣды, мѣшало ему забыть эти обиды и сдѣлать уступки. Съ своей стороны, консулъ, можетъ быть, узналъ о злословіи, которое позволялъ себѣ Моро на счетъ его и его семейства. Ему не могло быть пріятно возвращеніе въ Парижъ единственнаго генерала, котораго общественное мнѣніе продолжало сравнивать съ нимъ, начальника арміи глубоко республиканской, на котораго „исключительные“ (такъ называла полиція консульства республиканцевъ) возлагали свои надежды. Свиданіе, впрочемъ, кончилось лучше [4]). Моро завтракалъ въ Мальмезонѣ, и ходилъ даже слухъ, что ему будетъ поручена экспедиція противъ Англіи [5]). Однако, вскорѣ послѣ того, въ Тюильри былъ большой балъ, на который были приглашены всѣ генералы, находившіеся въ то время въ Парижѣ, за исключеніемъ одного только Моро. По донесенію полиціи, онъ былъ вскорѣ „окруженъ недовольными и даже людьми, занимающими общественныя должности“, которые старались вывѣдать его намѣренія относительно перваго консула. Но Моро, „благоразумный и сдержанный“, давалъ имъ „лишь ничего не значащіе отвѣты“ [6]). Убѣжденный, что Бонапартъ держитъ его въ сторонѣ; желая также, по его словамъ, скрыться одновременно отъ знаковъ

---

[1]) Націон. архивъ, рапортъ помощн. префектуры отъ 4 преріаля IX г. Journal des Débats подъ 4 прер. объявляетъ: „генералъ Моро въ Парижѣ“.

[2]) Неиздан. мемуары Декана, т. X.

[3]) Ibid.

[4]) Неиздан. мемуары Декана.

[5]) Arch. nat., рапортъ полиціи 13 прер. IX г.

[6]) Ibid., рапортъ полиціи 8 прер. IX г.

недовольства офицеровъ своей арміи, получившихъ, при распредѣленіи наградъ, меньше, чѣмъ офицеры итальянской арміи, и отъ назойливыхъ вопросовъ интригановъ [1]); опасаясь, наконецъ, „возбудить противъ себя неудовольствіе, слишкомъ выставляясь на похвалы публики, которая намѣтила его въ преемники, хотя и не считала его способнымъ къ этому [2]),—Моро принялъ рѣшеніе удалиться въ Орсэ.

Многіе офицеры рейнской арміи открыто жаловались на перваго консула [3]), который не сдѣлалъ ихъ начальнику „торжественнаго пріема“ при возвращеніи его изъ Страсбурга и не оказывалъ ему подобающаго уваженія. Сообща съ нѣкоторыми изъ друзей Моро и съ бретонцами, живущими въ Парижѣ, они рѣшили предложить своему генералу обѣдъ, сопровождаемый вечернимъ собраніемъ, въ садахъ Руджіери. Но эта манифестація не имѣла успѣха, котораго они ожидали: Моро казался „смущеннымъ“, и общее чувство натянутости тяготѣло надъ всѣми гостями, такъ что Деканъ могъ сказать, что онъ видѣлъ „жаръ и живость только въ фейерверкѣ, пущенномъ Руджіери“ [4]).

Подчинявшійся вліянію своей жены и тещи, а также генерала Лагори и полковаго адъютанта Ленормана, слишкомъ гордый, чтобы заискивать у перваго консула—Моро упорствовалъ въ принятомъ имъ рѣшеніи держаться въ сторонѣ [5]). Хотя вообще за нимъ не признавали „никакого политическаго таланта“ [6]), онъ былъ надеждой республиканцевъ и роялистовъ, которые сейчасъ же подумали сдѣлать его своимъ вождемъ и скомпрометтировать его.

Бонапартъ былъ освѣдомленъ объ ихъ проискахъ. „Генералъ Моро много занимаетъ умы“, докладывалъ полицейскій рапортъ. Разсказываютъ съ аффектаціей объ его подвигахъ и у нѣкоторыхъ замѣчается намѣреніе выдвинуть его на видъ и обратить на него всѣ взоры [7]). „Въ кафэ и во всѣхъ другихъ собраніяхъ этого рода“, говорится въ другомъ бюллетенѣ, „теперь только и разговоровъ, что о немъ, объ его добродѣтеляхъ, общественныхъ и частныхъ, и его ставятъ выше всѣхъ военныхъ безъ исключенія“ [8]). Ему при-

---

[1]) Arch. nat., рапортъ полиціи 8 прер. IX г.

[2]) Bailleu, Прусск. королев. архивы, донесеніе Луккезини отъ 1-го іюня 1801 г.

[3]) Arch. nat., рапортъ 26 прер. IX г.

[4]) Неизданн. мемуары Декана.

[5]) Arch. des Affaires étrangères, fonds Bourbons, vol. 602, f. 147.

[6]) Fiévée, Correspondance et relations avec Bonaparte, I, 205.

[7]) Arch. nat., рапортъ полиціи 12 мессидора IX г.

[8]) Тамъ же.

*

писывали „тайные планы“; его называли „единственнымъ человѣкомъ, которому можно бы ввѣрить судьбы государства“ [1]). Обскій префектъ послалъ ему какъ отъ своего имени, такъ и отъ всѣхъ гражданъ своего департамента, „дань удивленія“ [2]).

Моро былъ чуждъ этой пропагандѣ; нѣкоторые полицейскіе рапорты честно признавали это [3]). Но агитація, которую создавали вокругъ его имени, естественно должна была внушать первому консулу, если не опасенія, то по крайней мѣрѣ нѣкоторое безпокойство. При томъ Бонапарту не безъизвѣстно было, что Моро позволялъ себѣ, въ Орсэ, въ присутствіи друзей и даже постороннихъ, критику относительно его особы и его управленія [4]). Быть можетъ, онъ зналъ также, что Моро насмѣшливо говорилъ о направленныхъ противъ него враждебныхъ попыткахъ. Хотя гордость Наполеона страдала отъ этого злословія, однако, все заставляетъ думать, что онъ считалъ умѣстнымъ сдѣлать попытку сближенія. Такъ, по его иниціативѣ состоялось постановленіе о сохраненіи Моро содержанія по званію главнокомандующаго, простиравшагося до 40.000 франк. [5]). Кромѣ того, онъ оказывалъ, по словамъ Декана, величайшее вниманіе къ брату Моро, члену трибуната [6]). Онъ старался, наконецъ, устроить случай къ личной встрѣчѣ съ Моро.

Первый консулъ каждое воскресенье пріѣзжалъ въ Тюильри на парадъ и для дачи аудіенцій. Деканъ регулярно бывалъ тамъ, и каждый разъ Савари и Раппъ, вѣроятно, по приказанію Бонапарта, у котораго они были адъютантами, говорили ему о Моро и освѣдомлялись о его здоровьѣ и его мѣстопребываніи. Деканъ сначала охотно отвѣчалъ на ихъ разспросы; но потомъ, заподозривъ „притворство съ ихъ стороны“, особенно, когда они спрашивали, „почему его никогда не видать въ Тюильри“, объявилъ, что этого онъ не знаетъ, и посовѣтовалъ имъ спросить самимъ объ этомъ у Моро.

Желая прекратить все увеличивавшееся несогласіе, Деканъ счелъ долгомъ сообщить Моро объ этихъ разговорахъ, прибавивъ, что онъ готовъ передать въ точности отвѣтъ. Моро сказалъ, что „онъ слишкомъ старъ, чтобы гнуть спину“. Очень удивленный, Деканъ представилъ ему на это цѣлый рядъ возраженій. Развѣ можно сказать, доказывалъ онъ, про тѣхъ, кто приближается къ главѣ правительства,

---

[1]) Тамъ же, рапортъ отъ 7 термидора IX г.

[2]) Префектъ департ. Об къ Моро, 4 прер. IX г. (Correrpondance particulière de Moreau).

[3]) Arch. nat., рапорты отъ 4 мессидора и 13 термитора IX г.

[4]) Неизд. записки Декана.

[5]) Arch. nat., 238.

[6]) Неизд. мемуары Декана.

у котораго они находятъ хорошій пріемъ, что они преклоняются передъ нимъ? Да при томъ, кто первый поклонился? Не Бонапартъ ли поднесъ, въ прошломъ году, пару пистолетовъ главнокомандующему рейнской арміей? Къ тому же никто болѣе, чѣмъ онъ, главнокомандующій, „не способствовалъ возвышенію Бонапарта и упроченію правительства“. Не говорилъ ли самъ Моро, не задолго передъ тѣмъ, что „все идетъ очень хорошо, и что одинъ только Бонапартъ способенъ былъ вывести Францію изъ затруднительнаго положенія? Что за причина этой перемѣны? Моро ограничился отвѣтомъ, что „Бонапартъ дурно окруженъ, и что дѣла идутъ не такъ, какъ бы слѣдовало“ [1]).

Побужденіями къ непріязненному положенію, занятому Моро, были, слѣдовательно, не одни только личныя неудовольствія противъ Бонапарта. Внутренняя политика перваго консула, мѣры, принятыя противъ республиканцевъ послѣ покушенія на улицѣ Сенъ-Никезъ, отмѣна свободы печати, возвратъ къ монархическимъ формамъ, любезный пріемъ, оказанный представителямъ стараго дворянства, были для Моро болѣе серьезными причинами осужденія.

Деканъ возразилъ своему собесѣднику, что, держась въ сторонѣ и критикуя дѣйствія перваго консула, едва-ли можно надѣяться поправить зло, на которое онъ жаловался. Ему болѣе, чѣмъ всякому другому, прибавилъ онъ, приличествуетъ дѣлать представленія, но для этого нужно сблизиться съ правительствомъ. Приходъ посторонникъ прервалъ этотъ разговоръ.

Моро думалъ, можетъ быть, что его замѣчанія оставались бы безъ результата; все-таки онъ поступилъ бы прямодушно, уступивъ совѣтамъ Декана. При томъ многіе изъ бывшихъ подчиненныхъ Моро, при всей ихъ преданности своему генералу, смотрѣли съ неудовольствіемъ на его раздоръ съ главой государства, отъ котораго они могли всего ожидать, и порицали его рѣшеніе держаться въ сторонѣ. Съ своей стороны, Бонапартъ принялъ ловкую тактику, которую обнаружилъ Деканъ. „Чѣмъ болѣе ложная политика генерала Моро и зловредное вліяніе, которому онъ подчинялся, заставляли его упорствовать въ своей оппозиціи, тѣмъ болѣе первый консулъ оказывалъ благорасположеніе генераламъ рейнской арміи“ [2]). Зная ихъ республиканскій образъ мыслей, онъ старался разсѣять ихъ предубѣжденія противъ конституціи VIII года и утишить ихъ справедливое озлобленіе противъ тѣхъ, которые еще недавно сражались противъ Франціи [3]). Стараясь,

---

[1]) Неиздан. мемуары Декана.
[2]) Неиздан. мемуары Декана.
[3]) Тамъ же.

быть можетъ, образовать пустоту вокругъ Моро, Бонапартъ употреблялъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, всѣ средства, чтобы привлечь къ своей особѣ и своей политикѣ тѣхъ изъ нихъ, которыхъ онъ не считалъ систематически враждебными ему. Такъ, онъ ввѣрилъ имъ, въ 1801 г., большую часть инспекторскихъ мѣстъ въ пѣхотѣ и кавалеріи, и, въ маѣ 1802 г., назначилъ Декана, по его просьбѣ, генералъ-капитаномъ въ Пондишери.

Нѣкоторые другіе генералы рейнской арміи, между прочимъ, Ришпансъ, были уже ранѣе посланы въ колоніи. Моро ошибочно заключилъ изъ этого, что первый консулъ имѣлъ намѣреніе отправлять въ ссылку тѣхъ, кто былъ слишкомъ преданъ ему, Моро. Та же сказка циркулировала между войсками парижскаго гарнизона [1]). Моро указалъ на это Декану, который энергически запротестовалъ и сообщилъ ему, что Бонапартъ дѣйствительно только исполнилъ его желаніе [2]).

Будированіе Моро, его наклонность все критиковать, дѣйствія и людей, проявлялись и другими пессимистическими преувеличеніями, какъ, напримѣръ, такой оцѣнкой, сообщаемой д'Аллонвилемъ: „пришелъ конецъ французской арміи! она храбра только потому, что она республиканская. Консулатъ—эта та же монархія; нѣтъ болѣе доблести, нѣтъ болѣе войска, достойнаго этого имени; отнынѣ достаточно будетъ малочисленныхъ австрійскихъ патрулей, чтобы гонять его, какъ трусливое стадо“ [3]).

II.

Моро продолжалъ жить въ Орсэ зиму 1801—1802 г., пріѣзжая въ Парижъ только два или три раза въ недѣлю [4]). 3 декабря онъ праздновалъ годовщину гогенлинденской битвы, собравъ на обѣдъ всѣхъ генераловъ рейнской арміи, находившихся въ Парижѣ. Онъ предупредилъ Декана, что другихъ генераловъ не будетъ; оттого тотъ былъ очень удивленъ, увидѣвъ Бертье, военнаго министра, между гостями. На замѣчаніе его по этому поводу, Моро отвѣтилъ, что „это приглашеніе имѣло цѣлью отвратить отъ ума Бонапарта всякую мысль о заговорѣ“.

Моро зналъ или догадывался, что, со времени его возвращенія

---

[1]) Arch. nat., рапорты полиціи отъ 9 нивоза и 23 прер. XI г.
[2]) Неизд. мемуары Декана.
[3]) D'Allonville, Mémoirs secrets, IV, 93—94.
[4]) Arch. nat., рап. полиціи отъ 21 нивоза X г.

изъ Германіи, онъ подвергался подозрѣніямъ Бонапарта и полиціи [1]). Деканъ, который, безъ сомнѣнія, не зналъ этого, удивился, что у его начальника явилась „такая мысль“. Но изъ этого разговора онъ понялъ, что ссора все болѣе и болѣе обостряется, и еще разъ посовѣтовалъ Моро „сблизиться съ правительствомъ“. Когда Моро возразилъ, что „ему нечего просить у правительства“, Деканъ сталъ говорить о „пользѣ отечества“ и о „выгодѣ столькихъ офицеровъ“, которые до того служили подъ его начальствомъ, и которые не могутъ, какъ ихъ генералъ, „обойтись безъ службы у правительства“. Онъ прибавилъ, что очень многіе изъ этихъ офицеровъ, очень скромные, ожидаютъ, чтобы ихъ бывшій начальникъ засвидѣтельствовалъ объ ихъ заслугахъ. Другіе явно выражали недовольство. Моро возразилъ, что его рекомендація была бы имъ скорѣе вредна, чѣмъ полезна. Деканъ, не раздѣляя этого взгляда, настаивалъ на своемъ мнѣніи, но не добился успѣха [2]).

Усилія его парализовались болѣе сильными вліяніями. М-мъ Гюло, завистливая и смутьянка, раздувала распрю. Лагори, Лекурбъ, Бернадотъ, бригадный генералъ Фурнье-Сарловезъ, поддерживали враждебное настроеніе Моро. Другіе генералы, между прочимъ, Брюнъ, Коло (Colaud), Дельма, Макдональдъ, Массена, были, какъ и тѣ, твердыми республиканцами. Со времени заключенія люневильскаго мира вся ихъ дѣятельность обратилась къ политикѣ, и они, наконецъ, узнали о тайныхъ видахъ перваго консула, которые были выданы нѣкоторыми изъ его наперсниковъ, по разсчету или по нескромности. При томъ же они считали себя равными Бонапарту и не могли допустить мысли, чтобы онъ сдѣлался верховнымъ правителемъ. „Между ними нѣтъ ни одного,—говоритъ роялистскій агентъ,—который бы не считалъ себя его ровней и не признавалъ бы за собой тѣхъ же правъ, какъ и онъ, на первое мѣсто въ государствѣ; нѣтъ ни одного, который бы не смотрѣлъ на его возвышеніе, какъ на личную себѣ обиду“ [3]). Такимъ образомъ, къ убѣжденіямъ ихъ присоединялись зависть и праздность, и они вознамѣрились противодѣйствовать планамъ Бонапарта.

Скоро, впрочемъ, первый консулъ пересталъ скрывать свои планы, и анти-либеральныя мѣры слѣдовали одна за другой въ теченіе IX года. Несмотря на сильную оппозицію со стороны республиканцевъ, философовъ и части арміи, онъ подписалъ конкордатъ 26 мессидора IX г. (15 іюля 1801 г.). Предварительныя условія мира съ Англіей, уста-

---

[1]) Рапорты полиціи X и XI гг.
[2]) Неизданн. мемуары Декана.
[3]) Remacle, Bonaparte et les Bourbons, 1802 г.

новленныя 9 вандемьера X г. (1 октября 1801 г.), еще болѣе увеличили его популярность. Сенатское постановленіе 27 вандемьера X г. очистило трибунатъ и законодательный корпусъ, выключивъ изъ нихъ почти всѣхъ членовъ оппозиціи [1]).

Но не такъ легко было уничтожить ее въ арміи, гдѣ республиканцы насчитывали еще много сторонниковъ, особенно въ полкахъ, участвовавшихъ въ германской кампаніи. Полиція внимательно слѣдила за ними. Примѣтили одного молодаго офицера, „восторженно цѣловавшаго Марка Брута“ [2]). Многіе офицеры бывшей гвардіи директоріи старались „посѣять смуту въ умахъ гренадеръ“, говоря имъ, что „теперь у нихъ командиры все изъ шуановъ, которые нечувствительно приведутъ ихъ къ монархіи“ [3]). Другіе публично высказывали „оскорбительныя сужденія о многихъ членахъ правительства“ [4]) и восклицали, глядя на портретъ Карно: „вотъ единственный республиканецъ, не согнувшійся передъ кумиромъ дня“ [5])! Уже около года, реформированные офицеры (уволенные въ отставку, съ сохраненіемъ части содержанія), которыхъ, въ брюмерѣ IX года, насчитывалось, на жительствѣ въ Парижѣ [6]), отъ 6.000 до 7.000, обращали на себя вниманіе своими постоянными жалобами и своимъ недовольствомъ, проявляемымъ при всякомъ случаѣ [7]). Они бросались очертя голову въ оппозиціонныя партіи, особенно между „исключительными“ [8]), какъ на это указываютъ рѣчи, которыя имъ приписывали: „они говорятъ, что не потеряли надежды; что они покажутъ когда-нибудь, что не для того проливали кровь, чтобы снова подпасть подъ иго тиранніи; что опальные генералы ждутъ, какъ и они, въ молчаніи благопріятнаго момента; что начинаютъ замѣчать, что республика приближается къ концу, и что необходимо измѣнить это положеніе дѣлъ“ [9]). Даже офицеры, состоявшіе на дѣйствительной службѣ, и тѣ роптали, со времени заключенія конкордата, противъ возстановленія католической религіи [10]), противъ вліянія, которое снова пріобрѣтали патеры [11]), противъ призыва эмигрантовъ [12]). Всѣ снова принялись „превоз-

---

[1]) Arch nat., 104.
[2]) Ib., рапортъ полиціи 14 прер. IX г.
[3]) Arch nat., рап. полиціи 21 жерминаля IX г.
[4]) Ib., рапортъ 10 вандем. X г.
[5]) Ib.
[6]) Ib., рапортъ пол. 14 брюмера IX г.
[7]) Arch. nat., рапорты 8 флореаля, 2 и 26 прер. IX г., 1 и 29 нивоза X г.
[8]) Ib., рап. 28 ванд. и 20 плювіоза X г.
[9]) Arch. nat., рап. полиціи 29 нивоза X г.
[10]) Ib., рап. пол. 5 нивоза X г.
[11]) Ib., рап. пол. 14 нивоза X г.
[12]) Неиздан. мемуары Декана, t. X.

носить таланты Моро“ [1]). По словамъ Форьеля, различныя партіи продолжали смотрѣть на Моро „какъ на человѣка, вполнѣ подходящаго для того, чтобы сдѣлаться дѣятельнымъ врагомъ Бонапарта и его проектовъ“; они надѣялись, „привязать его къ себѣ и воспользоваться его славой для осуществленія своихъ плановъ“ [2]).

Несмотря на эту оппозицію, Бонапартъ методически преслѣдовалъ свои проекты. Амьенскій миръ, заключенный 4-го жерминаля X года (25-го мая 1802 г.), принесъ общее умиротвореніе, котораго такъ жаждала нація, и еще болѣе увеличилъ престижъ перваго консула. Недѣли черезъ три послѣ заключенія мира, 28-го жерминаля X г., была совершена въ соборѣ Богоматери торжественная месса въ честь обнародованія конкордата. Бонапартъ велѣлъ оставить для своей жены трибуну, отдѣлявшую въ то время хоры отъ средняго пространства храма. М-мъ Гюло явилась въ церковь вмѣстѣ съ своей дочерью и силой заняла мѣсто, предназначенное Жозефинѣ. Шапталь, сообщающій этотъ фактъ, увѣряетъ, что Бонапартъ былъ сильно раздосадованъ [3]). Самъ Моро, которому было прислано военнымъ министромъ приглашеніе отправиться на церемонію вмѣстѣ съ правительствомъ [4]), не присутствовалъ на ней, и, если вѣрить Тибодо, осмѣивалъ ее за обѣдомъ, который имѣлъ мѣсто въ тотъ же день у Бертье.

Другіе генералы, въ томъ числѣ Дельма, громко высказывали свое недовольство [5]); ходилъ даже слухъ, что они составили противъ перваго консула заговоръ, во главѣ котораго, будто бы, стояли Моро и Массена [6]). Мало-по-малу Бонапартъ разсѣялъ ихъ, поручая миссіи, дипломатическія или военныя, чтобы удалить ихъ изъ Парижа.

---

[1]) Arch. nat., пап. пол. 18 нивоза X г.

[2]) Fauriel, Les derniers jours du Consula, 104.

[3]) Chaptal, Mémoires, 264.—По словамъ одного роялистскаго агента, напротивъ, м-мъ Гюло и м-мъ Моро было, будто бы, отказано во входѣ въ соборъ, отчего послѣдняя упала въ обморокъ (Remacle, loc. cit., 75). Но эта версія мало правдоподобна.

[4]) Воен. министръ къ Моро, жерминаль X г. (Arch. guerre Correspondance particulière de Moreau).

[5]) Remacle, loc. cit., рапортъ 10 іюня 1802 г. По словамъ Тибодо, когда первый консулъ спросилъ у Дельма его мнѣніе о церемоніи, тотъ отвѣтилъ: „это—прекрасная капуцинада. Недостаетъ только милліона людей, которые были убиты для того, чтобы разрушить то, что вы теперь возстановляете“ (Mémoires sur le Consulat, 163). „Распространили слухъ, что первый консулъ рѣшилъ было устроить церемонію освященія знаменъ, но не посмѣлъ этого сдѣлать, потому что солдаты говорили во всеуслышаніе, что растопчутъ ихъ ногами“. (Ibid., 165).

[6]) Arch. nat., пап. полиціи отъ 21 и 23 флореаля X г.

Макдональдъ былъ назначенъ посломъ въ Копенгагенъ, Брюнъ—въ Константинополь, Ланнъ—въ Лиссабонъ. Бернадотъ получилъ командованіе западной арміей, главная квартира которой находилась въ Реннѣ; Гувьонъ-Сенъ-Сиру было поручено командованіе французской и испанской арміями въ войнѣ противъ Португаліи. Лагори, наконецъ, былъ уволенъ въ запасъ 1-го вандемьера X г., а 9-го фрюктидора XI г. въ отставку [1]). Эта послѣдняя мѣра не могла не огорчить Моро.

III.

Законъ 29 флореаля X года (19 мая 1802 г.).

Законъ 29-го флореаля X года (19-го мая 1802 г.) объ учрежденіи почетнаго легіона „очевидно, еще болѣе, чѣмъ возстановленіе католицизма, былъ направленъ къ осуществленію тайныхъ видовъ Бонапарта“, создавая, по выраженію одного современника, „первый кавалерскій орденъ, первый посредствующій корпусъ между французскимъ народомъ и Бонапартомъ [2])“. „Старый порядокъ имѣлъ дворянство, писалъ одинъ роялистскій агентъ; теперь почетный легіонъ замѣнитъ его“ [3]). Это было кромѣ того, по справедливому замѣчанію Люсьена, средство сосредоточить на первомъ консулѣ, во вредъ другимъ генераламъ, вниманіе, желанія и признательность арміи“, и пріучать солдата видѣть въ Бонапартѣ „высшаго распорядителя его судьбы, источникъ его надеждъ“ [4]). Республиканская партія отлично понимала это. Законъ встрѣтилъ въ законодательномъ корпусѣ, въ трибунатѣ и въ арміи энергическую оппозицію. Общественное мнѣніе отнеслось къ нему неблагопріятно [5]). Моро отказался, какъ утверждали, войти въ составъ легіона, и ему приписали слѣдующія слова: „что вы намѣрены дѣлать съ вашимъ почетнымъ легіономъ? Вѣдь, почетный легіонъ—это вся армія“ [6]). На обѣдѣ у Моро, гдѣ присутствовали Бертье и Мармонъ, бригадный генералъ Фурнье, говорятъ, разразился бранью противъ Бонапарта. Нѣкоторые изъ гостей, правда, протестовали; однако, „не только не заставили смѣльчака за-

---

[1]) Arch. administrat. du ministère de la guerre.
[2]) Fauriel, Les derniers jours du Consulat, 49.
[3]) Remacle, loc. cit.
[4]) Mémoires secrets sur Lucien Bonaparte, I, 160—161.
[5]) Remacle, loc. cit., 74, rapport du 26 juillet, 1802.
[6]) Ibid., rapport du 6 août 1802.

молчать, но большинство присутствующихъ, повидимому, слушали его съ удовольствіемъ“ [1]). Генералъ Дельма пошелъ еще далѣе: онъ публично назвалъ перваго консула „злодѣемъ и чудовищемъ“ [2]).

Послѣдняя мѣра, правда, самая важная, еще болѣе увеличила раздраженіе оппозиціи. Увѣренный въ поддержкѣ духовенства со времени заключенія конкордата, Бонапартъ сталъ добиваться пожизненнаго консульства. По внушенію Комбасереса и по иниціативѣ Шабо-де-Лалье, „трибунатъ предложилъ 16-го флореаля X г. дать Бонапарту блистательный залогъ національной признательности“. Но сенаторы, хотя употреблены были всѣ средства, чтобы повліять на нихъ, на кого просьбами, на кого угрозами, ограничились тѣмъ, что избрали напередъ перваго консула на новый десятилѣтній періодъ. „Вотъ второй шагъ, сдѣланный къ королевской власти“, — воскликнула м-мъ де-Сталь; „боюсь, чтобы этотъ человѣкъ, какъ боги Гомера, при третьемъ шагѣ не достигъ Олимпа“ [3]). Въ дѣйствительности, это была неудача.

Чтобы поправить ее, Бонапартъ и его совѣтники придумали тогда представить на рѣшеніе народа вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли объявить перваго консула пожизненнымъ и дать ему право назначить своего преемника. Государственный совѣтъ принялъ этотъ проектъ, и постановленіемъ консуловъ, отъ 20-го флореаля X года, представлявшимъ настоящій государственный переворотъ, было рѣшено произвести этотъ референдумъ [4]). Сенатскимъ постановленіемъ 14-го термидора X года (2-го августа 1802 г.) Бонапартъ былъ провозглашенъ пожизненнымъ консуломъ. Затѣмъ, 16-го термидора, онъ побудилъ сенатъ вотировать другое рѣшеніе, которымъ измѣнялись многія изъ основныхъ положеній конституціи VIII года, и которое предоставляло ему право назначенія своего преемника. Это было, по справедливому выраженію одного историка революціи, „отреченіе Франціи въ пользу одного человѣка“ [5]).

Образъ жизни перваго консула въ Тюильри, въ началѣ простой, мало-по-малу сдѣлался, со времени Маренго, пышнымъ и почти царскимъ. „Все принимаетъ вокругъ генерала Бонапарта и его супруги манеры и этикетъ Версаля“, писалъ одинъ современникъ. Парадная

---

[1]) Ibid., 30, rapport du 10 juin 1802.

[2]) Archives des Affaires étrangères, fonds Bourbons, vol. 602, fol. 7.

[3]) Madame de Staël et Napoléon, цитир. Полемъ Готье, 83.

[4]) Современники не обманывались на этотъ счетъ. См. Girardin, Mémoires, III, 266; Fauriel, loc. cit., 45 и 55; Roederer, Oeuvres, III, 466.

[5]) Aulard, Histoire politique de la Révolution française, 751.

роскошь, экипажи, ливреи, многочисленный штатъ прислуги, опять появились во всемъ. Дѣлаютъ выборъ въ допущеніи иностранцевъ; имена иностранныхъ дамъ, представляемыхъ первому консулу въ салонѣ его супруги, возглашаются однимъ изъ префектовъ дворца. Онъ пріобрѣтаетъ нѣкоторый вкусъ къ охотѣ, и лѣса, гдѣ прежде охотились короли Франціи и принцы крови, теперь предназначены для него и офицеровъ его свиты“ [1]). Бонапартъ называлъ Леклерка: нашъ шуринъ; это было, какъ замѣтилъ кто-то, первое королевское „мы“ [2]).

Моро противопоставлялъ этой пышности консульскаго двора крайнюю простоту, которую иные считали признакомъ чрезмѣрной гордости, и которая въ дѣйствительности была „глубоко искренней“. Все болѣе и болѣе недовольный анти-либеральными мѣрами Бонапарта, онъ жилъ почти въ полномъ уединеніи въ деревнѣ, въ имѣніи Гробуа, купленномъ у Барраса, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, охотой и рыбной ловлей, помогая бѣднымъ окрестной мѣстности [3]). Жена его говорила, что онъ желаетъ „только покоя“ [4]). Приглашенный, въ декабрѣ 1802 г., на обѣдъ къ военному министру, онъ пріѣхалъ туда въ одеждѣ изъ гладкаго сукна, очень простой, и въ круглой шляпѣ. Этотъ костюмъ рѣзко выдѣлялся „среди этой толпы генераловъ и сановниковъ, блиставшихъ шитьемъ, въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ, въ башмакахъ съ пряжками“ [5])... Ему оказывали, впрочемъ, во время обѣда, величайшее вниманіе, и, по словамъ Міо-де-Мелито, Бонапартъ долженъ былъ, съ этого момента, „смотрѣть на него уже не какъ на соперника, а какъ на явнаго врага“ [6]).

Это, кажется, была эпоха, когда республиканская оппозиція достигла высшей степени. „Между военными и генералами недовольство дошло до крайности“ [7]), писалъ одинъ роялистскій агентъ. „Конкордатъ и пожизненный консулатъ крайне раздражили здѣсь горячія головы“, доносилъ префектъ департамента Иль-Виленъ министру внутреннихъ дѣлъ [8]). Дѣло о пасквиляхъ, возникшее дѣйствительно въ Реннѣ, главномъ городѣ этого департамента, было важнымъ признакомъ. По словамъ Демаре, Бонапартъ не могъ сомнѣваться, что Бер-

---

[1]) Bailleu, loc. cit., 81, рапортъ Луккезини отъ 28 апр. 1802 г.

[2]) M-me de Staël, Dix années d'exil, 57.

[3]) Письмо мэра Буасси-Сенъ-Леже къ Моро (Arch. guerre, Correspondance particul. de Moreau).

[4]) Arch. nat., рап. полиціи 10 флореаля IX г.

[5]) Reichardt, Un hiver à Paris sous le Consulat, 146.

[6]) Miot de Melito, Mémoires, II, 158.

[7]) Remacle, loc. cit., 29 rapp. du 10 juin 1802.

[8]) Arch. nat. (lettre du 15 prairial an X).

надотъ былъ въ этомъ дѣлѣ вдохновителемъ, быть можетъ, сообщникомъ, и что Моро, по крайней мѣрѣ, былъ посвященъ въ тайну [1]). Реформированные офицеры примѣшивали восхваленіе этого послѣдняго къ своимъ жалобамъ противъ правительства [2]). Въ своей враждѣ къ первому консулу они объявляли, что такъ какъ хотятъ возстановить монархію, то „пусть графъ де-Лиль пріѣзжаетъ сейчасъ же взять въ свои руки бразды правленія [3]). Даже консульская стража была не надежна. Въ Версали солдаты „держали дерзкія рѣчи противъ правительства и перваго консула“ [4]). Полиція замѣтила, что генералы Массена, Лекурбъ, Коло, Дюпонъ-Шомонъ, Моро жили по близости другъ отъ друга, между Вильневъ-Сенъ-Жоржъ, Гробуа и Меленъ, и что они имѣли частыя собранія въ Сенарскомъ лѣсу [5]). Республиканцы продолжали превозносить Моро и вели пропаганду въ его пользу, въ салонахъ, среди рабочихъ и между войсками парижскаго гарнизона [6]). Припоминали его успѣхи въ Германіи и его геройскія отступленія [7]). Съ аффектаціей противопоставляли его побѣды побѣдамъ Бонапарта; приводили отзывъ Карно: „Моро—единственный человѣкъ, способный стать во главѣ дѣлъ“ [8]).

Эти происки республиканской партіи безпокоили перваго консула, эти сравненія задѣвали его самолюбіе. Мюратъ, ненавидѣвшій Моро, старался „ежедневно возбуждать Бонапарта ядовитыми донесеніями; онъ, какъ слышно, сговорился съ префектомъ полиціи Дюбуа постоянно преслѣдовать его тревожными доносами“ [9]). Всеобщее уваженіе и вниманіе, которымъ пользовался Моро, раздражали перваго консула, который велѣлъ слѣдить за его поступками и его перепиской, наблюдать за его домомъ и друзьями, даже принимать мѣры къ прекращенію нѣкоторыхъ собраній, гдѣ бывалъ Моро, и гдѣ онъ находилъ много иностранцевъ, желавшихъ познакомиться съ нимъ [10]). Полковникъ Фуа, очень дружный съ Моро и заподозрѣнный въ интригованіи вмѣстѣ съ нимъ, едва не былъ арестованъ. Мармонъ, сообщающій

---

[1]) Demarest, Quinze ans de haute police sous le Consulat et l'Empire, 84. См. также Guillon, Les complots militaires sous le Consulat et l'Empire.

[2]) Ibid., rapp. du police du an X.

[3]) Arch. nat., рап. полиціи отъ 5 термидора X г.

[4]) Ibid., полиц. бюллетень отъ 2 вандемьера X г.

[5]) Ibid., рап. полиціи отъ 18 вандем. XI г.

[6]) Ibid., рап. отъ 2 и 13 вандем., 19 и 27 фримера, 17 плювіоза XI г.

[7]) Ibid., рап. отъ 14 нивоза XI г.

[8]) Ibid., рап. отъ 8 вантоза XI г.

[9]) M-me de Rémusat, Souvenirs, I, 303.

[10]) Arch. nat., рап. полиціи отъ 5 вантоза XI г.; Rémacle, loc. cit., 270 и 390; Fauriel, loc. cit., 104 и 107.

этотъ фактъ, увѣряетъ, что Фуа былъ спасенъ, только благодаря его заступничеству [1]).

Узнавъ, что капитанъ Рапатель, одинъ изъ близкихъ друзей Моро, замѣшанъ въ дѣло о пасквиляхъ, первый консулъ предписалъ министру полиціи потребовать объясненій у генерала. Моро отвѣчалъ „сдержанно, шутливымъ тономъ и показывалъ видъ, что находитъ смѣшнымъ этотъ дѣтскій разговоръ“ [2]). Фуше сдѣлалъ объ этомъ докладъ Бонапарту со всевозможнымъ смягченіемъ, которое ему внушала его дружба къ Моро. Тѣмъ не менѣе консулъ былъ сильно разгнѣванъ. По словамъ Демаре, онъ воскликнулъ: „надо положить конецъ этой борьбѣ! Несправедливо, чтобы Франція страдала, раздираемая между двумя человѣками... Если онъ считаетъ себя въ состояніи управлять... Бѣдная Франція!“

Онъ, будто бы, поручилъ Фуше предложить тому, кого онъ считалъ своимъ соперникомъ, дуэль въ Булонскомъ лѣсу. Министръ въ тотъ же вечеръ пригласилъ къ себѣ Моро, убѣждалъ его примириться и добился отъ него обѣщанія поѣхать на слѣдующій день въ Тюильри [3]). Моро исполнилъ свое обѣщаніе [4]) и былъ принятъ очень любезно, — „объ этомъ говорили какъ о событіи при дворѣ“ [5]).

IV.

Но вражда продолжала существовать. Чего Моро не могъ простить первому консулу, это—прогрессивное исчезновеніе республиканскихъ учрежденій, это—не прекращающіяся посягательства на свободу. Ему приписывали сужденіе, которое, если оно вѣрно передано, показываетъ истинную причину его оппозиціи. Въ одномъ салонѣ, гдѣ находился Моро, говорили по очереди о Лафайетѣ, о Бонапартѣ и о Вашингтонѣ. Моро, хранившій молчаніе при оцѣнкѣ двухъ первыхъ, высказался съ горячими похвалами о послѣднемъ. „Вамъ, значитъ, нравится Вашингтонъ?“ спросилъ у него кто-то изъ присутствующихъ.

---

[1]) Duc de Raguse, Mémoires, II, 21.
[2]) Desmarest, loc. cit., 84.
[3]) Ibid., 85—86.
[4]) Arch. nat., бюллетень полиц. префектуры отъ 16 вандем. XI года.
[5]) Desmarest, loc. cit., 86.

„Да,—отвѣтилъ онъ,—очень нравится, и я исполненъ удивленія къ нему, потому что въ завоеваніи свободы онъ не останавливался на полдорогѣ и не переходилъ къ угнетенію“ [1]).

Въ день 18 брюмера, Моро, по его словамъ, подчинился Бонапарту въ надеждѣ, что тотъ исполнитъ свои патріотическія обязанности; но, видя нарушеніе имъ всѣхъ своихъ обѣщаній, онъ отдалился [2]).

Въ дѣйствительности, Моро былъ гораздо менѣе опасенъ, чѣмъ это вообразилъ себѣ Бонапартъ. Правда, онъ, казалось, стоялъ во главѣ фрондеровъ [3]), но на самомъ дѣлѣ это скорѣе послѣдніе собирались вокругъ его имени и старались сдѣлать его своимъ вождемъ. „Вообще, — какъ справедливо говоритъ одинъ рапортъ полиціи, — всѣ люди партіи всегда имѣютъ въ виду человѣка, котораго они выставляютъ какъ своего патрона или покровителя и стараются навязать ему роль, о которой тотъ чаще всего и не догадывается“ [4]).

Нѣкоторая нерѣшительность, которую, вѣрно или нѣтъ, замѣтили у Моро въ его политическихъ мнѣніяхъ и чувствахъ, была причиной того, что на немъ сосредоточились надежды всѣхъ партій, за исключеніемъ якобинцевъ, которые считали его роялистомъ или готовымъ каждую минуту сдѣлаться таковымъ. Извращали его рѣчи; ему приписывали тайныя намѣренія и искусно начертанный планъ поведенія; даже называли опредѣленно цѣль, къ которой онъ будто бы стремился. Одни, полагая, что открыли секретъ его поведенія въ глумленіи, которое онъ, будто бы, позволялъ себѣ надъ патерами и конкордатомъ, не задумались помѣстить его въ число республиканцевъ, на которыхъ можно разсчитывать, и заранѣе смотрѣли на него, какъ на мстителя ихъ дѣла и возстановителя республики [5]). Его упорный отказъ войти въ составъ почетнаго легіона, насмѣшки по этому поводу, которыя ему приписывали, его презрительные отзывы о первомъ консулѣ, ка-

---

[1]) Remacle, loc. cit., рап. отъ 6 авг. 1802 г.

[2]) La Fayette, Mémoires, 209 (Бесѣда съ Моро): „Къ нему (Моро) были несправедливы, приписывая злобной зависти его возраставшую непріязнь къ Бонапарту... Онъ, несомнѣнно, былъ одушевленъ болѣе благородными побужденіями: негодованіе добродѣтельнаго гражданина, оскорбленнаго во всѣхъ своихъ чувствахъ, во всѣхъ вѣрованіяхъ—вотъ что господствовало надъ нимъ“ (Hyde de Neuville, Souvenirs, I, 487).

[3]) Remacle, loc. cit., рап. отъ 25 янв. 1803 г.

[4]) Arch. nat., рап. полиціи отъ 12 термидора IX г.

[5]) Remacle, loc. cit., рап. отъ 22 марта 1803 г.; Arch. nat., рап. 10 флореаля XI г.

залось, подтверждали это мнѣніе. Послушный, по мнѣнію другихъ, совѣтамъ своей честолюбивой жены и тещи интриганки, онъ дѣйствовалъ въ личныхъ интересахъ для своего собственнаго возвышенія. Наконецъ, въ такъ называемыхъ тогда, „старыхъ салонахъ“ циркулировала другая версія. Тамъ не сомнѣвались, что Моро составилъ проектъ возстановленія трона въ пользу претендента. Увѣряли, что онъ имѣетъ „непосредственныя и постоянныя сношенія съ Варшавой“; что собственными глазами видѣли присланныя ему инструкціи что знаютъ сдѣланныя ему обѣщанія. „Это область химеръ, писалъ одинъ роялистскій агентъ, болѣе осторожный [1]); для предупрежденія и глупости нѣтъ нелѣпыхъ химеръ“.

Въ самомъ дѣлѣ, хотя полиція обратила вниманіе на присутствіе въ имѣніи Гробуа „бывшихъ вандейцевъ и эмигрантовъ“ [2]), можно считать внѣ всякаго сомнѣнія, что до того времени Моро никогда не имѣлъ никакихъ сношеній и ни дѣлалъ никакихъ шаговъ, которые могли бы давать роялистамъ право на малѣйшую надежду въ отношеніи его.

Бонапартъ старался впослѣдствіи выставить Моро приверженцемъ Бурбоновъ, измѣнявшимъ Франціи уже съ 1795 г. [3]). Редакторъ мемуаровъ Барраса справедливо называетъ это обвиненіе „чудовищной клеветой“ [4]); тѣмъ не менѣе, послѣдній біографъ Моро снова воспроизводитъ его [5]), и одинъ довольно извѣстный писатель этимъ же объясняетъ нѣкоторую медленность въ операціяхъ армій, которыми коман-

---

[1]) Remacle, loc. cit., 238, рап. 25 янв. 1803 г.

Разсказывали, будто однажды за обѣдомъ, чтобы выразить своему повару свое удовольствіе за восхитительный пастетъ, Моро провозгласилъ его „кавалеромъ кастрюли“. (Remacle, 238—239).—Ср. général de Bonneval, Mémoire-anecdotiques, 17.

Рейхардтъ считаетъ эту исторію „сомнительной“: она не соотвѣтствуетъ, говоритъ онъ, ни складу ума, ни спокойнымъ манерамъ Моро. По его мнѣнію, это просто выдумка той категоріи людей, которые всегда готовы разжигать тлѣющій огонь. (Loc. cit., 404—405).

[2]) Remacle, loc. cit., рап. отъ 22 марта 1803 г.

Arch. nat., рап. 10 вантоза XI г.; Ibid., рап. 6 вандемьера XII г.

[3]) Mongaillard, Mémoires secrets, 45 и т. д.—Huon de Penanster увѣряетъ, что эта брошюра была написана въ XII г. по приказанію перваго консула (Une conspiration en l'an XI et XII, 193), что, повидимому, вѣрно. Монгальяръ предлагаетъ подвергнуться какому угодно испытанію... Онъ дастъ всѣ ручательства, какія въ его власти.“ (Note au ministre de la police générale du 9 messidor an IX, Arch. nat.). — См. также Pichegru et Moreau, Paris, an XII.

[4]) Barras, Mémoires, II, 155.

[5]) Dontenville, le général Moreau, стр. 59 и слѣд.

довалъ Моро. „Теперь, говоритъ онъ, въ преданности Пишегрю и Моро королевскому дѣлу никто уже не сомнѣвается. Неизвѣстно только въ точности, когда они перешли со службы республики на службу легитимизма“ [1]).

Многія достовѣрныя свидѣтельства опровергаютъ это утвержденіе, не подкрѣпляемое никакими доказательствами. Моро не только не былъ преданъ Бурбонамъ или даже не питалъ къ нимъ въ душѣ симпатіи, но, напротивъ, по словамъ Демаре, ненавидѣлъ ихъ [2]), выражался о нихъ „съ глубочайшимъ презрѣніемъ“ [3]), называлъ ихъ „глупцами и трусами“ [4]). Гайдъ-де-Невиль, водившій съ нимъ знакомство въ Америкѣ, говоритъ, что ему никогда не удавалось разрушить у Моро „сильныя предубѣжденія противъ Бурбоновъ [5]). Сама м-мъ Моро не могла, по словамъ Демаре, побѣдить „отвращеніе къ нимъ у своего мужа“ [6]). Одинъ проницательный роялистскій агентъ не ошибался, впрочемъ, на счетъ истинныхъ мнѣній Моро и объявилъ „вымышленными“ его мнимыя сношенія съ Фошъ-Борелемъ [7]).

Вѣрно то, что Моро, горячо защищавшій дѣло революціи, остался республиканцемъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ, онъ „рѣзко оборвалъ Невиля (Hyde-de-Neuville), когда тотъ, однажды, за обѣдомъ у него сталъ говорить противъ революціи“ [8]). Впрочемъ, и Людовикъ XVIII такъ же судилъ о Моро, если вѣрить Лафайету. Когда его стали восхвалять, король отвѣтилъ: „все это прекрасно, но на самомъ дѣлѣ онъ былъ республиканецъ, и смерть его не такъ прискорбна, какъ полагаютъ“ [9]).

---

[1]) Général Pelet, Mémoires sur la guerre de 1809 en Allemagne II, 309 — 310.

[2]) Desmarest, loc. cit., 102.

[3]) Arch. nat., „свѣдѣнія о французахъ, живущихъ нынѣ въ Америкѣ“.

[4]) Агентъ, сообщающій эти отзывы, слышалъ ихъ изъ устъ самого Моро.

[5]) Hyde de Neuville, Mémoires, I, 486.—Ср. d'Allonville, IV, 93.

[6]) Desmarest, loc. cit., 110. Демаре говоритъ, что у него есть письмо м-мъ Моро къ ея мужу по этому предмету.—Наполеонъ подтверждаетъ этотъ фактъ: „въ октябрѣ 1813 г. почта изъ главной квартиры арміи въ Богеміи была перехвачена, и всѣ бумаги Моро были забраны. Генералъ Рапатель, его адъютантъ и землякъ, пересылалъ м-мъ Моро его бумаги; она упрекала его во всѣхъ своихъ письмахъ за его отдаленіе отъ Бурбоновъ... за его революціонные предразсудки“... (Montholon, Mémoires, I, 50).

[7]) Remacle, loc. cit., 74—75; рапортъ отъ 26 іюля 1802 г.; Ibid., 123, рап. отъ 19 сент. 1802 г.

[8]) Arch. nat. dossier 2796.

[9]) La Fayette, loc. cit., 214.

Но въ политикѣ, какъ и въ стратегіи, Моро былъ умѣреннымъ. Впрочемъ, по словамъ Невиля, онъ и не придавалъ политикѣ большаго значенія, считая ее гораздо ниже военнаго искусства [1]).

По словамъ Форьеля, число людей, съ которыми онъ симпатизировалъ по своимъ политическимъ чувствамъ, сводилось къ пяти или шести членамъ меньшинства сената; сношенія же онъ имѣлъ только съ двумя или тремя изъ нихъ, да и эти сношенія ограничивались безплодными пожеланіями лучшаго положенія дѣлъ. Ни Моро, ни его друзья не имѣли опредѣленнаго плана, чтобы противодѣйствовать намѣреніямъ Бонапарта, или разрушить то, что онъ уже воздвигъ. „Они не имѣли для этого средствъ, какъ и смѣлости, и въ этихъ сношеніяхъ, которыя могли казаться Бонапарту заговорами только подъ вліяніемъ сознанія, что онъ естественно долженъ былъ вызывать законную оппозицію своими проектами и своимъ поведеніемъ,... не тотъ выказывалъ наименѣе нерѣшительности и слабости, кто выигрывалъ битвы“ [2]). Разсужденіе одного роялистскаго агента могло бы успокоить перваго консула: „что должно бы, писалъ этотъ агентъ, убѣдить, что у Моро нѣтъ никакого замысла, это его открытое поведеніе: такъ явно выставляться напоказъ не соотвѣтствуетъ политикѣ вождя заговора“ [3]). И самъ Моро не преминулъ выставить этотъ аргументъ въ рѣчи, произнесенной имъ во время его процесса:

„Развѣ конспираторы осуждаютъ такъ открыто неодобряемое ими? Такая откровенность не согласуется съ тайнами и покушеніями политики. Если бы я задумалъ и преслѣдовалъ конспиративные планы, я, конечно, скрывалъ бы свои чувства и добивался бы всѣхъ тѣхъ должностей, которыя бы вновь поставили меня среди силъ націи. Чтобы начертать себѣ этотъ путь, за неимѣніемъ политическаго генія, котораго у меня никогда не было, я имѣлъ передъ глазами общеизвѣстные, увѣнчавшіеся успѣхомъ, историческіе примѣры. Я зналъ, можетъ быть, что Монкъ не удалился отъ арміи, когда задумалъ составить заговоръ; и что Кассій и Брутъ приблизились къ сердцу Цезаря, чтобы пронзить его“ [4]).

На всѣ дѣлаемыя ему предложенія Моро отвѣчалъ, что онъ не хочетъ ни во что вмѣшиваться, и что онъ приберегаетъ свою шпагу и свою жизнь для защиты отечества, если того когда-либо потре-

---

[1]) Hyde de Neuville, loc. cit., I, 486.
[2]) Fauriel, loc. cit., 106.
[3]) Remacle, loc. cit., 235.
[4]) Процессъ Жоржа Пишегрю и др., VII, 381—382.

буютъ обстоятельства. Онъ упорно пребывалъ въ оппозиціи, но, такъ сказать, „по инерціи“. Бернадотъ, имѣвшій съ нимъ продолжительныя бесѣды у м-мъ Рекамье, не могъ уговорить его „сдѣлать какой-либо починъ“. Извѣстно, какъ окончился, въ слѣдующемъ году, все болѣе и болѣе усиливавшійся раздоръ между Бонапартомъ и генераломъ Моро.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Редакторъ-Издатель С. Зыковъ.

О подпискѣ въ 1906 г. на изданіе Сергѣя Шарапова.

ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Русское дѣло и въ текущемъ 1906 году такъ же мужественно будетъ идти противъ революціоннаго потока, такъ же стойко защищать національную, земскую и общественную свободу, такъ же страстно выяснять народные идеалы и вѣрованія, такъ же безпощадно разоблачать всякую ложь и обманъ, откуда бы таковые ни шли и какими бы громкими фразами ни прикрывались. Теперь, въ критическій моментъ для родины, особенно важно и дорого искреннее, независимое и **ТРЕЗВОЕ** слово правды. И если ранѣе мы не склоняли своего знамени передъ темной и злой силой бюрократическаго произвола и насилія, то тѣмъ болѣе не подчинимся ни деспотизму кружковъ, ни террору улицы.

Газета будетъ выходить **ПОКА** еженедѣльно. Принимаемъ всѣ мѣры къ скорѣйшему переходу на ежедневную. **УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ** не измѣнятся: Годъ **8** р., 1/2 года **4** р., 3 мѣсяца **2** р. съ дост. и перес.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Пахарь останется въ 1906 году тѣмъ же политическимъ и сельско-хоз. **ДЕШЕВЫМЪ** ежемѣсячнымъ народнымъ изданіемъ. Его задача—возводить въ сознаніе и укрѣплять чувства высокаго и чистаго народнаго патріотизма, сплачивать и организовывать православную сельскую Русь и уяснять ей ея собственные идеалы правды, свободы, порядка и русской государственности. Въ сел.-хоз. отдѣлѣ будутъ общедоступн. статьи по улучшенію всѣхъ отраслей земледѣльч. культуры, мелкихъ технич. производствъ. **БЕЗПЛАТНО** будутъ разосланы **ДВѢ ПРЕМІИ:** 1) книга С. Ѳ. Шарапова **„РОССІЯ БУДУЩАГО“** и 2) **„ПРОЕКТЫ НОВЫХЪ КРЕСТЬЯНСКИХЪ ДЕШЕВЫХЪ ПОСТРОЕКЪ“.**

1 рубль въ годъ съ дост. и перес.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за 12 книжекъ журнала со всѣми преміями и приложеніями съ доставкой и пересылкой **ОДИНЪ РУБЛЬ.** Въ книжныхъ магазинахъ 1 р. и 10 к. въ пользу магазина. Наложеннымъ платежомъ (на 1-ю книжку) 1 р. 20 коп. На другіе сроки подписка не принимается.

Полный комплектъ „Пахаря“ за 1905 годъ съ безплатными преміями: 1) книгою „Крестьянское самоуправленіе“ и „Чертежомъ сибирскаго привода „Вороба“ къ молотилкѣ“ высылается за 1 руб.

Контора и редакція обоихъ изданій въ Москвѣ, Скатертный пер., домъ Московскаго Домостроительнаго Общества.

Въ С.-Петербургѣ Отдѣленіе конторы у д-ра А. И. Дубровина (Изм. полкъ, 4-я рота, д. 6).

Редакторъ-издатель **Сергѣй Шараповъ.**

повсюду составляли главную причину быстраго и повсемѣстнаго распространенія заразы и чрезвычайной продолжительности ея. Это была первая достовѣрная чумная эпидемія. Послѣдняя чума была въ Одессѣ въ 1902 г. Больнымъ впрыскивалась сыворотка Yersin'a, и результаты лѣченія были въ высшей степени благопріятны. Судя по послѣднимъ появленіямъ этой болѣзни,—говоритъ въ заключеніе авторъ,—можно сказать, что въ будущемъ намъ уже нечего бояться ея.

Избранныя сочиненія Т. Н. Грановскаго. Москва. Редакція В. А. Соколова, изданіе В. В. Думнова. Ц. 75 к.

4-го октября 1905 года исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня кончины Тимоѳея Николаевича Грановскаго, одного изъ виднѣйшихъ представителей знаменитой плеяды людей сороковыхъ годовъ. Какъ извѣстно, Грановскій занималъ каѳедру всеобщей исторіи въ Московскомъ университетѣ; но дѣятельность и вліяніе его простирались далеко за предѣлы университетской аудиторіи: онъ любилъ выступать со своимъ вдохновеннымъ убѣжденнымъ словомъ и передъ болѣе широкими общественными кругами, которые платили ему за эти уроки исключительнымъ уваженіемъ и восторженною любовью.

За протекшія пятьдесятъ лѣтъ русская историческая наука ушла далеко впередъ, и, можетъ быть, нѣкоторыя научныя воззрѣнія и выводы Грановскаго утратили часть своей прямой, непосредственной цѣнности. Но Тимоѳей Николаевичъ дорогъ русскому обществу не только какъ ученый, но главнымъ образомъ — какъ передовой боецъ за лучшія начала человѣческой жизни, и если, можетъ быть, за это время, съ накопленіемъ новыхъ историческихъ матеріаловъ и изслѣдованій,—устарѣла нѣсколько фактическая сторона его трудовъ, то мысли, которыми они проникнуты, по-прежнему сохраняютъ вѣчно-юную, неувядаемую силу, такъ какъ въ нихъ яркимъ лучемъ горятъ безсмертные идеалы правды, добра, любви и красоты.

Сочиненія Грановскаго выдержали уже четыре изданія, при чемъ въ нихъ было собрано все, что осталось послѣ него—и ученыя монографіи, и публичныя лекціи, и журнальныя статьи, и даже проектъ и наброски учебника исторіи. Въ расматриваемое нами общедоступное изданіе вошли избранныя его сочиненія, предназначавшіяся самимъ авторомъ для болѣе обширныхъ слоевъ общества, а не только для университетской каѳедры и спеціалистовъ-историковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы ярче освѣтить въ памяти читателей благородный образъ Грановскаго, — здѣсь помѣщены отзывы о немъ двухъ его современниковъ: его друга и наслѣдника по каѳедрѣ, проф. П. Н. Кудрявцева, и знаменитаго писателя нашего И. С. Тургенева.

На первомъ планѣ напечатана рѣчь Грановскаго о современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи, произнесенная имъ въ торжественномъ собраніи Московскаго университета 12 января 1852 г. Затѣмъ помѣщены четыре историческія характеристики (Тимуръ, Александръ Великій, Людовикъ IX, и Бэконъ). Далѣе слѣдуютъ характеристики: Боарда, этого рыцаря безъ страха и упрека, и Петра Рамуса, одного изъ самыхъ замѣчательныхъ людей XVI вѣка. Вслѣдъ за упомянутыми характеристиками читатель найдетъ преданія о Карлѣ Великомъ: 1) Карлъ и Дезидерій Лангобардскій; 2) Карлъ Великій и змѣя и 3) Возвратъ короля Карла изъ Венгріи. Затѣмъ слѣдуютъ пѣсни Эдды о Нифлунгахъ и въ заключеніе: „Ослабленіе классическаго преподаванія въ гимназіяхъ и неизбѣжныя послѣдствія этой перемѣны".

По внѣшности книга издана изящно, назначенная за нее цѣна не велика.

Князь В. П. Максутовъ. Исторія древняго востока. Культурно-политическая и военная съ отдаленнѣйшихъ временъ до эпохи македонскаго завоеванія. Ассиро-Халдея и Персія. Томъ II. Книги V—VIII. Цѣна 5 р.

Второй томъ капитальнаго труда кн. Максутова состоитъ изъ четырехъ книгъ, изъ которыхъ первыя двѣ отведены Ассиро-Халдеѣ, а послѣднія двѣ—Персіи.

Въ пятой книгѣ, прежде всего, помѣщены свѣдѣнія по географіи Ассиро-Халдеи и ея населеніи; далѣе разсматриваются: администрація и право, религія, письменность и литература, науки (астрономія, математика, медицина и магія, философія, механика и гидравлическія сооруженія); искусство—архитектура, скульптура, живопись и музыка; военное искусство, городское хозяйство, соціальное положеніе народа и его домашній бытъ.

Шестая книга заключаетъ въ себѣ собственно исторію Ассиро-Халдеи, начиная съ древнехалдейскаго царства и кончая паденіемъ Вавилона.

Изложеніе седьмой книги начинается съ географическаго очерка Персіи; затѣмъ авторъ говоритъ о населеніи Ирана, подробно разбираетъ религію, администрацію и право. Сказавъ о наукѣ и письменности, подробно останавливается на военномъ искусствѣ (организація арміи, вооруженіе и снаряженіе, тактика, фортификація, стратегія и путь завоеваній, морское дѣло). Не мало мѣста отведено кн. Максутовымъ городскому хозяйству (ремесло и промышленность, торговля, денежное хозяйство). Въ послѣднихъ двухъ главахъ разсматривается соціальный вопросъ и домашній бытъ.

Восьмая книга посвящена исторіи Персіи и раздѣляется на три главы; первая обнимаетъ собою мидійскій періодъ; вторая заключаетъ въ себѣ эпоху 550—400 годовъ (Киръ, Камбизъ, самозванецъ Гаумата, Дарій I, Ксерксъ, Артаксеркъ I, Дарій II). Третья глава отведена послѣднимъ Ахеменидамъ (Артаксеркъ II, Артаксеркъ III Охъ, Дарій III). Въ заключеніе авторъ выясняетъ значеніе Персіи.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1906 г.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☞ Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина“**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину“** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1905 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

«МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ»,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **С. Зыковъ.**

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московского Совета
Профессиональных Союзов.

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.